

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

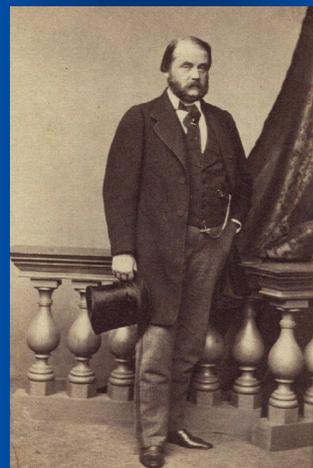
12+

№3 (96)
ИЮНЬ

2022

Подписка в редакции
на 2-е полугодие 2022 г.

Цена подписки:
1 номер – 140 руб.
3 номера – 420 руб.

Гончарову посвящается.
К 210-летию со дня рождения
писателя

стр. 4

«Слово о Победе».
Презентация сборника
ульяновских писателей

стр. 26

День памяти Н.М. Карамзина
стр. 51

Песня за песней.
Итоги молодежного конкурса
«Первая роса»

стр. 97

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции: 41-04-32

Подписано в печать 17.06.2022 г.
Дата выхода 24.06.2022 г.
Тираж 700 экз. Заказ №282

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №3 (96), 2022

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Борис Склярук. Медунца.
На обороте обложки: Дом Гончарова.
(Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова).
Фото Владимира Ламзина.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Сибирский» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб. 104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку
на II полугодие 2022 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Слово редактора. Дух Родины	3
С любовью ко всему родному	
Антонина Лобкарева. Гончаров и Минаевы	4
Ирина Смирнова. Попытаемся быть счастливыми, несмотря на этот мир, который крутится наоборот	8
Ирина Маршалова. Образы Гончарова и Григоровича в работах скульптора И. Замедянского	12
Литературное наследие	
Любовь Сапченко. Карамзин: последние дни	15
Страницы книги «Хроника петербургского периода жизни Н.М. Карамзина»	16
Дороги памяти военной	
Ольга Даранова. Без этой веры и любви мы не смогли бы выстоять.....	24
«Слово о Победе». Презентация сборника ульяновских писателей.....	26
Михаил Байгушкин. Интересное письмо. Рассказ фронтовика	28
Архив	
Валентина Костягина. Художник и время	31
Книжная полка	
О жизни, о поэзии, о творческом пути. Презентация книги Лидолии Никитиной.....	37
Марина Субина. Ни дня без строчки.....	39
Глубинка	
Николай Ларионов. Костер посреди поля	41
Соло	
Евгения Изварина. Письма от руки. Стихи.....	44
Под сенью дружных муз	
Мне 300 лет. Федор Конюхов. Выставка в музее народного творчества	47
Путешествие длиною в жизнь. Картины Федора Конюхова	49
День памяти Н.М. Карамзина	51
И всё же всё вокруг – любовь. Вечер журнала «Сибирский»	52
Пушкинский день в Языкове	54-55
Дух Родины	56
Последняя точка. Выставка картин Бориса Склярюка	57
Страна поэзия	
Николай Марянин. Из новых стихов.....	60
Марина Шкробова-Верналис. Стучащему – откроется!	65
Житейские истории	
Виталий Богомолов. Жизнь мимо жизни	68
Дорога к храму	
Светлана Нефедова. Благодать Оптиной пустыни	77
Юбилей	
Анатолий Марасов. О любви.....	80
Счастье жить. Интервью с Зоей Самсоновой	85
Актриса. День юбилея. Фоторепортаж Павла Шалагина	89
Крыло судьбы. Картины Сергея Филиппова.....	94
Молодые голоса	
Итоги конкурса «Первая роса».....	97
Жизнь хрупка, словно танец камней. Стихи лауреатов конкурса	99
Ирина Родионова. Чудо подкованное. Рассказ	101
Сергей Николаев. Литературный клуб «Логос»	105
Черемшан	
Лера Нерослова. Стихи.....	107
Дарья Машкова (Small Dreamer). Стихи	109
Река воспоминаний	
Владимир Янушевский. Слова, слова, слова.....	110
Фэзты	
Сергей Изуграфов (Зазимко). Выбор Ариадны. Страницы книги	126
Лукоморье	
Светлана Гладышева. В моем доме	129
Новости программы «ЮНЕСКО»	132
Юбилейный календарь.....	134

ДУХ РОДИНЫ

В литературном календаре июня – много дат, посвященных писателям-классикам:

День памяти Н.М. Карамзина, Пушкинский день России, юбилей И.А. Гончарова.

На страницах журнала мы рассказываем о том, как отмечались эти события в нашем крае, публикуем тематические материалы.

Открывает номер раздел, посвященный 210-летию со дня рождения Ивана Александровича Гончарова. Авторы публикаций – научные сотрудники Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова. Ирина Смирнова цитирует письмо одного из французских потомков Гончарова Романа Симона, он писал: «Попытаемся быть счастливыми, несмотря на этот мир, который крутится наоборот».

В рубрике «Литературное наследие» Любовь Сапченко знакомит читателей с недавно вышедшей книгой «Хроники петербургского периода жизни Н.М. Карамзина».

В июне в Языковском парке по традиции состоялся пушкинский праздник. В нем приняли участие и ульяновские литераторы. А в Ульяновске в день рождения великого русского поэта жители города, культурная общественность, сотрудники литературного музея «Дом Языковых» возложили цветы к памятнику А.С. Пушкину. В этот день снова и снова звучали пушкинские стихи.

О недавно вышедшем сборнике ульяновских писателей «Слово о Победе» рассказывает Ольга Даранова. Во Дворце книги состоялась презентация сборника с участием его авторов. Воспоминания о войне – в рассказе фронтовика Михаила Байгушкина «Интересное письмо».

В рубрике «Архив» публикуем очерк Валентины Костягиной о Дмитрие Архангельском и художнике Сергее Калмыкове. Маргарита Смирнова рассказывает о недавно состоявшейся в музее народного творчества выставке картин известного путешественника Федора Конюхова. В мае в картинной галерее Союза художников экспонировалась выставка, приуроченная к 85-летию со дня рождения Бориса Склярука (1937–2021). Читайте публикацию об этом событии. Представляем также творчество молодого художника Сергея Филиппова.

На поэтических страницах журнала – стихи Николая Марянина, Марины Шкробовой – Верналис, Евгении Извариной. В рубрике «Дорога к храму» – записки Светланы Нефедовой о поездке в Оптину пустынь.

В разделе «Книжная полка» рассказываем о книге Лидолии Никитиной «Зеркала былого», презентация которой состоялась в библиотеке №8. Проза номера представлена рассказами Виталия Богомолова и Николая Ларионова. Продолжаем публикацию воспоминаний Владимира Янушевского «Слова, слова, слова». Публикуем итоги конкурса «Первая роса» и работы лауреатов. Год назад начал свою работу молодежный литературный клуб «Логос», заметки Сергея Николаева об этом творческом объединении. В рубрике «Черемшан» – стихи молодых авторов из Димитровграда.

В разделе «Юбилей» публикуем страницы философской прозы Анатолия Марасова «О любви». Поздравляем Анатолия Николаевича Марасова, писателя, биолога, педагога с юбилеем! Желаем добра и гармонии!

Недавно в Ульяновском театре драмы состоялся юбилейный вечер народной артистки России Зои Самсоновой. На страницах журнала – интервью с актрисой, а также фоторепортаж о дне юбилея.

Представляем автора детективных романов из Петербурга Сергея Изуграфова (Зазимко). Читайте отрывок из его книги «Выбор Ариадны».

В рубрике «Лукоморье» – стихи для детей Светланы Гладышевой. Завершают номер новости программы ЮНЕСКО, а также «Юбилейный календарь».

На обложке журнала, на цветных страницах – картины Бориса Склярука, а там – милые сердцу незатейливые лесные цветы, родные пейзажи. Всё, что так трепетно любит душа. Картинам так созвучны строки стихов Николая Марянина:

«И снова там, где у плетня
кусты черёмухи в цвету,
дух малой родины меня
крылом коснётся на лету...»

Елена КУВШИННИКОВА

Антонина ЛОБКАРЁВА, старший научный сотрудник ИМЦМ И.А. Гончарова

ГОНЧАРОВЫ И МИНАЕВЫ

Повторяя изгиб Волги, пересекаются две улицы нашего города, названные в честь писателей Гончарова и Минаева. Улица Гончарова носит имя автора всемирно известного романа «Обломов». А в названии улицы Минаева закодированы имена двух писателей: отца и сына – Дмитрия Ивановича и Дмитрия Дмитриевича Минаевых. Гончарова и Минаевых объединяет не только название соседних улиц в родном городе, но и время, в которое они жили, будучи современниками.

Взаимоотношения писателей-современников имеют особую важность. Они воссоздают живой облик писателя-художника и дают возможность представить не только духовно-интеллектуальный климат времени, но и панораму литературной жизни России, живой нерв литературного процесса.

В истории семей Гончаровых и Минаевых есть похожие факты. И Гончаровы, и Минаевы не были коренными симбирянами. Нет документального подтверждения, когда Гончаровы поселились в Симбирске. Ю.М. Алексеева высказала предположение, что это произошло в самом начале XVIII века. Что касается Минаевых, известно, что они осели в Симбирске в 1793 году, когда Иван Матвеевич Минаев получил назначение в Симбирскую губернскую роту.

Гончаровы и Минаевы происходили из одного сословия – военного, были «служилыми старых служб». Мы можем сказать, что представители этих семей отличались деловитостью и предприимчивостью. Они воспользовались возможностью, представленной временем и ситуацией, чтобы изменить социальное положение, своё и своих потомков.

Известные сегодня архивные документы свидетельствуют, что прадед Гончарова солдат Иван Лаврентьевич служил в конце XVII – начале XVIII века. Он являлся «служилым старых служб». Таким образом, служба прапрадеда Гончарова – Лаврентия – падает на 1670-е годы, а неизвестного нам прапрапрадеда – на середину богатого военными событиями XVII века. Иван Лаврентьевич Гончаров дожил до глубокой старости и умер 20 апреля 1767 года. По некоторым сведениям он, кроме службы, ещё занимался торговлей в Симбирске.

Дед писателя Иван Иванович Гончаров родился в Симбирске в 1710 году, одно время служил подъячим, 16 апреля 1733 года был взят на службу в Сергеевский ландмилицкий драгунский полк писарем. Полк формировался в Симбирске в связи с созданием Новой Закамской линии. Иван Иванович получил офицерский чин, в разные годы был комендантом Магнитной и Танальцкой крепостей в Оренбуржье.

Отец писателя, Александр Иванович Гончаров, родился 22 августа 1754 года, в то время, когда отец его имел уже капитанский чин, служил комендантом Таналыцкой крепости, а вскоре и совсем вышел в отставку.

Известно, что Александр Иванович, хотя и являлся сыном военного, но сам всю жизнь занимался торговлей и был приписан к симбирскому купеческому сословию. Племянник писателя А.Н. Гончаров в своих воспоминаниях сообщает, что Александр Иванович «занимался... хлебной торговлей и, кажется, имел амбары для ссыпки хлеба в Симбирске, под горой, на берегу Волги». Сохранился документ о наличии у Александра Ивановича Гончарова свечного завода, «каменного, по производству сальных свеч, с тремя рабочими, в первой части Симбирска».

Если родословная Гончаровых в той или иной мере известна со второй половины XVII века, то родословную Минаевых мы можем проследить только с конца XVIII века. Отец Дмитрия Ивановича, Иван Матвеевич Минаев, в 1773 году, как значится в официальных документах, «вступил из солдатских детей в Рязанский карабинерский полк солдатом». В последующем он служил в Оренбургском драгунском полку, где получил чин поручика, что давало ему право на дворянство. Назначение в 1793 году в Симбирскую губернскую роту сделало Ивана Матвеевича симбирянином. Здесь он женился на Ирине Ивановне Карташовой, дочери купца-садовода, вышел в отставку. Вскоре поступил на гражданскую службу, на должность секретаря губернского депутатского собрания.

Таким образом, предки Гончаровых и Минаевых в разные годы служили в Оренбуржье, дослужились до офицерских званий, что давало право на дворянство. Гончаровы не закрепили это право документально. Минаевы же оформили свое право на дворянство, и об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в департаменте герольдии Правительствующего сената в РГИА в Петербурге.¹

Дмитрий Иванович Минаев (1803–1876) родился в Симбирске. По окончании Симбирской мужской гимназии он продолжил образование в Петербургском учебном сапёрном батальоне, откуда в 1826 году вышел прапорщиком и до 1833 года служил в 3-м морском полку. Затем проходил службу в Симбирске, Оренбурге и Петербурге. В 1867 году в чине подполковника вышел в отставку.

В 1839 г. Д.И. Минаев начал печатать свои стихи в столичных журналах и альманахах. Стихи

*Д.И. Минаев.
Фото Визенберга.
1860-е годы*

*И.А. Гончаров. Фото М. Тулинова.
1861 г. И.А. Гончаров*

Д.И. Минаева были типичны для эпохи: здесь и фольклорная стилизация, и трактованная с некоторой помпезностью военно-патриотическая тема, и описание мировых катаклизмов.

В 1846 году он опубликовал перевод «Слова о полку Игореве» отдельным изданием. И с точки зрения переводческой практики «Слова о полку Игореве», и с точки зрения собственно поэтической перевод Минаева вызвал прямо противоположные оценки: от восторженных до резко отрицательных. Однако появление этого перевода имело большое значение в возрождении среди читающей публики интереса к «Слову». И не случайно Аполлон Майков, наиболее суровый критик Минаева, писал в своей рецензии, что книга Минаева «не что иное, как протест одного из ревностнейших приверженцев „Слова“ против того равнодушия, с которым смотрят в наше время на этот остаток русской старины».

Перевод «Слова о полку Игореве» посвящен Николаю Александровичу Гончарову. В какой-то степени посвящение принесло известность Николаю Гончарову на год раньше, чем Ивану Гончарову, который «Обыкновенную историю» опубликовал в 1847 году.

Посвящение Николаю Александровичу Гончарову, несомненно, свидетельствует о добрых дружеских отношениях между братом писателя и Дмитрием Ивановичем. Но это посвящение может также свидетельствовать о том, что Николай Александрович мог помогать Минаеву в работе над «Словом». По воспоминаниям известно, что он был знатоком древнерусской литературы и языка. О дружбе

Дмитрия Ивановича Минаева и Николая Александровича Гончарова рассказывает в своих дневниках Николай Гаврилович Чернышевский. Общеизвестно, что в 1851 году Минаев, Гончаров и Чернышевский вместе возвращались из Петербурга. В своих дневниках Чернышевский писал: «Дорогою все рассуждали между собою о коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии в духе Штрауса и Фейербаха».

Сын Минаева Дмитрий Дмитриевич в своей «Губернской фотографии» дал Николаю Гончарову нелестную, но образную и выразительную характеристику.

И Фейербахом мозг разжижа,
Всегда рассеян и здоров,
Лишь страждет умственной грыжей
Неизлечимый Гончаров.

О взаимоотношениях Дмитрия Ивановича Минаева с Иваном Александровичем Гончаровым сохранилось очень мало документальных свидетельств. Конечно, они с детских лет знали друг друга. Их знакомство могло продолжаться и в Петербурге. С 1847 по 1851 год семья Минаевых жила в Петербурге в связи с назначением Дмитрия Ивановича смотрителем Измайловского магазина, т.е. интендантского склада. В эти годы Минаев часто бывал в кружке Иринарха Ивановича Введенского (1821–1828) – профессора, критика и переводчика. Введенский – выдающийся человек своего времени. Сын саратовского священника, он приобрел много усилий, чтобы получить блестящее образование. Введенский в совершенстве владел несколькими европейскими языками, и это позволило ему перевести произведения многих писателей. Известно, что Иринарх Иванович переписывался с Чарльзом Диккенсом. М.П. Погодин считал Введенского отцом русского нигилизма.

Введенский был близко знаком с Валерьяном Майковым, учеником И.А. Гончарова. По сути дела, Гончаров и Минаев в Петербурге вращались в одной среде. Гончаров вспоминал время 40-х годов XIX века в очерке «Необыкновенная история»: «...Я жил в тесном кругу, обращался часто с литераторами, и с одними ими, и сам принадлежал к их числу, то, конечно, мне лучше и ближе видно было то, что совершалось в литературе: как мысли – о свободе проводились здесь (Петербург) и в Москве Белинским, Герценом, Грановским и всеми литературными силами совокупно, проникали через журналы в общество, в массу, как расходились и развивались эти добрые семена...» В 1851 году Минаевы вернулись в Симбирск.

Вскоре после того, как Иван Александрович Гончаров поступил на службу в комитет цензуры, он цензурирует произведение Дмитрия Ивановича Минаева. Как свидетельствуют сохранившиеся документы, в мае 1856 года Гончаров одобряет к печати первую тетрадь рукописи Д.И. Минаева «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях». Вторую тетрадь представляет на рассмотрение духовной цензуры. Её печать была одобрена 2 июля того же года². Ещё раньше, в письме к брату от 21 апреля 1857 года, Гончаров сообщает, что рукопись Д.И. Минаева «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях» уже подписана к печати и передана в цензурный комитет. В своём цензурном рапорте об этой рукописи Гончаров отметил следующее: «Автор предпринял изобразить частный быт славян и русских с древнейших времён посредством народных преданий, поверьев, пословиц и песен. Между прочим он упоминает о том, как некоторые языческие поверья со введением христианской религии заменились другими, заимствованными из православия; по принятому в Комитете правилу казалось бы нужным препроводить рукопись на рассмотрение духовной цензуры». Немного позже Гончаров дал не сопровождаемое отзывом разрешение на выпуск второй части этой книги. Она была издана двумя брошюрами в Симбирске в 1857 году. Продолжение книги осталось в рукописи и сейчас хранится в РГАЛИ.

Составленный Д.И. Минаевым сборник народных песен, пословиц, преданий стал частью общего интереса к фольклору, характерного для русского общества первой половины и середины XIX века. Это время активной деятельности таких выдающихся собирателей фольклора, как братья Киреевские, Языковы, Даль. Параллельно с собиранием идёт процесс осмысления народного творчества, вырабатывается методика использования фольклорного материала как части исторической науки. Другие свидетельства о взаимоотношениях И.А. Гончарова и Д.И. Минаева неизвестны.

Сын Дмитрия Ивановича Минаева – Дмитрий (1835–1889) – поэт-сатирик, пародист, драматург, фельетонист, переводчик, активный участник общественно-литературного движения 1860–1870-х годов – несомненно, заметная фигура в русской литературе этого времени.

О взаимоотношениях Дмитрия Дмитриевича Минаева и Ивана Александровича Гончарова можно привести несколько фактов, которые сохранились в воспоминаниях и письмах современников.

Сигизмунд Феликсович Либрович вспоминал, что и Гончаров, и Минаев часто бывали в «почти клубе». Его ещё часто называли «Маврикиева каморка», т.е. небольшое помещение, отделённое от книжного магазина Маврикия Вольфа. Это помещение служило Вольфу деловым кабинетом. По вечерам, а нередко и днём, этот чисто деловой кабинет превращался в место собрания петербургских литераторов всех рангов, всех течений и направлений. Либрович отмечал, что «Молчаливый обыкновенно Гончаров редко пускался в суждения, но раз его удавалось “раскачать”, как выражался Минаев, он высказывал себя таким тонким художественным критиком, таким глубоким знатоком, какие встречаются редко». Либрович также вспоминал, что Гончаров участвовал в совещании компетентных литераторов, организованном Вольфом по поводу нового издания «Фауста». Вольф не мог решить, как ему издавать это произведение Гёте: переиздать уже существующий перевод или заказать новый перевод Д.Д. Минаеву, которого в то время называли «присяжным переводных дел мастеров». Минаев уже перевёл «Божественную комедию» Данте (1874–1879 гг., 3 тома), «Дон-Жуана» Байрона (1866). В результате «совещания» было решено издавать «Фауста» в переводе Александра Николаевича Струговщикова. Экземпляр перевода первой части «Фауста» Струговщиков подарил Гончарову в 1856 г. Теперь книга хранится в ульяновском Дворце книги.

В мае 1860 года вышел сатирический журнал «Искра», в котором напечатано стихотворение Обличительного Поэта (один из псевдонимов Д.Д. Минаева) «Парнасский приговор», явившееся откликом на обвинение Гончаровым Тургенева в плагиате. Дело дошло до третейского суда. Известие о заседании третейского суда быстро распространилось в литературных кругах и вдохновило Дмитрия Дмитриевича Минаева на создание стихотворения, в котором он с искрящимся юмором изложил дело о предполагаемом плагиате, перенесённое заседание суда на Парнас.

Перед сонмом богов во главе с Аполлоном предстает прилетевший на Пегасе писатель.

Для чего ж богов собрание
 На заоблачном Парнасе?
 Кто сей смертный с тусклым взглядом,
 Прилетевший на Пегасе?
 Кто он – вялый и ленивый,
 Неподвижный, как Обломов,
 Стал безмолвно и угрюмо,
 Окруженный тучей гномов?..

Жалуясь на коварного соперника, похитившего его сюжет и создавшего на его основе свой роман, «этот писатель» приводит такие доказательства сходства двух произведений:

У меня герой в чахотке,
 У него портрет того же.
 У меня Елена имя,
 У него Елена тоже.
 У него все лица так же,
 Как в моем романе, ходят,
 Пьют, болтают, спят
 и любят...

Тяжба двух писателей завершалась в «Парнасском приговоре» торжеством справедливости. По воле богов похитителя чужого сюжета ожидало следующее наказание:

И за то он нашей властью
 На театре будет вскоре
 Роль купца играть немую
 Бессловесно в «Ревизоре».

Минаев здесь имел ввиду необычный спектакль, который состоялся в Петербурге незадолго до написания стихотворения. В пользу нуждающихся литераторов был поставлен «Ревизор», роли в котором исполняли известные писатели. Так, горюничего играл Алексей Феофилактович Писемский, почтмейстера – Федор Михайлович Достоевский, Хлестакова – поэт Петр Исаевич Вейнберг, печатавший в «Искре» и «Будильнике» юмористические стихи под популярным в то время псевдонимом «Гейне из Тамбова». Тургеневу же досталась роль одного из купцов «без слов». Кстати сказать, Гончаров также участвовал в этом спектакле в бессловесной роли купца.

В утешение пострадавшему боги предлагают:

Ты же – так как для романа
 У тебя нет вновь сюжета –
 На казенный счет поедешь
 Путешествовать вокруг света.

Верно, лучшее творенье
 Ты напишешь на дороге.
 Так решаем на Парнасе
 Я, Минерва и все боги».

Интересно, что Гончарову, который непросто переживал сложившуюся ситуацию с Тургеневым, очень понравилось стихотворение Минаева. Он оценил остроумие и оригинальность «Парнасского приговора». Писатель высылает стихотворение Минаева своим добрым знакомым Екатерине и Софье Никитенко, а в письме отмечает: «Тут лучше всего приговорённое мне богами вознаграждение: ехать на казённый счёт вокруг света. Ещё хорошо: вялый как Обломов, и с тусклым взглядом. Ведь это до такой степени правда, что нельзя и сердиться»³.

Отношение Гончарова к другим произведениям Минаева нам пока не известно. А вот Дмитрий Дмитриевич Минаев откликнулся на издание романа «Обрыв». В мае 1869 года в журнале «Искра» он напечатал стихотворение «Размышления по прочтении последней части романа “Обрыв”». Практически одновременно со стихотворением Минаев под псевдонимом «Аноним» поместил в журнале «Дело» отрицательный отзыв на последний роман Гончарова. Отзыв на «Обрыв» был частью традиционного критического обзора под общим названием «С невольного берега», который делал Минаев. Как многие критики того времени Дмитрий Дмитриевич Минаев воспринял «Обрыв» как антиингилистическое произведение, уделив основное внимание образу Марка Волохова. Так он пишет: «Оставляя в стороне целый ряд нравоописательных сцен «Обрыва», которые претендуют на художественность, я на этот раз останавливаю внимание читателей на главном герое «Обрыва» Марке Волохове, который является одним из представителей нашего молодого поколения». И всё-таки Минаев и в своём критическом отзыве отдаёт должное художественным достоинствам гончаровского романа. Он также не обошёл вниманием факт необыкновенной популярности «Обрыва» у читающей публики: «У каждой книги есть своя публика. Как ни скучен, ни утомителен новый роман Гончарова «Обрыв», но у него есть свои читатели и в особенности читательницы. Многие из них очарованы и (припоминая старое выражение Пушкина) *огончарованы* «Обрывом».

В обширной исследовательской литературе долгое время было принято разводить писателей по разным лагерям в соответствии с их мировоззренческими взглядами, отношением к общественно-политической ситуации в стране. И это действительно было так. Но в то же время, думается, надо не забывать, они были современниками, они встречались, общались, между ними складывались определённые чисто человеческие симпатии и антипатии.

Литература.

Трофимов Ж.А., Минаев Д.Д. и Симбирск.

Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. – Москва – Ленинград. 1960.

Демиховские О.А. и Е.К. Гончаров в воспоминаниях современников. – Ульяновск. 2012.

¹ Дело департамента герольдии Правительствующего сената о дворянстве недоросля Минаева (1823). Оп. 25, №4092. Л. 2 // Центр. гос. исторический архив СССР в Ле-

нинграде (далее: РГИА), ф. 1343, оп. 25.

² РГИАЛ, ф. 777, оп. 27, №216, л. 84.

³ РГАЛИ, ф. 135, оп.1, № 27.

Ирина СМИРНОВА, научный сотрудник отдела фондов Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова.

ПОПЫТАЕМСЯ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ, НЕСМОТРЯ НА ЭТОТ МИР, КОТОРЫЙ КРУТИТСЯ НАОБОРОТ

Так случилось, что потомки Гончаровых по мужской линии, по линии старшего брата писателя Николая Александровича Гончарова, живут во Франции. У Н.А. Гончарова была единственная внучка Елизавета (1883–1947), дочь его старшего сына Александра Николаевича и его жены Елизаветы Александровны, урождённой Уманец. Стремясь дать дочери хорошее образование, родители отправили её во Францию, в университет города Нанси. Там она и познакомилась с молодым профессором математики Полем Симоном (1880–1922). В 1907 году состоялась их свадьба. В 1908 году Елизавета и Поль Симоны приехали в Рязань, где жила в то время мать Елизаветы. В Ильинской церкви Рязани состоялось их венчание по православному обряду. 30 мая в Рязани родился первенец – сын Александр (1908–1988). Потом во Франции родились сыновья Луи (1911–1988), Борис (1913–1972) и Роман (1916–2007).

Елизавета Александровна Гончарова. 1900-е годы. УКМ

Каждое лето Симоны приезжали погостить в имение бабушки – село Покровское под Калугой. Большой одноэтажный господский дом из сосновых брёвен с высоким крыльцом и широкой открытой верандой стоял на холме над речкой. Его окружал старый полузаросший сад. С холма открывался прекрасный вид на деревню и лес. Это было счастливое время. С приездом семьи Симон старый дом оживал, наполнялся детскими голосами. Поль Симон – высокий рыжий бородач, весёлый и разговорчивый, не зная ни слова по-русски, со всеми говорил по-французски – с крестьянами, с домашними, с хозяином почтовой станции. В Покровском застало их и начало I мировой войны. 4 августа 1914 года Поль Симон уехал во Францию. Он имел офицерский чин и должен был явиться в свой полк. Поль провоевал четыре года без малейшей царапины. Предполагая, что война продлится несколько месяцев, он оставил жену с тремя детьми в Покровском. Но война затягивалась, и Елизавета Симон решила вернуться во Францию. Пуститься в нелёгкое путешествие с тремя маленькими детьми она не решилась, поэтому взяла с собой только четырёхлетнего Луи, оставив Сашу и Бориса на попечение бабушки. Все надеялись, что вой-

на вот-вот закончится и семья воссоединится. Но революция и начавшаяся гражданская война надолго их разделили.

На долю Елизаветы Александровны и её внуков выпало множество испытаний. В помещичьих имениях начались погромы. 30 августа 1918 года Е.А. Гончарову с внуками выгнали из их дома в Покровском. Они перебрались в Перемышль, находившийся в восьми верстах от Покровского. Чтобы содержать внуков, Елизавета Александровна устроилась преподавателем иностранных языков в женское училище, давала уроки музыки. Иногда крестьяне из бывшего имения тайком привозили продукты. По предложению двоюродного брата Андрея Рихтера, преподавателя Пермского университета, в 1919 году они переезжают в Пермь, где Елизавета Александровна начинает преподавать иностранные языки на рабфаке университета. В связи с наступлением армии

Колчака университет эвакуировали в Томск. Случайно в одной из газет Е.А. Гончарова увидела заметку об отправке французских подданных из России. Тогда она решает добраться до Москвы и начать хлопоты о возвращении внуков во Францию. В Москве она обращается с просьбами о содействии к М. Горькому, заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову, М.И. Ульяновой. В результате многомесячных хождений разрешение наконец-то было получено. 14 сентября 1921 года Елизавета Александровна отправила 13-летнего Сашу и 8-летнего Бориса во Францию. Их путь лежал через Петроград и Эстонию и затем морем в Данию, где их встретили родители. В декабре 1921 года Е.А. Гончарова тоже поселилась у дочери в Нанси.

Через несколько месяцев на семью обрушилось большое горе – 28 февраля 1922 года в возрасте 42 лет от туберкулёза скончался Поль Симон. Елизавете Симон нужно было поднимать четверых сыновей, дать им образование. Она заканчивает курсы машинописи и устраивается работать в банк Нанси. Елизавете Александровне Гончаровой уже за семьдесят, но она старается помочь дочери – играет во время сеансов в кинотеатрах. Жизнь Е.А. Гончаро-

Поль и Елизавета Симон. 1910-е годы. УКМ

вой закончилась трагически. Возвращаясь с работы после киносеанса из пригорода Нанси, она переходила железнодорожные пути и была сбита поездом. 20 апреля 1924 года Е.А. Гончарова скончалась в больнице Нанси и была похоронена на местном кладбище.

Елизавета Симон всю свою жизнь посвятила сыновьям, с большим мужеством и стойкостью переносила беды и невзгоды, которые обрушивались на семью, и радуясь успехам сыновей. Она всегда была там, где нужнее в данную минуту. Семья была очень дружной, и братья всегда приходили друг другу на помощь.

На протяжении века эта семья пережила драмы, расставания, болезни, две мировые войны, русскую революцию и её последствия. Тем не менее все члены этой семьи обладали оптимизмом, любовью к жизни, умением видеть прекрасное.

Старший сын Елизаветы Александровны Саша Симон стал известным журналистом-международником, писателем. До конца жизни владел русским языком. В 1956 году он получил приглашение газеты «Фигаро» занять пост специального корреспондента в Москве. Так состоялось его возвращение на родину. В общей сложности он проработал в Советском Союзе около восьми лет. Из десяти книг, написанных Саша Симоном, восемь посвящены России. Они стали признанием в любви к земле, где прошли его беззаботное детство и тревожная юность. И среди них самая захватывающая и трогательная – «Душка» моего детства». «Душкой» в семье называли бабушку – Елизавету Александровну Гончарову.

Борис Симон был художником, писателем, журналистом, переводчиком. Он написал пять книг, главная из которых «Старьёвщики из Эммаяуса» была переведена на восемнадцать языков. Его картины экспонировались не только во Франции, но и в Югославии, СССР, Италии, США.

Луи Симон стал талантливым художником, декоратором, режиссёром, писателем. Большая часть его творческой деятельности была связана с молодёжными организациями Франции.

Младший из братьев, Роман, стал известным художником-иллюстратором. На протяжении шести десятилетий все дети Франции росли с книгами, написанными и иллюстрированными Романом Симоном. Он оформил более 250 книг, которые стали классикой детской литературы.

Природа не отдыхает и на детях и внуках братьев Симон. В настоящее время во Франции живут более пятидесяти их потомков. Среди них актёры, музыканты, журналисты, модельеры, реставраторы, художники, деятели кино.

Французские потомки семьи Гончаровых были найдены сотрудниками музея И.А. Гончарова в 1991 году. В июне 1992 года потомки Луи и Бориса Симонов впервые приехали в Ульяновск на торжества, посвящённые 180-летию И.А. Гончарова. С тех пор их визиты на родину предков стали постоянными. В 1996 году по просьбе сотрудников музея единственный из братьев, оставшийся к тому времени в живых, Роман Симон написал свои короткие воспоминания. В письме в музей он писал: «Уже давно вы просили меня написать, как мы жили в Нанси. Вот обзор по памяти, может быть, слишком быстрый, скачущий, но точный в основных чертах... Мне неловко, что я не написал вам после вашего письма, посланного через Аркошон. Я не знал, как взяться. Но сейчас я собрался и написал эти странички со всей возможной объективностью. Я благодарю за добрые пожелания сотрудников музея Гончарова. Ваша верность меня трогает. Я желаю вам много радости, душевного спокойствия и мира нашей России. Попытаемся быть счастливыми, несмотря на этот мир, который крутится наоборот. Я думаю о вас, хранильницах истории моих предков. Простите меня за такое долгое молчание. Роман Симон, сын Елизаветы Александровны Гончаровой, племянницы Ивана Гончарова».

Воспоминания Романа Симона

«Мои два брата Саша и Борис вернулись во Францию в 1920 году. Я вспоминаю вторжение этих братьев, которое принесло важные изменения в нашу французскую среду. Борис знал только два слова по-французски: «лошадь» и «кукла». Я жил со старшим братом Луи, окружённый заботой.

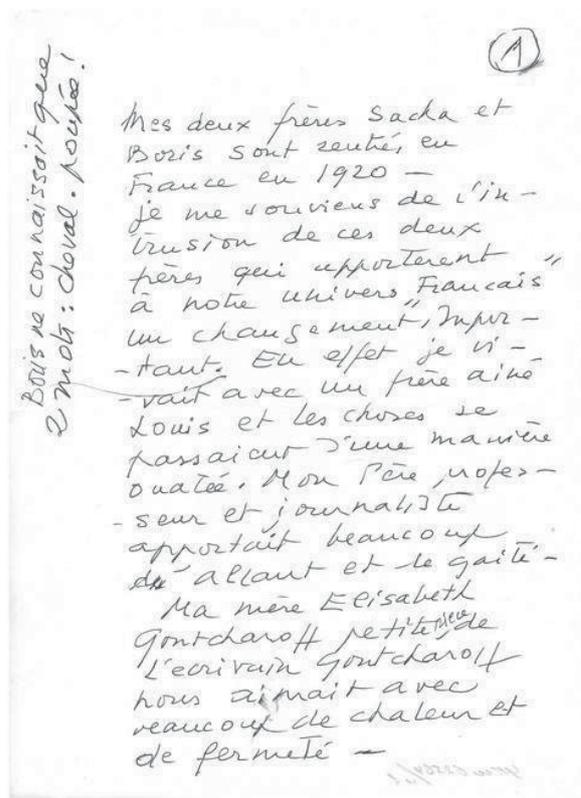
Мой отец, преподаватель и журналист, вносил в нашу жизнь много радости и веселья. Моя мать, Елизавета Гончарова, внучатая племянница писателя Гончарова, горячо нас любила, но была достаточно строгой.

Я родился в 1916 году. Мы жили в Нанси, и жизнь была очень простой.

Итак, вернёмся к приезду Бориса и Саши. Их появление потребовало взаимных уступок, как мне кажется.

Саша, Борис, Луи и Роман Симоны.
1922–1923 годы. УКМ

Страница воспоминаний Романа Симоны.
1996. УКМ

Мой отец очень устал, загруженный занятиями в нескольких учебных заведениях Нанси: Электротехническом институте, Эколь де Мин и др. Регулярно он писал статьи и передовицы в газету «L'Est republicain» Нанси. Постепенно мой отец слабел. Провоевав в 1914–1918 годах, отравленный газом, он заработал туберкулёз и умер в феврале 1922 года, мне было шесть лет.

Предыдущим летом моя бабушка (Е.А. Гончарова – И.С.) приехала из России. Я думаю, что мать и дочь стойко выдержали это испытание и взяли бразды управления домом в свои руки. Я мало что могу вспомнить об этих двух годах.

Борис уехал учиться в коллеж г. Коммерси, который мой отец отлично закончил. Борис тоже учился превосходно. Я учился в лицее и потом пошёл в начальную школу в Браконо, в сопровождении Саша, который тоже там учился. Луи учился в лицее.

Моя бедная мама продолжала занятия правом, стенографией и подрабатывала в банке Рено в Нанси. Она проработала там двадцать лет, с большим мужеством воспитывая четверых сыновей.

Два года после смерти отца моя бабушка Душка, талантливая пианистка, водила меня с собой в кинотеатры Нанси, где она играла во время сеансов, сопровождая музыкой немые фильмы. Я находился рядом с большим экраном, понимая то, что мог понять пятилетний ребёнок. Моя бабушка, как пишет Саша, обладала большой душевностью, сердечностью и достоинством. Она была чрезвычайно образованна, знала несколько языков. Она помогла моей маме пережить те испытания, которые ей выпали.

У отца было много друзей и знакомых, но его уход создал пустоту вокруг нас. Моя мама видела изредка его друзей, которые постепенно отдалились от нас.

В возрасте 8 лет я уехал в частный туберкулёзный санаторий в Аркошоне (Жиронда), куда по истечении 8 месяцев меня приехала навестить мама. Я оставался там полтора года, воспитываемый строгими монахинями, которые, узнав, что я не крещён, крестили меня. Там я принял первое причастие и конфирмацию.

Именно в санатории я узнал о смерти моей бабушки. Она возвращалась из Донбалья, маленького городка в окрестностях Нанси. Переходя железнодорожные пути напротив вокзала, она была сбита поездом и через несколько дней умерла в больнице Нанси.

В нашей семье была также сестра бабушки, мадам Безобразова, наша тётя Надя, незаметная и скромная, религиозная женщина. Потом она уехала в Ментон в «русский дом» (приют для эмигрантов – И.С.).

Я учился очень мало. В санатории не утруждали своих пансионеров. По возвращении в Нанси я умел читать, но делал ошибки в каждом слове и не умел считать. Борис продолжал учиться в Нанси. Луи учился художествам и рисовал маслом и карандашом. Саша был в школе, где изучали всё, что изучал Борис. В семнадцать лет он уехал на дереворазработки в Габон, где стал другом доктора Альберта Швейцера (Нобелевская премия 1952 г.).

Моя мужественная мама продолжала работать, испытывая финансовые трудности. Чтобы сэкономить на трамвае Мальзевиль – Нанси (Мальзе-

вилль – пригород Нанси – И.С.), она ходила пешком, уставала, потому, что ей был сорок пятый год и туберкулёз, который она лечила в течение многих месяцев.

Что касается меня, я ездил в санаторий, в летний лагерь и так и не привык к этой жизни, не очень счастливой для ребёнка.

В Аркошоне я узнал о смерти бабушки. Думаю, она больше огорчила Бориса и Саша, Луи и я знали её меньше.

Моя бедная мама сражалась со многими трудностями, её отличали воля и щедрость. Мы принимали в Мальзевилле русских друзей из Нанси. И если я не выучил русский, о чём сожалею, то в мозгу моём, по крайней мере, звучит музыка русского языка. Язык мне знаком как старый друг, которого любят и которого потеряли из виду.

Прошло время. Луи сделал карьеру декоратора. Саша вернулся из Габона и начал карьеру журналиста, Борис – карьеру преподавателя, к несчастью, прерванную болезнью (туберкулёзом – И.С.). Я учился в школе садоводов (бесполезно). Я работал декоратором в труппе Парижского театра. Потом был призван в армию и уехал в полк.

Мама между тем была назначена директрисой военного общежития в Теонвилле. Она занималась этим с удовольствием, и я проводил все свои увольнения у неё в Теонвилле в Лотарингии, недалеко от Битж, где я служил. Я уехал туда в 1936 году и был демобилизован только через семь лет.

Вновь я увидел маму в группе матерей и родственников заключённых у входа в лагерь военнопленных, где я провёл два года. Я попросил моих товарищей передать ей известие об этом в Нанси, она приехала, и я провёл с ней несколько часов в этом лагере Форбак.

Я был репатриирован в 1942 году и был в санатории в Савойе. Саша остался в Германии (в лагере для военнопленных – И.С.). Борис преподавал в Виши и в Лионе. Луи занимался скаутским движением в Лионе.

Шло время. Я женился во Флоране на дочери фармацевта и увидел радость моей матери, потому что я вошёл во французскую семью. Она, русская, всегда немного маргиналка в связи со своим статусом иностранки, была счастлива войти в эту семью протестантов. Я её вижу сияющей, особенно у выхода из церкви, где она была одна православная среди протестантов и католиков.

После войны я вернулся в Париж. В 1945 году родился сын Жан-Луи. Я рисовал и начал карьеру иллюстратора книг для детей.

Моя мать жила в Нанси, приезжая то к одному,

то к другому сыну, когда нужна была её помощь. Она жила одна, любя своих сыновей и помогая им, когда это было необходимо. У неё было место лектрисы на кафедре университета в Нанси. Она была рада вернуться к преподаванию языка своих предков. В это время у неё обнаружили рак, она легла в больницу, где очень страдала.

Вы можете гордиться последней наследницей имени Гончарова. Когда она варила варенье, она не убивала ос, которые летали вокруг кастрюль. Это ей напоминало Россию. Она любила огурцы. Очень часто мы ели кашу и русские пирожки. Мы были приглашены на Рождество к русским друзьям. Это было в горах и пахло гвоздикой. Гордость, мужество, щедрость, бескорыстие – эти качества мы видели в своей матери. Она осталась русской и мы, четыре брата, унаследовали эти качества русской души, о которой так много говорят и у которой в качестве основы – отзывчивость. Мы всегда отличались от французов (немного).

В 1948 году Саша был в Габоне. Он был в госпитале доктора А. Швейцера, когда получил телеграмму о смерти матери. Видя его потрясение, доктор Швейцер сам был потрясён. Узнав о чувствах Саша, он ему сказал: «В таких случаях, Саша, музыка лучшее утешение». И он играл II Симфонию Баха на своем органе для Саша.

Мы узнали, что маме очень плохо в Париже. Русский доктор, который был в госпитале, предложил сообщить сыновьям. «Нет, – сказала мама, – у них много работы». Мы приехали в Нанси. Доктор позвал русского священника, который был при маме в последние часы. Он позвал также католического священника, т.к. её дети были католиками, пусть и не всегда соблюдающими обряды. Так моя мать вошла в вечность, сопровождаемая двумя священниками.

Моя мать, не отправляя религиозных обрядов, жила по Евангелию, сама того не зная, отличаясь большой щедростью и бескорыстием. Она любила землю, любила её обрабатывать, смотреть, как всё растёт. Она возвращалась в свою молодость среди сельских пейзажей.

Борис умер в 1974 (1972 г. – И.С.) году, а Луи и Саша – в 1988 году. Я единственный оставшийся правнучатый племянник Ивана Гончарова. Мне 80 лет и мне стыдно, что я отправляю только сейчас воспоминания о своей матери, оставшейся русской в душе».

Перевод с французского заведующей отделом редкой книги УОНБ им. В.И. Ленина Л.Ю. Ивашкиной.

Ирина МАРШАЛОВА, кандидат филологических наук, заведующая сектором научной работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

ОБРАЗЫ ГОНЧАРОВА И ГРИГОРОВИЧА В РАБОТАХ СКУЛЬПТОРА И.Л. ЗАМЕДЯНСКОГО

По материалам фондов краеведческого музея

2022 год – Год культурного наследия народов России – отмечен юбилеями выдающихся уроженцев Симбирской земли: 200-летием со дня рождения Дмитрия Васильевича Григоровича и 210-летием Ивана Александровича Гончарова. Писатели Золотого века русской литературы создали уникальные произведения, далеко выходящие за рамки традиционных жанров.

Экспозиция «Герои И.А. Гончарова в современном мире. Музей Обломова». Фото С.А. Ойкина.

Тонкий литературный критик Д.С. Мережковский говорил о Гончарове как «одном из величайших в современной европейской литературе творцов человеческих душ, художников-символистов». Глубокий филолог М.В. Отрадин, в свою очередь, заметил: «Григорович, в сущности, впервые в русской литературе попытался крестьянскую жизнь воссоздать в форме романа». Важнейшей точкой соприкосновения двух художников стала тема путешествия. «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова и «Корабль “Ретвизан”» Д.В. Григоровича сегодня являются объектами пристального читательского и исследовательского внимания.

Сотрудники музея Гончарова в знак глубочайшего уважения к куль-

турному наследию деятелей XIX столетия предлагают читателям «Симбирска» познакомиться с образами Гончарова и Григоровича, созданными нашим современником, скульптором И.Л. Замедянским.

*И.Л. Замедянский.
«И.А. Гончаров».
Бронза. 1986 г. УКМ*

В экспозиционном зале Историко-мемориального центра-музея под названием «Герои И.А. Гончарова в современном мире. Музей Обломова» собраны работы художников и мастеров советского периода и наших дней, связанные с творчеством писателя и его персонажами. Именно здесь можно увидеть бронзовые скульптуры Игоря Замедянского. Одна из них представляет Ивана Гончарова в образе, близком к книжному описанию Ильи Обломова, – романист сидит в удобном

Ю.М. Игнатьев. «Обломов».
Бумага, акварель. 1978 г. УКМ

кресле, одетый в просторный халат и тапочки: «Как шел домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу все шире и шире. Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным, но все еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани. Халат имел в глазах Обломова тьму неоцененных достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется самому малейшему движению тела».

Автор работы, Игорь Леонидович Замедянский, родился в 1960 году в Калининграде. В 13 лет он поступил в Ленинградскую среднюю художественную школу при институте им. И.Е. Репина Академии художеств СССР, затем перевелся в Московскую среднюю художественную школу при Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова. После этого продолжил обучение именно в МГАХИ им. В.И. Сурикова.

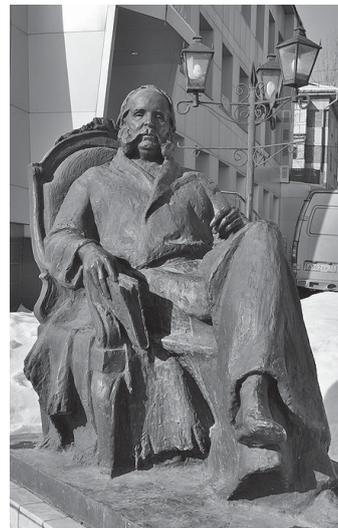
Бронзовая скульптура Ивана Гончарова высотой 37 см была создана в 1986 году и стала дипломной работой Замедянского. Ее высоко оценила комиссия, которую возглавлял Александр Кибальников – автор памятника Владимиру Маяковскому в Москве. Кибальников похвалил работу начинающего автора одной фразой: «Появился хороший

русский скульптор». Позже дипломную скульптуру Игоря Замедянского приобрело для Ульяновского областного краеведческого музея Министерство культуры СССР.

Памятник И.А. Гончарову.
Скульптор И.Л. Замедянский,
архитектор В.Н. Борисов. Бронза. 2003 г.

А затем она послужила макетом для памятника писателю, который открыли в городе Димитровграде Ульяновской области в 2003 году (установлен в сквере на пересечении улицы Гончарова и проспекта Димитрова). Димитровградский памятник Гончарову – это пятитонный бронзовый монумент высотой почти два метра, который по эскизу скульптора Игоря Замедянского был отлит в Мытищах. Архитектором выступил В.Н. Борисов.

И.Л. Замедянский.
«И.А. Гончаров».
Бронза. 1986 г. УКМ

Второе изображение Гончарова – скульптура в рост высотой 50 см. Дата изготовления, дата приобретения и закупочная стоимость совпадают с первой работой Игоря Замедянского, посвященной романисту. И снова здесь невозможно удержаться от напрашивающейся параллели с образом Обломова: «Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредото-

точности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока <...> Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье. Туфли на нем были длинные, мягкие и широкие; когда он, не глядя, опускал ноги с постели на пол, то непременно попадал в них сразу».

С 1985 по 1990 год в фонды Ульяновского областного краеведческого музея поступили еще несколько скульптур Игоря Замедянского. Помимо двух изображений Ивана Гончарова, в их числе были бронзовые фигуры литераторов Дмитрия Григоровича, Александра Пушкина, Николая Языкова, Ивана Дмитриева. В 1987 году Игорь Замедянский получил юбилейную медаль Министерства культуры СССР. Ее выпустили к 175-летию со дня рождения Гончарова.

*И.Л. Замедянский.
«Д.В. Григорович»
Бронза. 1987 г. УКМ*

Миниатюрная скульптура «Д.В. Григорович» высотой 51,5 см была создана в 1987 году. Работу для музея приобрели у мастера в том же году. Образ Григоровича отличается от одомашненного, покойного образа Гончарова. Музыкальный теоретик, критик, композитор и вокальный педагог Юрий Арнольд так описал привлекающую внимание светскость внешнего облика автора повестей «Деревня» и «Антон-Горемыка»: «Высокий, стройный брюнет с красивым, открытым, прямо все высказывающим лицом и с теплым взглядом, соответствующим душевной улыбке антично очерченных губ».

В 1988 году скульптор вновь возвращается к осмыслению образа Гончарова и создает небольшой бронзовый бюст, высота которого составила всего 12 см. Он был приобретён год спустя для краеведческого музея.

Бюст Григоровича высотой 18,5 см Замедянский выполнил в 1989 году, что стало самым дорогим приобретением для музея из этой серии.

*И.Л. Замедянский.
«Бюст И.А. Гончарова».
Бронза. 1988 г. УКМ*

*И.Л. Замедянский.
«Бюст Д.В. Григоровича».
Бронза. 1989 г. УКМ*

Камерная выставка «Скульптурные изображения Д.В. Григоровича из фондов Ульяновского краеведческого музея», на которой 21 апреля 2022 года впервые были представлены бронзовые статуэтка и бюст писателя работы скульптора И.Л. Замедянского (вторая половина 1980-х гг.)

К концу 1990-х годов стиль скульптора изменился. Он ушел от реалистических изображений и стал экспериментировать с формами и композициями. По словам Замедянского, «категории “похоже” и “непохоже”, а также “красиво” и “некрасиво” в современном искусстве не являются основополагающими».

С 1998 года Игорь Замедянский начал проводить выставки в собственной мастерской. Тогда же стал преподавать в московских вузах.

Итак, в фондах Ульяновского краеведческого музея им. И.А. Гончарова сегодня представлены пять работ известного скульптора, графика, живописца И.Л. Замедянского, воссоздающих образы знаменитых уроженцев Симбирской земли, оставивших неизгладимый след в истории отечественной словесности и культуры.

КАРАМЗИН: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

В петербургском издательстве «Дмитрий Буланин» вышла в свет «Хроника Петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина».

Идея создания хроники принадлежит выдающемуся российскому литературоведу и историку литературы Вадиму Эразмовичу Вацуру (1935–2000), автору работ «Подвиг честного человека» (1968), «Карамзин возвращается» (1989) и др.

Рабочие материалы к хронике были собраны женой В.Э. Вацура – петербургским киноведом, кандидатом искусствоведения Тамарой Федоровной Селезневой (1935–2019) при его участии. В 2012 году вдова ученого передала подготовленные папки в Центр изучения наследия Н.М. Карамзина при Ульяновской областной научной библиотеке «Дворец книги». Научный сотрудник Центра, профессор Ульяновского государственного педагогического университета, доктор филологических наук Л.А. Сапченко подготовила собранные материалы к изданию.

Здесь публикуется отрывок из хроники: май 1826 года – последние дни жизни Н.М. Карамзина.

Всю зиму и весну 1826 года Карамзин был тяжело болен. Для выздоровления медики предписали ему «небо Италии». Повелением императора российскому историографу был приготовлен фрегат «Елена», чтобы везти его с семейством в Бордо, откуда Карамзины должны были отправиться в Марсель, а затем в Ливорно и Флоренцию. 18 апреля Карамзин сообщал о себе Вяземским: «Мое состояние странное: мне бывает лучше и хуже по дням, что не дает умножаться силам, и сколько меланхолических минут, в которые говорю себе: “Не выеду из Петербурга”. Как вы далеки от истины, думая, что мне трудно сдвинуться с места! С этого места сорвала меня буря или болезнь, и я имею неописанную жажду к разительному новому, к другим видам природы, горам, лазури италийской etc. Никак не мог бы я возвратиться к моим прежним занятиям, если бы здесь и выздоровел. Мне не верится, что буду на море etc.». Предчувствия Карамзина были не напрасны. Болезнь оказалась неизлечима...

Май, 1. Санкт-Петербург

А.И. Тургенев¹ извещает С.П. Жихарева²:

«...Карамзин ежедневно более слабеет. Катерина Андреевна³ не видит всего, но предчувствует, и иногда со слезами говорит о сем. Дети еще в совершенном неведении. Я все знаю от Миллера⁴: прожить две-три недели и более он может, но ехать не может, а между тем мы собираемся на море.

Вчера Карамзин был очень слаб, проводил с час в саду, но едва дотащился до комнаты. В карете выехать уже не был в силах. Ежеминутно хилеет, и дети начинают страшиться. Катерина Андреевна почти потеряла надежду, но тверда. Он все засыпал и едва говорил, почти ничего не ел, кроме саго. Вечеру однако ж, когда мы укладывали его в постель и приподняли с канапе, перешел он в комнату до постели сам, без нашей помощи. Сегодня еще не знаю ничего о нем; ибо идти рано к нему, а письмо пойдет на почту. Сообщай сии известия И.И. Дмитриеву⁵, если желаешь, но с тем, чтобы сюда не писали о наших опасениях» (*Погодин М.П.*). Николай Михайлович Карамзин..., II, 498).

Май, 2. Санкт-Петербург

Из воспоминаний К.С. Сербиновича⁶: «В воскресенье, 2 мая, я был у Николая Михайловича еще в его квартире, в доме Межуева. Он с таким участием расспрашивал меня о моих нынешних занятиях. <...> Потом Николай Михайлович с чувством рассказывал, как у него была императрица Мария Феодоровна, прощаясь перед отъездом в Москву, и как она нечаянно уронила перчатку и уже не хотела брать ее с собою, примолвив: “Оставляю ее вам на память обо мне”.

Далее Николай Михайлович говорил, как много ему приходит в голову соображений о политических обстоятельствах времени, о задачах человеческой жизни, об уповании на Промысл, многое, многое. Когда я сказал, почему бы не диктовать свои мысли другому? “Нет, отвечал он, – я к этому не привык и не могу передавать свои мысли бумаге иначе, как с пером в руке”. Он опять благодарил меня за услуги и повторил: “Бог наградит вас, а ежели можно будет, то и я еще буду о вас стараться”.

В наступившую неделю перевезли Николая Михайловича в Таврический дворец» (*Сербинович К.С. Воспоминания о Н.М. Карамзине // Русская старина. – 1874. – №9. – С. 266-267.*)

Май, 3. Санкт-Петербург

А.И. Тургенев – П.А. Вяземскому:

«Я писал уже к тебе чрез Жихарева, что Николай Михайлович едет на фрегате “Елена”, который

готов будет к 15 мая или немного позже. Назначить времени отъезда нельзя; но им бы хотелось в конце мая или в начале июня, если тепло установится и силы его несколько утвердятся. Но по сию пору он не подает большой надежды, чтобы так скоро силы его возвратились: какой-то род лихорадочки продолжается, и с кашлем выходит материя. Ему лучше с тех пор, как начал выезжать в карете, но в сем положении он не может еще пуститься в путь дальний, и Мюллер не говорит еще решительно, когда можно будет выехать из Петербурга. Май должен решить срок отъезда и самый отъезд, хотя Карамзины и не сомневаются в выезде и все продают, и все готовят. Не пишу к ним о моих сомнениях. Дети обрадовались твоему намерению провожать их, но Катерина Андреевна не сказала почти ни слова, когда я намекал ей об этом от себя, и думает, кажется, что тебе не надобно оставлять своих. Жуковский, так же, как и я, одобряет мысль твою, тем более, что им нужен был бы кто-нибудь в пути на всякий случай и кроме Тибо⁷. Но этого без тебя решить нельзя. Приезжай сюда сам и реши. Приезжай, если можешь приехать, не расстраивая дел твоих. Сегодня переезжают они в Тавриду⁸».

А.И. Тургенев – П.А. Вяземскому (№2):

«Воспользовавшись светлым утром и телесной крепостию Николая Михайловича, я говорил с ним о твоём желании провожать его. Он с удовольствием принял это. Мы рассуждаем о средствах приступить к исполнению. Он думает, что ему надобно переговорить с капитаном корабля Епанчиным⁹, который должен снестись с Мюллером, а сей с государем. Опасается затруднения в последней инстанции, но я сказал Николаю Михайловичу, что надобно тебя предложить к поездке, как о необходимом провожатом для него и для семейства. Эта мысль ему понравилась, и он исполнит ее. Катерина Андреевна также не противоречит. <...> Сегодня переедут в Тавриду, ибо погода хотя и свежая, но солнце блестит и греет» (*Остафьевский архив князей Вяземских: в 5 т. СПб., 1899–1913. Т. III. С. 140-141.*)

Май, 4. Белев, Тульская губерния

Кончина императрицы Елизаветы Алексеевны.

Май, 9. Санкт-Петербург

Из воспоминаний К.С. Сербиновича: «Следующее воскресенье, 9 мая, некогда первый день моей жизни было теперь днем последнего моего свидания с первым из моих благодетелей. Был я у него уже в Таврическом. Погода стояла ясная и теплая. Николай Михайлович желал дышать чистым воздухом: ему поставили кресло в саду. Он сидел в

¹ Тургенев Александр Иванович (1784–1845), общественный деятель, литератор, историк, близкий друг, литературный единомышленник и постоянный корреспондент Карамзина.

² Жихарев Степан Петрович (1788–1860), писатель и драматург-переводчик, товарищ А.И. Тургенева, автор ценнейших «Записок современника».

³ Карамзина Екатерина Андреевна (урожд. Колыванова) (1780–1851), вторая жена Н.М. Карамзина.

⁴ Карл Вильгельм Даниэль фон Мюллер.

⁵ Дмитриев Иван Иванович (1760–1837), поэт, государ-

ственный деятель, ближайший друг и адресат Карамзина.

⁶ Сербинович Константин Степанович (1797–1874), русский государственный деятель. В последние годы жизни Карамзина был его доверенным лицом. Автор составленных на основе дневника «Воспоминаний о Н.М. Карамзине».

⁷ Тибо – гувернер детей Карамзина.

⁸ Имеется в виду Таврический дворец.

⁹ Епанчин Николай Петрович (1787–1872), адмирал. Командовал фрегатом «Елена».

теплом шлафроке, на солнце, и говорил мне: “Люблю солнце и греюсь; да оно меня что-то не очень жалует: часто прячется за облака”.

Невольно вспомнились мне известные стихи его: “Осень”, в которых сказано и о весне; теперь же была весна, теперь все в природе оживало. И с грустью повторилось в памяти моей:

Вянет природа
Только на малое время.
Все оживляется...

Смертный, ах! Вянет навеки!

Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни...

Это было писано им в 1789 году в Женеве, где он тогда встречал свой 24-й год. Нередко эти строфы приходили мне на память в разное время но я никогда не думал, чтобы они, наконец, обновились в ней при закате жизни автора.

Ему трудно было говорить. Он послал меня гулять по саду, наслаждаться ароматным воздухом и видом свежей зелени. Много бы мне еще хотелось высказать ему, чем душа моя была полна. Но уже нельзя было утруждать его. Однако ж он сам еще с живостью спросил меня: скоро ли опять приду к нему? Я отвечал: “Непременно буду опять в воскресенье, потому что только по этим дням могу отлучаться из комиссии”. Сосчитав дни, он сказал: “Итак, не прежде восьми дней”. Он, кажется, чувствовал, что уже больше не увидит меня» (*Сербинович К.С. Воспоминания о Н.М. Карамзине, 267-268*).

Май, 10. Москва.

Из письма Вяземского к Пушкину: «...Ты вероятно знаешь, что Карамзины отправляются в чужие края за болезнию Ник.<олая> Мих.<айловича>, Жуковский также. А Хвостовы и Булгарины здравствуют. <...> В конце месяца думаю съездить в Петерб.<ург> проститься с Карамзинными» (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1935–1959. Т. XIII. С. 276*).

Май, 11. Санкт-Петербург

Последняя встреча Жуковского с Карамзиным.

Май, 12. Санкт-Петербург

Отъезд Жуковского за границу для лечения.

Жуковским был подготовлен для Николая I проект выделения пенсионера Карамзину, в то время уже тяжело больному. 13 мая 1826 г. вышел рескрипт императора и указ министра финансов о производстве пенсионера в размере 50 тыс. рублей в год.

Май, 13. Санкт-Петербург

Тургенев торопит Вяземского с приездом в Петербург: «13 мая. Утро. Вчера получил письмо твое и читал его Карамзиным. Они с нетерпением тебя ожидают; да и я также советую и прошу *спешишь*, если это не расстроит снова твоего здоровья. Ты будешь жить у них во дворце, в большой комнате, с

частью детей, окнами в сад. Пожалуйста, поспеши! <...>

Сейчас возвратился от Карамзина и был у него в спальней, в минуту его вставания с постели и одевания с помощью твердой, но беспокойной Екатерины Андреевны. Потом виделся с Мюллером. Что сказать тебе? Приезжай! О средствах ехать с ними подумаем здесь: тут поспешность не нужна. В настоящем положении он выехать не может. От Бога зависит будущее. Прости, мой милый! Надеюсь скоро обнять тебя.

Кончина императрицы более тронула, нежели поразила его. Он говорил о ней с чувством умиления, по слаботь спасла его от сильного потрясения. Прости!» (*Остафьевский архив., III, 141-142*).

«В первых числах мая Карамзины переехали в Таврический дворец. Доктор объявил, что он не в состоянии будет перенести путешествие. Тогда Жуковский принялся ходатайствовать, и 13 мая, т. е. за 9 дней до кончины Карамзина, принесли ему последнее письмо Государя с указом министру финансов о пенсии ему и после него семейству его по 50 тысяч рублей в год» (*Петр Бартнев. Император Николай Павлович Карамзин. IX переписка. 1826. // РА. 1906. №1. С. 126*).

Высочайший рескрипт императора Николая I:
«Николай Михайлович.

Расстроенное здоровье ваше принуждает вас покинуть на время отечество и искать благоприятнейшего для вас климата. Почитаю за удовольствие изъявить вам мое искреннее желание, чтобы вы скорее возвратились к нам с обновленными силами и могли снова действовать для пользы и чести отечества, как действовали доньше. В то же время и за покойного Государя, знавшего на опыте вашу благородную, бескорыстную к нему привязанность, и за себя самого, и за Россию, изъявляю вам признательность, которую вы заслуживаете своею жизнию как гражданин, своими трудами как писатель. Александр сказал вам: *Русский народ достоин знать свою Историю*. История, вами написанная, достойна Русского народа. Исполняю то, что желал, но чего не успел исполнить брат мой. В приложенной бумаге найдете вы изъявление воли моей, которая, будучи с моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завещание Александра. Желая, чтобы путешествие вам было полезно и чтобы оно возвратило вам силы для довершения главного дела вашей жизни. Пребываю вам всегда благосклонный, Николай.

В Царском Селе, Мая 13 дня, 1826 года» (*Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 129*).

Указ г. министру финансов

«Историографу Российской империи, действительному статскому советнику Карамзину, отъезжающему для лечения своего за границу, повелеваем производить отныне по пятидесяти тысяч рублей в год, чтобы сумма сия, обращаемая ему в пенсион, была после него производима сполна жене его, а по смерти ее также сполна их детям – сыновьям до вступления всех их в службу, а дочерям до замужества последней из них» (*Погодин М.П.]. Николай Михайлович Карамзин., II, 495*).

Май, 14. Санкт-Петербург

А.И. Тургенев – С.П. Жихареву: «14 мая <1826>. 8 часов утра.

Бумаги сии получены вчера в 16 часов вечера. Николай Михайлович был уже в постели; мы за чаем. Я был свидетелем трогательной сцены: Катерина Андреевна, распечатывая все пакеты на его имя из предосторожности, долго не думала распечатывать сего пакета, ибо душа ее была встревожена мыслию о болезни и о худом положении его во весь день. Через полчаса выходит к нам из спальни вся в слезах; показывает мне бумаги и говорит то, что она незадолго перед тем мне говорила, что с переменою ее благосостояния материального постигнет ее какое-нибудь бедствие и что она теперь страшится того, о чем думать не смеет. Мы все плакали. Мало-помалу она и дети несколько успокоились. Сегодня покажут бумаги Николаю Михайловичу. Дай Бог, чтобы спокойствие за будущее жены и детей продлило угасающую жизнь его! Спешу к ним быть свидетелем другой сцены. <...>.

Полдень.

Сию минуту возвратился от Карамзиных. Он спал спокойно; ожидал лихорадки и для того не хотел вставать с постели. Меня впустили к нему в 10 часов, и лихорадки еще не было, но он был в беспоконном ожидании. Подали саго; он позавтракал, и тогда уже Катерина Андреевна решилась дать ему рескрипт сперва, а потом и указ. Тут были две дочери я. Прочитав со вниманием рескрипт, он потребовал и указ. Между тем Катерина Андреевна говорила ему, что это успокоит его старость; в ответ первое его слово было: «Это значит, что я должен умереть» ... или что-то подобное, слова не припомню, но вот смысл. Потом начал, как мы и ожидали, сердиться за количество суммы; мы защищали императора слезами и словами, как умели, говоря, что он делает не для него, а для России; что Николай Михайлович не может упрекнуть себя ни в малейшем домогательстве, что после сей награды достойному государю имеет право отказывать другим, не заслуживающим наград; он беспрестанно повторял, что это слишком много и проч.; наконец несколько успокоился, или лучше хотел успокоить себя чтением, и мы вышли в слезах и в неизъяснимом чувстве умиления к человеку, который не от мира сего» ([*Погодин М.П.*]. Николай Михайлович Карамзин..., II, 495-496).

О последних днях Н.М. Карамзина (по рассказу А.И. Тургенева):

«На 14 мая Карамзин спал спокойно, но страдая приступом лихорадки, не хотел встать. Подали саго, он позавтракал. Тогда Екатерина Андреевна решилась дать ему сперва рескрипт, а потом и Указ. Тут же присутствовали и дочери. Прочтя внимательно рескрипт, он взял и указ, и когда Екатерина Андреевна говорила, сколько она рада тому, что это успокоит его старость, Николай Михайлович сказал в ответ: “видно мне скоро умереть”, даже слышался отзыв огорчения его за количество суммы, определенной в пенсию – этой щедроте Государя. Он находил, что столь великая награда могла возбудить ропот других и была несоразмерной. Окружающие со слезами оправдывали милость Императора, говоря, что он делает это не для него, а для России, что

Николай Михайлович не может упрекнуть себя ни в малейшем домогательстве, что награда достойному не дает права ожидать такой же награды другим, менее заслуживающим. Карамзин беспрестанно повторял, что это слишком много, наконец несколько успокоился, или показал вид, что желал успокоить себя чтением» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 169. Л. 1-2).

«Государь некогда, по представлению моему, успокоил последние дни Карамзина, и тот живо узнал, что жена и дети его на всю их жизнь обеспечены» (В.А. Жуковский – великому князю Александру Николаевичу, 1 (13) февраля 1845 г.) (Русский архив. 1883. Т. II. Кн. 4. С. СХI).

Май, 15. Санкт-Петербург

Карамзин – Николаю I:

«Всемиловейший Государь!

Рескрипт, которым вы осчастливили меня третьего дни, написанный столь трогательно, с таким благоволением, воспоминание в нем о незабвенном Александре, хвала смиренному историографу сверх его достоинств, омочил слезами бледное лицо мое. Прочитав же указ к министру финансов, я не поверил своим глазам: благодеяние выше меры. Никогда скромные желания так далеко не простирались. Но изумление скоро обратилось в умиление живейшей благодарности; если сам не буду пользоваться плодами такой царской беспримерной у нас щедрости, то закрою глаза спокойно; судьба моего семейства решена наисчастливейшим образом. Дай Бог, чтобы фамилия Карамзиных, осыпанная милостями двух монархов, заслужила имя верной, ревностной к Царскому дому. О, как желаю выздороветь, чтобы последние дни мои посвятить вам, бесценный Государь, и любезному отечеству. Вчера не мог я писать, и ныне голова моя очень слаба. Видом, говорят, я поправлюсь, но слабость не выпускает меня из полулюдей. Заключу тем: милости, благодеяния ваши ко мне так чрезвычайны, что я и здоровый не умел бы выразить вполне моей признательности. Повергаю себя к стопам вашим со всем семейством. Душою и сердцем верноподданный Николай Карамзин.

С.-Петербург, 15 мая 1826 г.» (*Карамзин Н.М.* Неизданные сочинения и переписка, 130).

Май, 16. Санкт-Петербург

О последних днях Н.М. Карамзина (по рассказу А.И. Тургенева):

16 мая. Карамзин был очень слаб, просидел около часа в Таврическом саду, но едва добрал до комнаты и не в силах был выехать в карете. Дети начали тревожиться, и Екатерина Андреевна почти потеряла надежду. Больной засыпал, едва говорил, почти ничего не ел, кроме саго. Вечеру, когда его укладывали в постель и приподняли с канапе, он перешел комнату до постели сам, без помощи других» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 169. Л. 1-2).

Из воспоминаний К.С. Сербиновича: «Был я в следующее воскресенье, 16 мая, но не входил к нему, потому что он находился в величайшей слабости. Мне только сказывали, что он, на одре этих страданий, порадован вниманием государя, который обеспечил судьбу его семейства, и в милостивом, трогательном рескрипте выразил ему чувства

признательности за себя и за Россию» (Сербинович К.С. Воспоминания о Н.М. Карамзине, 268).

Май, 17. Санкт-Петербург

Тургенев – Жихареву: «...Карамзин вчера не так слаб был в день, но к вечеру истощился. Сегодня не успел еще видеть его» ([Погодин М.П.]. Николай Михайлович Карамзин..., II, 498).

Май, 19. Санкт-Петербург

Тургенев – Жихареву (?): «...Карамзин ежедневно слабеет; семейство начинает замечать, что положение его опасно. Он может покинуть нас очень скоро. Скажите это Вяземскому. Еду к Кушникову¹⁰ посоветоваться, как быть в случае несчастья» ([Погодин М.П.]. Николай Михайлович Карамзин..., II, 499).

Май, 20. Санкт-Петербург

О последних днях Н.М. Карамзина (по рассказу А.И. Тургенева):

20 мая. А.И. Тургенев, проведя весь день у Карамзиных и с душевным страданием приехав в полночь домой, отметил о больном: *скоро возвратится душа сия к своему Источнику – в объятия Отца Небесного*. Может быть, день, и два еще будем видеть его и слышать его дыхание, но он уже беспрестанно в забытии, узнает своих, но не во всякое время и даже не мог узнать своего духовника. Вечером больной, заметив, что с пальца его спало обручальное кольцо, спросил о нем. Екатерина Андреевна с покорностью предала себя в волю Провидения. Вечеру она сказала Тургеневу: «Мне жаль вас! Вы много в нем теряете!» И после говорила о качествах души Николая Михайловича с чувством счастливой, достойной спутницы его жизни. София Николаевна¹¹ рыдала и ежеминутно возвращалась к надежде. Екатерина Николаевна¹² не сводила глаз с отца, и в них выражались то страх, то самое умиленное сочувствие (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 169. Л. 1-2).

Из воспоминаний К.С. Сербиновича: «В четверг, 20 мая, еще оторвался я от моих работ к нему, но также не мог видеть его, не смел войти в ту комнату, где он лежал в полузабытии, в томительной тоске, и только слышал его трудное, прерывающееся дыхание. Семейство в горести и слезах.

Вышедши в галерею, я увидел там духовника его, протоиерея Скорбященской церкви, Воскресенского. Этот почтенный пастырь говорил мне: «Я хорошо знаю его: он всегда думал о вечности как истинный и глубоко смиренный христианин, всегда был в таком духовном расположении, какого лучше и желать невозможно» (Сербинович К.С. Воспоминания о Н.М. Карамзине, 268).

Май, полночь с 20 на 21. Санкт-Петербург

Тургенев – Жихареву (?): «Приехал сейчас от Карамзина, где пробыл весь день в душевном страдании за семейство и за себя. Скоро возвратится душа сия к своему источнику, в объятия Отца Небесного. Мы страшались потерять его сегодня. В ночи слабость не увеличилась, и я решил возвратиться домой ночевать. Может быть, и день, и два еще будем и видеть, и слышать его дыхание, но он уже беспрестанно в забытии, узнает нас, но не во всякое время; духовника своего не мог узнать; в 11 часов вечера сегодня узнал однако ж старших дочерей и с нежностью взглянул на них. Пред тем заметил, что спало с пальца его обручальное кольцо. Он спросил о нем. Катерина Андреевна тверда и редко плачет, и говорит о том, что ее ожидает, с покорностью Провидению. Вечеру, глядя на меня, сказала мне: «Жаль вас». – «Отчего?» – спросил я. – «Вы много в нем теряете». – Потом говорила о качествах души его с чувством счастливой, достойной его спутницы в жизни» ([Погодин М.П.]. Николай Михайлович Карамзин..., II, 499).

Май, 21. Санкт-Петербург

Ю.А. Нелединский-Мелецкий¹³ пишет дочери – А.Ю. Оболенской:

«...Сейчас еду навестить Карамзина, который очень болен. Он живет в Таврическом дворце, где четыре дня назад я у него был; нашел его очень слабым; однако он сказывал мне, что иногда прохаживается по комнате и выходит сидеть в сад. Но вчера вечером говорили, что он без всякой надежды... Указа я не видал, но слышал за верное, что ему пожаловано 50 т. пенсону по смерти, а после него жене с детьми. Через час об этом, так и о состоянии больного узнаю достоверно» (Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 269).

О последних днях Н.М. Карамзина (по рассказу А.И. Тургенева):

21 мая. В половине шестого, когда больного переворачивали, он долго смотрел на Тургенева и вдруг высоко приподнял руку и опустил ее на него, как бы благословляя его. Это, как заметила Софья Николаевна, было последнее движение, в котором выразилась воля сердца в знак любви к тому, которого так нежно любил и с каждым днем, с каждой мыслью о нем сильнее (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 169. Л. 1-2).

Май, 22. Санкт-Петербург

Тургенев – Жихареву(?): «Карамзин при последнем издыхании. Он едва, но тяжело дышит и иногда стонет. Глаза редко закрывает, но в них уже мало жизни. Все признаки близкой смерти, которую ежеминутно ожидаем. Катерина Андреевна и дети

¹⁰ Кушников Сергей Сергеевич (1767–1839), племянник Н.М. Карамзина, видный государственный деятель. Карамзин говорил о Кушникове: «Сергей Сергеевич есть для меня герой благородства душевного и выше всех отличий, которые иметь может; не всем дано чувствовать его высокую цену» (Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 342-343).

¹¹ Карамзина Софья Николаевна (1802–1856), дочь историкографа.

¹² Карамзина Екатерина Николаевна (1805–1867), дочь историкографа.

¹³ Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович (1751–1828), поэт. Принадлежал к высшей аристократии, занимал крупные административные посты. Почти неотлучно находился при особе императрицы Марии Федоровны.

плачут. Пульс еще изрядный... Иногда уводим детей, но как оторвать от умирающего отца!» ([*Погодин М.П.*]. Николай Михайлович Карамзин..., II, 499).

А.И. Тургенев – С.П. Жихареву, А.Я. Булгакову¹⁴:

«22 мая, в 8 час.<ов> утра. Через несколько минут мы лишимся Кар.<амзина>. Он борется со смертью, или, лучше, с жизнью. Семейство его окружает, но иногда слабость наводит сон на Ка.<терину> Ан.<дреевну>.

Вяз.<емского> нет еще.

...Боюсь не с плачевною ли вестию брат пишет, что К.<арамзин> соборован маслом.

Прочитай. Нет надежды, теперь, вероятно, нет его» (Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 183).

Тургенев – Жихареву (?), 22 мая (?):

«Карамзина не стало в час и шесть минут пополудни. Семейство в безмолвной горести».

«...Николай Михайлович страдал, или, лучше сказать, тосковал долго, но последние минуты были покойны. Я был их свидетелем; Катерина Андреевна закрыла ему глаза, после вошли дети. Он не мог благословить их и проститься с ними, но вся жизнь его была для них благословением. Казалось мне, однако ж, что, один раз открыв глаза, в коих не было уже почти жизни, он поднимал руки, как бы желая благословить плакавших около него детей».

«Накануне кончины, т. е. в 5 ½ часов после обеда, 21 мая, когда мы его переворачивали, он долго смотрел на меня и вдруг высоко приподнял руку и спустил ее на меня, желая обнять меня. Это было последнее движение, в коем заметна была воля сердца. Софья Николаевна это заметила. Я утешаюсь сим знаком любви того, которого любил так нежно, и с каждым днем, с каждою мыслию о нем сильнее» ([*Погодин М.П.*]. Николай Михайлович Карамзин..., II, 500-501).

О последних днях Н.М. Карамзина (по рассказу А.И. Тургенева):

22 мая. Карамзин был при последнем издыхании, едва и тяжело дышал и иногда стонал, редко раскрывал глаза, и в них было уже мало жизни. Окружающие в слезах и боязни за каждую минуту, иногда уводят детей, но как оторвать их от умирающего отца.

В час и пять минут пополудни Карамзина не стало. Семейство в безмолвной горести.

Перед кончиною Карамзин страдал, или, лучше, тосковал долго, но последние минуты его были покойны. Тургенев был их свидетелем. Катерина Андреевна закрыла глаза усопшему: после вошли дети. Он не мог благословить их и проститься с ними, но вся жизнь его была для них благословением. Впрочем незадолго пред тем Тургенев заметил, что умирающий один раз открыл глаза, поднимал руки, как бы выражая желание благословить плакавших около него детей. Вечер 22 мая был уже без Карамзина!» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 169. Л. 1-2).

«Одно из последних слов, сказанное Карамзиным по свидетельству князя Вяземского, было следующее: Екатерине Андреевне показалось, что он

чего-то ищет в постели, и она спросила, что ему надобно: “Лежать и любить тебя”, – отвечал он. Это было мне рассказано ею самою, – пишет К.<нязь> В.<яземский>» ([*Погодин М.П.*]. Николай Михайлович Карамзин..., II, 499-500).

Май, 23. Санкт-Петербург

Тургенев – Жихареву: «23 мая. Воскресенье. Семейство еще во дворце Таврическом с телом покойника».

«...Не мне бы должно было устраивать погребение, ибо сил душевных и физических не достанет, но не могу я уступить другому, да и некому. Вероятно, погребение будет в Лавре, во вторник. В понедельник ожидаю Вяземского, если в четверг он выехал. От свидания будут по, крайней мере, слезы – и слезы облегчения. И пустота несколько пополнится. Бездействие семейства, бесполезность для того, для кого и кем жили, ужасны. Уже вчера вечер был без него. Что будет целая жизнь Катерины Андреевны и детей, кои от него не отходили. С ним и им и его душою жили».

«Я еще ничего не обдумал, да и они сами не опомнились еще. Через час по кончине снял я маску с прекрасного лица незабвенного; сделаю бюст для себя и друзей...» ([*Погодин М.П.*]. Николай Михайлович Карамзин..., II, 501-502).

О последних днях Н.М. Карамзина (по рассказу А.И. Тургенева):

23 мая. Воскресенье. Семейство Карамзина еще в Таврическом дворце с телом покойника, но уже сама Екатерина Андреевна не имела сил видеть его более, не позволяла и детям. В глазах Екатерины Николаевны не было слез – от стеснения сердца. Тургенев устраивал погребение – за отсутствием князя Вяземского, которого прибытия ждали с минуты на минуту. Тургенев ждал от свидания слез и от слез – облегчения; через час по кончине Карамзина он снял маску с лица его, предполагая сделать с незабвенного бюст для себя – и друзей (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 169. Л. 1-2).

Из воспоминаний К.С. Сербиновича: «В воскресенье, 23 мая, я опять был в Таврическом, чтобы молиться при гробе почившего. Провожу время в безотрадном его семействе. Кто, кроме Бога, может укрепить погруженных в глубочайшую горечь? Екатерина Андреевна переносит ее с великим смирением и самоотвержением; Софья Николаевна непрестанно заливается слезами; Екатерина Николаевна, увидев меня и посидев немного, точно по тайному внушению, с сердечным участием, сказала мне: “Подите, гуляйте по саду, дышите свежим воздухом; так папенька посылал вас гулять для здоровья; и я вас, именем его, посылаю”. Сорок лет прошло с тех пор, а эти задушевные слова часто и часто приходят мне на память, сохранились и уже забудутся разве с моею жизнью» (*Сербинович К.С.* Воспоминания о Н.М. Карамзине, 268-269).

Из воспоминаний И.Я. Телешева¹⁵: «Я был неотлучно при его теле, <...> слушая псалтырь и молясь за моего благодетеля. На другой день после

¹⁴ Булгаков, Александр Яковлевич (1781–1863), московский почт-директор, сенатор.

¹⁵ Телешев Иван Яковлевич (ок. 1794 – не ранее 1866), воспитатель детей Н.М. Карамзина и его помощник в работе над «Историей государства Российского», автор «Рассказа о 14 декабря 1825» и воспоминаний о Карамзине.

кончины приехал Император Николай почтить покойного, вошел в комнату ко гробу, где находился лишь я, псаломщик и кто-то мне неизвестный, вошедший с императором. Государь подошел к покойному, снял кисею с его лица и, в глубокой горести залился слезами. Бледность покрыла лицо Царя, впрочем не изменившееся. Он поцеловал Николая Михайловича, закрыл лицо его кисеею, и обратясь к вошедшему с ним, что-то ему говорил, брал его за руку, а тот с почитительностью его выслушивал. Из комнаты Государь вышел не в ту дверь, в которую вошел, и у которой его ожидало семейство Н.<иколай>М.<ихайлович>, а в другую, которая вела в сад. Бывшему с ним Государь поручал сказать Екатерине Андреевне, что он не может ее видеть, боясь своею горестию еще более усилить ее скорбь. Печаль Государя о великом из своих подданных тогда тронула меня до глубины моего сердца, и я благодарил Бога, что был свидетелем такого прекрасного прощанья, таких прекрасных чувств Императора Николая I» ([*Погодин М.П.*]. Николай Михайлович Карамзин.., II, 502).

Май, 24. Санкт-Петербург

О последних днях Н.М. Карамзина (по рассказу А.И. Тургенева):

24 мая приехал князь Вяземский. Вечеру вынесли гроб покойного, и трое старших сыновей Карамзина шли за гробом. Андрей Николаевич¹⁶ рыдал во всю дорогу и дрожащей рукой держался за Тургенева. При пении литии в монастыре трое малюток, как три ангела, пали на колена и молились за отца и чрез него – к Богу (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 169. Л. 1-2).

Май, 25. Санкт-Петербург

Тургенев – Жихареву (?): «Пишу из Таврического дворца в минуту отъезда с Вяземским в Невский монастырь для погребения нашего друга... Вчера ввечеру шли три сына за гробом. Андрей рыдал почти во всю дорогу и дрожащей ручонкой за меня держался. При пении литии в монастыре три ангела-малютки пали на колена и молились за отца, или, лучше ему, а через него – Богу. Оттуда мы возвратились к домам и пробыли с ними до полночи. Катерина Андреевна выносит твердо. Сегодня вошла в комнату подле той, где скончался незабвенный, и молилась...» ([*Погодин М.П.*]. Николай Михайлович Карамзин.., II, 502-503).

Из воспоминаний К.С. Сербиновича: «25 мая, во вторник, назначено быть погребению на новом кладбище Александро-Невской лавры, куда в Свято-Духову церковь перевезены были смертные останки накануне вечером. Отпевание происходило в той же церкви. Все, что в Петербурге могло сочувствовать великому нашему писателю, красе и славе отечества, собралось отдать ему последний долг. Литургию и отпевание совершал греческий митрополит Макарий Суццо, довольно правильно делавший возгласения на церковнославянском языке. <...> Не могу вспомнить всех обстоятельств погребения, но что касается до меня, очень помню, что, когда опускали гроб в могилу, я стоял подле князя Петра Ан-

дреевича и как при пении «вечная память» горькие слезы полились из глаз моих. Тургенев, увидев это, указал на меня князю, который тут же горячо поцеловал меня. И этого я также не могу забыть, приняв это за прощальное лобзание самого, скрывшегося от глаз моих, праведника» (*Сербинович К.С.* Воспоминания о Н.М. Карамзине, 268).

О последних днях Н.М. Карамзина (по рассказу А.И. Тургенева):

25 мая. Утром Екатерина Андреевна вошла в комнату подле той, где скончался незабвенный, и молилась. Екатерина Николаевна почти не плакала: она смотрела в небо – и, кажется, искала там отца своего. – Чрез несколько минут Тургенев из Таврического Дворца отправился с князем Вяземским в Невский монастырь для погребения Друга их» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 169. Л. 1-2).

Из воспоминаний А.С. Стурдзы: «Безвременная, ничем не заменяемая кончина Карамзина, похищенного у России, у родных и друзей его в ту эпоху жизни, когда старость только что осенила зрелое мужество, эта утрата не для него, а для нас ознаменовалась обстоятельствами, которых память должна быть сохранена. Историк наш, больной телом, но бодрый духом, жил тогда в Таврическом дворце, по милости царской. Для него снаряжали фрегат, на котором он думал отплыть в Италию. Сыновняя любовь к незабвенному В.А. Жуковского сердобольно и зорко следила признаки усиливавшегося в нем недуга. От нежного его участия не могла укрыться горькая забота больного о будущей судьбе любимых им супруги и детей. Они уже сиротели по предчувствию, и добрый отец, среди разрушенной земной его храмины, смотрел душою в даль, за пределы гроба; его смущали частые приливы тоски и маловерия. Но немного времени прошло со дня восшествия на престол императора Николая I, как рука верного друга привезла больному державный ответ на все недоумения и тревоги отеческого сердца Карамзина. Ему и семейству его пожалован пенсион, значительность коего, или, точнее, поучительная беспримерность, далеко превзошла все надежды великого труженика. Страдалец, изумленный и вместе тронутый до глубины души, вздумал заботиться о том, какая после сих щедрот достанется в удел награда заслугам и подвигам, выше его собственных. И это едва ли не самая прекрасная и умилительная черта благородной и бескорыстной души и жизни нашего историографа. Фрегат, готовый уже принять и увезти одного из лучших сынов России, снялся с якоря без него. Ему не суждено было переплыть моря, искать вдали здоровья с тоскою по родине; он стоял у верного, безмятежного пристанища; перо историка выпало у него из рук; он скончался истинным христианином. Итак, все наши подвиги и звания на земле подчиняются высшей цели и недомыслимому совету Божию о нашем спасении! Книга временного бытия пишется не по размеру наших ничтожных соображений; последний лист в ней закрывается по дуновению Духа Господня; кто отслужил, тот и отозван путем креста» (*Стурдза А.С.* Мои воспоминания о Карамзине // Москвитянин. – 1846. – №9 и 10. – С. 150-151).

¹⁶ Карамзин Андрей Николаевич (1814–1854), сын историографа.

Из воспоминаний Владимира Лотина, слуги Карамзина¹⁷: «...и так после всех этих потрясений Карамзин чаще стал прихварывать, развился сильный удушливый кашель, и к весне слег в постель, и когда было получено известие о кончине Елизаветы Алексеевны, еще более убила скорбь, в эту зиму навестила Карамзина императрица Мария Федоровна, еще в доме Межуева, благосклонная, ласковая и ко всему внимательная. Около великого поста Карамзину сделалось легче стал по-прежнему было и выходить, но уже с человеком, пожаловался, что уже силы изменяют, но духом был бодр, телом же видимо ветшал и разрушался. По предложению государя Императора Николай Михайлович и все семейство переехали в Таврический, а оттуда хотели ехать в Италию на фрегате Елена под командою капитана Епанчина, но бог судил иначе. Карамзин слег в постель, с которой уже более не вставал. Я был <свидетель> плачевной домашней сцены Николая Михайловича со старшей дочерью. Николай Михайлович сидел на диване, обложенный в подушки, пришла Софья Николаевна, встала на колени, горько плачет, целует руки, Карамзин смутился, слезы навернулись на глазах. Друг мой, Сонюшка, не плачь, что ты замуж-то не вышла, Государь вас никою не оставит. Милой дорогой папинеюка, я не о женихах плачу, а мне вас жаль. Верю, мой друг, верю, не терзай мое бедное сердце, поди, мой друг, успокойся, и крепко прижал ее к груди и целовал в голову. После этой сцены уже недолго жил Карамзин. Государь Николай Павлович, бывши в Таврическом, у княгини Ливин <Правильно: Ливен Дарья Христофоровна – статс-дама николаевского двора. – Л.С.>, зашел и спросил: а что Николай Михайлович. Я отвечал, что сегодня скончался. Скажи Катерине Андреевне, что ей нужно, чтобы обратились ко мне, я ни в чем не откажу, да скажи, что я на выносе буду Я сейчас же и передал ей превосходительству. На выносе были Государь император и великий князь Михаил Павлович, проводили в невоское <Кладбище Александро-Невского монастыря. – Л.С.> за обедню, тело его погребено на новом кладбище, впоследствии похоронена рядом с ним и жена его, и близ их Василий Андреевич Жуковский, ... предпринятая поездка в Италию оставлена, семейство Карамзина поехало на лето в Ревель» (РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Ед. хр. 195).

Май, 25. Москва

Императрица Мария Федоровна писала в это время из Москвы следующие письма к Екатерине Андреевне и к Николаю Михайловичу, не зная, что его уже нет на свете: «...Дети пишут мне, что страдания нашего доброго, дорогого, уважаемого друга еще усилились, и ваши столь естественные опасения также. Я разделяю их от полноты души и желала бы выразить вам всю скорбь, которую чувствую. Я надеялась, при виде строк, написанных нашим дорогим больным в вашем письме, что его силы возвратятся и что Господь исполнит наше желание: я еще не отчаиваюсь и умоляю вас не терять ни надежды, ни бодрости душевной: всемогущество Божие так же беспредельно, как и милость: будем всего ожидать от Него; да подкрепит вас Господь. Посылаю два слова для вашего дорогого больного, ко-

торые вы прочтете ему, если можно; если нет, вы сохраните их до тех пор, пока здоровье позволит ему их прочитать; передайте мое благословение вашим детям. Ваши любезные дочери должны быть уверены в участии, которое я принимаю в их великой горести. Мне хотелось бы иметь возможность получать ежечасно известия от вас. <...> Любящая вас Мария».

Приложение:

Мария Федоровна – Карамзину:

«Москва, 25 мая, 1826. Пишу вам только два слова дружбы, добрый и достойный друг мой, чтобы поблагодарить за дорогие строки, которые вы написали мне, и сказать, что я умоляю Всевышнего возвращения вам скорее здоровья, а нам утешения видеть обновление ваших сил. Сохранение вашей жизни слишком дорого для нас, потому что мы чувствуем всю цену вашей дружбы и, пока я жива, я не перестану благословлять ваше имя за то сочувствие, которое вы оказывали в самые тяжелые дни моей жизни; надеюсь скоро видеть вас, добрый друг мой, и найти вас выздоравливающим. Прощайте, остаюсь навсегда любящею вас Марией».

На конверте: Доброму другу моему Карамзину» (Погодин М.П.]. Николай Михайлович Карамзин., II, 500-501).

Май, 26. Санкт-Петербург

Известие в «Русском инвалиде»: «В минувшую субботу, 22 мая, в два часа пополудни, к глубокому прискорбию всех россиян, скончался знаменитый наш историограф Николай Михайлович Карамзин. Для похвалы сего великого мужа довольно сказать, что император Александр удостоивал его своей дружбы. “История государства Российского” есть бессмертный памятник, воздвигнутый им своему царю-благодетелю и России: памятник, которого не сокрушит река времени!» (Русский инвалид. 1826. 26 мая. С. 507).

Май, 27. Псков

Пушкин – Вяземскому: «...Грустно мне, что не прошусь с Карамзиными – бог знает, свидимся ли когда-нибудь. <...>» (Пушкин А.С., XIII, 280).

Май, 29. Санкт-Петербург

В «Северной пчеле» напечатана «Некрология» (автор – Н.И. Греч) (Северная пчела. – 1826. – №64. – 29 мая).

Май, 30. Санкт-Петербург

Из воспоминаний К.С. Сербиновича: «30 мая, в воскресенье, по желанию Екатерины Андреевны, разбираю книги Николая Михайловича, которые он думал взять с собою за границу» (Сербинович К.С. Воспоминания о Н.М. Карамзине, 268).

Конец мая. 1826. Эмс (?)

Жуковский – Е.А. Карамзиной: «...И наш Ангел на небесах! Так! Он был наш ангел! Друг, хранитель, наставник, пример всего доброго, ободритель для всего прекрасного! Кто имел счастье любить его, тому уже нечем заменить своей потерей! Подобной

¹⁷ В «Воспоминаниях» Лотина сохранена орфография источника, пунктуация приближена к современным правилам.

души не встретишь. Когда я его покидал, я чувствовал, что это навсегда. Я не смел с ним проститься. Я счастлив, что мог поцеловать его руку. Это было безмолвным выражением всей моей благодарности за то, что был он для меня в жизни. И кто мог быть более? Лучшее мое чувство, чистое и высокое, как религия, была моя к нему привязанность. Смерть этого чувства ни ослабить, ни изменить не может: она переименовала только его имя! Любовь к милой его памяти будет таким же благотворением на остаток жизни, каким была любовь к нему самому. Сердце благоговееет перед его смертью. Она также возбуждает и доверенность к Божеству и уважение к жизни, как самая жизнь его. Чтобы почувствовать с благодарностью к Провидению, что есть лучший мир, надобно только переселить в него подобную душу: как не поверить теперь бессмертию и как не чтить той жизни, которая ведет к этому бессмертию? Кто жил лучше? И кто после себя оставил более подпор для тех, которые должны вечно скорбеть об нем? В горести об нем, в мысли о том, что он был прежде, и что он теперь, заключены все драгоценнейшие житейские блага! Сколько надежд в воспоминании об нем для нас, детей и друзей!

Первое, что меня здесь встретило, было известие о моей потере; я был к ней приготовлен, но она поразила как неожиданность. С тех пор два чувства наполняют душу: умиленная мысль об нем, о друге, благотворителе, ангеле, который хотя и невидим, но никогда, никогда не покинет меня в жизни. Другая об вас, жестоко тревожащая сердце... Не умею вообразить вашего положения! и боюсь об нем думать. Но как вы теперь для меня драгоценны!

Одна надежда на вашу добродетельную твердость. Подкрепи вас Бог! Простите» ([*Погодин М.П.*]. Николай Михайлович Карамзин., II, 504-505).

Смерть Карамзина была воспринята многими современниками не просто как личная драма, но как невозможная нравственная утрата, как потеря для культуры. В этом отношении показателен отзыв П.А. Вяземского из его записных книжек: «Я писал сегодня Жуковскому: “Чувство, которое имели к Карамзину живому, остается теперь без употребления: не к кому из земных приложить его. Любим, уважаем иных, но все нет той полноты чувства. Он был каким-то животворным, лучезарным средоточием круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в мире поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставила по себе бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется. Странное сличение, но для меня истинное и не изысканное! При каждой из трех смертей у меня как будто что-то отпало от нравственного бытия моего и как-то пустее стало в жизни. Разумеется, говорю здесь как человек, член общего семейства человеческого, не применяя к последней потере частных чувств своих. Смерть друга, каков был Карамзин, каждому из нас уже есть само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь; но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей!”» (Вяземский П.А. Записные книжки. – Москва, 1992. – С. 84).

Публикацию подготовила Л.А. Сапченко.

Ольга ДАРАНОВА, учёный секретарь Дворца книги, областной научной библиотеки им. В.И. Ленина, руководитель Ульяновской региональной организации Союза писателей России.

БЕЗ ЭТОЙ ВЕРЫ И ЛЮБВИ МЫ НЕ СМОГЛИ БЫ ВЫСТОЯТЬ...

В апреле вышел из печати долгожданный сборник произведений ульяновских литераторов «Слово о Победе».

В сборник вошли стихи, проза, публицистика шестидесяти четырёх ульяновских литераторов – от фронтовиков до младших современников. Сборник начал создаваться к юбилейному году Великой Победы, но разные обстоятельства задержали его выход в свет. Сборник посвящён памяти Александра Дмитриевича Лайкова, поэта, журналиста, члена Союза писателей и Союза журналистов России, скоропостижно скончавшегося 7 сентября 2021 года. Он начал эту работу, вложил много труда и души в неё, хотел, чтобы слово ульяновцев разных поколений было услышано... Его стихи тоже есть в сборнике, в них – уважение к фронтовикам и чувство родства и связи поколений, когда боль сороковых годов пронзает сердца и наших современников:

Я тоже мог погибнуть на войне,
А не качаться в зыбкой колыбели...
Но пуля, предназначенная мне,
Прошла левее сердца, мимо цели.

Могла смертельно ранить бы отца
Под Кёнигсбергом иль в бою на Висле...
Тогда бы катыш рваного свинца
Лишил меня поэзии и смысла.

Благодарю судьбу и небеса
За право жить в отважном поколенье!
Но страшно слышать ночью голоса
Младенцев, убиенных до рожденья.

А ведь могла любимая моя
 Пополнить роковые эти списки...
 Вселенная живёт, пока есть я.
 Поставьте нерождённым обелиски!

Во вступительной статье к сборнику Александр Лайков пишет: «Сборник «Слово о Победе» – это память и гордость за наших дедов, отцов и матерей, за их героические поступки, за любовь к нашей Родине, которую мы обязаны пронести через свою жизнь и передать будущему поколению. За мечательно, что в этом сборнике приняли участие ветераны и дети войны, студенты и школьники. Переключка поколений говорит о том, что память о Великой Победе будет вечно жить в сердцах всех россиян!»

Первый раздел сборника «Пропахшие порохом строки» посвящён писателям-фронтовикам. Вспомним их, ведь они – наша гордость и память, наше достояние: Пётр Бейсов, Юрий Грунин, Николай Краснов, Юрий Куликов, Евгений Ларин, Николай Левинтов, Николай Майоров, Михаил Небыков, Сергей Осипов, Николай Рябинин... Каждая их строка – это отзвук атаки, хроника тревожных военных будней, документ эпохи... Их, ветеранов, остаётся всё меньше и меньше... Шемяце точно написал об этом Николай Левинтов:

*Всё тише звон медалей на парадах,
 Всё меньше на земле однополчан,
 Всё больше нас за чёрною оградой
 От старых ран, да и от новых ран.*

*Но в этот день гремите, трубы, медно!
 Мы вновь вступили в сорок пятый год!
 И мы пройдем по-прежнему победно,
 Смотрите все – История идёт!*

Совсем недавно, в декабре 2020 года, от нас ушёл последний фронтовик нашей писательской организации, ветеран литературного цеха, почётный гражданин Димитровграда, человек-эпоха – Евгений Степанович Ларин. Яркое синее небо на обложке сборника пронизано его строками:

Кто с нами был на всех фронтах
 За наше дело правое,
 Чьи имена в своих сердцах
 Мы пронесли со славою.
 Как знамя в ранах и крови
 За мир и небо чистое...
 Без этой веры и любви
 Мы не смогли бы выстоять.

В разделах «Живая память» и «Храним и помним» опубликованы стихи и проза ныне здравствующих наших современников и тех, кто ушёл недавно, оставив память о войне своими стихами, рассказами, воспоминаниями: от Николая Благова до молодых ульяновских литераторов, участников конкурса «О войне написано не всё...». Это те, чьи деды и отцы ушли на фронт, чьё детство пришлось на голодное военное время, и война долетела до них суровыми «треугольниками», воспоминаниями однополчан, живых свидетелей, незаживающими

душевыми ранами и потерями. Скромно, негромко написал об этом ульяновский поэт Владимир Дворянсков:

*Не дымятся дали,
 Пыль черна от слёз,
 Ни одной медали
 Дед мой не принёс.
 Только в этом самом
 Нет его вины,
 Потому что сам он
 Не пришёл с войны.*

На страницах сборника можно прочесть стихи Валентина Манухина, Александры Беловой, Светланы Зазимко, Светланы Матлиной, Елены Кувшинниковой, Татьяны Эйхман, Елены Яговкиной, Владимира Артамонова, Александра Дашко, Марии Богдан и ещё многих других.

Дорогого стоят воспоминания ульяновских писателей Ольги Шейпак, Алексея Жданова, Николая Ларионова о родных и близких, прошедших войну. Пронзительна повесть Юрия Шерстнёва «Орденские планки», дышат добром и любовью к родной земле строки повести Виктора Сергеева «На покосе», обезоруживают своей обнажённой правдой стихи Петра Мельникова, Виталия Масюкова, Светланы Матлиной, Леонида Суркова, Светланы Зазимко, трогательно чист и человечен рассказ «Ванечка» Ильи Таранова...

В сборник вошли стихи и проза как членов Ульяновского регионального отделения Союза писателей России, так и строки литераторов нашего края, не состоящих в союзе, но составляющих с ним единое духовное братство.

Ценным в этом сборнике является и то, что память о войне сохраняют и молодые люди нашего времени. Они пытаются осознать подвиг дедов, написать послания из XXI века в прошлый век, чтобы сказать им, что помним вас, бережём эту память... И пусть строки не всегда совершенны, они ценны своей искренностью. Вот как написал молодой поэт Александр Бухарин:

Я никогда не видел бой,
 Ожесточённый бой, кровавый,
 Когда тайком, рукою правой
 Крестьясь, солдат, от страха бравый,
 Другую поднимал рукой
 Отряд под голос громовой.

И жар боёв давно остыл,
 Но мы – свидетели заката
 Эпохи грозной, что солдата
 Так вознесла. И у могил
 Шепчу порою виновато:
 «Они там были – я не был».

Вечная память всем, кто воевал, боролся, приближал Победу. И вечная наша любовь им, как написала Елена Кувшинникова:

И в каждом человеке – часть Вселенной.
 Да будет «память длиться род и в род».
 Воистину, вовек: любовь нетленна!

СЛОВО О ПОБЕДЕ

Презентация во Дворце книги

6 мая в Торжественном зале Дворца книги состоялась презентация сборника произведений ульяновских литераторов «Слово о Победе». В сборник вошли стихи, проза, публицистика более шестидесяти ульяновских литераторов – от фронтовиков до современников.

Выступает Илья Таранов

Вера Долматова

Вечере приняли участие писатели Ульяновска и Димитровграда – авторы сборника.

Ведущая вечера Ольга Николаевна Даранова, учёный секретарь Дворца книги, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России, сообщила, что сборник посвящён памяти Александра Дмитриевича Лайкова, так как он начинал его собирать. Вступительная статья Александра Лайкова открывает сборник.

Алина Осокина, прозаик, член Союза писателей России и Александр Дашко, председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области, рассказали, что несмотря на то, что очень сложно писать о войне, современная молодежь не может обойти эту тему в творчестве, рождаются стихи и проза, очень большой отклик эта тема находит и у читателей, и в среде молодых писателей.

Вера Петровна Долматова, заведующая Центром чтения Дворца книги, чьи стихи также есть в сборнике, рассказала о том, как родилась идея издания.

Ольга Даранова и Раиса Кашикирова

Сборники передали в библиотеки области

У микрофона Светлана Зазимко

Писатель Илья Таранов поздравил собравшихся с Днём Победы и отметил своевременность и актуальность появления этого сборника.

Свои стихи о войне прочитали Александра Белова, Светлана Зазимко, Александр Дашко. Историю создания рассказа «Орденские планки» поведал Юрий Шерстнев.

Презентация прошла в тёплой обстановке, каждый нашёл своё трепетное, незаемное слово о подвиге нашего народа, рассказал свою личную историю, вспомнил родных и близких, павших и вернувшихся с фронта.

Сборник был передан в библиотеки муниципальных образований Ульяновской области, его получили авторы и гости вечера. Книга послужит хорошим пособием учителям и школьным библиотекарям в целях патриотического воспитания молодого поколения.

Выступает Александра Белова

Писатели – участники презентации сборника «Слово о Победе»

Михаил Байгушкин. 1946

Михаил Петрович БАЙГУШКИН (1919–1979)

Факты биографии.

Уроженец села Красная Слобода, ныне посёлок Новоанненковский, Майнского района Ульяновской области.

1938 год – учёба на факультете журналистики Ленинградского института имени А.И. Герцена.

1939 год – Финский фронт; 1940 год – Ленинградское авиатехническое училище (младший техник-лейтенант); 1941 год – 156-й истребительный полк; 1942 год – 193-й истребительный авиополк; 1944 год – награждён медалями «За освобождение Вены», «За освобождение Будапешта».

С 1947 года – старший техник Ульяновского областного аэроклуба; 1954 год – работа на Дальнем Востоке; с 1955 года – Ульяновская областная автошкола; в дальнейшем – преподаватель трудового обучения школ №11, №13, №45.

Рассказ фронтовика

ИНТЕРЕСНОЕ ПИСЬМО...

Против гитлеровских вояк оцетинились не только люди, но и реки, и дороги, и леса, и небеса. Январские морозы на нашем Калининском фронте, на Будовском аэродроме, для нас, русских, – и то, были непривычными...

Припоминается приказ, запрещающий умывание лица во избежание обмороживания. Но приказ запоздал, все почти ходили с пятаками на щеках и с опухшими элеронами (так именовали мы наши уши).

Кое-кому этот приказ пришёлся по нраву, которые и до приказа умывались от дождя до дождя! Да и настроение у нас до сих пор было – не до тыла.

Немчура же от наших морозов пряталась, гибли на снегу, как тараканы, но они, сволочи, прятались в уцелевших домах. Наши истребители ЛАГГ-3, возвращаясь с боевых заданий, попутно жгли дома, выкуривая немца на мороз.

Иногда к утру у прилеска или у печки, что осталась стоять от сгоревшего дома, сидя у потухшего костра с открытыми глазами и с растопыренными пальцами костенели немцы.

В этих заиндевелых и обледенелых до мозгов костей сосульках, фрицы больше походили на огородных пугал, обвешанных тряпьем. Трудно было распознать тех самых летних фрицев, которые на танках и на автомашинах неистово «горлопанили» под губные гармошки свои победные марши. Вот они и допелись...

Этих навек обруселых немцев наши смекалистые шофера втыкали в придорожный снег вместо вёшек. Их тёмно-зелёные шинели видны были и ночью. Вот они и дослужились!

Кто-то оригинально высказался, что на труп врага всегда смотреть приятно, а кто-то ему добавил, что труп врага даже пахнет приятно...

Кому как, а я смотрел на них всегда с отвращением: и на живых, и на мёртвых.

Фашист что разбойник, что садист-живодёр: по-моему, всё одно!.. А наш брат в ту пору – после мучительно-изнурительного отступления от западных рубежей до истоков Волги – впервые за полгода войны отведал восхитительно-сладкие плоды наших первых побед!

Пусть наше наступление тактически выглядело

не совсем ещё грамотно, но зато наше – с настоящим русским задором и разухабистой удалью.

Гитлер, чтобы удержать город Ржев, заковывал в цепи в дотах и дзотах своих пулемётчиков. А в столице тверской, в г. Калинин – как они ни изошрялись в своей обороне, не смогли удержать нашего натиска, – кому удалось, те позорно бежали... обдавая «поносом» все тропы и посёлочные дороги, а многие превратились: то в обуглившиеся огарки, то – в заиндевелые сосульки; а некоторых угрозило попасть из огня да в полымя!

Первые сто, двести а местами до трёхсот километров нашего наступления вселили в наши сердца надежду и уверенность: что рано или поздно – всем гадам с начальной буквы «Г», как то: Гитлеру, Герингу, Гиммлеру, Геббельсу, Гессу – и всякому прочему дерьму с буквы «Г» придёт конец на букве «Г», сколоченной из дерева и прочно забьют в ящик, тоже с буквы «Г»!

Наше настроение поднялось как на дрожжах. У каждого в груди бурлила месть и клокотал порыв – все рвались в бой! На что уж там – техники и мотористы чинили, латали и снаряжали самолёты в боевые полёты для лётчиков, и то, не чувствуя земли – словно на крыльях, всё делали бегом, – иногда забывая поесть, ну а спать нам и по службе было положено урывками, между вылетами...

И вот в один из обычных фронтовых дней наш полковой почтарь Гришка Гусаков в обыкновенном лётном планшете из штаба дивизии, что отстоял от нас за 20 километров, при обычном 40-градусном морозе принёс письма.

Что тут было – трудно передать! Но я обратил внимание на механика нашей эскадрильи Ивана Трегубова, который, как всем нам было известно, за всю войну ни одного письма из дома не получал.

Словно вся деревня Озёрки, где-то под Ульяновском, разом вымерла...

Иван невозмутимо докурил свою «двадцатипроцентовку», искурил «десятипроцентовки» и, достав хворостинку, чтобы не обжечь губы, приладился сосать «пятипроцентовку»...

Курцы на фронте выработали свой порядок: хозяин сигарки мог искурить только половину. Другую половину предлагали выкрикивая: 50,.. 40,..

30,.. 20,.. 10,.. и, наконец 5... – через соломинку!..

Воспользовавшись суматохой вокруг писемно-носца, он «объегорил» одного, и уже «объегоривал» другого, как вдруг словно выпалила Царь-пушка! Или зазвенел Царь-колокол...

Гусаков испытывающе глядел на Ивана и членораздельно, на всю землянку огласил: «Тре-губов!» – все аж ахнули... Закричав: «Неужели и Ивану есть?... Да, кто же ему нацарапать мог?... Неужели из дома?» – все разглядывали Ивана.

Он, услышав свою фамилию, по растерянности протянул и проглотил свой «ашнарик» (так назывались окурки), обжёг во рту и сплёвывая махру, словно шрапнель, проворно выхватил своё письмо-треугольник и отошёл в сторонку...

Долго он разглядывал письмо и когда прочитал на обратном адресе село Озёрки, сердце сладко забилось, – об диаграмму что ли, в носу засвербило, и неожиданно слёзы радости выкатились из удивлённых глаз, застелив их радужным туманом.

Успокоившись, он высморкался с помощью одних пальцев и осторожно развернул треугольник в лист. Поводя загрубелым, когтястым пальцем, шевеля губами – он жадно перечитывал каждую букву, пытаясь ухватить смысл хоть одного слова... но слова не получались! Получалась какая-то бессмыслица: «Писна пушна пятва хеврала»...

Прячась от нас, он украдкой хотел постичь за-таенный смысл письма, но пока безуспешно...

Читал утром, читал – весь день, читал – и ночью, под мигалку, но тайна письма чтению не поддавалась. Уже рябило в глазах от этих в дупель, пьяных букв, да и сами строчки, напоминавшие давно заброшенную просёлочную дорогу, нагло лезли в глаза и безотчётно пятились назад.

Попытка прочесть утром, на свежую голову, тоже оказалась безрезультатной. И он вынужден был обратиться к своему ближайшему другу. Москвичи – тоже механики и наподобие ему, медленно мыслимому в движениях и так же, как он, с большим понятием, специалисты.

– «Слушай, Николай Николаевич... – полушёпотом начал Иван. – Мать у меня безграмотна и, видно, упростила сельского парнишку, тоже, видать, грамотея отписать мне письмо.

Ночь не спал и вчера весь день читал, и до сих пор не могу понять: что к чему?»

– «Ну-ка, давай-ка, посмотрим – где тут собака зарыта?..». Долго силится Дюбков прочитать и вникнуть в смысл письма, но тайна осталась – словно за бронёй! А после обеда подошёл к Трегубову и виновато отшучивался: «Понимаешь, Иван, – тут, вроде бы не по-русски писано. Буквы вроде бы русские, а вот слова – не такие... Может, у вас там, в Озёрках-то живут французы – из Чебоксар, или эти, англичане – из Саранска?»

Эти слова Иван принял за насмешку, и, выхватив письмо, вспылит на всю землянку: «Наши Озёрки давно оккупированы такими Дюбковыми! – намекнув на то, что семья Дюбова переехала из Москвы в Сибирь вместе с заводом.

В этот скандал влезли все любители позубоскалить и праздно почесать языки. Со всех сторон как град на голову Ивана сыпались остроты...

Кто намекал на несуществующую пока у Ивана

жену, которая побывав с немцами, разучилась говорить по-русски. Кто нарочито упрекал его мать, что она этому писарю до написания поставила бутылку, и, чтобы разобраться, надо самому вылакать не меньше двух бутылок. Словом, кто во что горазд...

– Шутки в сторону!.. – своим зычным голосом крикнул почтарь Гусаков. – Тут надо резонно разобратся. По-моему, с этим письмом надо дойти до инженера «по трубкам, по пятам».

Так прозвали инженера по спецоборудованию Лебедева, который окончил академию Жуковского и слыл грамотным человеком.

Лебедев, продержав два дня Ивашкино письмо, вернул ни с чем и, оправдываясь, снова натолкнул на мысль: а может, какой нацмен написал на своём языке.

Стали считать всех нацменов, – а у нас в полку, можно сказать, полный интернационал...

Но в середине марта письмо снова вернулось к Ивану – не разгаданным всеми нацменами. Так это письмо побывало во всех эскадрильях, а ближе к весне – где-то в середине апреля было на КПП (командный пункт полка) и, обойдя всех штабистов и заядлых писарей, попало в руки командира и комиссара.

Три дня бились над письмом командир с комиссаром, но так и не смогли снять эту проклятую броню над весьма загадочным письмом и решили вернуть его через посыльного своему хозяину – Трегубову.

А Иван давно потерял надежду на прочтение, ждал нового письма, с более разборчивым почерком. И снова он получил, но снова – с такими же иероглифами. В своих письмах к матери он умолял её, чтобы она нашла другого писаря, но пока и второе письмо оказалось не менее загадочным, как и первое...

Рассылный КПП Жук носил к фамилии приставку «навозный». И вот с одной этой приставкой и обращались к нему и товарищи, и командиры, и даже начальство...

Взяв письмо от рук комиссара, он козырнул, чётко обернулся и, выйдя из землянки, стал читать. Разыскав Трегубова, он козырнул ему:

– Товарищ старшина, разрешите вручить вам письмо из начальственных рук командира и комиссара полка!

Поняв это козыряние за насмешку, Иван сострил:

– Возьми, Жук навозный себе. На подстилку!..

– Приказ, закон для подчиненных, – велено вручить Вам! И письмом разбрасываться в военное время небезопасно! Возьмите, а я пойду доложу, что задание выполнил!

– Ты лучше скажи, что командир с комиссаром? Поди пупки надорвали над этим письмом!

– Никак нет! Долго старались прочитать, но у них «сельсовет закрытый» (это намёк на отсутствие ума).

Трегубов парировал тем же:

– А, у тебя – в этом сельсовете сквозняки гуляют?

– Прошу не обижать подчинённых, товарищ старшина!

– Так вот, Жук навозный, возьми это письмо и

сам прочти: покажи, что твой сельсовет уж больно ушлый! Пожалуйста, хоть одно слово...

Он развернул письмо и начал читать:

– Письмо пущено пятыва февраля. Здравсть! Это значит, здравствуй ненаглядный мой «отпетка»...

Вот тут у Ивана все внутренности обдало жаром! И он воспрял духом, убедившись, что так могла назвать только его мать. Отпетым его прозвали с малолетства.

Пропал на берегу речки, все подумали, что он утонул!

Исколесив бреднями и недотками всю речку до мельничных затонов и найдя какую-то тряпицу, похожую на его рубаху, все заключили: утонул и рыбёшки с раками иссосали его.

Отпели за упокой души, а через день после отпевания нашли его в лесу на дне оврага – совсем еле-еле душа в теле...

Вот с той поры и стал он нарекаться в селе «отпеткой».

Иван слушал Жука, благодатно плакал и умиленно шептал:

– Вот это человек, вот это голова, вот это жучок!

– Так дай тебе Бог и всему твоему жучиному потомству доброго здоровья!..

Письмо оказалось, на редкость содержательным и обстоятельным. Мать Ивана – уже 63-летняя женщина – писала, что справилась и с сенокосом, и с уборкой огорода, запасла хворосту и дров на всю зиму, заработала в колхозе 240 трудодней и сейчас конюшит... Не велела посылать Ивану ей денег: «Все получают похоронки, а я – деньги!» И наказывала

не беспокоиться о ней и сообщила фронтовые адреса старших братьев: Алексея и Василия и сестры – фельдшера Нютки...

Этот слушок и сама остротка Жука про сельсовет дошли до командира и комиссара; и командир, любитель на досуге «подковырнуть» над официозностью комиссара, самокритично пояснял комиссару:

– У меня, как это метко подметил Жучок, – сельсовет «закрыт на крючок!» – комиссар весело заулыбался...

– А вот кого он имел в виду из нас? У кого сельсовет открыт?

Комиссар, не говоря, ткнул себя в грудь, ещё пуше улыбаясь.

– Но ведь он добавил, что в открытом сельсовете сквозняки гуляют...

Командир, довольный поддёвкой комиссара, сиял серебряным зубом, а комиссар с кислой миной серьёзно заговорил:

– Надо ещё посмотреть на перевод этого сельсовета...

И вот с этой поры все забыли про Жука, все говорили и обращались к нему: «Сельсоветчик». А Ивановы письма стал с интересом читать сам командир полка!

Их сразу не прочтёшь! Но крепенько поразмылишь: раскинув пошире, а местами поглубже – умом поймёшь. Вот и стал наш Иван Трегубов из-за своей матери другом командира полка и его личным механиком. Как ни говори, но это большая почесть для любого авиамеханика!

АРХИВ

*Валентина КОСТЯГИНА, старший научный сотрудник отдела фондов
ОГАУК «Ленинский мемориал».*

ХУДОЖНИК И ЕГО ВРЕМЯ

Среди многих сотен писем, адресованных Дмитрию Ивановичу Архангельскому его бывшими учениками, старожилками родного города, краеведами, музейными и библиотечными работниками, архивистами, известными искусствоведами, художниками и деятелями других видов искусства, хранящихся в настоящее время в ульяновском музее-мемориале В.И. Ленина, – письмо от дирижёра Свердловского государственного академического театра оперы и балета им. А.В. Луначарского, заслуженного артиста Казахской ССР Манаева Евгения Васильевича, датированное 8 июня 1973 года.

«Милый Дмитрий Иванович!

Встречи с Вами, происходившие в 1933–1934 годах в г. Ульяновске у Вас дома, оставили у меня воспоминания, которые принято называть неизгладимыми. Пишет Вам человек, постоянно вспоминающий о Вас и Вашей деятельности как художника. Прошло достаточно времени, чтобы могли отстояться впечатления и привязанности случайного порядка от впечатлений и привязанностей прочных, твёрдых по уровню веры в то, во что веришь.

Поэтому-то и пишется это письмо. Мне сейчас 63 года, из которых я начиная с 1931 года уже 42 года работаю в качестве оперного дирижёра. В 1931 году я по окончании музыкального образования поступил на работу в Средне-Волжскую передвижную оперу в качестве пианиста-концертмейстера-дирижёра. Эта передвижная опера периодически наезжала с гастролями в Ваш город – Ульяновск.

В один из приездов в Ульяновск в 1933 г. нашей оперы оперная молодёжь (певцы) сообщила, что в городе есть великолепный «певец Волги», акварелист Архангельский, что к нему собираются идти наши ребята в ближайшие дни. Я, конечно, примкнул к компании, т.к. родившись на море (Владивосток), выросши в Хабаровске (Амур), я бесконечно искал секрет цвета поверхности воды на реке в условиях разного светового освещения <...>

Искал не для того, чтобы стать художником (я с детства музыкант, и музыка прошла через мою жизнь главным фарватером), а для того, чтобы понять, почему через каждые две-три минуты

вечернего освещения при начинающемся закате солнца так бесконечно разнообразно меняется комбинация и интенсивность цвета волн на поверхности воды. Как схватить в мозгу секундное впечатление и передать на картине красками?

<...> И в Ульяновске, катаясь вечерами по Волге на лодке, любясь бесконечно изменчивой колористической игрой цвета волн, волночек, речной глади, «стекла» застывшей в неподвижности воды, я всегда возвращался немного не в себе от обилия цветовых впечатлений, от богатства и щедрости природы, от красоты волжской водной поверхности.

Наша компания пришла к Вам. Вы были так любезны и добры, что вместо отдыха посвятили нам своё послеобеденное время, вынули из своего «святой святых» одну из стопок великолепных акварелей, единственной героиней которых была Волга. И тут-то начался ПИР для меня и, конечно, для моих товарищей, смотревших Ваши акварели. Перечислить всё, что я видел, невозможно, ибо картины были одна лучше другой. Ещё тогда я сказал себе: «Как хорошо, что на свете есть такие люди, как Дмитрий Иванович, как это важно, нужно, необходимо для всех людей». Какое счастье, что я встретился с Вами и Вашим творчеством!»

Потом мы проектировали эскизы и макет оформления оперы «Чио-Чио-Сан». Вы это делали и показывали нам. Жаль, что это не было реализовано нашим театром из-за недостаточного фонда дотаций. Однако такой творческий контакт на всю мою жизнь отложил неизгладимый след от встречи с Вами, Дмитрий Иванович! <...>

За долгую театральную жизнь я объехал массу городов (гастроли театра), много повидал, но Ваше творчество идёт у меня под номером ПЕРВЫМ. Хотелось бы ещё хоть раз полюбоваться на Ваши акварели и воскресить прошлые незабываемые времена в памяти».

Это письмо Е.В. Манаева помогло наконец-то выстроить целостную картину из отдельных разрозненных и, казалось бы, не связанных между собой сведений, содержащихся в материалах архива Д.И. Архангельского, полученных в разное время от внучки художника Натальи Андреевны Мешалкиной, и привлечённых дополнительных источников.

Постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 года вместо упразднённых Пензенской, Ульяновской, Самарской, Оренбургской губерний была образована Средневожская область с центром в Самаре. В марте 1931 г. Ульяновский городской театр из ведения горсовета был передан Средневожскому краевому управлению зрелищных мероприятий, которым в 1930-е годы был реализован масштабный проект. Уроженец Пензенской губернии, выпускник Московской консерватории **Фёдор Петрович Вазерский** (1887–1970) – музыкант, актёр, педагог основал Государственный передвижной театр оперы и балета Средневожского края. Передвижная труппа просуществовала до 1937 года и внесла неоценимый вклад в становление и развитие оперного и музыкально-драматического искусства страны.

В сентябре 1931 года, мае-июне 1932-го, сентябре-октябре 1933-го, августе-сентябре 1934 года

театр гастролировал в Ульяновске. В его репертуаре было 28 опер русской и зарубежной классики и три балета: «Лебединое озеро» П.И. Чайковского, «Красный мак» Р.М. Глиэра, «Коппелия» Л. Делиба.

Гастроли широко освещались ульяновской газетой «Пролетарский путь». В одном из номеров газеты обозреватель Инк отмечал: «Оркестр качественно крепок и особенно хорош при дирижировании Ф.П. Вазерского. Коллектив певцов, как обычно, разнороден, но в качестве цемента обладает недурной сыгранностью. Наиболее ровны в труппе тенора (Гусаров, Петров). Особняком стоит артистка Морозова. По лиричности, по технике, по чистоте, по тому, как распоряжается им артистка, это недюжинный голос. Басовые ампула неровны. Голос Раева обработан и монументален. Заворыкин не всегда даёт высокие показатели, но в Мефистофеле спел немало удачных арий».

5 сентября 1933 года газета сообщила об открытии с 12 сентября очередных гастролей «Краевого передвижного театра оперы и балета в составе 100 человек. <...> Для прибывающих артистов необходимы комнаты, просьба сдавать адреса в контору театра».

Ввиду запаздывания труппы открытие сезона несколько раз переносилось, и, наконец, 18 сентября в газете появилось объявление: «Госдрамтеатр. Состав оперы-балета прибыл. Открытие сезона – 22 сентября. Взятые билеты действительны согласно ранее объявленному репертуару».

Так в гостеприимном доме Архангельских на Шатальной улице (ныне ул. Корюкина) и появились артисты, о чём вспоминает в своём письме Манаев Е.В.

Калмыков С.И. Портрет Д.И. Архангельского. 8 октября 1933 г.

А сам Д.И. Архангельский позднее сообщал дочерям, обучающимся в Москве: <...> Вот ещё новости. Приехали артисты из оперы и два дня подряд были у меня. Этюды мои их сводят с ума. Они помнят их с прошлого года: что на них, в какой папке они лежат. Калмыков <...> пишет теперь заумный роман. На первой странице поместил мой очерк о нём. Оказывается, он посылал его в Москву и Ленинград и получил блестящий отзыв. Он горд. Много говорили о том, как он пишет декорации. Он пишет их или ювелирно, или очень грубо. Так вот концертмейстер [Манаев Е.В. – В.К.] мечтает, чтобы я писал у них. Я сказал, что я не спею, а вот попробовать сделать эскиз – это можно».

В архиве Архангельского сохранился текст его очерка о художнике **Сергее Ивановиче Калмыкове**, который в начале 1930-х годов создавал декорации для передвижной оперы Фёдора Вазерского, делал эскизы костюмов и афиши Оренбургского театра и цирка.

Калмыков С.И. В мастерской. Оренбург, 1933 г.

Дмитрий Архангельский **Сергей Калмыков**

Сергей Калмыков – художник-философ, художник-изобретатель, строитель (в идее), фантаст, автор многочисленных фоллиантов, дневников, жизнеописаний, неотправленных писем, посвящений, афоризмов, сарказмов и лирики.

В сущности, у него всё просто: прежде всего он сам. Везде: в композиции, в афоризме, теории, портрете он сам беспокойный, устремлённый, злой, всегда один в своих исканиях (он находит сходство в себе со многими, но тут же перескакивает через них и дальше – и снова один), всегда новый. Ищет себя в природе, в математических сцеплениях точек, линий и туманностей. В астрономических звёздных сочетаниях он ищет оправдание своим фантазиям.

У Сергея Калмыкова – две оси (теории). Первая теория – для изобразительного искусства: расчёт, вкус и случай.

Три несовместимых элемента. Три случайных его спутника. Этой теорией С. Калмыков окутал себя, как кружевной листвой густого леса, в которую проникает и дробится на тысячу осколков солнечный горячий луч. Сквозь кружево точек, линий, туманностей, чаи и капителей у Калмыкова Сергея

проникает натура: природа, город, человек, животное, цветы.

Вторая ось – литературная. В писаниях простых, льющихся неудержимо, естественно и понятно, в гуще обыденнейших заметок, повседневных записях забот, тревог и огорчений развёртывается богатейший калейдоскоп переживаний, выдумки, многочисленных и неожиданных теорий, лирики, писем, острых наблюдений над приятелями, окружающими и случайными стариннейшими встречными художниками и учёными, с которыми он обращается, как с живыми, как со старшими своими современниками.

Калмыков С.И. Антиподист. Из серии ЦИРК. 1926 г.

Любимая принятая форма работы у Сергея Калмыкова (художника) – сюита. Он любит исследовать. В своих листах С. Калмыков с анатомической точностью, с любовью, со множеством задач на будущее разбирает сюжет. И сюжетов очень немного: массив земли, массив города, в городе силуэт цирка (прежде всего цирка), случайная эстрада, остатки отшумевшего народного творчества, пятно лавчонки на фоне ажурного ж.д. моста, проволочные нервы города. Сергей Калмыков любит солнце, землю и воздух.

Но солнце у него за сеткой его навязчивых точек, линий и туманностей. Свет на его картинах рассеянный, серебристый, скупой, неяркий.

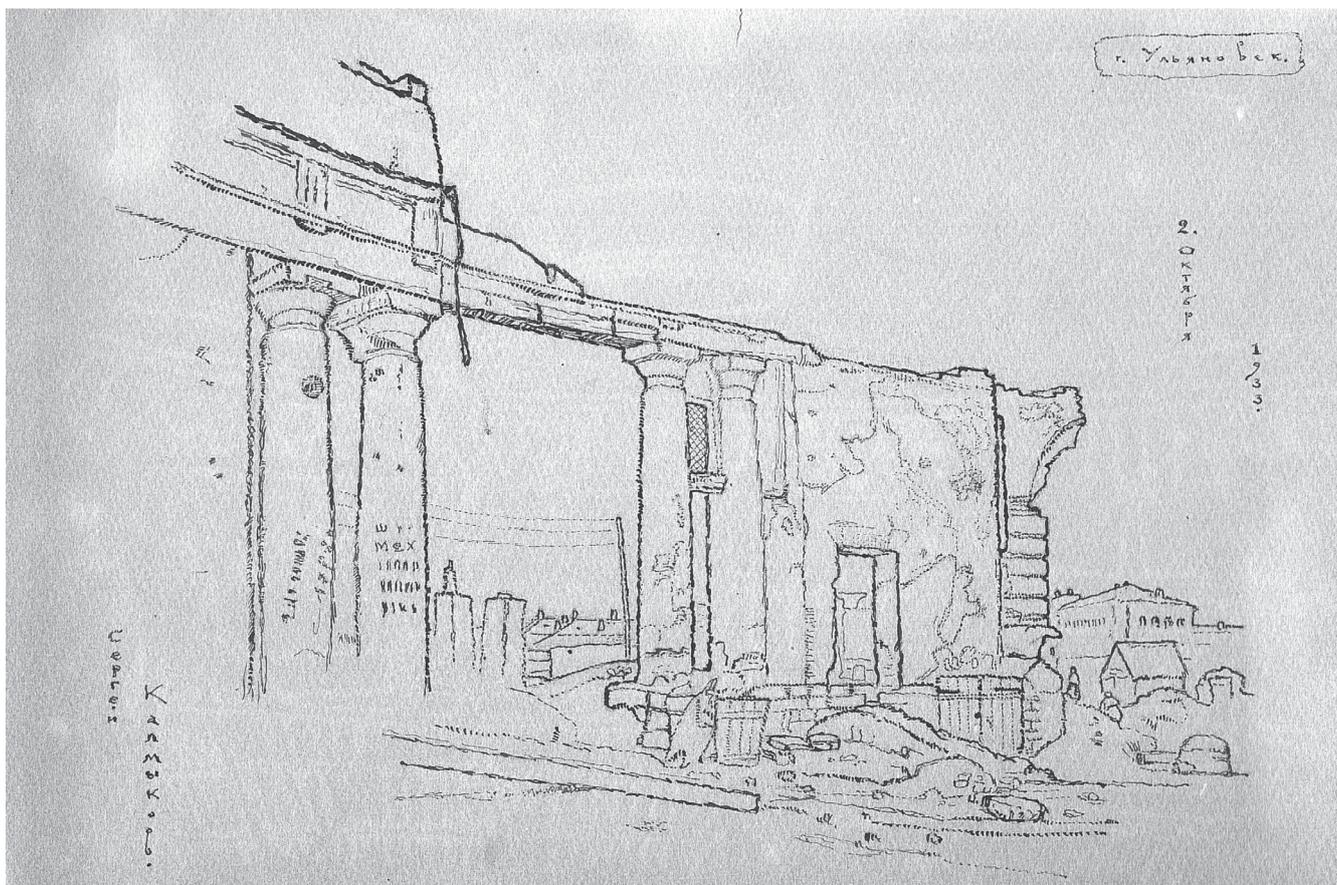
Земля у С.К. густо заселена, застроена, полна, богата, и следит за ней острый и неутомимый наблюдатель С. Калмыков.

И воздух в творениях художника не чистый: лесной, причудливый, а чадный, городской, заселённый туманами и звуками, окутанный испарениями и пылью. И как следствие всего, как седина от прожитых долгих лет, как привычные движения человека – ТЕХНИКА С. Калмыкова: линия и мазок в движении, вибрации, форма – в недосказанности, цвета в строгих сочетаниях, композиция – в заумных вариантах.

С. Калмыков осенью 1933 г. был в Ульяновске с оперой.

Ценность этого очерка – в удивительно точных, порой провидческих оценках творчества художника С.И. Калмыкова.

Кроме текста очерка – сохранились фотографии С. Калмыкова и несколько его рисунков. Интересен рисунок, выполненный в Ульяновске

С. Калмыков. Ульяновск. Развалины Николаевского кафедрального собора на пл. 1 Мая (с 1940 г. – пл. Ленина). 2 октября 1933 г.

2 октября 1933 года, на котором изображены развалины Николаевского кафедрального собора. А 8 октября Сергей Иванович сделал карандашный набросок портрета Д.И. Архангельского размером 25x17 см.

Эти и другие материалы дают основание предположить, что дружеские отношения связывали двух художников на протяжении длительного времени, и не исключено, что Калмыков квартировал в доме Архангельских во время гастролей.

С.И. Калмыкову суждено было прожить плодотворную творческую жизнь, оставив потомкам множество таинственных картин и не менее загадочных рисунков.

Сергей Иванович Калмыков родился 6 октября 1891 года в Самарканде, откуда вскоре после его рождения семья переехала в Оренбург. После окончания оренбургской гимназии жил в Москве, где посещал студию К.Ф. Юона.

В конце 1910 года переехал в Санкт-Петербург, где стал учеником М.В. Добужинского и К.С. Петрова-Водкина. В 1911 году двадцатилетний Калмыков написал картину, изображавшую красных коней на воде, которая вдохновила Петрова-Водкина на создание в 1912 году его знаменитого полотна «Купание красного коня», ставшего вместе с «Чёрным квадратом» Малевича символом русского авангарда. Калмыков утверждал, что был натурщиком картины: «На красном коне наш милейший Кузьма Сергеевич изобразил меня. Да! В образе томного юноши на этом знамени изображён я собственной персоной».

К. Петров-Водкин. Купание красного коня

В 1926 году Калмыков возвратился в Оренбург, где работал декоратором, оформителем парадов и демонстраций, читал лекции, продолжал писать свои работы, был членом оренбургского отделения Ассоциации художников революционной России, активным участником художественных выставок. Его живописные, графические, скульптурные работы привлекали внимание общественности. Сохранился каталог 4-й выставки картин оренбургских художников, посвящённой XV годовщине Октября,

на которой экспонировалось 42 работы С.И. Калмыкова. Им же была оформлена обложка каталога. Он участвовал в оформлении спектаклей Оренбургского театра и цирка, в разработке эскизов театральных костюмов и афиш, много ездил со Средневолжской оперой как главный художник и решил связать свою творческую жизнь с театром.

Каталог 4-й выставки картин оренбургских художников. Оренбург, 1932 г.

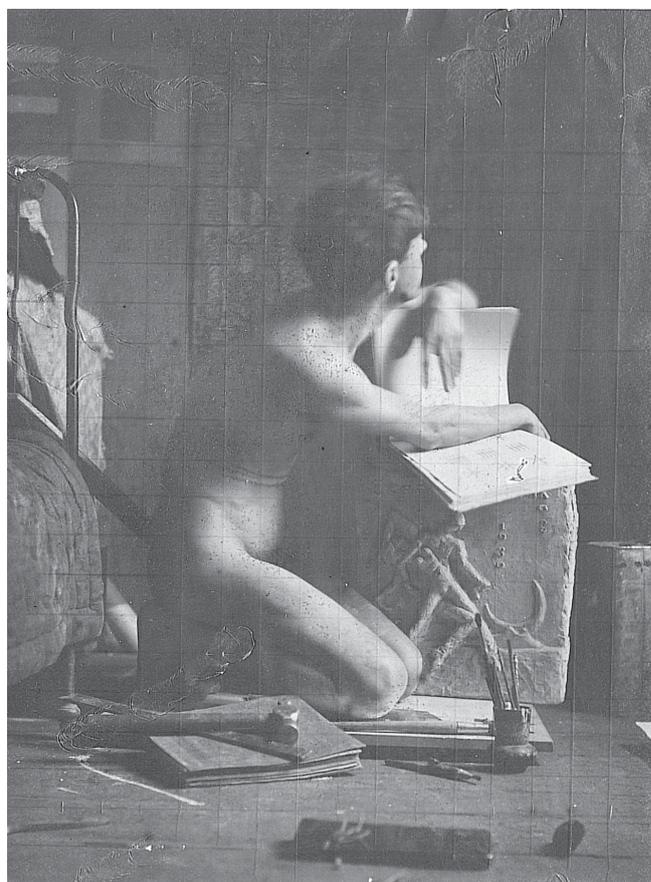
В 1935 году, когда усилилась цензура и прошли чистки в рядах интеллигенции, Калмыков уехал в Алма-Ату по приглашению Музыкального театра, ставшего позднее Казахским национальным театром оперы и балеты имени Абая, на должность художника-постановщика. Он проработал в этом театре до выхода на пенсию в 1962 году и создал большое количество иллюстраций к постановкам и театральных декораций, которые превращали представление в необыкновенное по яркости зрелище.

Наряду с этим он занимался живописью и графикой. Блистательный рисовальщик, Калмыков создал за годы жизни 30 автопортретов, последний – за два месяца до смерти. Он выработал свой собственный стиль, радикально отличавшийся от норм социалистического реализма, господствующих в ту пору в СССР.

Критики определяют дуализм [двойственность, раздвоенность – **В.К.**] как ключевую характеристику его творчества. С одной стороны, это фантастические ландшафты, с другой – зарисовки спектаклей, городов, портретов. «Его произведения резко контрастировали с общей картиной советского искусства XX века, являя собой многоликость решений, в отличие от единого заданного стиля тех лет. Личность, индивидуум, мировоззрение Творца – основные мотивы поиска и самовыражения

художника. Любая работа Калмыкова – не просто итог раздумий, скорее, сам процесс размышления, становления чувств», – пишет искусствовед Светлана Кобжанова.

Противоречивая и гениальная фигура Калмыкова уже при его жизни была окутана легендами. Чтобы выжить и не попасть под каток репрессий, он играл роль городского сумасшедшего, хотя никогда не проходил лечение в психиатрических больницах и не имел какого-либо психиатрического диагноза. «Нет, я не безумец. Я вижу особые миры. Мне раскрыты тайны живой природы. Я слышу, как растёт трава. Я живу среди удивлённых звёзд мироздания», – писал Калмыков в своём дневнике. Он утверждал, что, преодолевая время и пространство, способен общаться с представителями иных цивилизаций. «Магистр цветной геометрии, гроссмейстер волнистых линий, гений первого ранга Земли и Галактики, великий костюмер», – так величал себя Сергей Калмыков.

Художник Калмыков Сергей Иванович. Ульяновск, начало 1930-х гг

Часто, особенно после выхода на пенсию, Калмыков рисовал на улицах и в парках города. «Никто больше меня не любит рисовать на улице. В этом моя сила! <...> Здесь нет мне равного!», – говорил он.

Юрий Осипович Домбровский, российский писатель, отбывший 4 года в сталинских лагерях и живший долгие годы в ссылке в Алма-Ате, описал Сергея Калмыкова в своём романе «Факультет ненужных вещей». (Москва: Худож. лит., 1989. – 510 с.).

«Когда художник появлялся на улице, вокруг него происходило лёгкое замешательство. Движение затормаживалось. Люди останавливались и смотрели. Мимо них проплывало что-то совершенно необычное: что-то красное, жёлтое, зелёное, синее – всё в лампасах, махрах и лентах. Калмыков сам конструировал свои одеяния и следил, чтоб они были совершенно ни на что не похожи. У него на этот счёт была своя теория. «Вот представьте-ка себе, – объяснял он: – из глубины вселенной смотрят миллионы глаз, и что они видят? Ползёт и ползёт по земле какая-то скучная одноцветная серая масса, и вдруг как выстрел – яркое красочное пятно! Это я вышел на улицу».

И сейчас он тоже был одет не для людей, а для галактики. На голове его лежал плоский и какой-то стремительный берет, на худых плечах висел голубой плащ с финтифлюшками, а из-под него сверкало что-то невероятно яркое и отчаянное – жёлтое-сиреневое. Художник работал.

Он бросал на полотно один мазок, другой, третий – всё это небрежно, походя, играя, – затем отходил в сторону, резко опуская кисть долу, – толпа шарахалась, художник примеривался, приглядывался и вдруг выбрасывал руку – раз! – и на полотно падал чёрный жирный мазок. Он прилипал где-то внизу, косо, коряво, будто совсем не у места, но потом были ещё мазки и ещё несколько ударов и касаний кисти, то есть пятен – жёлтых, зелёных, синих – и вот уже на полотне из цветного тумана начинало что-то прорезываться, сгущаться, показываться. И появлялся кусок базара: пыль, зной, песок, накалённый до белого звучания, и телега, нагруженная арбузами. Солнце размыло очертания, обесцветило краски и стесало формы. Телега струится, дрожит, расплывается в этом раскалённом воздухе.

Художник творит, а люди смотрят и оценивают».

Сергей Калмыков был удивительно работоспособен и работал постоянно.

На одной из страниц своего романа Ю. Домбровский отмечает: «День и ночь он писал, и всё не для современников, а для будущих поколений, двадцать первый век ему был уже ни к чему, он работал для двадцать второго. Для этих отдалённых потомков и были написаны его грандиозные циклы, сотни листов и холстов каждый». И далее: «Так, зазря, не обдумав, художник Калмыков ничего не творил, во всех его набросках есть свой смысл, своя идея, только доискаться до них порой не так

уж просто. Что поделать, ведь существуют же такие странные, ничем не управляемые вещи, как мечты, фантазии и просто своё видение мира».

Калмыков не продавал свои работы, иногда дарил приятным ему людям. Бытовая нищета шла за ним по пятам, он знал, что такое недоедание, голод, но приоритеты духовные были для него выше телесных.

«Мир болен. И нет ничего удивительного в том, что только художники могут привести мир к спасению», – утверждал С. Калмыков.

Своей жизнью он ответил на вопрос, как быть независимым и свободным в несвободном мире: «Я отключился от ненужного».

Умер Сергей Иванович Калмыков 27 апреля 1967 года. Место его захоронения неизвестно.

Он оставил после себя огромное творческое наследие. В Государственном музее искусств имени А. Кастеева в Алма-Ате находятся более 1100 работ. В 2017 г. музей выпустил полный каталог его работ. Его произведения хранятся в коллекциях Государственного Русского музея, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве. Оренбургский областной музей изобразительных искусств обладает большим собранием живописи и графики художника. Значительное число работ – в частных коллекциях, как в Казахстане, так и в России, США, Европе.

Гордостью Центрального государственного архива Республики Казахстан является фонд С.И. Калмыкова, насчитывающий около 10 тысяч страниц рукописей. Это эссе и искусствоведческие сочинения, философские рассуждения и романы. Многочисленные дневники помогают восстановить историю жизни Сергея Ивановича Калмыкова, творчество которого не имеет прямых аналогов в истории мирового искусства.

На долгое время он был несправедливо забыт, но сегодня интерес к его личности и творчеству вспыхнул с новой силой. Проводятся выставки, издаются альбомы. В Республике Казахстан выпущены почтовая марка и коллекционная монета с изображением работ Калмыкова, издаётся его литературное наследие.

В своё время Сергей Иванович Калмыков справедливо заметил: «Жизнь протекает. Искусство кристаллизируется. Жизнь мгновенна – вот она! И вот её уже нет! Искусство – вечно, столетия, тысячелетия сверкает своими Созвездиями!»

О ЖИЗНИ, О ПОЭЗИИ, О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ...

В библиотеке №8 имени В.В. Розанова состоялась презентация книги ульяновской писательницы Лидолии Никитиной «Зеркала былого (Мой XX век)».

Л.К. Никитина отвечает на вопросы зрителей

Это третья книга из трилогии, задуманной автором к своему восьмидесятилетию. Две первые книги – «Сад мыслей многоцветных» (избранные стихи) и «Верьте своим предчувствиям» (современные мистические новеллы, эссе) изданы в 2021 году и уже были представлены ульяновцам.

Новая книга содержит эссе, рассказы, и, по словам автора, «...это рассказ о первой половине жизни, прошедшей в замечательном интернациональном городе Ташкенте – столице Узбекской ССР. Сейчас нет на карте мира страны под названием СССР, но сбереженные памятью воспоминания, благодаря этой книге, возвращают нас в дорогое прошлое!»

Лидолия Константиновна выпустила за более чем 50 лет творческой жизни более 30 книг разных жанров – рассказы, миниатюры, сказки, эссе, стихи...

Самой первой книгой автора явилась книжечка из 52 миниатюр «Два шага, чтобы встретиться». С тех пор прошло много лет. Из родного Ташкента Л.К. Никитина переехала в Ульяновск в 1986 году

*Выступление Надежды Алексеевны Черемисиной.
Совет ветеранов*

Выставка произведений Л.К. Никитиной

Поэт автор-исполнитель Декабрина

по приглашению региональной писательской организации, и наш город стал для писательницы родным. Ульяновску и ульяновцам посвящены рассказы и стихи. Семейный и творческий союз Лидолии Константиновны Никитиной с краеведом и архитектором, почетным профессором УлГУ и почетным гражданином Ульяновска Борисом Васильевичем Аржанцевым (1927–2007 гг.) внёс в культуру нашего города огромный вклад.

На презентации с сообщениями о творческом пути Л.К. Никитиной выступили заведующая библиотекой №8 Марина Герасимова, поэт и краевед Марина Субина.

Была представлена музыкальная и литературная программа, в которой приняли участие учащиеся ДШИ №9. Прозвучали произведения: «Сладкая греза» П.И. Чайковского в исполнении Пахомовой Ольги, учащейся 3-го класса (преподаватель – Борисова Надежда Викторовна), «Ария Лепорелло» из оперы «Дон Жуан» В.А. Моцарта в исполнении Чукмаева Искандера (преподаватель – Песчанная Ольга Михайловна), «Поэтическая картинка» Э. Грига в исполнении Рябухиной Риты, учащейся 6-го класса (преподаватель – Кашицына Галина Степановна), «Дикая роза» Ф. Шуберта в исполнении Верини Вероники (преподаватель – Песчанная Ольга Михайловна). А также зрителям были представлены видеозаписи миниатюр Л.К. Никитиной в исполнении диктора ГТРК «Волга» Владислава Витковского, авторские песни на стихи Лидолии Никитиной в исполнении победителя конкурса «Филантроп» Декабрины.

Лидолия Константиновна Никитина и участники литературно-краеведческого кружка школы №28

Активными участниками презентации стали десятиклассники, члены литературно-краеведческого кружка средней школы №28 под руководством преподавателя Лады Владимировны Казанцевой. Ребята ответили на вопросы литературной викторины и получили памятные призы – книги автора с автографом! Писательница Л.К. Никити-

на рассказала о новой книге и ответила на вопросы присутствующих: о цели литературного творчества, о наставничестве в литературе, о творческом пути, о поэзии и о многом другом.

Библиотекой была подготовлена тематическая выставка публикаций и книг Лидолии Константиновны Никитиной.

Марина СУБИНА, поэт, краевед.

«Nulla dias sine linea» – «Ни дня без строчки»

Перевернув последнюю страницу новой книги Лидолии Никитиной «Зеркала былого (Мой XX век)» вспомнила древнюю легенду о Апеллесе, древнегреческом живописце, друге Александра Великого. Апеллес, сын Пифия, был одним из наиболее знаменитых греческих живописцев древности, которые процветали в начале эллинистического периода в IV до нашей эры. Художник каждый день поддерживал своё дарование тем, что проводил хотя бы одну линию.

Это выражение – «Nulla dias sine linea» – впервые записал Гай Плиний Секунд (22-74 г. до н.э.) в своей книге «Естественная история».

У знаменитого Эмиля Золя это латинское выражение было записано на камине золотыми буквами!

Подобно Апеллесу и Эмилю Золя, у писателя Лидолии Никитиной так же – ни дня без строчки. Написано множество миниатюр, рассказов, автобиографической прозы, стихотворений. Всю сознательную жизнь автор вела дневники, записи в блокнотах, в черновиках, оставляла свои свежие впечатления от встреч со знаменитыми людьми и простыми гражданами – такими, например, как

рабочие текстильной фабрики, а также впечатления от общения с писателями, коллегами по работе. В книге «Зеркала былого» – воспоминания, наблюдения, автобиографические рассказы. В прозе «Находка» автор так и говорит: «Вот я сейчас пишу книгу, пользуясь давними дневниковыми записями, какими-то тетрадками, «амбарными книгами» и просто клочками бумаги, подвернувшимися под руку, стремясь придать определенную хронологию описываемым событиям, выстроить их в стройный сюжет. Моему читателю может показаться, будто я сразу последовательно записывала в свои тетради все двадцать – тридцать лет происходящие в моей жизни события, поэтому записи с легкостью превращаются в страницы очередной книги. Увы, это далеко не так». Интересно, что прошлое нередко возвращается к писателю запоздалыми телефонными звонками и письмами героев её рассказов. Герой рассказа «Незабываемая командировка» звонит через много-много лет: «Я очень рад, что ты жива, здорова и пишешь замечательные книги!»

Книга «Зеркала былого» – это книга без сюжета, но с множеством героев, это восприятие былого, восприятие жизни писательницы в XX веке, что

является её родным веком. Второе название книги – «Мой XX век»! Всё было в этом веке. Век СССР и первого полёта человека в космос, век мировых войн и великих побед, век великих потрясений.

Читатель вместе с автором по-доброму улыбнётся над рассказами «На хлопке», «Злая», «Первый гонорар». «Самый первый гонорар – около шестидесяти рублей – я неожиданно получила из радио за материал о реконструкции Ташкента после землетрясения 1966 года. Статью о будущем своего родного города впервые в своей жизни я написала по просьбе знакомого писателя для какого-то журнала, а он, ничего мне не сказав, переслал ее на радио, о существовании которого я знала только как слушатель», – напишет автор о начале своей журналистской деятельности.

Мне понравились рассказы о родителях автора «У папы в горах», «Довоенные простыни», где показаны лучшие нравственные и гражданские качества людей, в среде которых она воспитывалась. Писательница ведёт с читателем доверительный разговор, это почти исповедь. Читатель непременно будет сочувствовать людям, попавшим в трагические события, связанные с землетрясением в Ташкенте 1966 года. Всколыхнётся историческая память читателей от подлинных воспоминаний ткачих из рассказа «Премьера», где ярко показаны судьбы женщин в военное тяжелое время. Из монолога героини тыла Раисы Митрофановны Фоменко: «<...> в мирное время, покупая 600 граммов хлеба, нам кажется, что его много, а в годы войны эти же 600 граммов для рабочих казались мизерными... Я, бывало, возьму в цех хлеб, полученный по карточкам, положу в сетку. А его чуть больше ладошки, и повешу на последний станок, что у стенки. Обойду

круг – отломлю кусочек и опять по маршруту иду. А есть хочется – сил нету... бросила бы все станки и стояла бы только у того, «хлебного» – это я так его назвала, – пока не будет съедена последняя крошка! Но работаю, держусь, не схожу с маршрута. <...> До сих пор, случается, вижу во сне холодный цех, тусклые лампочки и негнущиеся от усталости пальцы, шарящие в пустой сетке, пытающиеся отыскать хотя бы еще одну крошечку черного, сыроватого, но такого вкусного военного хлеба!»

Автор затрагивает морально-нравственные переживания своих героев, с которыми сводила её жизнь, например, в рассказах «Без надобности», «Затрапезная старушка», «Злая». В рассказе «Злая» главный герой Аркадий ведёт монолог-исповедь о своей загадочной привязанности к злой женщине:

– Ты хочешь сказать о всемогуществе зла! Да, сейчас оно во всем мире прямо на глазах нагнет, набирает силу. Причина в том, что зло хочет обесценить доброту, она ему поперек горла стоит и развернуться во всю свою сатанинскую мощь мешает! И хотя зла действительно много, лично я считаю, что в мире добрых людей значительно больше! Добрых дел тоже больше совершается на земле, чем злых...»

Автор буквально взывает к душе человека и заставляет читателя вспомнить о своих добрых и недобрых поступках по отношению к ближним и дальним людям, что-то постараться исправить, сделать к кому-то шаг навстречу. Стоит ли говорить, что со временем моновоспоминания и рассказы из книги «Зеркала былого» станут только драгоценнее, так как невооруженно отдаляются от нас события прошлого, неповторимого XX века!

ГЛУБИНКА

Николай ЛАРИОНОВ-ЙЕЛМЕЛ, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Чувашской Республики.

КОСТЁР ПОСЕРЕДИНЕ ПОЛЯ

Рассказ

Перевел с чувашского автор

После шестого урока Кирук удобно закинул сумку за спину и торопливо вышел из школы. Ещё с утра падал снег, а сейчас такое ощущение, будто начинается вьюга. Снег под напором вихрящегося ветра срывается с крыш и белой змейкой крутится по улицам села, то подымаясь, то стелясь по белой дороге. Да и воздух сегодня морозный. Чтобы дойти до своей деревни, мальчику надо пройти вдоль посадки по полю три километра. «Если и в селе такая погода, как же там, в поле?» – забеспокоился Кирук.

В родной деревне была только начальная школа, поэтому семикласснику приходится ежедневно ходить в соседнее село. Они постоянно ходили втроем, но сегодня Ванюш почему-то в школу не пришёл, а Вера из-за плохой погоды решила остаться ночевать здесь, у родственников. Поэтому сегодня Кируку придётся добираться из школы до дома одному. Дорога, конечно, привычная, с пятого класса по ней ходил. Разная погода бывала, и через буран приходилось пробираться – зима есть зима, она время от времени показывает свой крутой нрав.

Пока мальчик выходил за околицу, декабрьская вьюга уже перешла в буран: снег сильно бил в лицо и морозил, тая на нём. Семиклассник туго затянул

ушанку и связал шнурки в подбородок. Вышел в поле. Даже деревьев, которые росли рядом, не было видно. «Утром не такая же была погода. Пока буран ещё не усилился, надо бы дойти до деревни, сейчас пробегусь чуток. После пробежки обычно дорога укорачивается», – подумал он. Когда остановился после быстрого бега, услышал шум догоняющей машины. Он вскоре узнал эту машину цвета хаки, на ней ездит Егор, в деревне у него кличка Шакл Егор. «Егор твой отец», – не раз говорила Кируку мама. Поэтому сейчас в душе мальчишки закрались надежда и тепло – едет попутная машина, да ещё за рулём отец. Он поднял руку и стал голосовать. Машина сбавила ход, но, приблизившись, вместо остановки резко газанула и быстро стала набирать скорость, оставляя за собой вихри снега. «Неужели отец не узнал меня?» – обиделся мальчик. Настроение сильно испортилось.

– Папа-а, посади меня-я! – отчаянно крикнул он вслед.

А в машине Егор не один, а с женой Варук. Конечно, шофёр хотел посадить мальчишку, но жена стала кричать на него, выпучив глаза:

– Ты что! Хочешь посадить сына Анюты? Сейчас я тебе остановлю! Молодой ещё, сопляк, сам добежит... Смотри-ка, он хочет довести сына Анюты. Ты ещё саму Анюту катай на нашей машине. Потом иди к ней домой в гости... Ты что, думаешь, он твой сын? Как бы не так. Не твой он, она нашла его где-то под кустами. Чтобы не было и духа их в нашей машине!

...Анюта и Егор дружили в молодости, она его проводила в армию. Два года писали друг другу любовные письма. Но после возвращения Егора из армии к нему привязалась Варук, которая была на семь лет старше его. Очень уж хотелось ей выйти замуж. Ещё до армии нравился Егор настойчивой Варук, но тогда она пыталась показывать свои чувства, а он даже не замечал её. Но Варук не из стеснительных, после армии она буквально стала преследовать Егора, прекрасно зная, что он дружит с Анютой. Стала нахально и бессовестно искать встреч с ним, каждый раз заигрывая, пытаясь строить глазки. При удобном случае порочила и хаяла его возлюбленную. Поначалу на Егора эти слова никак не действовали, но не зря говорят, что капля камень точит. Через какое-то время её слова всё же сыграли свою роль. И он в один момент решил бросить Анюту и жениться на Варук. По правде нужно признать, что это Варук насильно женила его на себе. Они купили в деревне старенький дом и зажили вместе. Жена на этом не успокоилась, ежедневно пыталась контролировать каждый шаг мужа, расспрашивала односельчан: куда он пошёл, с кем разговаривал... Может, он встречался и беседовал с Анютой. Тогда пощады не жди, дом разворотит, все перевернет вверх дном! Егор, кроткий по характеру, долго такие испытания не вытерпел, через полгода после очередного скандала переселился в дом Анюты, которая проживала с больной матерью. Но и на этом не закончилось всё мирно, потому что Варук не из тех, кто даёт маху. Она намерилась вернуть мужа во что бы то ни стало. Через месяц, когда мать Анюты слегла в больницу, Варук направилась к ним для разборки, устроила в их

доме полный погром: сбросила с кровати матрасы, сдёрнула занавески с окон, волочила Анюту за волосы... И буквально за руки, за шкуру потащила мужа к себе домой. После этого случая она очень боялась, что муж ее может бросить, поэтому устроила сплошную слезку.

Через какое-то время Анюта родила сына, а Варук так и не смогла почувствовать радость материнства.

...Деревня осталась позади, а посадки, рядом с которой проходит дорога, не было видно. Кирук ускорил шаги, чтобы быстрее дойти до деревни. Ориентируясь по ней, можно дойти до деревни. До посадки он дошёл, но буран всё усиливался. Ну и попал он в закрутку! Дорогу заносит прямо на глазах, становится всё труднее идти по мягкому снегу, засыпанному колею от машины. Мальчик стал проваливаться. С каждым шагом всё труднее. От спешки и страха Кирук весь вспотел, нижнее бельё стало мокрым. А посадка идёт не беспрерывно, в одном месте обрывается на 200-300 метров. Мальчик дошёл до этого места. Уже прошло полчаса, как он был в пути. В поле не то что в деревне. Нельзя даже глаз открыть. Каждый шаг даётся через силу. Идёт, шагает, тужится, а начала следующей посадки не видать. Дороги совсем не видно, она затерялась. Был бы хоть след колеи, можно было и через силу идти. Но никаких следов! Мальчик от страха растерялся, остановился, оглянулся по сторонам. Он искал в округе признаков жизни, прислушивался, чтобы уловить хоть какие-нибудь звуки. Не видно ни зги, вокруг белым-бело. В ушах только ветер свистит. «Не заблудился ли я, не сбился ли с пути? Следующая посадка же недалеко, почему её до сих пор не видно?» – по-настоящему испугался мальчик. Мокрое тело с каждой минутой остужал пронизывающий ветер, школьник стал дрожать, мёрзнуть. Но всё же не это самое страшное. Самое страшное – сбиться с пути. В каком направлении он теперь идёт, непонятно. Или по дороге, или в другую сторону. Идёт, сильно нагнувшись вперёд, а деревьев, посадки не видать. Шёл так, как ему казалось, долго. Сначала, когда он только вышел из деревни, в левой стороне был замечен силуэт посадки, можно было ориентироваться по ней, а теперь совсем ничего нет. Неужели он потерял дорогу? От многочисленных падений он весь был облеплен снегом, его варежки тоже стали мокрыми, стали замерзать руки. Он стал выбиваться из сил, захотелось что-нибудь поесть. Но запасы из дома – куски ржаного хлеба и сахара, что были в сумке, он уже съел после третьего урока. Эх, надо было взять больше...

Долго бродил Кирук по заснеженному полю, не ведая, куда идёт. Дороги всё нет и нет! Он уже не знает, в какую сторону идти в свою деревню. Ничего не видно, кружится голова. Остановился... Кончатся силы. Сквозь пальто пронизывает ветер, замёрз. В ботинках тоже снег, носки промокли. Он чувствует, что долго стоять в одном месте – верная смерть. Но в каком направлении идти? Куда идти?! Под ногами толстый слой снега, а перед глазами бесконечный буран. Что делать? От мороза и страха мальчик сильно дрожит. «Где же деревня?.. Где же мама?.. Люди, наверно, в тёплых домах пьют горячий чай. Наестся бы маминого вкусного горячего

супа и залезть на тёплую печку...» – пронесётся мысли в голове. Он один в поле, дороги нет...

От холодного ветра колени уже стали бесчувственными, ооченели. Куда идёт – не знает. Сколько прошёл – неведомо. Уже появились первые признаки сумрака, значит, скоро будет темнеть. Он вышел к небольшой низине с глубоким снегом. Что это за место, близко к оврагу, что ли? Уже совершенно выбился из сил, стало сводить судорогой, телу больно от мороза. Руки словно колодушки. А ботинки будто деревянные, обледенели, не сгибаются. Мокрые штанины, словно пластмассовые трубы, от прикосновения друг о друга издают громкие шуршащие звуки...

Кирук мучился от бессилия – лишь бы не упасть без памяти. От безысходности он присел на колени, лишь бы чуть набраться сил. Но как согреться? Даже ведь нечего сжечь, в сумке одни книги и тетради. Тетради?! Но если сжечь их сейчас, что делать завтра в школе, что ответить учителю? Он, кажется, ооченел безвозвратно. Да, больше выхода нет, надо сжечь тетради, чтобы как-то согреть руки... Мальчик ооченевшими руками еле-еле достал из внутреннего кармана спичечный коробок. Спички они берут на дорогу всегда, мало ли что может случиться в поле. Так учили старшие. Не торопясь, словно в замедленном фильме, он достал из сумки тетрадь и, несколько раз чиркнув, дрожащими пальцами правой руки зажёг спичку. Листы тетради медленно стали дымиться и загорелись. Мальчик приблизился лицом к огню, пытаясь согреться. Потом, держа левой рукой тетрадь, стал греть другую руку. Идёт борьба за жизнь. Ах, как приятно ощущение тепла! Тепло, которое дарит жизнь... Лишь бы не погасло, не затухло. Затем мальчик взял тетрадь в правую руку, обогрел левую. Вот сгорели четвёрки и пятёрки, выставленные красной ручкой, вот и сочинение сгорело... Теперь ему никакие оценки уже не нужны, лишь бы не замерзнуть, лишь бы не оочелеть в этой снежной яме. Пока догорала эта тетрадь, он взял другую и поджёг от неё. Это уже математика пылает. Она тоже сгорела быстро... Всё, тетради кончились... Но у него остались ещё четыре книги. Ооченевшие руки, и вправду, несколько согрелись, но от резкого нагрева они стали ныть, болеть. Озявшие щеки почувствовали тёплую волну. Уже и книги на исходе... В середине поля горит одинокий костёр. Костёр мучения, костёр страдания... Вот вихри унесли последние горелые страницы книг. Возможно, и последнюю надежду на спасение мальчика... Больше ничего нет. Ветер пронизывает насквозь. У Кирука нет никакого желания встать на ноги и выйти из этой ямы. «Эх, была бы здесь солома, я поджёг бы её. Даже целый стог бы не пожалел. Потом мама бы заплатила штраф. У соломы я бы не замёрз. Стог соломы находится всего в полкилометре от дороги, но сейчас он в какой стороне? А деревня в какой стороне?» – думает Кирук.

После того, как чуть согрелся, изнурённого мальчика стали покидать последние силы. Но буря как-то начала терять прежний напор, стала медленно затихать. Хочется лечь и спать... Он опять сел на колени, больше не хочется делать ни шагу. Положил сумку под голову и лёг боком... Кажется, по всему телу пошло тепло. Внутреннее тепло выходит

наружу, и мальчику показалось, что ему уже приятно и вполне комфортно. «Наконец мне стало тепло, я согрелся...» – подумал он не то про себя, не то во сне. Ему показалось, что к нему подошла мама, укрыла толстым одеялом и погладила по лбу. Кирук не то видит сон, не то бредит: «Как хорошо, что, мама, ты пришла... Папа меня не посадил в свою машину... Я заблудился в буре... Скоро папа вернётся ко мне. Он меня спасёт, возьмёт домой. Скажи папе, чтобы он приехал скорее...»

В это время Кирук тихо открыл глаза и увидел в белом пространстве большой тёмный силуэт. «Что это такое? Околица, что ли? Или колхозная ферма? Стой, это ведь стог!..»

...Егор по дороге домой всё время думал о мальчике, которого не разрешила посадить жена Варук: «Бедный Кирук, как же он дошёл до деревни? Почему я его не посадил, почему послушался жену? Что, в машине места не было, что ли? Зачем я поступил так бездушно и трусливо? Сколько же мне жить под каблуком этой сварливой и дурной женщины?»

Как только машина остановилась у дома, Варук быстро схватила сумку, спрыгнула на землю и поспешно зашла в калитку. Егор открыл двери гаража и поставил туда машину, но заходить домой не торопился. Он всё думал о мальчике. Нет, больше нет терпения! «Даже в деревне такой буран, что же там происходит в поле? Он, наверно, сильно устал. Лишь бы не заблудился. Что бы ни сказала Варук, мне надо вернуться в поле и забрать мальчишку. Это ведь мой родной сын, моя кровинушка», – подумал он, осмелев. Затем вскочил в машину, завёл и быстро тронулся с места, не закрыв даже двери гаража. Но, выехав из деревни, он не смог уйти далеко – машина застряла в снегу. Пытаясь выехать из колеи, он сильно дёргал машину вперёд-назад, но бесполезно. Забуксовавшая машина проседала ещё глубже. Немало помучившись, Егор быстро зашагал в сторону деревни, взял в крайнем доме лопату и вернулся к машине. Копался долго, стал весь мокрый. Расчистит под колёсами, чуть тронется – и опять застрянет. И так несколько раз. Сильно устав, он забрался в свой уазик передохнуть. Только уселся, смотрит – что это такое? В поле, медленно освобождавшемся от бурана, задымил. «Это же около стога! Неужели Кирук там?» – пробормотал он. И долго не думая, через глубокий снег направился в эту сторону. Немного приблизившись, он понял – горит небольшой стог около гумна. Уже пылает огнём. Он ускорил шаги. «Наверно, это Кирук сделал. Заблудился, замёрз, наткнулся на стог и поджёг, пытаясь согреться», – думал он, спотыкаясь на ходу. А стог горит всё сильнее. В стороне – тень, это человек. Наконец Егор дошёл до пылающего стога соломы.

– Кирук, это ты? Эх, дитяtko, эх, сынок! Как ты не замёрз? Прости меня, сынок, пожалуйста, прости... Дурак я, дурак!.. Я ведь не посадил тебя, испугавшись эту злую женщину! Прости... – проследил за ним.

– Папа... возьми меня домой... – еле слышно прошептал мальчик.

И в эту же минуту упал на грудь Егора.

Фото А. Якубовского

Евгения ИЗВАРИНА, поэт, член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. П.П. Бажова. Живет в г. Екатеринбурге.

ПИСЬМА ОТ РУКИ

...Дней разменная монета,
снов медовый перегар,
где мерцание от света
прячут лёд, вода и пар –
строчки в переписи скудной,
золотые вразной:
снисходительно преступный
вымысел – о нас с тобой...

...до сверки – в угол кочегарки сгребай: годится или нет,
всё – музыка: свечей огарки, не стоящих игры, рассвет,
созвездий пепельных корзина без дна, Адам без головы,
руда, песчаник, древесина и вороха морской травы,
и глыбы алгебры пчелиной – где их не вычислим орбит,
пока не явимся с повинной и коготь крыл не окропит...

* * *

Погосты истин? Получисла,
 чьи рёбра ветер раздвигал? –
 Всё так.
 Без голоса и смысла
 поют растения снегам
 в морозном янтаре разлуки,
 в походном алтаре свобод:
 ветвей натянутые луки,
 семян стремительный расход...

* * *

Ключ не уроним – не расколем
 кирпич, спечённый при царе...

Напиток осени настоян
 на ртути, воске, янтаре,

в саду, в году, в ладони, Бог мой, –
 за смертью смерть,
 за слоем – слой

пометок – то кирпичной охрой,
 то звонкой дробью дождевой...

* * *

той же дорогой
 некому если

выкинь попробуй
 слово из песни

сна самоходка
 зла кругосветка

верная нотка
 чёрная метка

* * *

...звезда – ковчег,
 распяты – парус,

что где о снег
 поистрепалось,
 дымов петля
 над неудобьем... –

чем не земля
 пасхальным сходям?

* * *

В подвижном «нигде» – о надёжном «никак»,
 зимою – о зное,
 что с паперти катит монетку в кабак...
 Брось, небо седьмое,
 на круг – семь уздечек, что тянут ползком
 в зубах конокрады –

семь истин, срезающих холст за холстом
 с подрамника правды...

* * *

Бесследным – по пути: спалить, не грея,
 узнать, не глядя... У границ былых
 часы стоят, позвякивает время
 цепочкой – это капель дождевых
 девятый круг по праздничному ситцу
 разомкнут, чаша мира велика –
 где кровь переполняет плащаницу
 и сад переплывает облака...

* * *

...свет очнулся –
 орла или решку
 выбрал, дерево ли разглядел,
 что само себе в полунасмешку –
 лето:
 непредставимый предел,
 словно танец зеркал в отдаленье,
 без напутствия корни, без dna
 колокольное кроны роенье,
 где – побеги,
 цветы,
 семена...

* * *

...этих яблонь лунный лес,
 эта горечь грозовая
 за развилками небес –
 чтоб дышать, подозревая:
 как тот узел ни ослабь –
 туже всё.

...Меняться чтобы,
 как воды умеет рябь –
 ни на чём не ставя пробы.

* * *

Не то что преданность слащава –
 мы те, чья гибель обещала:
 ни капли мёда мимо рта:

светла царицы слепота,
 пчелиной правящей семейством;
 звезда в терновнике библейском
 светла – поверив наперёд
 всему, что сбывться не готово,

пока дорогу не найдёт
 за смертью посланное слово...

* * *

плыть
 словно отблески на весле
 это порезы о край земли

или – трава для шагов во сне
 или колосья росы – где шли
 ангелы

то есть,
 вкус втроем
 соли, сметаемой со стола
 и земноводный язык: на нём
 душам прощаются тела

* * *

Пересол без слов – что и недосып
без мышей и сов; на осях косых
танцевать легко жерновам, пока
не собрал никто зёрен – чтоб мука
понимала влёт через десять сит –
куда смерть ведёт, на чём свет стоит...

* * *

Простившие за письма от руки,
летающие за слёзную черту
поля к полям, всё дальше от реки,
благословят монахов на плоту,
переплетут им книги облака,
перегорит в серебряной меже
молитва не распаханых пока,
баллада перемолотых уже...

* * *

Удача крестит кистенём,
лиц в зеркалах не приближая –
и верить снам перестаём,

и наяву, чтобы чужая
надежда за свою сошла,
Фома персты влагает в рану,

и мало здесь кому слышна
речь из пустыни к океану...

* * *

В копеечку свет – где рубли
бросает под паперть
раскольничья правда любви;

охотничья память
свои же силки-невода
взбивает периной –
растительной скрытности льда
и почве пчелиной...

* * *

...стерпим,
лишь бы оскомин
угомонный дымок
не пахал и не строил –
только доски бы мог
под пиры и закланья
стлать на лунной мази,
душ распластывать пламя
по телесной оси...

* * *

Шелковиста и белёса
полнолуния халва.

Ночь ворочает колёса:
миражи и жернова –

чтоб, вдохнув мучные блёстки,
не ослабили тиски

уходящих перекрёстки,
остающихся мостки...

* * *

Перстню ли верил – кто карты метал
в зеркало глины, песка или дёрна,
где застаём себя не по летам,
выбрав неглавное...
Выронив зёрна,
колос в ладони вздохнул и умолк;
жаждущим не по судьбе, да и пьющим
стебли и сумерки: времени шёлк
через потерянный перстень пропущен...

* * *

Связь бездымна,
пламя шумно
клевера и чабреца:

кто-то, обойдя бездумно
дом без крыши и крыльца,
пишет числа на обоях,
кто-то, ливни не вина,
носит в согнутых ладонях
шар тишайшего огня –
то отшучиваясь бойко,
то за лезвие берясь,
и – прощается.

...Вот только –
не ему,
не здесь,
не связь...

ПОД СЕНЬЮ
ДРУЖНЫХ МУЗ

Маргарита СМЕРНОВА, зав. музеем народного творчества.

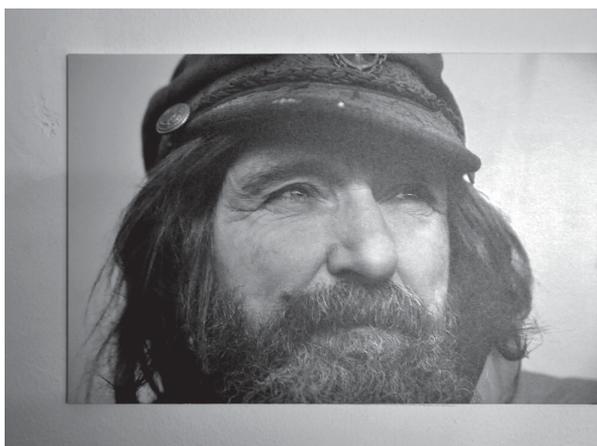
«МНЕ 300 ЛЕТ» ФЁДОР КОНЮХОВ

«Путешествие длиною в жизнь», так называлась выставка картин уникального человека Федора Конюхова, которую в течение мая посетили сотни ульяновцев. Надо честно признать, что уходили посетители преображенные, со светлыми лицами... и благодарили не столько за организацию выставки, сколько за то, что узнали, увидели на ней и, главное, за неожиданное проявление глубинных светлых ощущений, пробудившихся после знакомства с необыкновенной личностью.

Выставка была представлена в Музее народного творчества и в фойе Дворца культуры «Губернаторский».

Экспозиция насчитывала 50 полотен, созданных в период: 80-е годы прошлого века и 20-е – века нынешнего.

Всемирно известный путешественник Федор Конюхов еще в детстве стоял перед выбором: стать путешественником или художником? Бог распорядился так, что Федор Конюхов стал путешественником, художником, писателем и... священником.

Ведёт экскурсию Михаил Горбатъко

За свою жизнь он совершил пять кругосветных путешествий, семнадцать раз пересекал Атлантический океан (один раз на весельной лодке), покорил семь вершин (два раза он покорял Эверест), достиг пяти полюсов, написал более 3 000 картин, 20 книг, он строит храмы и часовни, много еще чего созидаёт этот удивительно скромный человек.

Если посчитать сделанное им за жизнь, то получается, что Федор Филиппович уже прожил 300 лет. Его картина «Красный человек. Мне триста лет» – это автопортрет. И каждый посетитель выставки мог его рассмотреть. Явно мы видим лыжника. Он в красном, движется на пределе. Сама жизнь Федора Филипповича в путешествиях проходит в борьбе и преодолении... а кто-то видит на полотне умудренного старца с клюкой, человека, который прожил жизнь в борьбе со страстями, грехами и приобрел большое любящее сердце.

Выставку художественных полотен в Ульяновске представил Фонд развития и поддержки общества «Наши дети». На открытии Михаил Викторович Горбатъко, исполнительный директор выставок Федора Конюхова, провел необычную экскурсию. Его эмоциональный, насыщенный событиями жизни художника рассказ погрузил всех присутствующих в мир самого необычного человека планеты Федора Филипповича Конюхова.

Михаил Викторович рассказал, что все образы Фёдор Филиппович привёз из путешествий – там и любовь к супруге Ирине, образы которой он перенёс в полотна «Весна», «Близняшки», «Мираж», «Иринушка в шляпе» и другие.

«Он путешествуя, настолько скучает по своей жене, что говорит: «Мне желание приехать к жене даёт силу. Потому что, когда я спрашиваю у своей жены, какой дорогой мне возвращаться, она отвечает: «Есть только одна дорога верного пути – это дорога любви».

Серия полотен посвящена Чукотке, где путешественник проживал долгие годы, проникся культурой и традициями народа и потом выплеснул на полотнах пережитое так, что Север засверкал яркими красками и теперь мы, созерцая изображенное, будто сами находимся на просторах совсем не белоснежной Чукотки.

Мы все благодарны Богу за чудесный дар ульяновцам – возможность увидеть выставку художественных полотен Федора Филипповича Конюхова. А автору желаем многая и благая лета.

Выставка под названием «Путешествие длиною в жизнь» работала до конца мая. Далее выставка отправилась по городам Поволжья.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Картины Федора Конюхова

Автопортрет

Атата

Гребец в океане

Возвращение домой с альбатросом

Весла малые

ДЕНЬ ПАМЯТИ Н.М. КАРАМЗИНА

3 июня 2022 года в городском сквере имени Н.М. Карамзина состоялись акция памяти и торжественная церемония возложения цветов к памятнику Н.М. Карамзину.

В Ульяновске с особым чувством благодарности чтят память историка, писателя, журналиста, историографа государства Российского, почётно-го члена Петербургской Академии наук, уроженца Симбирской губернии Николая Михайловича Карамзина (1766–1826).

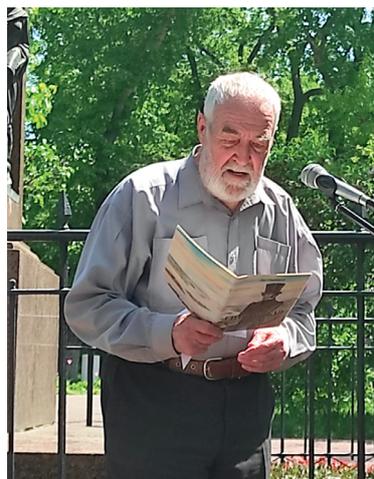

Ведущая О. Даранова, выступает А. Дашко

В Карамзинском сквере выступили доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова Любовь Сапченко, руководитель Института истории и культуры Центра стратегических исследований Ульяновской области, доктор исторических наук, профессор Сергей

Выступает Л.А. Сапченко

Выступает Л.Н. Нецветаев

Прокопенко, Почётный архитектор России, художник, обладатель Золотой Пушкинской медали Лев Нецветаев, учёный секретарь Дворца книги Ольга Даранова, председатель Совета молодых литераторов Ульяновской области Александр Дашко.

Программа Дня памяти Н.М. Карамзина была продолжена в областной научной библиотеке им. В.И. Ленина. Там состоялась презентация недавно вышедшей в свет «Хроники Петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина». Составитель книги, доктор филологических наук Любовь Александровна Сапченко рассказала о работе по подготовке этого издания.

Пятьдесят экземпляров книг было передано в библиотеки Ульяновской области.

И ВСЁ ЖЕ ВСЁ ВОКРУГ – ЛЮБОВЬ...

Традиционный вечер журнала «Симбирскъ» состоялся в апреле в Областной научной библиотеке им. В.И. Ленина в рамках выставки-конкурса «Симбирская книга».

Презентации журнала «Симбирскъ» давно стали доброй традицией в нашем городе. Они всегда собирают много друзей, авторов, литераторов, краеведов, всё культурное сообщество региона. Каждая такая встреча подтверждает, что журнал необходим, он открывает нам новые имена, знакомит с творчеством известных писателей-земляков и протягивает руку дружбы гостям из других регионов.

На этот раз впервые были определены и названы авторы журнала «Симбирскъ», которые были награждены дипломами по итогам публикаций за 2021 год.

Дипломами журнала «Симбирскъ» за лучшую публикацию 2021 года были отмечены: Светлана Матлина (поэзия), Евгений Сафронов (проза), Ирина Смирнова (краеведение), Иван Пырков (г. Саратов, эссе), Нина Ягодинцева (г. Челябинск, поэзия), Марина Бирюкова (г. Саратов, проза), Марина Ахмедова (г. Махачкала, поэзия), Светлана Алькина (молодой автор).

В награждении приняли участие Наталья Маркова и Владимир Лучников

Благодарственные письма за плодотворное сотрудничество были вручены Совету молодых литераторов Ульяновской области, Областной библиотеке для детей и юношества им. С.Т. Аксакова, Централизованной библиотечной системе г. Ульяновска, центру-музею И.А. Гончарова, музею народного творчества и другим.

В награждении приняли участие председатель общественного совета журнала «Симбирскъ», член Союза журналистов России Владимир Лучников и заместитель директора издательского дома «Ульяновская правда» Наталья Маркова.

Ведущая вечера, руководитель ульяновской писательской организации Ольга Даранова в завершение сказала: «Журнал «Симбирскъ» – журнал объединяющий, журнал созидающий, создающий единое культурное пространства нашего края, открывающий нам новые события, новые имена и радостные встречи со старыми добрыми друзьями, журнал, укрепляющий веру, вселяющий добро, свет, надежду, любовь...»

Благодарим всех авторов и читателей за внимание к «Симбирску» и творческое сотрудничество!

Ведущая вечера Ольга Даранова. Раздел «Память сердца». Вспоминаем Александра Лайкова, Татьяну Эйхман, Сергея Петрова, Бориса Склярука

Выступает Николай Марянин, постоянный ведущий рубрики «Юбилейный календарь»

*Благодарим Аксаковку за сотрудничество!
О.В. Клопкова, главный библиотекарь
по краеведческой работе ОБДЮ им. С.Т. Аксакова*

*Благодарность художнику,
педагогу Антону Лазареву*

В зале. Автор и друг журнала Сергей Николаев

В кругу друзей журнала «Симбирскъ»

Фотографии Павла Шалагина

ПУШКИНСКИЙ ДЕНЬ В ЯЗЫКОВЕ

5 июня ульяновские литераторы побывали на Пушкинском празднике поэзии в селе Языково Карсунского района Ульяновской области. В усадебном парке, у пушкинской ели, над Языковскими прудами в этот солнечный мирный день звучали строки двух прославленных поэтов, Пушкина и Языкова, и поэтические голоса наших современников.

Проходят века, но не сотрут они мудрый облик поэта. Не погаснет «солнце русской поэзии», как не исчезнет на земле добро, не иссякнет любовь к Отечеству.

Ульяновские литераторы – участники Пушкинского праздника. Языково. 5 июня 2022 г.

Николай МАРЯНИН

ДУХ РОДИНЫ

Как потерявшийся монах,
ищу то место на земле,
где тишина звенит в ушах
и свет купается во мгле.
Где утром зорька как огонь,
где пьют парное молоко,
и на открытую ладонь
салятся бабочки легко.
Где дремлет кошка на окне,
где спит собака в конуре,
и лодка, греясь на волне,
в рассветном тает янтаре.
И снова там, где у плетня
кусты черёмухи в цвету,
дух малой родины меня
крылом коснётся на лету.
А мир, застигнутый врасплох,
замрёт в сиянии весны,
чтоб, словно в детстве, я оглох
от этой звонкой тишины.

Склярук Б.Н. Родина Платова

Склярук Б.Н. Молвино

ПОСЛЕДНЯЯ ТОЧКА

В картинной галерее Союза художников в апреле-мае 2022 года экспонировались картины известного ульяновского художника Бориса Николаевича Склярука (07.05.1937–31.08.2021). Выставка была посвящена 85-летию со дня рождения художника.

Склярук Борис Николаевич (07.05.1937–31.08.2021)
Заслуженный художник РФ, график, живописец.
Серебряная медаль Российской академии художеств.
Знак отличия «За заслуги перед Ульяновской областью» (21.07.2021).
Член Союза художников России с 1970 года.

Склярук Борис Николаевич – график и живописец, член Ульяновского регионального отделения ВТОО «Союз художников России». Художник родился 7 мая 1937 года на Дальнем Востоке в Приморском крае. Путь к будущей профессии Борис Николаевич начал в провинциальном городе Борисоглебске Воронежской области, где жил с 1945 по 1964 год. В 1961 году окончил Одесское театральное художественно-техническое училище и работал на Борисоглебской студии телевидения художником-постановщиком.

С 1964 года Борис Склярук жил и работал в Ульяновске. В 1968 году окончил Московский полиграфический институт по специальности «художник-график, оформитель печатной продукции». С этого же времени Борис Николаевич активно включился в творческо-выставочную деятельность Ульяновской организации Союза художников России. Художник был рекомендован за участие на об-

на открытии выставки присутствовали коллеги-художники, сотрудники музеев, библиотек, культурная общественность города.

Выставочный зал был наполнен весенним светом. В картинах Бориса Склярука запечатлена жизнь, узнаваемые, дорогие сердцу места, лирические пейзажи. В живописи и графике – отклик на исторические события, не только лирические, но и драматические сюжеты. Художнику, чье детство пришлось на военные годы, близка была тема войны. Борис Николаевич Склярук любил жизнь, любил путешествовать по российским просторам, его наполняли яркие впечатления, которые отразились на многих его картинах.

Борис Склярук прошел большой жизненный и творческий путь. Он останется в памяти земляков как искренний художник, достойно служивший своему делу, как добрый и благородный человек, сердечно любивший наш город.

На страницах журнала «Симбирскъ» мы не раз обращались к творчеству Бориса Склярука. Сегодня хотим напомнить нашим читателям основные вехи жизни и творчества художника.

ластных художественных выставках и затем в региональной выставке «Большая Волга» (г. Ульяновск 1969–1970 гг.) и последующих за ней Всероссийской и Всесоюзной выставках молодых художников для вступления в Союз Художников СССР. В 1970 году Борис Николаевич Склярук был награжден медалью «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина.

На протяжении своего творческого пути Борис Николаевич активно принимал участие в работе Союза художников и неоднократно избирался членом Правления Ульяновской региональной организации Союза художников России. С 1988 по 1991 гг. работал председателем правления Ульяновской региональной организации Союза художников России.

За постоянный творческий труд, личный вклад в развитие изобразительного искусства России в 2001 году Борису Николаевичу Скляруку было при-

Склярук Б.Н. 1937 г. Бабий Яр, Сонгми, Сабра и Шатила... 1982. ксл. 13,5x16

Склярук Б.Н. 1937 г. Иллюстр. к рассказу «Русский характер» А. Толстого. 1982. ксл. 14x18

Открытие выставки

своею звание заслуженного художника России, в 2003 году художник был награждён серебряной медалью Российской академии художеств.

Много сил и времени Борис Склярчук отдавал молодым художникам, работая с 2005 по 2013 год профессором Ульяновского государственного университета факультета культуры и искусства кафедры художественного проектирования и кафедры живописи, рисунка и скульптуры.

Б.Н. Склярчук в течение 20 лет (с 1998 г.) на общественных началах работал председателем жюри областного конкурса детского рисунка «Мир, в котором мы живём». Был членом жюри областного театрального фестиваля «Лицедей», в течение 2010–2014 годов являлся ведущим преподавателем Карсунского межрегионального и международного пленэров детских школ изобразительного искусства. В 2011 и 2012 гг. Борис Николаевич был организатором и первым руководителем Всероссийского пленэра в рамках Международного культурного форума «Пластовская осень» в селе Прислониха Карсунского района Ульяновской области, ставшего традиционным в последующие годы.

Работы Бориса Николаевича Склярчука находятся в запасниках Министерства культуры России, музее Л.Н. Толстого в Москве (Хамовники),

музее Ульяновска, в частных собраниях России и за рубежом, в том числе в таких странах, как Алжир, Болгария, ФРГ, Норвегия, США, Франция, Швеция, Польша. Художник успешно представлял изобразительное искусство Ульяновской области на художественных выставках и различных форумах искусства в России и за рубежом. Экслибрисы Б.Н. Склярчука были представлены на международных выставках, биеннале, в том числе: Чехословакия (1972, 1975, 1978, 1979), Болгария (1975), Швейцария – Лугано (1978), Бельгия (1981), Англия – Оксфорд (1982), Нидерланды (1983). Более 100 книжных знаков художника находятся в интернациональном музее экслибриса в г. Синт-Никлаас (Бельгия).

Б.Н. Склярчук много лет был председателем жюри конкурсов детского рисунка

Склярчук Б.Н. Теремок

Б.Н. Склярчук – участник всех самых престижных художественных выставок изобразительного искусства Российской Федерации и достойно представлял своими произведениями искусство Ульяновской области. Художник создал огромное количество живописных и графических работ в разных жанрах и техниках, запечатлел историю Ульяновска и Ульяновской области, своих современников. В городских пейзажах Б.Н. Склярчука можно увидеть, как меняется облик города Ульяновска, в них сохранены исторические памятники и объекты культурного наследия. В 2014 году Борис Николаевич подарил коллекцию экслибрисов (более 100) Ульяновскому областному художественному музею.

В 2020 году был издан альбом заслуженного художника России Бориса Николаевича Склярчука.

Николай МАРЯНИН, поэт и краевед, член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Спасение от безумия», «Бог умер», «Звёздный ковчег», «России кварцевое сердце», «Симбирская рапсодия». Написал тексты более 300 песен, в т. ч. гимнов Ульяновской области, городов Ульяновска и Читы, Ханты-Мансийского музея природы и человека, Карсунского района, Болгарской кадетской школы, Мариинской гимназии, областной библиотеки имени С.Т. Аксакова, Ульяновского государственного технического университета и др. Лауреат премии «Шапка Мономаха» в номинации «За заслуги в области литературного творчества». Награждён медалью Н.М. Карамзина, именными часами губернатора Ульяновской области.

«Если человек – ошибка Бога, значит, ошибаться – наш удел...»

НА ВЕНЦЕ

Съедаемый опять тоскою жгучей,
я здесь плутаю с раннего утра:
танцуют семь ветров над волжской кручей,
и подо мной – Симбирская гора.

Как мало надо, чтобы быть счастливым!
Заря уже раскрыла алый зонт...
Стою над потрясающим обрывом,
с восторгом озирая горизонт.

Речная ширь на весь небесный ярус
раскинула владения свои,
и вновь белеет лермонтовский парус
на стрежень выплывающей ладьи...

В рассветный час люблю смотреть подолгу
туда, где с небом сходится вода:
кто с высоты Венца не видел Волгу –
тот не поймёт Россию никогда!

РУССКОЕ СОЛНЦЕ

Забурлила симфонией зла
на Днепре мировая стремнина:
ты нам Киевской Русью была,
кто же предал тебя, Украина?

И опять сквозь вселенскую грусть,
тёмных сил отменяя злорадство,
поднимается вечная Русь
на защиту свободы и братства.

Защищая свои рубежи,
путь к победе мы выбрали верный:
не сумеет империя лжи
отравить нас бандеровской скверной.

Ярче солнца и выше луны
образ Нерукотворного Спаса:
под знамёнами Русской Весны
воскресают герои Донбасса!

Душу радует крымский напев,
и звучит несмолкающей славой
канонада, как праведный гнев,
над Луганско-Донецкой державой.

Не смирился славянский народ,
вера в каждом живёт ратоборце,
и как Феникс, из пепла встаёт
Новороссии русское солнце.

БУДЕМ БИТЬ!

Все предания и были
через память пронеси:
как врагов нещадно били
наши предки на Руси.

Не у башен вавилонских,
а на озере Чудском
били рыцарей тевтонских
и мечом, и тесаком.

Гнали бесов Божьим словом,
отвести спеша беду,
и на поле Куликовом
били грозную орду!

Время смутное оплавав,
помнит русская земля,
как литовцев и поляков
изгоняли из Кремля.

И в боях, покрытых славой,
будто это не впервой,
били шведов под Полтавой
и французов под Москвой.

В назидание Европам,
подчиняя свет и тьму,
турок били под Синопом,
на Балканах и в Крыму.

На Мамаевом кургане
немцам вырвали кадык,
и японцам на Хингане
уготовили кирдык.

Каждый раз – одна картина,
и препонам вопреки,
до Парижа и Берлина
доходили казаки.

Песни, что сложили деды,
на скрижалях запиши:
для России День Победы –
праздник сердца и души.

Нам веков былая слава
до сих пор ласкает слух:
возрождается держава –
аж захватывает дух!

Ну а если чужестранцев
вновь потянет на майдан,
будем бить американцев,
обуздаем англичан.

И злодея, и мессию
мы должны предупредить:
тех, кто сунется в Россию,
неизбежно будем бить!

ДЫХАНИЕ ИМПЕРИИ

Когда сюжет неистовой мистерии
в театре жизни выгорит дотла,
тяжёлое дыхание империи
срывает крышку с русского котла.

Идут в атаку ценности двоякие,
на поле брани грозно строясь в ряд,
французы, немцы, турки, шведы всякие
завоевать Россию норовят.

Бурлит водоворот непонимания,
сшибаются народы и цари,
и континент меняет очертания
от резкого давления внутри.

А в час, когда воинственные прения
приобретают гибельный размах,
глубокий вдох имперского мышления
врагов уничтожает в пух и прах.

Метеориты падают тунгусские,
вскипает словом взорванный эфир...
Планета знает – это снова русские
уже в который раз спасают мир.

ДУБ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

300-летний дуб, растущий в «Винновской роще», является ровесником Российской империи

В далёком, достопамятном году,
 конкретнее неведомо архивам,
 в Киндяковке, в помещицьем саду,
 могучий дуб вознёсся над обрывом.
 Уже три века, судя по всему,
 взирает он на Волгу с пьедестала:
 Российская империя ему
 подругой и ровесницею стала.
 На нём – Петра Великого печать,
 которого капризная погода
 заставила здесь бурю переждать
 в суровый год Персидского похода.
 Былой Симбирск под звон колоколов
 парил над Волгой в солнечной короне:
 народ внимал величью царских слов,
 и дуб, как царь, сиял на пышном троне!
 Корнями он вцепился в шар земной,
 раскинув щедро ветви-карусели,
 а мимо непослушною волной
 тревожные столетия летели.
 Бывал здесь и разбойник, и герой,
 поборник топора и рыцарь слова,
 и сам Суворов ветреной порой
 провёз в железной клетке Пугачёва.
 Здесь Карамзин в часовне примерял
 «Златой Венец» масонского пошива,
 и Гончаров в беседке выверял
 сюжет легенды волжского обрыва.
 А «Винновская роща» с той поры,
 ковры дубовых листьев расстилая,
 литературных праздников дары
 вручает знатокам родного края.
 Маня к себе созвездия имён
 и раскрывая тайны жизни тленной,
 державный дуб свидетелем времён
 стоит на перекрестии Вселенной.
 В нём – мощь России, Волги вольный стих,
 мятежный дух Петра бурлит как прежде,
 и каждому на кольцах годовых
 свой путь указан к вере и надежде.

ГОРОД, КОТОРОГО НЕТ

Улицы, площади, парки во мгле
 тускло мерцают волшебным огнём:
 этого города нет на земле,
 больше никто не поселится в нём.

На берегу – цитадель изо льда,
 брезжит на дне отраженье звезды:
 эта река не течёт никуда,
 ей не испить родниковой воды.

Светит луны золотой ореол
 там, где на кручу вознёсся дворец:
 эта гора – не церковный престол,
 эти мосты не ведут под венец.

Томная нега, блаженная тишь,
 тайная исповедь, призрачный свет,
 в воображении чудится лишь
 сказочный город, которого нет.

ОТРАЖЕНИЕ

Смакуя в книге мыслей искажение,
 не ожидайте истину прочесть,
 и в зеркале увидев отражение,
 не думайте, что это вы и есть.

Действительность описывать квазарами,
 пожалуй, элегантнее всего...
 А кто сказал, что мысль яснее зауми
 и солнце ярче отблеска его?

Земную суть размыли, исковеркали,
 не сразу и поймёшь, на чём стоим,
 и вас, возможно, тот, который в зеркале,
 считает отражением своим.

Одели маски гений и ничтожество,
 смятение души идёт вразнос:
 зеркальных отражений в мыслях множество,
 а где реальный мир – ещё вопрос.

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Лишь тот в неуправляемом кошмаре
 способен пережить накал борьбы,
 кто ищет, балансируя на шаре,
 опору в равновесии судьбы.

В предчувствии единственного шанса,
 по кочкам мчится жизни колесо,
 и хочется уйти от дисбаланса,
 как девочке с картины Пикассо.

Она, казалось, хрупкая такая, –
 не то что мгла, нависшая вокруг,
 которая крадётся, увлекая
 в глобальный мир лишений и разлук.

И с солнцем путешествуя в зените,
 на тьму времён взирая с высоты,
 по апокалиптической орбите
 летит планета в бездну пустоты.

Людской рассудок взял над ней опеку,
 ещё не в силах главное понять:
 Создателем дано ли человеку
 на падающем шаре устоять?

ОГНЕННЫЙ ЛЕБЕДЬ

Утро окрасило стёкла в окне,
падая блёстками в душу ко мне...

Выйду из дома, взгляну на восход –
огненный лебедь по небу плывёт.

Тайного света живой виртуоз
крылья раскинул над озером грёз.

Яркие перья взметнув из огня,
он знаменует рождение дня.

Будет восторг упоительным, но
лебедю вечно летать не дано.

Сядет жар-птица на призрачный скат –
и окунётся в вечерний закат.

Словно зарницы ночного костра,
звёзды мне будут мерцать до утра.

Снова дождусь я, когда изнутри
выплывет огненный лебедь зари.

МАМА ПЕЛА

Вспоминаю то и дело
в угасающей ночи,
как красиво мама пела
рано утром у печи.

Пела, в угли загружая
на хватке чугунок
и на противни сажая
пироги да пирожки.

Отомкнув замки на дверце
чудодейственной тиши,
мама пела, словно в сердце
трепетал огонь души.

В тихой музыке рассвета
я спросонок представлял,
будто жаворонок это
мой покой благословлял.

Ввысь мелодия летела,
и в душе царил уют,
потому что мама пела
так, как ангелы поют.

ГРОЗА

Распахнуло ветром дверь,
свет померк в оконце,
глыба тьмы, как чёрный зверь,
поглотила солнце.

Разгулявшейся тоски
высшая потреба –
молний хищные клыки
в волчьей пасти неба.

А кувалда грома вдруг
бьёт в поддых с размаху,
низвергая всё вокруг
на земную плаху.

И с небесного бугра
в тридцать три притопа
хлещет дождь, как из ведра
ветхого потопа.

Но ушла внезапно мгла,
и души истома
лентой радуги взошла
над крылечком дома.

ЧЁРНАЯ КОРОВА

Млечный Путь вылизывая снова
вечности шершавым языком,
летней ночи чёрная корова
брызжет с неба звёздным молоком.

Время задремало дикой кошкой
на цветастом пологе земли,
и мелькают сны сороконожкой,
марафон затеявшей вдаль.

Стихли ветра бронзовые трубы,
накрепко сомкнулись веки тьмы,
но опять нашли друг друга губы,
у любви занявшие займы.

Чтоб Вселенной огненные очи
видели, как страстно и легко
чёрная корова летней ночи
в душу льёт парное молоко.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

В душе, рассудке и крови
сокрыта гибельная тайна,
как человек в огне любви
на свет является случайно.

И чтоб его запутать впредь,
дурманит мысли телевизор:
родиться, жить и умереть –
ещё не самый лучший выбор!

В миру, где всё наоборот,
вопрос в ответах заблудился:
а может быть, счастливей тот,
который вовсе не родился?

Ведь нерождённые стихи –
вполне достойная награда,
когда за муки и грехи
ни жить, ни умирать не надо.

И жизнь однажды в звёздный час
раскроет замысел могучий:
спасёт или погубит нас
живой любви несчастный случай?

ЖИЗНЬ

Знать бы, что её высочество
на планету занесло:
то ли древнее пророчество,
то ли Божье ремесло,

то ли ветра дуновение,
то ли чудо из чудес...
Жизнь – всего одно мгновение
в синей вечности небес.

Но за этот миг пронзительный
нужно вовремя успеть
ощутить полёт стремительный
и судьбу, как песню, спеть.

Оседлать мечту трёхмерную,
уловить событий нить
и за хвост удачу верную
как жар-птицу ухватить.

Посадить у речки дерево,
рядом с ним построить дом,
чтобы царство Берендеево
процветало вечно в нём.

В это время безрассудное
цель заветная ясна:
окунуться в чудо чудное –
и испить его до дна!

ДУША ПАМЯТИ

На Воскресенском кладбище покой,
безмолвие таинственности тленной...
И мне бы помолчать: кто я такой,
чтоб нарушать спокойствие Вселенной?

Но вдруг, смиряя светлую тоску
и покоря разум высшей силой,
огромный чёрный ворон на суку
закаркал над заброшенной могилой.

В него швырнув осколком кирпича,
я цыкнул угрожающе, и птица
спустилась, что-то хриплое крича,
туда, где заросла травой гробница.

И я увидел древние слова,
которые начертаны на камне:
«Душа угасшей памяти мертва,
и лишь покой дарован на века мне».

А в честь того, кто жизнью заслужил
забвения последнюю обитель,
над кладбищем торжественно кружил
неоценённой мудрости хранитель.

ОШИБКА БОГА

Не туда опять ведёт дорога,
и в расчётах мысленный пробел...
Если человек – ошибка Бога,
значит, ошибаться – наш удел.

Ждать не стоит жизни полноценной
в джунглях закупованных квартир...
Если человек – изгой Вселенной,
он готов отвергнуть этот мир.

Некому примчаться на подмогу
к жалкому подобию творца...
Даже если мы подобны Богу,
заблуждаться будем до конца.

И не сможет золотая рыбка
нужный обеспечить результат...
Но уж если мы и впрямь – ошибка,
не Создатель в этом виноват.

ПЁС ИСТОРИИ

На ниве жизни, где забвенья зной
и в мыслях своевольных ветер свищет,
бродячий пёс истории земной
по зарослям веков угрюмо рыщет.

Вынюхивая зланные места,
находит он события и факты,
которые затмила слепота
в сознание проникшей катаракты.

Минувшего трактует голоса,
тесня и мудреца, и лоботряса,
и в нужный миг клыки шального пса
вонзаются в мыслительное мясо.

До бешенства способна покусать
беспамятства бездомная собака,
свивая тяжело в тугую прядь
волокна исторического мрака.

И постигая это ремесло,
Вселенная внесёт в свои скрижали
не то, что в самом деле быть могло,
а то, как это в книгах описали.

Марина ШКРОБОВА-ВЕРНАЛИС, член Союза писателей России, член Международной академии русской словесности, педагог, художник. Автор проекта «Литературный салон Марины Верналис». Не раз выступала в Ульяновске с поэтическими программами. Живет в Москве.

СТУЧАЩЕМУ – ОТКРОЕТСЯ!

ЛЮБЛЮ НЕПРАВЫХ ИСЦЕЛЯТЬ ЛЮБОВЬЮ!

Люблю неправых исцелять любовью!
Неблизок путь. Но стоит ли спешить?
Мы до рожденья знаем все условия,
Все вехи, что придётся пережить!

Моя любовь для правых и неправых
Как солнца свет – сияет всем подряд!
Что толку солнцу обделять лукавых?
Они себя и сами обделят.

Не стану посыпать их раны солью,
Обидных слов не буду говорить.
Люблю неправых исцелять любовью!
Им без любви совсем не просто жить.

Я возрастаю этим исцелением!
Так крепнет дух. Да что тут возражать!
На то и посылаются сражения,
Чтоб мы могли любовью побеждать!

ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ – ОДИН ВСЕЛЕНСКИЙ ДЕНЬ!

Вся жизнь моя – один вселенский день!
Сюда приходим с мыслью всеначальной.
Любовь своею Песней величальной
Творит для нас спасительную сень.

Вся жизнь моя – один вселенский миг!
Где смысл – это я, моя дорога,
Алмаз души, который я постиг
И огранил в творящей силе Бога!

Вся жизнь моя – подобье мастерской,
Где я вершу своё преображение.
И постепенно становлюсь собой
Или к себе свершаю восхождение.

Вся жизнь моя – один вселенский час!
Где мысли стали звёздами на небе!
К чему волненья о насущном хлебе,
Важней открыть тот Свет, который в нас

От Бога!
Мы – его вселенский Свет!

ПРИТЧА. С БОГОМ!

Трудясь над созиданием земли,
Бог сотворил и твердь, и океан.
Взывал к воде, чтоб в глуби рыбы шли,
Взывал к земле, чтоб лес на ней взрастал.
Когда же человека создавал,
К себе он обратился самому.
И каждого с любовью изваял
По образу и Свету своему!
Проходят миллиарды с той поры,
Мир Божеским созданием слывёт:
Попробуй вынуть рыбу из воды –
Она на суше час не проживёт!
А если корни дереву подсесть,
Лишив земли, оно тотчас умрёт.
И должен я тебя предостеречь,
Что человек вне Бога не живёт!
Мы созданы, чтоб жить всецело в Нём,
Ведь только в Нём и существует жизнь!
Я с ним в делах горю Его огнём,
А без Него не вижу даль и близь...
Вода без рыб останется водой,
Земля без насаждений – та же твердь.
Бог и без нас останется собой,
А нам прожить без Бога не сумеь!

СТУЧАЩЕМУ – ОТКРОЕТСЯ!

Стучащему – откроется.
Идущему – осилится,
Дающему – восполнится,
Творящему – привидится.

На каждого – отмерено,
Для каждого – заказано.
По всякому намеренью
Судьбою всё предсказано:

Стучащему – откроется.
Идущему – осилится,
Дающему – восполнится,
Творящему – привидится.

Секрет не заковыристый
В успехе беспечальном –
Иди тропой извилистой
И не впадай в отчаянье!

Стучащему – откроется!..

ВОКЗАЛЫ ЖИЗНИ

Вокзалы жизни – наши берега.
Мы в них кочуем как по рекам волны.
От «здравствуй» до короткого «пока»
Жизнь наша протекает полноводно.

Вокзалы жизни – наши рубежи,
Приюты, подарившие надежды,
О! Как порою искренне грешим,
Боясь испачкать белые одежды!

Вокзалы жизни – радость и печаль.
Смешенье счастья встреч и расставаний.
Оседлость обретаем мы. А жаль...
Жизнь лишь в преодоление расстояний!

ОГЛЯНИСЬ!

Оглянись! И к себе возвратись...
Это вовсе не к храму дорога.
Жизнь как девочка-недотрога –
только смелости наберись.

Оглянись! Сам с собой помирись.
Это вовсе не трудная штука.
Ведь обида всегда близорука,
А безверье – плохой оптимизм!

Оглянись! Сам себе удивись!
И вернись в свое кровное братство.
Будет время еще потягаться
С тем, кто крикнет тебе: берегись!

Оглянись! И себе улыбнись!
Истин жизненных вовсе немного:
Чтобы в храм приводила дорога
И души устремления – ввысь!

Оглянись!..

ПРИТЧА «ПРОСТИТЬ СЕБЯ!»

Жил-был на свете человек.
И уж поверьте,
Как мог растратил жизни век.
И после смерти
Осталась лишь его Душа
Стекла прозрачней.
И было видно, жизнь прошла,
Увы, невзрачно!

Душа попасть хотела в рай –
Туда всяк метит!
А что грехов хоть отбавляй,
Бог не заметит!
В раю хотелось жить легко,
Но вот досада –
Души прозрачное стекло
Всё рассказало...

И было трудно сделать шаг –
Дурное видно.
И рай покинула Душа. –
Ей стало стыдно...

И вновь к божественным вратам
Душа явилась.
Чтоб из неё Творец забрал,
Чего стыдилась.
Но вынув память о грехах,
Душа забыла,
Чем дорожила, чем жила,
Кого любила!
Бог милосерден. Он вернул
Ей память сердца.
Но нет покоя на душе,
И снова к дверце

Явилась грешница в ночи
Просить прощения.
И Бог ей отпустил грехи
Без сожаления.
Но не смогла Душа в раю.
Вернулась к Богу.
«Себя простить я не могу.
Прошу подмогу».

«Я этой просьбы долго ждал.
Хоть и всемогущ,
Мне этот камень не поднять.
Я здесь бессильен.
Урок у каждого здесь свой,
А смысл рождения –
Простить себя!
И как итог –
Освобождение!»

МИР ИЗ МЕНЯ!

С утра в моей душе восходит солнце,
Через МЕНЯ в рассвет переходя.
И следуя задумке житнетворца,
День всякий раз выходит из МЕНЯ!

И изМЕНЯет мир. И я МЕНЯюсь.
И каждый изМЕНЯется со мной!
Я с новой силой каждый день рождаюсь –
Вот почему так важен мой настрой.

Мир из МЕНЯ, из каждого, из многих!
И качество зависит от того,
насколько будем бережны и строги
Мы к сотворенью мира своего!
Мир из МЕНЯ!..

МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ!

У каждого бывают времена,
Когда на сердце грустно отчего-то
И накрывает с головой тоска –
Опять идти на скучную работу...
И дома непочатый край забот,
И вечный список дел и обязательств.
И мысли, что мне просто не везёт,
Что я живу по воле обстоятельств.
Давайте проведем эксперимент,
В котором сразу радость обретёте:
Меняем фразу, делаем акцент:
Мне ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ быть нынче
на работе!

Мне посчастливилось сегодня мыть полы,
Варить обед, учить уроки с дочкой,
Мне посчастливилось писать до темноты
И размышлять о жизни в одиночку.
Мне ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ! И сразу столько сил!
Себе кажусь я всемогущей просто!
Как будто Бог меня благословил
И сразу стала будто выше ростом!
Мне ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ быть не такой,
как все!

Пожалуй, очень редкая удача!
Такой эксперимент по нраву мне,
Да и для вас нетрудная задача -
Перевести свой жизненный регистр,
Чтобы душа отрадно зазвучала:
МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ!
(Ведь в каждом есть артист!)
Понравилось?! Тогда начнём сначала!

ПОНЯТЬ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА...

Понять другого человека – блажь!
Ведь это тайна за семью печатями!
Любовники, товарищи, приятели...
Кто мы с тобой? Рисует карандаш
Наш тихий дом с беседкой во дворе,
С небрежными цветочными коллажами,
Где заросли сирени экипажами
Подобрались к бревенчатой стене!

Понять другого человека – нет!
Не понимать, а принимать возможно.
И у дверей звоночком осторожно
Предупреждать, что я иду к тебе!
Наш тихий дом уютен и красив,
В нём есть камин, скрипучая кушетка,
И как неугомонная соседка,
Трещит сорока меж ветвями слив!

Марина Шкробова в студии «УлправдаТВ».
«Подсолнухи» – картины
Марины Шкробовой.

Понять другого человека – вздор!
Какая радость в том труде дотошном!
Любить! Тогда и понимать несложно,
А всё другое – долгий разговор...
Меж нас двоих, там, где наш сад и дом,
Где ветер выдувает вечер блюзами...
Где нас связал таинственными узами
Весенний день, уснувший под окном!

ВЕРЕТЕНО МЕТЕЛИ...

Веретено метели
Прядет зимы сугробы.
Опять летят недели,
Опять не время, чтобы
Бросаться в неизвестность,
Идя старинным трактом.
И снова части пьесы
Разорваны антрактом.
Наверное, виднее
Тому, кто нами правит.
Мир медленно стареет,
Но смысла не меняет.
Ни глупость, ни жестокость,
Ни чувство милосердия
Нас заставляет пропасть
Воспитывать усердие.
Приняв свой хлеб насущный,
Жить пленом дня и духа.
Но суетный и скучный
Мир, если сердце глухо...
Жизнь – тонкое искусство,
В ней ямб, хорей и анапест.
Не торопитесь требовать
Аплодисменты! Занавес!

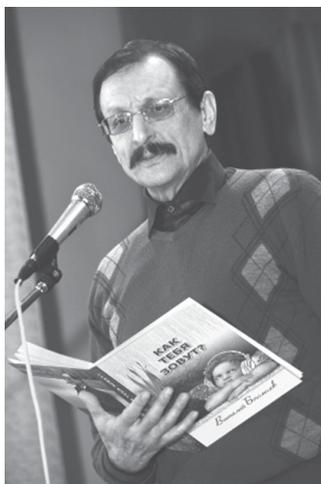
Запись «Литературной гостиной» можно
посмотреть на сайте «УлправдаТВ»
и с помощью QR-кода через смартфон.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ. МАРИНА ШКРОБОВА-ВЕРНАЛИС: «ПУСТЬ В ЭТИ МИНУТЫ СВЕТЛЕЕТ ВОЗДУХ НАШЕЙ ДУШИ»

Гость «Литературной гостиной» – поэт, художник, актриса Марина Шкробова-Верналис. Поэтические салоны Марины Верналис – это музыкально-поэтические композиции, в которых звучат и поэзия Серебряного века, и авторские стихи.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Виталий БОГОМОЛОВ, член Союза писателей России.

Родился в 1948 году в г. Тавда Свердловской области. Детство и юность прошли в Ординском районе Пермской области.

Служил в армии, работал на заводах Перми. Окончил Пермский государственный университет. Автор 30 книг (пять из них – поэтические) и более шестисот публикаций в периодике, коллективных сборниках.

Лауреат премии имени В.М. Шукшина, областной и краевой премии в сфере культуры и искусства, премии имени русского поэта А.Ф. Мерзлякова.

Кавалер ордена Ф. Достоевского 2-й и 1-й степени. Награждён многими дипломами и почётными грамотами.

Живёт в Перми.

ЖИЗНЬ МИМО ЖИЗНИ

Рассказ

*Валерию Евгеньевичу Ходячих
посвящается*

Стоял август, самая грибная пора...

И захотелось Никите Зуеву пригласить на лесную прогулку близких своих друзей, Мишу и Володю, с которыми поддерживали отношения с давних школьных лет. За грибочками, может, и на рыбалку, главное, чтоб подальше забраться, где нет дорог, а значит, и людей. Хочется от них отдохнуть.

Приятели (всем им было уже под шестьдесят) исследовали карту области, нашли, как им показалось, самое оптимальное местечко: и неблизкое – сто пятьдесят километров от областного города – и глухое, в стороне от трассы, деревушка под соблазнительным названием Тихая, а рядом озеро Долгое. Ну чем не романтика?

Запаслись всем необходимым: продуктами, спальниками, палаткой, инструментами и прочим; Зуев червей для наживки накопал у себя на берегу и

даже берёзовых дровишек с десятков поленьев бросил в багажник. Так, на всякий случай. И субботним утречком пораньше рванули на зуевском внедорожнике на запланированные два дня с ночёвкой.

От федеральной трассы, по вполне сносной грунтовой дороге, ушли в сторону ещё на шестьдесят километров; добрались до села Михайловки. Здесь им пришлось узнать, что деревни Тихой давно нет, вымерла. Но те, у кого они спрашивали, вспомнили, что вроде там есть один дом, в котором обитает какой-то выживший из ума старик, не захотел покидать своё хозяйство. Расстояние до Тихой, сказали, километров пять, но дороги туда тоже давно нет, всё затянуло и заросло... А была раньше дорога; если из села спуститься в пойму к реке, то сразу налево и вдоль кряжа. Никак не заблудишься.

– Мужики, то, что надо нам! – решил порывистый Никита.

И они поехали. Место, по которому когда-то проходила дорога, угадывалось легко, хотя и затянуло её мелким кустарником. Порой машина ухала в заросшие колеи и мочажины... Но выбиралась. Хорошая у Никиты оказалась техника, высокой проходимости. Проехали пять намеченных километров, однако никаких признаков деревни Тихой не обнаружилось.

Остановились, «почесали в затылках», посоветовались, значит.

– Насчёт пяти километров – это «деза»¹, – сказал Никита.

Для полной уверенности решили ещё податься сколько-нибудь вперёд. Через семь километров лес расступился, и они увидели догнивающие останки бывшей здесь деревни, окружённой холмами, и единственный целый дом.

Вышли, огляделись. Совсем близко к дому подступало кривое вытянутое озеро, которое бумерангом загибалось за высокий хвойный лес, обступивший его с северной стороны. Видимо, это была старица. Над озером и лесом в синем небе висели неподвижно такие живописные и колоритные кучевые облака, какие бывают только в августе, что невольно принуждали замереть и хоть недолго полюбоваться ими.

Друзьям без обсуждения стало понятно, что выехали они туда, куда им надо было.

– А то! – воскликнул Зуев таким уверенным и торжествующим тоном, какой свидетельствовал, что с Зуевым иначе быть и не могло.

Определили местечко для стойбища – косогорчик возле озера недалеко от дома, стали разгружаться. Время близилось к полудню. Первым делом под ёлками поставили палатку, утвердили походный столик, развели костерок, разогрели еду со свежей картошечкой, тушённой в мясе. Дальше было как всегда в подобных случаях: покушали, пропустили по нескольку стартовых рюмашек – под разговор и воспоминания... Как любил повторять Никита, «помаленьку, но почаще».

Михаил был заядлым грибником и, получив от голосистого Никиты крепкое командирское внушение на разведывод: чтоб его не пришлось искать всем составом ближайшего УВД и жителями

района, отправился за грибами. Старый грибник, он был уверен, что заблудиться ему здесь трудно. Да и навигатор при нём... Он решил обследовать косогор, который тянулся по северной стороне озера.

Володю, начавшего с годами набирать тучность и терять подвижность, распорядительный Зуев снарядил удочкой и отправил «помахать» ею на берегу озера. А сам, дымя безостановочно сигаретой – здесь ещё полно было комаров, занялся хозяйством, подготовкой мяса к вечерним шашлыкам. Время от времени он бросал взгляды на избёнку, прикорнувшую под двумя огромными развесистыми берёзами: никаких признаков жизни там, однако, не замечалось.

Минут через тридцать с небольшим Володя уже вернулся с рыбалки. Принёс в пластиковом ведёрке с дюжину дивных золотистых карасей, каждый с добрую ладошку.

– Не могу больше. Заели! – пожаловался он. – Аборигены здесь, видно, разводят каких-то особородистых комаров. Каждый с воробья! Уши распухли.

– Во! – изумился Зуев. – Уха есть! Если Мишуня ещё грибочков принесёт – заживём, как на курорте! А в промежутке – запиши! – ша-шлы-ки-и под водочку! Слышь, братан², есть же вот средство от кровососов. На, опылись!

Он протянул другу аэрозольный баллончик. За двадцать лет профессиональной военной службы командные нотки въелись в его голос так, что разговаривал он с Володей, будто тот находился не рядом, а в километре от него.

– Ладно, ты давай приводи в порядок своих карасиков, выпускай им «унутренности», а я схожу в кишлак на разведку, узнаю всё же, какой там бабай живёт, – распорядился Зуев.

По высокой, в рост человека, дурной и перестойной траве он стал пробиваться к домику под берёзами. От дома к озеру до плотков была прокошена неширокая слабо натопанная дорожка.

Прошло примерно полчаса, Володя уже забеспокоился и хотел идти на выручку другу, но Никита сам, наконец, появился.

– А что, грибник наш не вернулся ещё? – удивился он. И тут же вывел заключение: – Слышь, братан, ну точно, придётся искать Мишуню. Мобильник здесь не берёт – связи ваще нет.

Он стал рассказывать про хозяина избушки. Живёт в ней одинокий старикан восьмидесяти четырёх лет, Пётр Анисимович Куров. Бывают Орловы, а есть вот, оказывается, и Куровы. В прошлом колхозный кузнец. Раньше с ним тут обитали ещё, как он говорит, две «девки», одна была постарше его, другая чуть помоложе, но когда двадцать лет назад какие-то бандюганы сняли с электролинии все провода и Тихая навсегда упала во тьму, старух увезли родственники, а ему, говорит, ехать некуда. Теперь он даже не знает, живы ли его подружки...

– Как же он двадцать лет без электричества, в наше-то время?! – изумился Володя, программист, который подобной жизни даже представить не мог.

– Вот и я тоже не пойму! – вскинул руки Зуев, встряхивая плечами. – Привык, говорит. Встаёт с

¹ Дезинформация.

² Обращение, распространённое в жаргоне участников войны в Афганистане.

петухами, спать ложится с курами.

– Это ладно. Куров. Он с курами и ложится... А вот чем тут кормиться?

– Пока были силы, держал, говорит, хозяйство, козочку, кур, овец на мясо, теперь даже кошки нет. Огородишко небольшой только садит, и всё. Пять-шесть ведер картошки ему на всю зиму, до лета хватает.

– Ну а хлеб, крупа, сахар?..

– Иногда, говорит, делает прогулки до Михайловки, где закупают хлеб и прочие припасы. Прямой тропой это, говорит, пять километров. Для своего возраста он ещё крепкий старик, надо сказать. Форму держит. Надеяться-то ему не на кого. Но зимой тут... Ты меня, братан, извини-и... Да ещё без электричества, – Зуев выпятил губы и покрутил недоуменно головой. – Не зна-а-аю...

– Слушай, Зуев, это какая-то дикость в наши дни!..

– Ну какая дикость... Вон Лыковы жили не в такой тайге и ничего... Они, правда, старожилы...

Из зарослей неожиданно показался Михаил.

– О, появился, братан! – воскликнул Никита. – А то мы уже хотели вертушку вызывать на поиск...

– А куда я денусь, – ответил с лукавой усмешкой Михаил.

Он принёс в пакете богатый сбор молодых крепеньких белых грибов, других, говорит, не брал... Грибов – море. После дождичков пошёл хороший нарос.

Грибник, как разведчик, выяснил, что озеро тянется метров на триста и что оно проточное: из него выпадает речушка метровой ширины (видимо, и впадает она в озеро где-то выше), очень чистая, и в ней должны быть непременно хариусы. А в озере, наверное, и щуки водятся...

– Тишина здесь – обалденная! Воздух – ножом режь и на хлеб намазывай! – восхищался Михаил.

Он удивился Володиному улову карасей, которых тот уже почистил и присолил.

* * *

Отдохнули друзья очень душевно. Грибов набрали полно. Место им настолько понравилось своей заброшенностью, природной естественностью, что решили приехать сюда ещё. Перед отъездом Зуев собрал оставшиеся продукты, сложил в пакет, сказал: «Мы своих не бросаем! Бакшіш³ бабаю» – и отнёс их старику.

Старик этот что-то запал ему в душу, и всю неделю он временами вспоминал о нём. Сговорились в следующую субботу снова съездить в деревню Тихую, пока грибы не отошли.

Зуев закупил два пакета муки, несколько пакетов разных круп, бутылку растительного масла, сахара, консервов для старика Курова, керосиновую лампу со стеклом и раздобыл пятилитровую ёмкость керосина. По приезде всё это отнёс ему, старик был и удивлён и очень насторожён таким даром, долго отнекивался, отказывался, говорил, что ни в чём не нуждается, всё у него есть, что надо. А чего нет – привык обходиться так. Но Зуев был не тот человек, настойчивость которого в чём-то

можно поколебать. Он всё предназначенное Петру Анисимовичу оставил у него, а самого пригласил к вечеру на шашлыки, сказал, что в нужное время придёт за ним.

– Пётр Анисимович, – сказал Зуев, – вы ни о чём не беспокойтесь. Не подумайте, что втираемся в доверие к вам. Нам от вас ничего не надо. И золото, которое у вас в подвале закопано, нам не надо – мы сами золото! Шутка! Мы приехали на природе отдохнуть, грибов пособирать... А это вам подарок от афганского братства. Я там служил, – успокоил он старика, которому понравилась его весёлая обходительность.

Старик шутку понял, отозвался на неё:

– «Золото-то» у меня в конюшне, перегной высшей пробы, только вот сил не стало выкопать-то его, огородишко не мешало бы им удобрить...

Так и было, по ранним сумеркам Зуев сходил за стариком и привёл его к костру. Это оказался сухой, высокий и сутулый человек, одетый в брезентовые лоснящиеся штаны, давно забывшие про стирку. Зуев усадил его на походный складной стульчик, выбрал лучший шампур с шашлычком, подал гостю, поднёс ему пятидесятиграммовую металлическую стопочку водки. Тот величаться не стал, выпил, поблагодарил за уважительность, принялся жевать шашлык, у старика ещё оставалось много своих зубов, и мясо он ел без особых трудностей. Да и мясо, кстати, было нежное; Зуев знал в нём толк, умел и выбирать мясо, и готовить его. Ещё в Афганистане научился. От второй стопки старик категорически отказался. Он и с одной стал разговорчивым.

У него были высокие кустистые седые брови, очень спокойные светлые глаза, лицо в серых глубоких морщинах, заросшее бородой, в отблесках костра напоминало скорее кору старого елового дерева. Глядя на старика, можно было с уверенностью подумать, что он непременно должен быть участником Великой Отечественной войны. Но нет, оказалось, что Пётр Анисимович всего лишь с 1931 года, просто выглядит старше своих лет. Но при его полудикой здесь жизни иначе и быть, наверное, не могло.

В закатной стороне над самым горизонтом, заметно придвигаясь и сползая к нему, горела в синеве яркая звезда, и горела она тем пронзительнее, чем больше синева неба густела. Миша и Володя заспорили, что это за звезда. Миша утверждал, что Венера, Володя – что Юпитер. Миша убеждённо доказывал, что Венера – самая яркая звезда и это – она, Юпитер слабее, а во-вторых, орбита Венеры находится близко к солнцу и потому звезда видна либо после заката, вот как сегодня, либо перед восходом. Это, бесспорно, она. И вообще – у него есть телескоп и карта звёздного неба.

Не находя аргументов, Володя смирился и махнул рукой – сдаюсь-де.

Друзья понемножку выпивали, закусывали и с интересом слушали старика, который, удовлетворяя их захмелённое и вьедливое интеллигентское любопытство, не очень охотно рассказывал о себе, о своей деревушке. Слово понимал, что им это всё в глубине души чуждо и любопытство их праздное. Голос его звучал глухо, хрипловато.

³ Подарок старику – из жаргона ветеранов Афганской войны.

Когда-то деревня Тихая, оказывается, была шумной, большой и богатой. На озере белым-бело водилось гусей, их держали в каждом доме. Начнут гагакать – за версту слышно. Перед войной в Тихой насчитывалось 63 двора. Имелся большой конный двор, а после войны здесь вообще находилась целая конеферма, лет десять разводили и выращивали лошадей для армии. Ведь во время войны их очень много погибло. Здесь простирались широкие луговые пастбища... В середине пятидесятых всё заглохло: лошади в армии стали не нужны. Как теперь вот даже в деревне... Артиллерию и ту Хрущёв признал тогда ненужной... Ракеты появились.

– Это мы знаем, хех! – закричал Зуев, повалив голову на левое плечо и скребя правой рукой сбоку шеи.

Семья была большая, очень трудолюбивая и поэтому зажиточная. Дедушку своего, маминго отца, он не помнит: родился уже после того, как деда раскулачили, семью из дома выселили и всех куда-то увезли. Никто не вернулся. Мать с отцом жили уже отдельно и небогато, это их спасло. Отец и его старший брат Лука работали в колхозе конюхами. Дядя Лука числился старшим. Однажды ночью комсомольцы-активисты пришли на конный двор, стали подносить лошадям ведро с водой, лошади воду пили. Значит, конюх лошадей после работы не поит, занимается вредительством. А вредителей в то время как раз везде выискивали. Написали донос. Луку обвинили во вредительстве, осудили на шесть лет. Сколько ни доказывал он, что лошадь, как её с вечера ни напои, когда постоит, поест и отдохнёт, то обязательно станет пить, доказать ничего не смог. В лагере он заболел и умер. Отцу Петра Анисимовича, пока не угасла комсомольская чума по выискиванию вредительства, пришлось даже спать на конном дворе и по ночам поить лошадей не по одному разу.

Когда началась война, Петру Анисимовичу было десять лет, отца забрали на войну в первые же дни. В ту же осень он и погиб где-то под Москвой.

– Берёзы эти, – старик показал рукой в темноту в сторону дома, – отец ещё подростком посадил. Они старше меня годов на десять. Вот всё, что осталось от нашего рода. Меня скоро не станет, изба догниёт, а они ещё постоит, может, лет полсотни. Последняя память. Бывает, подойду, обниму дерево, как отца родного...

– А вы всю жизнь тут прожили? – поинтересовался Михаил.

– Да пошто, не-ет, – возразил Пётр Анисимович. – После четвёртого класса, в сорок втором, пошёл работать в колхозе. В сорок шестом забрали в ремесленное, учили на кузнеца. Работал на заводе Ленина сколь-то. Тут в армию пора. Три года в Белоруссии да на Украине землю чистили.

– Как чистили? – удивился Володя.

– Мины обезвреживали. Обязательно. Их там после войны осталось видимо-невидимо.

– Да это же опасно! Как-то не подорвались?!

– Опасно! – подтвердил Пётр Анисимович. – Бывали у нас случаи... Бывали, – старик потербил свою густую бороду. Он приподнял и опустил засаленную до невозможности кепку, под которой оказалась совершенно лысая голова. – А после

армии, в пятьдесят четвёртом, обратно сюда. Тут и прошла вся моя жизнь, – махнул он угрюмо рукой. – Тоже чертомёлил на колхоз. Одних стогов сена переметали с Лёнкой Кúзовлевым – не сосчитать, – вздохнул он. – Тоже ничего не осталось, ни от колхоза, ни от меня. Там вот кладбище. Мать там лежит, жена там лежит. Никого нет, вся деревня вымерла. Зачем жили? Для чего работали, жилы тянули, ломали хребёт – всё напрасно. Ничего нет. Будто тихий ветерок дунул-пролетел – никаких следов. Горько, как подумаешь...

– А дети? Были у вас дети? – опять поинтересовался Михаил.

– Как же. Обязательно. Дочь, младшая, лет четырнадцать назад погибла в городе. Одиночка была, лет сорок ей было. А старший-то сын, как после армии куда-то забрался на Север, на большие деньги, так и не знаю, где, жив ли, нет ли. Можно сказать, без вести пропал. Первые-то годы всё же писал изредка... Наверно, уж нет в живых. Теперь бы около шестидесяти было ему... А я всю жизнь в кузнице проиграл молотком по наковальне... Весной, конечно, на посевную снимали, летом на сенокос, а остальное время – всё у горна.

– А пенсия? – спросил Зуев. – Пенсию-то вы какую-то получаете? Как её доставляют сюда, кто?

– Ну как же. Обязательно. Пенсия есть. Восемь двести была в прошлом году. Давненько не справлялся. Поди уж миллионы отваливают? – рассмеялся он скупно. – На сберкнижку идёт. Там, в Михайловке. По потребности снимаю захожу, бывает... Форсить не приходится, на похороны надо чтоб скопилось сколь-нибудь... Сейчас, говорят, шибко дорого стоит это удовлетворение.

– Да как же вы до Михайловки-то добираетесь? Это же, сколько мы насчитали? Восемь кэмэ?

– У меня своя прямая дорожка – пять километров. Хожу с бадожкой. Только что в гору-то вот надо выбраться... Трудновато. А дальше ровно, марш-бросок без помех.

– А зимой?

– На лыжах. У меня лёгонькие лыжи охотничьи. Лосиным камусом обиты. Наверно, таки же старые, как сам. От Афанасия достались, соседа. Хожу-у потихоньку. Зимой-то редко. Ягоды, грибы, рыба – всё у меня тут под боком. Сил токо мало осталось...

– Не беспокоят? – поинтересовался Михаил.

– Теперь нет, слава Богу. А было время, при Ельцине-то, расплодилось бандитов... Не раз смерти в глаза принуждали поглядеть... Деньги всё искали, добивались, где спрятаны. Да водку искали... А у меня пенсия была втупор в два раза меньше таперешней. Какие деньги. Сельским кузнецам вредность не засчитывалась. Пенсии были махонькие. Всё на хозяйство уходило. И под лёд грозились меня спустить, если не скажу, где деньги. Тогда здесь ещё люди всё же были. Но бандиты никого не боялись. Бог миловал. А теперь стало спокойно. Составились, видно. Многие поумирили. Рояль какой-то всё пили, угомонились. Всё, что было, унесли, металл особенно, гирю двухпудовку ржавую и ту уволокли; ложки-вилки, кастрюли люминевые и те собрали... Иконы позабирали. Хорошие иконы были у меня, родительские, старинные. Четыре штуки. По чернели, правда. Бумажную одну токо и оставили.

Николая Чудотворца. Теперь вот молюсь ему.

– А что за бандиты-то, какие?

– Да варнаки всякие, ворьё, нёрабочь, алкаши, тюремщики после отсидки...

– Ясненько, – заключил резко Зуев.

– А как с дровами к зиме? – любопытствовал всё тот же Михаил.

– Есть у меня пила лучковая добрая. Сам же ладил, пока в кузне робил. Что осталось от деревни, потихоньку летом ширкаю, заготавливаю. Зарядка такая у меня получается... Обязательно. Напильники, правда, все поржавели да выносились, точить пила нечем... Древесина старая, пересохшая, заточка скоро тупится...

– Ладно, пока силы хоть какие-то есть, – заметил Володя. – А дальше как?

– Две жизни никак не жить, помру да и только, – как о чём-то самом будничном проговорил Пётр Анисимович с грустной и какой-то извиняющейся улыбкой.

– Так, может, в интернат? – то ли посоветовал, то ли спросил Михаил. – Там уход будет...

– Это в дом-от престарелых? – уточнил Пётр Анисимович. И, не дожидаясь ответа, отверг такой вариант: – Нет уж. Тут дай Бог. Одного боюсь, кабы звери меня не съели мёртвого, если на улице застигнет... А в доме дак когда-нибудь да найдут. Заруют. Обязательно.

– Тут надо что-то придумать, – проговорил озадаченно почти всё время молчавший Зуев. – Ладно, мужики, пора на отдых сегодня.

Тьма вокруг стояла уже непроглядная. А в небе густо рассыпались искристые звёзды. Со своим мощным аккумуляторным фонариком Зуев проводил Петра Анисимовича до его избы. Скоро вернулся.

– Двадцать лет человек без электричества живёт! Ни телевизор не видел, ни радио не слышал. Говорит, война будет, так всё равно скажут, когда в магазин придёт... Нонсенс! – бормотал угрюмо Никита Зуев. – Живёт человек в государстве, а вроде бы его и нет, никакая власть им не интересуется. И заботы о нём никакой нет.

– Пенсию на книжку перечисляют, – усмехнулся иронично Михаил, – А ты говоришь, заботы нет.

– Так он сам отказался от власти! – возразил Володя Никите. – Ты же слышал, что он Мишке ответил: здесь помру, а куда не поеду...

– Мало ли что он ответил. Это, Вова, не основание бросать его... У него с внешним миром никакой абсолютно связи! Только собственные немощные ноги. А откажи они – и всё... Капец!

– Да, – согласился Володя. – Обязательно, как говорит старик.

– Вот сейчас оптимизация проходит. Но мимо она не пройдёт. Пётр Анисимович беспокоится: слух был, почту в Михайловке ликвидируют, а при ней – отделеньишко Сбербанка числится. Какая-то там Андреевна в одном лице и начальник почты, и «директор» Сбербанка. А его тоже переведут, в это самое Антипино, что ли. А это, говорит, аж пятнадцать километров. Как старик тогда пенсию свою снимет со сберкнижки? Как?

Обсуждая необычную жизнь старика, стали налаживаться спать: Никита – в машине, Володя с

Мишей устроились в палатке. Следующий день запланировали посвятить сбору грибов.

Но Миша не пошёл сразу спать, романтик остался посидеть ещё у костра. Сказал, что ему очень нравится в ночи на пламя «хглядеть»...

Он время от времени подкладывал в костер хворост. Пламя невольно завораживало, умиротворяло, навевало лёгкую задумчивую грусть. Набежал ветер, прошумел в кронах деревьев и умолк. Мише подумалось, что это самый древний голос природы. Но потом в реке сильно плеснула крупная рыба, и он с удивлением поправил свою мысль: плеск воды, волн – вот более, пожалуй, древний голос, нежели шум ветра... Поразмыслив, примирил обе мыли: и тот и другой голос – оба от ветра...

* * *

Никита Зуев – человек настойчивый и целеустремлённый. К судьбе старика Курова он отнёсся с заинтересованностью и сочувствием. В один из приездов ему удалось уговорить Петра Анисимовича съездить к Зуеву в гости и пожить у него хотя бы пяток дней, а в следующие выходные Никита привезёт его обратно.

На эти непреодолимо настойчивые уговоры старик сдался и нехотя согласился поехать, приоделся получше в то, что у него имелось. А дорогой вдруг разволновался: никуда он сроду не уезжал из своей деревни дальше райцентра, да и то не каждый год – раз в пятилетку, а потому забеспокоился, как-де там неделю будет без него дом?

Приехали. Зуев с женой и дочерью с зятем жили в загородном доме, в сорока километрах от города, на самом берегу большого Камского залива. От Тихой досюда было почти двести километров. Первое, что поразило деревенского кузнеца, – это то, как Никита, не выходя из машины, нажал на каком-то приборчике кнопку, сказал: «Сезам, открой дверь!» – и железные ворота перед машиной медленно распахнулись сами. Старик смотрел на это, разинув от удивления рот.

Никита поставил машину, помог Петру Анисимовичу отстегнуть ремень безопасности и выйти из кабины.

– Я когда лошадей ковал, тоже их в станке ремнями под брюхо притягивал, чтоб не бились, – поделился Пётр Анисимович. – А я уж мерин-то старый, биться не стану, – пошутил он.

– Кто знает: вдруг разыграешь да машину мою разнесёшь на части, – подхватил Никита весело его шутку.

Под навесом, куда припарковались, стояло три машины, и когда старик узнал, что все машины семьи Зуева, он очень удивился.

– Одна моя, – пояснил Никита, – одна моей жены, и одна нашей дочери. У зятя тоже своя. Но сейчас он в дальнем отъезде, в командировке.

На территории, огороженной металлопрофилем и решётками, стояло несколько домов, и когда Пётр Анисимович узнал, что все дома принадлежат семье Зуева, он удивлённо сказал, смутившись от своих слов:

– Дак ты помешшик!
Зуев засмеялся.

– Видно, ты шибко большой начальник, – задумчиво добавил кузнец.

– Да какой я начальник, – усмехнулся Зуев и пояснил: – Я военный пенсионер. В основном у меня тут супруга добытчица. Есть, конечно, своё небольшое дело. Акции. Бизнес.

– Я в этом не понимаю, – признался с огорчением старик.

Они стояли на взгорке, сбегавшем полого к реке.

– В том доме, – Зуев указал на нижний дом, – живут молодые. Они сами по себе. Там вот баня, сегодня же я тебе устрою настоящую баню, сауну.

– Большая! Как дом! – удивился Пётр Анисимович.

– Ну какая большая, – возразил Никита. – Парилка, моечная, предбанник да небольшой холл. А в этом доме мы с женой. Ты будешь жить в нём, в моём кабинете. Эта вот постройка хозяйственная. Выше там флигель – для... – он замаялся, улыбаясь, уже предугадывая реакцию старика. – Для прислуги.

И действительно, Пётр Анисимович очень удивился этим словам, даже переспросил, наморщив лоб:

– Прислуги?!

– Земли у меня здесь гектар, строений сам видишь сколько, это ж всё надо содержать, уход требуется, за всем хозяйством нужно следить, поддерживать.

– Это так, обязательно, – согласился Пётр Анисимович. – У меня небольшая избёнка, и то круглый год вокруг неё топчешься, как парунья вокруг цыплячьего выводка.

– Во флигеле живут муж с женой, работают по договору, за зарплату. Всё по закону. Ну, прислуга не прислуга, работники, короче. Дима вроде как управляющий, ну, или как завхоз. Что может – сам делает, что не может – рабочих нанимает. Проверяет их работу, контролирует. Ведёт учёт-отчёт. А это вот баня для его семьи, – пояснял Никита.

– Ишшо, лично ли, одна баня?! – изумился кузнец.

– Конечно, отдельная, своя, чтоб не всем колхозом в одной мыться. А там дальше, – указал Зуев в верхний угол усадьбы, – курятник, вольер для собаки, хоздвор, теплицы, грядки. Жена Димина – Роза – она уборку делает, стирку, за грядками ухаживает. За любую работу они получают деньги.

Кузнец стоял и оглядывал всё с удивлением и в каком-то ошеломлённо-удручённом состоянии: газоны, посадки, выложенные дорожки, лесенки и каменные стенки из красивых самоцветно искрящихся плиток...

И справа и слева на побережье стояли другие усадьбы, они были попроще, но тоже зажиточные. По одной за решетчатым металлическим забором, вдоль его, огромный чёрный пёс метался со злобным лаем. Зуев сказал, что это кавказская овчарка. И не дай Бог попасться в её клыки. У соседа вон за теми ёлками уже кладбище из передавленных и разорванных кошек, которые забредали на её территорию... Собака и за забором-то наводила страх, так что у старика непроизвольно передёрнулись плечи. Зуев повёл его в главный дом. Здесь Петру

Анисимовичу предстояло провести целую неделю. Сказать, что старик был ошеломлён всем тем, что увидел за эту неделю, значило ничего не сказать. И микроволновая печь, и навороченная электрическая плита, и камин, и пол с подогревом в туалетной комнате, и лестница с никелированными перилами на второй этаж, и изысканная дорогая мебель под старину, и огромной высоты гостиная с внутренним балконом, и широкие окна в полстены, через которые открывался просторный вид на залив и на лес на противоположном берегу, и количество комнат, и украшения на стенах – всё на старика произвело такое сильное впечатление, что на вопрос Никиты «Ну как?» он только и сумел выдохнуть:

– Как в кинe! – помолчал и, виновато улыбаясь, добавил: – Шибко уж чудно всё. Сказка!

А про себя додумал уже с невольной горькой досадой, что вот он всю свою жизнь работал, вроде не ленился, с утра до позднего вечера хлестался и дома, и в колхозе, в кузнице, а у него – ничего... По поговорке: как у латыша – хрен да душа.

– Да у нас-то как раз всё самое обычное, – пожал плечами Зуев.

Он не догадывался, как подавлен этим состоянием простой деревенский человек, ведь в представлении Петра Анисимовича, родившегося в нищей деревне тридцатых годов и выросшего на советской идеологии, это было невиданное богатство.

Баня, которую приготовил к вечеру Никита, тоже произвела на старого кузнеца ошеломляющее впечатление и очень ему понравилась. Жарко париться он любил. Но если бы не термометр на стене, который показывал 98 градусов, он бы ни за что не поверил на слово, что в парилке такая температура. Ведь при ста градусах закипает вода. Но переносился сухой жар здесь легко, тем более что в моечной было не жарко, плескайся в своё удовольствие, без всякого утомления. Никита берёзовым веничком напарил стыдливого старика, и тот весь вечер повторял, что как в раю побывал. Сроду-де такой бани не видывал. При этом он временами добавлял своё привычное «обязательно».

Но совершенно особенное впечатление, неожиданное для Никиты, произвели на Петра Анисимовича стены дома, выложенные из клеёного бруса квадратного сечения двадцать на двадцать сантиметров, изготовленного по канадской технологии. Ему показалось невероятным, что весь огромный дом сложен из этого бруса без пакли, без мха в пазах. Как же тепло-то в доме держится? Он увлечённо разглядывал торцы бруса, в тех местах, где они выходили вовнутрь дома, щупал пазы, изумлённо отходил, возвращался, желая разгадать тайну, и снова изучал задумчиво дерево, пытаясь вникнуть, что значит «клеёный брус». На торцевых срезах по годовым кольцам хорошо просматривалось, что брус склеен из более тонких брусков деревьев самой разной плотности. Наконец Пётр Анисимович изрёк, что это придумано очень толково. Всё в дело идёт. И изложил свою теорию, при этом он ни разу не употребил слово «экономично», но весь смысл сводился именно к этому понятию.

– Теперь нет такого лесу, – сказал Пётр Анисимович, – чтобы можно было из дерева выпилить толстый брус и такой длины. Да если и выпилят –

его поведёт, искривит обязательно. А тут всё в дело идёт, любое дерево, самое худое даже. И длину какую хошь сделать можно, и брус этот не поведёт. И пазы так хитро придуманы, что вся стена получается как одно цельное дерево! Подгонка! Подгонка! – восклицал он.

Старик был в полном восхищении. Только недоумевал, сколько же надо клея на это дело. И что это за клей такой? Он каждый день, пока жил здесь, вновь и вновь рассматривал эти стены, пропитанные противопожарным составом и отполированные. И даже когда уезжал, подошёл ещё раз к стене, похлопал её одобрительно ладонью и восторженно воскликнул:

– Хорошо! Подгонка!

Зуев только смеялся на это.

Для сна и отдыха Петру Анисимовичу отвели комнату на втором этаже, откуда в окно открывался тоже прекрасный вид на природу. Это был кабинет Никиты. Рядом находился туалет, что старику было, конечно, удобно. Для этого удобства его тут и поселили. Жена Никиты, Надежда, очень любезная и приятно полноватая женщина, постелила на диване. Показала, где выключатели, как пользоваться ночничком, оставила бутылку минеральной воды и ушла.

Над столом хозяина он увидел яркую цветную карту, на которой было крупно написано: «Карта дислокации советских войск в Афганистане». Она вся была испещрена условными обозначениями. Петра Анисимовича поразило, что карта была напечатана на холстине. Он не знал, что это сувенир. По правому краю карты были приткнуты медали. Он дотронулся до них, медали оказались настоящими. «Ого!» – произнёс уважительно Пётр Анисимович. Вспомнилось, что у него тоже есть медаль, лежит где-то, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», которую он получил в свои четырнадцать лет. Он не заметил, что по левому краю карты, вверху, прикреплен ещё орден.

После бани Никита одел старика в домашнюю одежду из своего гардероба. Сейчас, глядя на белоснежную постель, Пётр Анисимович невольно подумал о своих деревенских обносках, которые остались внизу в прихожей. Он уже и припомнить не мог, когда спал на простыни. На белом однотонном одеяле, видимо, совсем новом, висел фабричный ярлык. Пётр Анисимович принялся его рассматривать и прочитал, что одеяло изготовлено из лебяжьего пуха. Это его тоже очень удивило. Такого одеяла он сроду не видывал и с какой-то стыдливой украдкой начал его ощупывать. И ему стало даже страшно ложиться в такую чистую и богатую постель.

Он долго не мог под этим одеялом согреться, зато потом, когда согрелся, стало нестерпимо жарко.

В комнате в разных местах горели крохотные огоньки: красный, синий, зелёный и желтоватый. Это были подключены какие-то приборы. Свет от этих маленьких огоньков в темноте шёл довольно пронзительный, и, когда глаза невольно натянулись на эти огоньки, становилось беспокойно... К тому же комната оказалась ощутимо прокуренной, и этот неистребимый табачный дух тоже угнетал

некурящего старика и тоже мешал ему заснуть. Уже под утро Пётр Анисимович, измученный впечатлениями и непривычной обстановкой, всё-таки забился на какое-то время сном.

Но слышно стало, как поднялся хозяин, заходил по дому, кашляя и переговариваясь с Надеждой, и спать дальше показалось уже стыдно. Пришлось вставать. «Нет, у меня дома лучше, спокойнее», – подумал Пётр Анисимович, одеваясь и готовясь выйти к хозяевам.

* * *

После завтрака Надежда собралась и уехала на своей машине в город на работу. Никита, примеряясь зачем-то своим ростом к старику, сказал, что тоже ненадолго, часа на три, съездит в город по своим делам, что Пётр Анисимович остаётся за хозяина, может заниматься, чем душе угодно: смотреть телевизор, спать, гулять, сходить на берег. Дима, управляющий, обо всём предупреждён и проинструктирован. При необходимости к нему можно обратиться, он подскажет, что надо.

Никита показал на пульте кнопки, какие нужно нажать, чтоб включить и переключить телевизор. Но Пётр Анисимович к ним не прикоснулся, он ничего не запомнил, да и просто не посмел бы дотронуться до чужой дорогой вещи.

Когда хозяин уехал, Пётр Анисимович принялся медленно обходить дом и всё разглядывать, он диву давался, сколько тут всяких диковинных вещей и предметов. Его поразило и то, что в каждой комнате были иконы. Люди, видно, верующие, подумал он с удовлетворением, к которому клонили старика его лета и пережитое.

Никита оказался человеком слова: вернулся из города ровно через три часа. Вошёл, положил перед кузнецом свёрток.

– Давай, Анисимович, примерь, – распорядился он.

В свёртке оказался костюм камуфляжной расцветки: курточка и брюки.

– Примерь, примерь! – приказным тоном настаивал Никита. – Это тебе бакшиш – подарок от меня.

– Я не возьму, – кузнец закрутил головой. – Это ведь денег стоит.

– Да какие деньги! – поморщился с усмешкой Никита, – копейки.

Пётр Анисимович нехотя облачился в этот наряд, и он оказался ему как раз по размеру и очень понравился. Бывая в Михайловке, старик видел иногда подобную одежду на мужиках и с некоторой завистью думал, что вот ему бы такая была тоже подходящей для его жизни в Тихой, для любых работ пригодна.

– Это подарок! – повторил категорично Никита. – Протестовать бесполезно! Возражения не принимаются! В армии служил, знаешь – приказы не обсуждаются. А это вот пилу точить, – протянул Никита завернутые в бумагу три фирменных напильника немецкого производства.

Зуев уселся на диван, взял в руки пульт и включил телевизор, плоский, огромный, жидкокристаллический экран висел у него в гостиной на стене.

Изображение было настолько яркое и качественное, что старик смотрел на него как заколдованный, буквально с первобытным изумлением. Он подошёл близко к экрану и застыл как изваяние. Никита даже не мог его уговорить присесть на диван. Пётр Анисимович так и простоял до конца фильма на ногах. И потом ещё долго изумлённо тряс головой... Люди были, по его мнению, лучше чем живые... Обязательно. Он говорил, что «телевизер» показывает шибко ётно. Что означало – отчётливо.

И на следующий день Никита вновь потряс Петра Анисимовича. Они опять смотрели телевизор, а на полу под ним стоял какой-то небольшой аппарат. И вот одна часть этого аппарата вдруг сама поехала по полу, это была квадратная коробочка с закруглёнными углами и гранями, сантиметров тридцать на тридцать и в высоту сантиметров десять-двенадцать. По сторонам у неё торчали какие-то растопыренные усики. Коробочка забралась на ковёр и стала по нему ездить, на краю ковра сама разворачивалась, и ползла обратно по новой дорожке, отступая точно на ширину себя.

– Какая-то игрушка заводная? – поинтересовался Пётр Анисимович, удивлённо наблюдая за механизмом.

– Это пылесос. От кошек шерсть собирается на ковре, а его запустишь – смотри телевизор, он делает свою работу и на место вернётся.

И действительно, диковинный пылесос объездил весь ковёр и вернулся точно к своей неподвижной половинке, от которой отъехал в начале работы.

– Вот чудеса! Изъёрзал весь ковёр, – тряс головой кузнец, не в силах поверить в то, что только что видел. И заключил со стыдливой улыбкой: – А мы кувалдой по наковальне и – больше ничего!

* * *

Через три дня Пётр Анисимович затосковал, пригорюнился. Никита сразу это заметил.

– Домой захотелось? – поинтересовался он.

– Домой, – тоскливо выдохнул гость и согласно покачал головой.

– Два дня потерпи, поедем обратно. Не понравилось, что ли, у меня, Анисимович, домой заторопился?

– Всё понравилось. Хорошо живёте, слава Богу. Обязательно. А надо домой, беспокоило: как там моя хоромина-то без меня? Потеряла, наверно, хозяйина-то. Да и вам хлопотно со мной, стариком.

– Сами такими будем! – заверил Никита кузнеца. – Какие тут хлопоты? Ложку в руках сам держишь.

Ночью спалось опять плохо, и Пётр Анисимович думал, что вот его грошовая хижина, а он о ней беспокоится: кабы чего не случилось там без него... А сколько же, должно быть, у Никиты беспокойства этого при таком-то хозяйстве?..

Зачем он сюда поехал? Зачем поглядел на эту жизнь, которой не знал и даже не представлял? Нет ведь в ней места ему! Как теперь после этого жить ему? Станут мучить дурные думы?

Как-как? Да никак! Умирать пора. Его жизнь в прошлом где-то затерялась. Как жизнь тех

вымерших лошадей, которых теперь на десятки, а может, уж и сотни километров ни одной не сыщешь днём с огнём, которых он без счёта перековал за годы своей работы в колхозной кузнице. Всё прахом.

* * *

В пятницу утром Никита и Пётр Анисимович собрались ехать в Тихую. Позавтракали.

– Мы тут с Надеждой покумекали и экипировочку тебе кой-какую приготовили, – поделился Никита.

Он поставил перед стариком сапоги.

– Они хотя и не новые, но, главное, по твоей ноге. Я уже прикинул, измерил. Утеплённые. Особой разработки: до минус тридцати-сорока в них нога не будет мёрзнуть.

– Да мне ведь такие бахилы не то что поднять – с места не сдвинуть, – сказал с горечью Пётр Анисимович. – Я уж из солдатского возраста вышел. Обязательно.

Сапоги выглядели на вид очень громоздкими и тяжёлыми.

– Ты, Анисимович, примерь их сперва! – командовал Никита. – А потом я тебя запишу в свой десантно-штурмовой батальон – ДШБ. Вернём тебе солдатский возраст.

Старик нехотя взял в руки один сапог, и досадливое выражение лица его вмиг переменялось на такое простодушное изумление, которое вызвало у Никиты неопиcуемый хохот. Он заранее рассчитал эту реакцию гостя.

– А я думал, они тяжелее-енные, – проговорил обескураженный Пётр Анисимович, удивляясь, какими лёгкими оказались эти сапоги.

Хозяева снабдили старика поношенной, но добротной одеждой: курткой, брюками, несколькими парами новых утеплённых носков. Он ещё не подозревал, что и багажник зуевской машины загружен продуктами для него. И уже дома в Тихой с удивлением узнал об этом.

– Как сын родной! – воскликнул он Никите сорвавшимся голосом и неожиданно заплакал...

– Мы своих не бросаем!

Никита, занимаясь эту неделю личными делами, не выпускал из внимания, можно сказать, ни на минуту своего гостя, наблюдал за ним, отслеживал его реакцию на всё. Думал, как можно обустроить жизнь такого старого человека, теряющего уже способность обслуживать себя. Как ему помочь? И пришёл к твёрдому заключению, что единственное решение проблемы – поддержать условия для жизни в его родном гнезде, а не пересаживать старое дерево на новую почву. Не приживётся.

Произнеся повторяемую им время от времени фразу «Мы своих не бросаем!», Зуев вспомнил сейчас Афган, именно там она выросла в его сознание. Бывали раненые или убитые, но оставшиеся невредимыми и боеспособными никогда не бросали ни тех ни других. В этом была и остаётся суть их братства. Вот и здесь отражение того давнего: один боеспособный, другой беспомощный. Но мы своих не бросаем!

Занеделю отсутствия жильё Петра Анисимовича

никто не потревожил. Он даже на замок его не запер – всё равно сорвут, если захотят. А так заходи, всё равно красть-то нечего.

Сейчас Никита исследовал избу, осмотрел, прикидывая, в какое место лучше всего определить запас продуктов, чтоб не бросились они в глаза, если здесь окажется, забредёт человек со стороны. На десятикилограммовый мешок муки, может, и не позарятся. А вот сахар, крупы, макароны, сгущёнка, мясные и рыбные консервы могут оказаться соблазном для постороннего. Да и от мышей надо как-то защищаться. Кошку бы ему... «О, кстати, – подумалось Никите, – надо было пару пластиковых сорокалитровых бочонков с крышками прихватить, да в них бы всё и сложить. Надёжная защита была бы от мышей...»

– Этому дому, – сказал старик, – сто лет. Согнулся, как я. Обязательно.

Действительно, было очень заметно, как дом осел на изгнившие за такой срок нижние венцы. Состоял он из двух небольших половин, метров по шестнадцать, каждая на два окошка. Но жил старик в одной, другая из экономии тепла, да и просто за ненадобностью, оказалась замурована. Всё у него было более чем скромно: печь, полати, стол, две лавки. Вдоль печи стояла допотопная железная кровать, изрядно ржавая. Никиту, как бывшего военного, она заинтересовала своей простотой и походной конструкцией. Он внимательно рассмотрел её: кровать, при желании или необходимости, можно было сложить вместе со спинками очень компактно. Как раскладушку. На ней не предусматривалось никакой сетки, а только дошаной настил. Он удивлённо похмыкал и восторженно проговорил:

– Суворовская! Александр Васильевич, думаю, оцени-ил бы.

В сенках у Петра Анисимовича имелся хороший чулан. Но и изба, а тем более чулан – всё было укутано прокопчёнными пыльными тенётами, свисающими с потолка и по углам.

– Пол давно не мою, – признался старик, – нету сил, только мокрым веником изредка мету. Уж не осуди, Никита Николаевич, мою конюшню.

– Сами такими будем, – произнёс Зуев одну из своих любимых поговорок.

Он вышел на улицу, взял в машине нож, нарезал стеблей полыни, которой тут росло в изобилии, одним таким веником обмёл тенёта на потолке и в углах избы, а другим в чулане.

– Ох, как хорошо запахло полынью-то! Свежо! – воскликнул старик.

Когда всё вплоть до упаковки с коробками спичек и пары зажигалок было определено на свои места, Никита сходил до машины, принёс небольшую коробку и сказал:

– А теперь, Пётр Анисимович, главный тебе сюрприз на прощанье! Вот это – радиоприёмник, с запасом батареек, чтоб ты его слушал и знал, что в мире творится.

– Ой, да я ведь не сумею с ним обращаться-то! – огорчённо воскликнул старик.

– А тут и уметь нечего! – возразил безапелляционно Никита. – Настраивать ничего не нужно, частоты фиксированные, кнопку нажал, вот, и всё.

Он действительно нажал кнопку, и приёмник заговорил.

– Громко – убавил, тихо – добавил, – пояснил Никита. – Всё очень просто! Выбирай любую частоту и слушай.

Показал, как пользоваться приёмником, как менять батарейки. Старик всё повторил и без проблем справился с первого раза.

– Вот этому я шибко рад! – заулыбался довольный, как ребёнок, Пётр Анисимович. – Обязательно. Теперь тоскливо не будет. У меня бы-ыл раньше-то... Правда, от розетки... Вот керосин-то ты привёз, Никитушка – спасибо! Теперь я и со светом, и с радивом.

– Ну, хозяин, живи! При возможности как-нибудь, может, наведаюсь ещё до прихода зимы.

– Милости просим, – отозвался кузнец.

Они обнялись. Никита пошёл к машине. Старик вышел его проводить.

«Главное, связи-то никакой!» – думал с досадой Никита, печально глядя на старика уже из кабины. Он окончательно понял, что срывать его отсюда – больше чем смерть... Жестоко, не по-человечески.

Провожая тоскливым взглядом неторопливо отъезжающего Никиту, прощально помахивая ему вслед рукой и вспоминая сейчас его усадьбу, в которой он несколько дней прожил гостем, Пётр Анисимович думал спокойно и без какого-либо завистливого чувства, что всё у «помещика» Никиты хорошо и удобно, да только ему, кузнецу-деревенщине, никогда не привыкнуть и не приспособиться к той нездешней жизни. Его жизнь – мимо этой жизни.

И остаётся ли в ней какой-то смысл – он теперь не знал.

ДОРОГА К ХРАМУ

Светлана НЕФЁДОВА, член Российского Союза профессиональных литераторов. Жила в г. Кузнецке, работала помощником руководителя медико-духовно-просветительского центра. Возглавляла паломнические поездки по святым местам. Живёт в г. Ульяновске. С 2019 года ведет творческий салон «На волне вдохновения» при библиотеке №4 им. Е. Евтушенко. Автор сборников «Нам жизнь дана на добрые дела», «Жизнь в вере, надежде, любви», «Цветник моей души». Активно участвует в работе городского «Клуба поэтов».

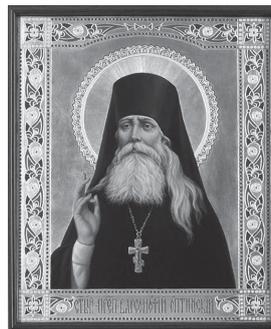

БЛАГОДАТЬ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Из «Записок паломника»

*Ясней здесь небеса и чище их лазурь...
Мирской ерем нося и скорбный совершая
Средь мрака и стремнин тернистый жизни путь,
Сподобился я видеть отблеск рая.*

Преподобный Варсонофий,
старец Оптинский.

«РАССУЖДЕНИЕ И СЕРДЕЧНАЯ ЧИСТОТА ПРЕВЫШЕ ВСЕХ ДАРОВАНИЙ»

Старчество – это особое служение. Старец призывается на это служение самим Богом, проходит святоотеческим путём тяжёлый подвиг. Имея дар сострадательной, жертвенной любви, старцы чужие горести и падения воспринимают как собственные. Они – христианские пророки-утешители. Они молитвенники за Отечество, за землю нашу. Именно таким духовным цветником знаменита была на протяжении целого столетия Оптина пустынь.

Это один из древнейших монастырей России. Предание гласит, что основал его раскаявшийся разбойник Опта, принявший монашество с именем Макарий (обитель ещё называют Макарьевской пустынью).

Оптина – это больше, чем памятник архитектуры, культуры, истории нашей страны. Духовный расцвет пустыни связан с великими именами четырнадцати столпов православия.

Оптина пустынь стала духовной лечебницей для многих душ. Она привлекла не только простой верующий народ, но и цвет интеллигенции того времени – талантливых, неординарных людей, представителей княжеской фамилии. Долго жившие здесь братья Киреевские основали в монастыре книгоиздательство, художник Д. Болотов – иконописную мастерскую. Н.В. Гоголь писал в одном из писем: «Я проезжал по дороге в Оптиную пустынь и навсегда унёс о ней воспоминания. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует... Нигде я не видел таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует всё небесное».

НАШЕ ЗНАКОМСТВО С ПУСТЫНЬЮ

От Кузнецкой городской больницы в очередной раз отправился автобус с паломниками. Главная цель поездки – Оптина пустынь.

Находится Оптина пустынь в Калужской области, возле г. Козельск, на правом берегу реки Жиздры.

Ещё издали на фоне ясного неба показались голубые и золочёные купола Свято-Введенского монастыря. Вот она, знаменитая арка ворот благодатной Оптины, проходя её, забываешь всё суетное. За воротами нас приветливо встречает послушник монастыря. Брат Александр – наш земляк (Александр Рыжов). Он волнуется – своих земляков не каждый

день можно увидеть. По-деловому, толково проводит с нами экскурсию по территории монастыря.

Заходим в храм Казанской иконы Божьей Матери, восхищаемся его красотой и величием. Храм Владимирской иконы Божьей Матери восстановлен на месте разрушенного и освящен в 1998 году. Храм – усыпальница семи преподобных Оптиных старцев, мощи которых были обретены десятилетия назад... И вот мы у таинственного скита. Скит – это сердце пустыни, откуда исходила благодатная сила, освящавшая жизнь насельников монастыря (рядом с воротами скита – небольшая келья самого известного старца Оптинского – Амвросия). В это святое место только один раз в год – в престольный праздник – допускаются паломники. Ежедневно для братии обители с 2 часов ночи до утра в скиту идёт служба. Нам удалось только через открытую калитку скита увидеть знаменитый Иоанно-Предтеченский храм (1822).

Возвращаясь с экскурсии, мы услышали сочный бас огромного оптинского колокола, вольно плывущего над землёй с высокой статной колокольни. Душа трепетала, заворожённая...

МЕСТНЫЙ УКЛАД

Вечерняя служба началась в Казанском храме – в честь памяти преподобного Макария – старца Оптинского. Завершил её праздничный крестный ход с иконами и хоругвями. Бодрые, вдохновлённые лица монахов, их облачение крыльями трепещет на ветру, охватывает сладостью аромат ладана. Благодать, торжество и нерушимая, крепкая вера во Всевышнего охватывает душу.

Постепенно пустеют аллеи. В Казанском храме ещё светло – там идёт исповедь. А мы, устроившись поудобнее на скамейках, тихо беседуем – обмениваемся впечатлениями, ожидая конца исповеди, чтобы устроиться на полу храма на ночлег. И вскоре здесь же, возле раков с мощами, кто-то уже спит, кто-то шепчет вечернее молитвенное правило, кто-то мысленно готовится к утренней исповеди...

Просыпаемся от шагов дежурного (который всю ночь не сомкнул глаз, читая духовную книгу, охраняя наш крепкий сон). В 5 часов утра во Владимирском храме – исповедь перед ранней литургией. Неяркий свет. Четыре священника-монаха ведут исповедь. Старый священник сидит на низкой скамеечке рядом с малым аналоем, а перед ним на коленях – прихожанка, которая что-то говорит

монаху, он же терпеливо выслушивает, иногда что-то уточняет, советует в ходе исповеди. Невдалеке другие ожидают своей очереди.

Кто-то пришёл приложиться к мощам. Мощей святых в Оптиной много: мощи 12 старцев размещены в разных храмах, а также – архимандритов, митрополитов, много мощевиков, икон с частичками мощей. (В 2000 году преподобные Оптиные старцы были прославлены Архиерейским собором Русской православной Церкви для всеобщего почитания.)

В 6 часов утра начинается ранняя литургия в главном храме. Он опять переполнен (за день приезжает более 60 автобусов с паломниками). Опоздавшие слушают службу на ступенях.

Храм, строительство которого велось с 1750 по 1767 год, поражает своей особенной красотой. Роспись фресок на потолке, куда ни глянь – всюду лики святых. От тепла млеют и тают свечи. Боже мой, а сколько причастников! Кажется, что весь храм стремится к Чаше (Святым Дарам)!

«ВСЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ДИВНАЯ ТАЙНА»

После литургии – молебен с водоосвящением преподобному Амвросию Оптинскому (в 1988 году причислен к лику святых).

Был он болен тяжёлой болезнью, доктора отмерили ему тогда всего несколько дней жизни, но прожил он по промыслу Божьему ещё более 30 лет. Будучи болен сам, он исцелял других.

Амвросий имел огромное духовное влияние не только на братию, но и на многих людей всякого звания и положения. Л.Н. Толстой говорил про него: «Беседуя со старцем, я ощущал присутствие

Божие». Батюшку нельзя было представить без улыбки, без участливого взгляда: любящего взгляда отца, который всё хорошо понимает, весь вами живёт, который всегда даст вам самый верный совет и ответит любую беду.

В последние 10 лет жизни старец возложил на себя ещё новую заботу – сооружение женской Казанской обители, которую основал в 12 верстах от Оптиной.

Сейчас Оптина возрождает традиции старчества. В монастыре – более 200 насельников (включая

послушников). Как предсказывал преподобный Нектарий Оптинский: «Через годы испытаний Россия воспрянет и будет материально небогата, но духом будет богата, и в Оптиной будет ещё семь светильников, семь столпов». Пережив годы лихолетий, не угаснет светильник веры над пустынейю.

Наш терпеливый гид, добрый и заботливый устроитель нашего быта в монастыре, послушник Александр с грустной улыбкой провожал наш автобус. Перед посадкой в автобус он передал мне для паломников большую просфору с вынутыми в алтаре частицами. Поцеловав просфору, я почему-то вспомнила тайную вечерю, когда Христос дал своим ученикам преломлённый хлеб...

Живут в труде и молитве по вере своей Христовы воины. На память пришли слова преподобного старца Варсонофия Оптинского: «Вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, всё промыслительно. Мы не понимаем значения того или другого обстоятельства. Перед нами – множество шкатулок, и ключей к ним нет».

«Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать. И всем моё почтение».

Старец Амвросий Оптинский

(Подробнее о сегодняшнем дне Оптиной пустыни можно прочитать информацию на сайте обители. Официальный сайт: <http://optina.ru/>)

ЮБИЛЕИ

Анатолий МАРАСОВ, биолог и философ, родился 13 июня 1947 года в с. Ундоры Ульяновской области. Кандидат биологических наук. Один из организаторов (до 2010 г.) ежегодных Любичевских чтений в г. Ульяновске. Член Союза писателей России. Автор многих книг философской прозы. Среди них: «Этюды к описанию сознания», «Сочинения о природе»; «Мир твой» и другие. Живет в Ульяновске.

О ЛЮБВИ

Мировая культура во многом основана на воспевании этого чувства, и честь и хвала тем, кто это донёс до всех нас (вспомним хотя бы тончайшие переживания о Лауре Петрарки). И счастлив тот, кто испытывал это чувство, но, думаю, никто так и не сможет сказать, что полностью изведал его, испытал именно полностью...

Это отношение охватывает, так и хочется сказать, живое создание целиком, и мы знаем, что и «братья наши меньшие» эту верность проявляют поразительно сходно, что, конечно, указывает на какую-то неотторжимую глубинную сущность всего живого, во всяком случае, на нашей прекрасной Земле...

Прочитируем одно из самых сильных описаний любви из Нового Завета, данного апостолом Павлом: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества, и знаю все

тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13,1-8).

Укажу также, что, пожалуй, лучшее исследование любви на русском языке можно найти у о. Павла Флоренского («Столп и утверждение истины», например, в письме четвёртом): исследование, несмотря на несомненный поэтический уровень текста.

Примат духовного начала перед телесным в христианстве очевиден, между тем, ранее, в языческой Греции (у Платона) мы видим борения духовного и телесного, так глубоко переданные нам, например, А.Ф. Лосевым: «чувственную любовь со всей её экзотичностью и самозабвением Платон хочет преобразовать так, чтобы в конце были дети – бессмертные и прекрасные».

...абсолютизация духовной любви, вернее, её отрыв от телесной – это не единственное «интеллектуальное» заблуждение, менее существенное заблуждение (видимо, в позднее время) – уверенное разграничение, во всяком случае, процветающее в некоторых странах, этого чувства на патристическое, родителское, «к природе», «к женщине /мужчине» и т.п.

Я думаю, что любовь, как безусловный дар, неделима. Или она есть, или она не проявляется (не выражена).

И – без примеров, потому, как написал один энциклопедист: «против Монблана фактов «за» можно привести Гималаи «против»»...

Но меньше всего я хочу в данной небольшой работе теоретизировать на заявленную тему, напротив, хочу представить лишь лёгкие абрисы составляющие, намеченные апостолом Павлом, бездонны... И, как тонко замечает И. Бродский в статье о Надежде Мандельштам, «только в контексте культуры любовь приобретает объёмность и перспективу, ибо требует больше места в сознании, чем в постели». Я намерен одновременно показать (даже просто указать), что одна любовь, как неотъемлемая «характеристика» живого существа, тем более человека, – слепа, и может привести (и приводит) к неустрашимым трагедиям. Между тем в мировых религиях (иудаизме, христианстве) чётко предлагаются Заповеди, которым необходимо следовать. Заповеди – это уже не любовь как таковая, но долг.

Долг их выполнять.

Любовь уже дана нам, дана как неотъемлемое свойство. А долг – это уже нечто, для которого необходимо усилие! Отчего мы не замечаем очевидного?

На этом вступление прерываю, предлагая несколько эссе на заданную тему.

Любимый человек

...когда-то он становится единственным, необходимым, потому что удовлетворяет самым сильным твоим мыслям, удовлетворяет полностью твои запросы... Когда?

С детства кто-то нам именно такой человек, но перерастаем детские мысли свои: и меняем человека? неизбежно меняется любимый человек – успеваем ли мы за ним?

И жить детским оставшееся жёсткое время непосильно; непосильно детским, прямолинейно-прекрасным защищать взрослые повороты судьбы. Непосильно и уже опасно предлагать окружающему миру себя, потому что координаты все в безбрежном сознании твоём – ещё не твои –

других: ты лишь подле них, но ты не жил ими; твоё Я «неустоявшееся».

А мы нуждаемся в любимом человеке потому, что самоутверждение наше невозможно без связи полной (полнокровной) с другим человеком, потому, что другой человек – нам прежде всего доказательство самого себя... И пусть заблуждаетесь вы оба! Но связь ваша будет через мир реальный.

И вначале любимый человек – просто другой!

...но любовь ведь это такие идеальные (и невысказываемые, даже неясные! до конца) требования, самопроизвольные... Такое впечатление, что именно нами создаются возвышенные для нас же самих пределы: через наше сознание проецируется то новое, которому мы и удивляемся, и восхищаемся!... И в самом простом своём, но, вернее, в простом у другого человека мы видим нечто возвышенное... Даже у себя! нет, всё же – у другого...

В каких лабиринтах твоего же внутреннего мира рождаются эти чувства? Чувства возвышения, чувства возвеличивания! Чувства противопоставления всему миру?

Другой человек становится для тебя недостижимым возвышенным: отчего? И ты – служишь ему! И служение это – не унижение твоё – возвышение! Для тебя – честь служить тому, что увидел ты в другом человеке, и теплится надежда, что, может быть, и сам ты каким-то образом приобщаешься к этому уровню...

Другой становится божеством для тебя:

какое счастье есть у нас!

И время тогда не играет уже никакой роли: идеал – за пределами времени, а любимый человек – выше идеала, он пример жизни, он раним, он изменяющийся, а успеешь ли ты к нему?

Любимый человек – единственен, каждый шаг его, каждое слово его не заменишь никакими вымыслами, никакой фантазией...

В этой жизни нам, людям, дано слишком много: не выдерживаем.

*Из книги
«Мир твой» (Катехизис), глава 1, 1993*

*

Требование природы

Какой-то закон есть природы, закон целостности, открывающийся нам отношением к чему-либо, открывающийся неделимым – охватывающим всего тебя, и «всё» – внутри у тебя...

В иной момент ты останавливаешься, потрясённый красотой лица и тела другого человека, и какие мысли его, какие желанья в мгновенья те? – не до всего тебе, лишь образ запомнить, лишь внешнее... додумать?

Ты потрясён откровением формы человеческого тела, даже одетого, ты угадываешь все изгибы его, теряя тут же смысл каждой додуманной тобой подробности, но смысл теряется в тебе же, в твоём подсознании... И останавливает тебя не знание, а именно сила и глубина начала возможного чувства

Ты поражён собирающимся в мгновение обобщением этого чувства, поражён неповторимым и великим его Началом, но и остановлен возвышенным смыслом отношения мужского и женского, сильного настолько, что требует и единения через преграды все, но и обеспечивает уверенное бесконечное ожидание (существование) порознь...

Именно это знание спасает тебя?

А ведь в этом требовании единства (и отторжении) уместается вся человеческая история, рождается всё возвышенное, сопровождающее человека, и, оказывается, это требование имеет грубую и природную основу...

Останавливает этот предел конкретного: мысль одухотворяет животную и требующую повторения связь. Останавливает потому, что сам ты – частица общего, иначе всё бессмысленно; останавливает потому, что требует разрешения: что дальше?

Мы связаны дыханием, жаждой с окружающим миром: мы слабы, зависимы, в нас та же природа... Но и сильны мы каким-то чувством (этим же?) сопричастности, многократно и неожиданно пронизывающим нас, сильны знанием этой природы.

...мы, имеющие сознание, мы, выстраивающие чисто человеческие отношения, удивляемся чуду обнажения – чуду тела, удивляемся своей природе.

Какое же вращение твоего сознания подчиняется этому требованию? И какое – подчиняет его себе? какой предел откровения, ненасытимый или ненасытный осознаешь ты? какому – уже стыдишься? и в чём тогда видишь ты необъяснимые свои пределы? И есть ли вообще пределы?

Требование природы – это освобождение, проносщееся сквозь твоё тело и твоё сознание, это опустошение твоё, которое ты можешь только осознавать

Но и находим мы в этой связи слова в собственной жизни, великие слова о любви.

Когда?

Из книги

«Мир твой» (Катехизис), глава 1, 1993

*

Условие нас

...М. Мамардашвили в лекциях о Прусте привёл слова Аристотеля о том, что причина, почему мы любим, гораздо важнее объекта любви, и прокомментировал их таким образом, что объект любви мы идеализируем...

Да, любовь имеет «конечный адрес», но «конечный» адрес – «всё же» человек другой, потому что именно в другом мы можем «рассмотреть», неожиданно «понять» ту степень духовности в самом непосредственном случае, которая передаётся и тебе, которая сможет и возвысить тебя...

Условием нас и будет любимый человек, т.е. такое отношение к кому-либо, которое и определяется любовью – самым поэтичным и самым глубоким чувством, на которое только способен человек. И подобное «условие» нивелирует причину и следствие: мы становимся равными друг другу!

Любовь – это защита тобой человеческого вообще, человеческого в себе самом, но странная защита! Она иррациональна, она органично объединяет и природное и духовное, и её неизвестные механизмы не смыкаются – перерастают друг в друга и в тебе, и в другом человеке! и между вами!

Условие нас – это та переоценка ценностей, которая направляет к «правильной» (духовной) ориентации, к естественной иерархии, где во главе угла – сам человек...

И любимый человек даёт силу тебе, определяет настрой твой, и видится тебе всё невраждебным, видится глубоко, видится как бы с опережением времени... Какая гармония чувств и мыслей тогда возникает? Не она ли определяет счастье?

Условие нас – это нечто силы исключительной, это нечто, рождающееся в недрах нашего... происхождения; и условие это рождается как лавина в горах – начинается с незначительного взгляда, с любого слова, с любой ситуации...

Это условие – восприятие другого человека целостно, вместе с тобой, и воспринимается всё это как чудо! Отчего среди людей это восприятие пробивается с трудом?

Это единственное условие, объединяющее нас.

Это условие «подготовлено» природой, «поддерживается» природой, это условие даёт нам самые возвышенные образцы взаимоотношений людей, и сильны мы этим, горды, и находим уже в нём самый глубокий смысл – человеческий.

Из книги

«Мир твой» (Катехизис), глава 1, 1993

*

Любовь

...через все мыслимые преграды ты сохраняешь свою любовь, не раздумывая, отстаиваешь своё отношение, и уже любовь – твоя жизнь, твоя неотделяемая от жизни неповторимость, твои вопросы-ответы, сама жизнь...

...через преграды все любовь выстраивает твоё направление, это поток, стихия: свободны мы в этом напоре? И любовь – уже страсть, когда ты весь принадлежишь чувству, когда сгораешь в своём стремлении к той цели, которую полностью не осознаёшь... Свободен ты?

Разум и чувства (в конечном итоге) переплавляются в этом отношении, возвысится ли в нём духовное? Чтобы чувства (животной основы!) сохранились и блистали в разумных гранях?

И вот когда любовь – уже взаимоотношение, когда любовь это прочное человеческое напряжение, то тогда с нами – самое здоровое и жизнеутверждающее – семья, дети, будущее...

И свободен ты, свободен, ты счастлив, даже не зная «до конца» природы любви, да и возможно ли узнать?

Любовь – миропорядок, в который вовлекаешься ты силой неодолимой, миропорядок, в основе которого, в «центре» которого – в другом человеке?

или и в тебе? – нечто сильное для тебя, для вас, но что это? Ты вращаешься вокруг этого человека, как планета, и тебе легко, ты окрылён, для тебя время идёт не замечаемо... И ты изменяешься, изменяются твои привычки, само мироотношение... И как прекрасен становится мир вокруг!

Любовь – это обнажение непосредственности, и ты в удивлении, в благодарности, и ты будешь защищать это чудо, и оно будет принадлежать только вам... Как прекрасен становится мир вокруг!

...и несём в любви себя целиком, предлагая своё настоящее и будущее, предлагая себя прекрасной или губительной (?) неизвестности...

И любовь обостряет все наши чувства, усиливает все наши представления, заставляет их звучать полно, заставляет нас сопереживать, страдать, думать, защищать...

Любовь – это и есть жизнь.

*Из книги
«Мир твой» (Катехизис), глава 4, 1993*

*

Любовь

Это самое загадочное чувство: чувство целого; это чувство подготавливается всем существом твоим, и все равно наступает неожиданно, вдруг, и оно неостановимо, подчиняя даже твой ум, более того, ум «запаздывает», и ты лишь осознаешь то, что уже живет в тебе.

Это великое чувство. Разве не оно сильнее всего на свете? Разве не оно переиначивает все существование твое, наполняя высшим смыслом, какой только и подвластен человеку? Любовь к родителям, родине, любовь к женщине, любовь к ребенку – все составляет содержание твоего смысла жизни, если не всего смысла, то его неопределенно большую часть.

Это откровение потрясающей силы; оно буквально изменяет нас, оно снимает все наносное, искусственное, люди предстают друг перед другом своей сущностью, может быть, даже обновлённой.

Любовь открывает в тебе силы, в иное время скрытые, неизвестные тебе самому, потому что наконец-то ты находишь ответы, да ответы и словно провоцируют возможные твои вопросы (!). Ты становишься богаче, мудрее...

Но любовь и безрассудна – вопреки всему, вопреки всем традициям и нормам. При этом отношении предлагают даже собственную жизнь, упрямо отстаивая свое видение целого, отстаивая по сути дела себя. Это чувство целого – от гигантского прошлого, имеет почти инстинктивную природу: какая логика мгновенно выстраивает здесь стратегическую целесообразность? Какой огонь соединяет здесь то, что сам когда-то разъединил и разбросал по всей Вселенной?

И это всего-навсего – отношение. Оно может быть и наивным, почти детским, но и в таком «виде» оно определяет поведение все.

Оно не высказывается до конца – оно бесконечно, «безмерно», непонятно тебе самому – оно волнует тебя и успокаивает, оно дарит счастье и приносит

несчастье, оно возвышает и унижает, оно дарит и отнимает жизнь...

Это отношение – сама наша жизнь.

Но ты физически не можешь осознавать своё отношение постоянно: ты забываешься на какой-то волне этого святого чувства, ты незаметно фантазируешь, подменяя оценку своей собственной инерцией видения. Здесь какое-то наше чувство самосохранения – осознавать мы можем как бы импульсами: новизна оценки при этом не пропадает.

И любовь – трудна. Этот уровень тобою поднимается, но и тебя поднимает: как выдержать такую тяжесть, такой крест? Ведь всё духовное твоё не есть естественное; и в наиболее мощном проявлении ему не чуждо «человеческое».

Наконец, любовь усиливает, воссоздаёт веру, и тогда уже возникает неуничтожимое; разве можно избить то идеальное, что мы любим?

*(Из работы
«Милетские постулаты», 1994)*

*

Любовь

...она мгновенна – с той самой минуты, когда ты вдруг осознаёшь невозможность не быть с любимой ...но минута уходит, а ты – «остаёшься» поражённый непонятной целостностью, этим откровением другого человека: что было? И как такое может быть?

...время в то мгновение бесконечно-плотное, оно вмещает в себя всю предшествующую твою жизнь, её переоценку, и к мгновениям тем, к той «минуте» ты будешь возвращаться и возвращаться уже всю последующую свою жизнь...

Любовь – это вдруг осознание, при котором для тебя в центр ставится любимая, и «центр» этот мгновенно приобретает исключительное влияние и притяжение, и вокруг «центра», как вокруг Солнца, начинают вращаться все известные тебе события и люди... Для тебя! Божество для тебя любимая, совершенство, наделённое самыми лучшими чертами...

Великое явление любовь! Она приходит и...уходит сама, она охватывает тебя целиком, и ты всем существом своим переживаешь её, открываются в тебе силы неизвестные тебе...

Самопроизвольна и естественна любовь, любовь – дар нам: а что мы сами? Как сохранять любовь (т.е. держать уровень человека), чтобы признаваться себе же в своём чувстве вслед за апостолом Павлом (1 Кор, 13:1-8)? Какой ответ твой будет? Какая ответственность, какой долг твой заполнит «промежутки» в этой пульсации божественного Откровения? И, как гениально угадывал поэт, «...вечно любить невозможно», ведь так легко растерять свой дар! Как преодолеть это противоречие?

Я не знаю, что может «сохранять» любовь, но мне кажется, что у всех нас в «нормальное», будничное время, помимо повседневных забот, в глубине души есть удивление перед другим человеком, вера в него ... А любовь?

А любовь, как самообновление, поднимает веру, очищает её, придаёт ей жизненность, и тогда это чувство «уже никогда не перестает», «не превозносится», «не гордится», «не мыслит зла», как свидетельствовал апостол...

*

Да, остаётся долг, заполняющий «промежутки», остаётся высокий долг – между откровениями потрясающей силы, долг бесконечной нежности в отношениях, долг-забота, долг-труд

Но ты и сам не «знаешь», что остаётся, потому что тот, кто испытал любовь, предан ей навсегда

*

С какой высоты Дух твой окинет новые или прежние горизонты? Любовь, бесконечно-целостная и непонятно-прекрасная, становится точкой отсчёта, послужит Началом чего-то прекрасно-неизвестного, Началом твоего будущего... Твоего?

Какими же силами мы одарены!

(Из работы «Человек и Бог», 1997)

О любви

...любовь – взгляд на близкое будущее, удивление всем существом твоим перед возможностью нового, удивление – растерянность, обрыв твоего предшествующего, обрыв – пустота, которую ты стремишься заполнить отовсюду известным, но пустота огромная: ты смотришь из пустоты, в которой ты вдруг и заново выстраиваешь что-то цельное и непротиворечивое...

Любовь – с первого взгляда, с первого взгляда в то мгновение, которое позже тысячи раз повторяется в сознании... и так часто кто-то в силу традиций, узости взглядов, нервозности перечёркивает свой первый шаг к этому Великому явлению...

И первый шаг – удивление. А где-то с тобой взаимоисключающие вопросы: неужели её голос, ответы, лицо всё же земные? подобная ли любимая мне, человеку (!) ?

Любовь открывает все силы в тебе, и ненасытно нужен тебе этот образ, эти слова (а тебе – мысли), лицо. Нужны движения тела... С какой силой! Всё так стройно... К любимой мы чувствуем влечение духа своего, влечение, по силе ни с чем не сравнимое... Между любимой и тобой в первые минуты – почти осязаемая связь, светлая, необсуждаемая, и твоё Я, весь ты в этом светлом потоке...

Любимая нам всегда заполняет всё, что видим мы, и всюду рядом с нами смысл... Но мы любим «вначале» не внутренние принципы, а внешнее: лицо, тело... любимая нам – богиня: именно то, что она судья для нас, служит причиной обожествления любимой. Любимая нам усиливает значение того, что имеем мы, и путь наш озарён уверенностью... Постоянно в мыслях, независимо от состояния своего, имеем мы след, огромный, объединяющий в

памяти разновременное и разнозначимое, след – направление внутри, мгновенно находящийся всюду (!)... Это состояние атома...

Любимая изменяет нам ощущение времени, настоящее нам уже прошлое, а мы всегда в близком будущем...

В любимой мы всегда находим и своё богатство.

Любовь – это осознание невозможности потери.

Любовь – озарение, первотолчок, когда смысл существование видится в близком, значит, любовь – ослепление, часто неверный, но стройный миропорядок.

А ведь и в самом деле любимая нам выше, чем общепризнанная красота. Перед любимой мы открыты и даже не боимся своей откровенности: мы сами себе откровенны, и в каком удивлении от этого!

Любовь осветит путь к Истине, обнажит добро, сорвёт оболочку твоего эгоизма, родит твоё желание понять то, что скрыто. Ослепляя тебя чудным обнажением, любовь дарит близость с женщиной... Любовь защищает человека на пути к тайнам его, и вдруг сама причиняет боль: рождаясь, любовь причиняет боль переоценки.

Но только с любовью претендуешь ты на право быть счастливым: при обиде она углубляет боль, но ты и оправдываешь. В нежности она твоё состояние окрашивает в стройный хор мыслей: внутри у тебя нет противоречий.

А что даёт нам эта дань природе? удовольствие? избавление? Всё – попутно... Я верил, что есть в этом проявлении иной смысл, потому что тело женщины было настолько красивым и красивым для обладания друг другом, что какое-то объяснение, включающее в себя глубинные проявления Красоты, нашей первоначальной сущности и характера Формы человеческого тела, это объяснение, логичное, и, несомненно, заложенное в нас, – должно быть...

Любимая нам бесконечна, ибо она – откровение неизвестного Целого, Его приближения к нам, и любовь – бесконечный путь, путь, который может дать больше, чем мы представляем себе...

...что женщина? лишь иногда в и д и м её, но и тогда объяснить не можем. Словно вечное удивление перед красотой её дано нам, удивление как движение мысленное к ней, движение всепоглощающее, и нет ни чёткой дальней границы ему, ни осознания проходящих мгновений: всё поток, всё почти самопроизвольный поиск, беспокойный или радостный, и мечется в известном и неизвестном наше Я, находя союзников всюду, и всё сильнее чувствуем мы найти в любимой какой-то ответ...

И нет в нас в это время ничего постоянного, всё – изменяющееся, лишь пытаемся сжать мы своё отношение к любимой в какие-то Слова...

Истинные?

(Из книги «И звук, и свет», 1997)

К юбилею любимой актрисы

СЧАСТЬЕ ЖИТЬ!

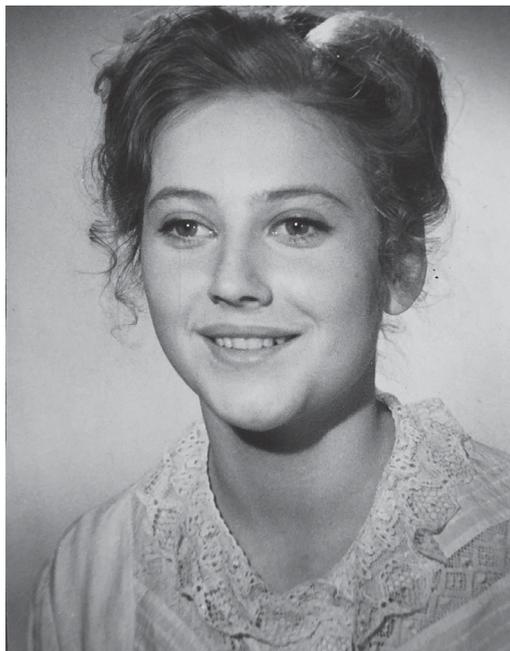
Интервью с Зоей Самсоновой

Зоя Михайловна Самсонова, народная артистка России, 3 июня отпраздновала свой юбилей. К родному театру она прибыла в настоящей карете, на Театральной площади уже ждали коллеги, родные, друзья, почитатели. А позже, на сцене, актриса предстала в образе императрицы Екатерины в премьерном спектакле по пьесе Алексея Толстого «Любовь – книга золотая» (режиссер Максим Копылов). Театр был полон, кажется, здесь собралась вся культурная общественность Ульяновска, на юбилейный вечер пришли руководители города и области, а также многочисленные давние поклонники таланта актрисы. После спектакля, когда артисты вышли на поклон, к героине вечера потянулась вереница зрителей с цветами. Актриса едва успевала принимать букеты, казалось, на сцену опустилось цветочное облако. Весь театр аплодировал в едином порыве. Такая теплая волна любви и благодарности шла от зрительного зала к сцене! Это были счастливые минуты! После спектакля была торжественная часть, череда поздравлений. А затем – особенно любимый зрителями театральный капустник. Лучшие мгновения юбилейного дня запечатлел фотограф Павел Шалагин. (На цветных страницах – наш фоторепортаж.)

Мы встретились и побеседовали с Зоей Михайловной о театре и дорогих сердцу людях, о чувстве родины и о счастье жить!

Детство, истоки

Родилась 3 июня 1947 года во Владимире Волынском. Папа был пограничник, прошел всю войну, воевал на Западном фронте, его оставили служить на Западной Украине. Из Владимира Волынского мы переехали в город Самбор Львовской области. И там я жила, росла, училась в школе. Самбор – прелестный город. С особенной архитектурой, атмосферой. Запомнились ратуша и брусчатка, орган в костеле на холме. Самбор называли еще городом церквей и королей, его история связана с Мариной Мнишек... Мы жили хорошо, дружно. Родители меня любили. Мама – Лия Федоровна (урожденная Красавцева), папа – Михаил Васильевич Самсонов. У мамы были дворянские корни. А папа из многодетной семьи, он был младшим, двенадцатым ребенком в семье (родился в Пензе). По линии папы предки были из крепостных. (Такие линии сплелись в нашей семье – одни из дворян, другие из крепостных.) У меня были сестра Светлана и брат Геннадий, старше меня на 10 и 9 лет. (Сестра после школы уехала в Москву, окончила философский факультет МГУ, а брат – Рижское военное училище.)

Зоя Самсонова

Семья Самсоновых: мама – Лия Федоровна, папа – Михаил Васильевич, бабушка Зоя с маленькой Зоей на руках. Стоят: сестра Светлана и брат Геннадий

В детстве моим воспитанием занималась мама, бабушка Зоя, в честь которой меня называли. Она считала, что я должна была уметь танцевать и петь, хорошо говорить. Я любила учиться и все успевала. Посещала балетную студию, музыкальную школу, пела, на всех конкурсах была чемпионом. Надо сказать, что мама с папой были настоящими театралами, во Львове был театр Прикарпатского военного округа (русский театр), раз в неделю давали спектакль. И родители непременно ехали смотреть, для них оставляли билеты. А какой был театр оперы и балета во Львове прекрасный! Мне повезло, я росла в таком культурном пространстве. А в нашем Доме культуры был народный украинский театр, в котором я с удовольствием занималась. Руководителем была Тамара Подгаевская, бабушка Алексея Скалы (будущего известного в Симбирске священника). Тамара Георгиевна была замечательным человеком, мы были с ней очень дружны. Через много лет, когда я уже служила в

Ульяновском театре, меня вызвали на проходную, сказали, вас спрашивают. Это был Алексей Скала, тогда дьякон. Разыскал меня по просьбе бабушки. Она переехала в наш город вместе с ним. Конечно, я была очень рада увидеть земляков, мы встречались, общались... Пройдет время и отец Алексей Скала станет крестным моим внукам Глебу и Ивану...

Про Сталина и Ворошилова

После войны папу направили учиться в Московскую академию, и мы жили год в подмосковном Бабушкино. Мне было пять лет. Кинопленка памяти сохранила два примечательных эпизода.

Мы идем с бабушкой Зоей. Вокруг лес, лес и дорога. И я оторвалась от бабушки и перебежала на другую сторону. Вдруг возле нас затормозила большая черная машина. Вышел рассерженный человек в серой шапке, как у военных, и строго сказал: «Нельзя кидаться из стороны в сторону».

Машина уехала. Я спросила у бабушки, кто это. Она ответила: Ворошилов!

И второй эпизод. Я Сталина живого видела. 7 ноября дедушка Миша, брат моей бабушки, взял меня на демонстрацию, я сидела у него на плечах в красном пальтишке, с красным флажком. Мы шли, а на трибуне стоял Сталин. Судя по всему, шел 1952 год.

Папа закончил учебу, и мы вернулись в Самбор. Папа стал работать секретарем горкома партии. Прошло время, и мы услышали по радио сообщение о смерти Сталина. Это тоже осталось в памяти...

В Москву, в Москву

Я всегда была уверена, что буду учиться в Москве и, конечно, учиться на артистку. Мы часто ходили в кино, смотрели фильмы. Я видела себя артисткой кино. После окончания школы я написала письмо в московский вуз, но неточно указала адрес. Хотела ВГИК, получилось ГИК. А письмо доставили в ГИТИС. Оттуда мне сообщили, какие нужны документы, какие экзамены предстоят, что надо выучить. Я все приготовила, поехала и сдала все экзамены. Все, что выучила, прочитала перед комиссией. А когда надо было узнать результат, очень волновалась. Со мной был муж моей сестры. И он громко спросил: Самсонова Зоя? И мы услышали: Есть! Это было 13-го числа, в списках я была под тринадцатым номером. С тех пор мое счастливое число – 13.

ГИТИС: педагоги и друзья

Я поступила на курс к прекрасным педагогам, артистам Ольге Николаевне Андровской, Григорию Григорьевичу Конскому, Светлане Леонидовне Собиновой. (Светлана Леонидовна была дочерью певца Леонида Собинова и женой Льва Кассиля.) Они заботились о нас, могли быть строгими, но относились с большой любовью, как к детям. Ольга Николаевна, например, могла перед началом занятий спросить: «Кто не завтракал, у кого кончились деньги?» И раздать по рублю на обед. Они учили нас внимательному и доброжелательному отношению к людям. Они не держали специально дистанцию, но мы сами относились к ним с почтением

О.Н. Андровская

Г.Г. Конский

С.Л. Собинова

и уважением. Они учили нас мастерству, работе над ролью, отношению к профессии.

Мы часто ходили в театры Москвы, конечно, во-первых, во МХАТ, запомнились замечательные спектакли с участием А. Грибова, М. Яншина, О. Андровской. Но мы бегали и в другие театры. Так, очень яркий спектакль был «Добрый человек из Сезуана» с участием В. Высоцкого, А. Демидовой в театре на Таганке. А Высоцкого, например, довелось видеть и слушать совсем близко, однажды он даже пришел к нам в общежитие, с гитарой и пел весь вечер.

Курс у нас был замечательный: 8 девушек и 16 мальчиков. Самые красивые девушки на курсе были Нелли Пшенная (много лет служит в театре им. Моссовета, заслуженная артистка России) и Светлана Головина (ныне актриса театра им. Ермоловой, народная артистка России). Это дорогие мои подруги, нашей дружбе более 50 лет. Когда я приезжаю в Москву, мы встречаемся, я хожу к ним на спектакли.

Москва дала мне очень многое. Здесь происходило становление личности, через учебу, дружбу, любовь. На третьем курсе я вышла замуж за Константина

Юченкова. Праздновали всем общежитием, но потом жить нам пришлось уехать к моей московской тетушке.

После окончания института нас с Костей пригласила в Ульяновский драматический театр режиссер Вера Андреевна Ефремова (она работала в нашем театре с 1964 по 1974 год). Я благодарна Вере Андреевне Ефремовой, считаю, что всем лучшим, что во мне есть как в актрисе, я обязана ей. Она меня многому научила, она поверила в меня, давала мне значимые большие роли. А роли учат артиста.

В Ульяновск к этому времени уже переехали и родители Константина, артисты Глеб Иванович Юченков и Ирина Константиновна Браун. Глеб Иванович – народный артист УССР. В пьесах он был одним из исполнителей роли Ленина. Приехали они на родину вождя накануне его 100-летия. Им дали

квартиру. Таким образом решился вопрос и с нашим переездом, и с жильем. Так как мы стали жить вместе. С 1969 года я стала служить в Ульяновском драматическом театре. В 1971 году у нас родился сын Денис. В 1974 году мы с Константином расстались. Он женился, уехал жить и работать в другой город. С Юченковыми-старшими мы остались одной семьей. Они очень любили внука, помогали мне в воспитании. Когда Ирине Константиновне исполнилось 60 лет, она ушла из театра, чтобы посвятить время любимому мальчику. И Денис их очень любил. Пройдет время, и он назовет своего сына Глебом. В честь деда. Денис вырос в театре, получил образование и продолжил актерскую династию. Он с семьей живет в Москве и работает в театре у Никитских ворот, удостоен звания заслуженный артист России.

Семья Юченковых: Денис, Наталья, Иван, Глеб с женой Мариной

О живой классике

На выпуске из ГИТИСа у нас было три спектакля. И в двух спектаклях у меня были настоящие роли. В пьесе Кальдерона «Дама-невидимка» и А. Островского «На бойком месте». С этого времени,

Зоя Самсонова и Константин Юченков. Пьеса Кальдерона «Дама-невидимка»

Зоя Самсонова. Пьеса А. Островского. «На бойком месте»

можно сказать, началось мое торжественное шествие с Островским. Позже на ульяновской сцене я была занята почти во всех спектаклях по пьесам А. Островского. Это: «Не было ни гроша да вдруг алтын», «Бешеные деньги», «Волки и овцы», «Без вины виноватые», «На всякого мудреца довольно простоты». Так сложилось, что роли в двух постановках принесли мне награды и признание. Роль Юлии Тугиной в «Последней жертве» (режиссер – Юрий Галин) была оценена зрителями, а вскоре мне было присвоено звание заслуженной артистки России. А за образ Мавры Тарасовны в комедии Островского «Правда хорошо, а счастье лучше» (режиссер – Аркадий Кац) была отмечена премией «За лучшую женскую роль». В результате роль в этой пьесе подарила мне звание народной артистки России. Так Островский вел меня от звания к званию.

Островский близок душе, сердцу. Он наш русский классик, «наше всё» для театра! Островский всегда современен, Чехов всегда современен. Из зарубежных классиков – Шекспир, он вечен и современен всегда! Не зря говорят – живая классика. А Гоголь, а Пушкин, а Достоевский! Настоящий кладезь. Нельзя исчерпать.

О любимых ролях

Роли как дети, каждая дорога, трудно выделить, какая более любимая. Мне повезло, я более 250 ролей сыграла. И роли были разные, диаметрально противоположные. К каждой роли подходила с любовью, с отдачей. Можно и в самой маленькой роли найти что-то самое необыкновенное, что открывает потаенную дверцу твоей души.

Нас учили в институте, что в каждой роли надо находить что-то новое, хоть немного, хоть чуть-чуть. Не повторяться. Значимой для меня была роль Филумены Мортурано в одноименной пьесе Эдуардо де Филиппо. Оказалось, могла быть и такая

Филумена, русская итальянка. И зритель прекрасно принял этот спектакль!

Юрий Семенович Копылов предложил мне роль Элизабет в спектакле «Заноза». По произведению Франсуазы Саган. Пьеса, по сути, театральная притча. Это было неожиданно. Оказывается, я такая могу быть! Это не только раскрывало мои возможности, но и обогащало меня, ведь после таких ролей появляются новые краски на палитре, новые нюансы. Эта работа была отмечена в 2000 году премией «Лицедей».

Кларочка

Когда я только поступила работать в театр, заняла место в гримерке рядом с Клариной Ивановной Шадько (1939–2020). Мы делили эту гримерку более 50 лет. Мы с Клариной за эти годы стали и подругами, и партнерами по сцене. Более того, мы сроднились, как две половины одного целого. Мы много ролей играли в очередь. Я у нее многому училась, понимала, к чему мне надо стремиться... Кларина стала моей крестной, привела меня окреститься в храм Неопалимой купины. Это было 40 лет назад... А как она играла материнство! Я очень люблю ее роль в спектакле «Последний срок». Она ушла в День театра 27 марта 2020 года. Но я до сих пор не могу говорить о ней в прошедшем времени. Пока ее место в гримерке никто не занял. В моем сердце она навсегда.

Народные артистки России Кларина Ивановна Шадько и Зоя Михайловна Самсонова

Чувство Родины

Я родилась на Украине. Украина – ненько моя. Это моя малая родина. Место, где я родилась. Воспоминания детства и юности храню в сердце. Я русский человек. Мои мама и папа были русскими. Но оба похоронены на Украине. Мама ушла из жизни раньше, а папа в 90-е годы очень переживал, когда я приезжала, за то, что меня могут обидеть, если услышат, что я говорю по-русски. Хотя я хорошо говорила по-украински, он все равно волновался. Так было уже в 90-е годы... Для меня чувство Родины связано с Москвой. Моя вторая родина – это Ульяновск. Я здесь живу 52 года, и наш город, конечно, стал мне родным. Мне больно слышать, когда говорят, что стыдно быть русским. Нам Бог дал быть русскими. Я вообще люблю Россию!

«Солнечная Зоя» сыном Денисом

Я благодарна

Благодарна родителям-театралам, благодарна книгам, которые читала в юности взахлеб, с фонариком, накрывшись с головой одеялом. Благодарна прекрасному театральному институту – ГИТИСу, всем педагогам, не только преподавателям актерского мастерства. Все педагоги были замечательные. Я благодарна Глебу Ивановичу и Ирине Константиновне Юченковым, они помогли мне состояться как актрисе, помогли с воспитанием сына, которого очень любили. И я смогла посвятить себя театру. Я благодарна всем своим зрителям, и тем, которые пришли на юбилейный вечер. Когда я вышла на сцену, то ахнула: зал был полон и галерея. Когда я вышла на поклон, то увидела, действительно, море цветов. Это потрясающее состояние, чувство благодарности и слезы радости в глазах! И меня накрыла волна тепла и любви из зрительного зала. И мою душу переполняла любовь. Я благодарна моим коллегам! Я такую теплоту чувствую по отношению к себе, внимание и заботу. И не только потому, что был праздник. Они всегда такие. Мои коллеги – артисты замечательные и люди хорошие, надежные, настоящие. Я благодарна моим студентам-ученикам, молодым актерам. У нас сердца бьются в одном ритме. Господу Богу благодарна! Каждый раз просыпаюсь и мысленно благодарю Бога за каждый дарованный день!

Зоя значит жизнь

Вся жизнь моя идет от души, от сердца, не от разума. Разум подпитывается сердечной силой, теплотой, добром и любовью к людям.

P. S.

15 лет назад на юбилее Зои Михайловны Самсоновой присутствовал и Юрий Семенович Копылов. Он поздравил актрису и назвал ее «солнечной Зоей». Как хорошо! Как верно!

И мы поздравляем любимую актрису, «солнечную Зою», дорогую Зою Михайловну с юбилеем! Пусть приумножается ваша сердечная сила! И пусть вновь и вновь вас накрывает целительная волна зрительской любви!

*«Пусть зла не превозмочь, не пересилит тьму,
Дает тебе Господь по сердцу твоему.
Спасительной любви все силы посвятив,
Ты знай себе живи! Ты знай себе свети!»*

Записала Елена КУВШИННИКОВА

ТЕАТР – ЭТО ЖИЗНЬ

День юбилея Зои Самсоновой

Хлеб-соль. Директор театра Наталья Никонорова, заслуженный работник культуры РФ, автор идеи и вдохновитель юбилейного праздника

*Премьера спектакля «Любовь – книга золотая» по пьесе А. Толстого (режиссер – Максим Копылов).
В роли императрицы Екатерины народная артистка России Зоя Самсонова. 3 июня 2022 г.*

Аплодисменты!

Поздравления от учеников – студентов УлГУ, от коллег, от друзей

На вечере прозвучало видеопоздравление от Марка Розовского, режиссера театра «У Никитских ворот».

Марк РОЗОВСКИЙ

* * *

Вот – начало представленья.
 Зрители застыли в креслах.
 Спит пока воображенье,
 Каждый ищет свое место!
 Тени с бликами смешались,
 Глубина заголубела.
 Начались игра и шалость.
 Сцена принялась за дело!
 Не скучали, не заснули
 В зале плачущие лица.
 И премьерою вспорхнули
 Птицы наших репетиций!
 Засверкало, закрутило,
 Застучало в темпе действо.
 Господи! Ах, как красиво
 Сшиблись гений и злодейство.
 Звучны трубы и свирели.
 Реквиемом сердце рвется.
 Три часа вмиг пролетели.
 Моцарт жив! И сердце бьется!

КРЫЛО СУДЬБЫ

Картины Сергея Филиппова

Сергей Филиппов – молодой художник. Родился 31 мая 1994 года в Ульяновске.

Образование: Ульяновский государственный технический университет, бакалавриат и магистратура по специальности «Дизайн архитектурной среды», Высшая школа деятелей сценического искусства имени Г.Г. Дадамяна по специальности «Художник сцены, руководитель художественно-постановочной части театра».

О себе: «С 2006 года занимаюсь живописью маслом, скульптурой, резьбой по дереву, участник и организатор персональных выставок. В разные периоды творческого пути писал картины во многих стилях и направлениях: пейзажи, натюрморты, пленэрная живопись, символизм, кубизм, сюрреализм, интерьерные картины».

Автор более двухсот картин, которые находятся в частных собраниях, в том числе в коллекциях известных деятелей культуры, политики и спорта. Постоянный участник культурных мероприятий, член жюри различных конкурсов, участвую в ТВ-передачах.

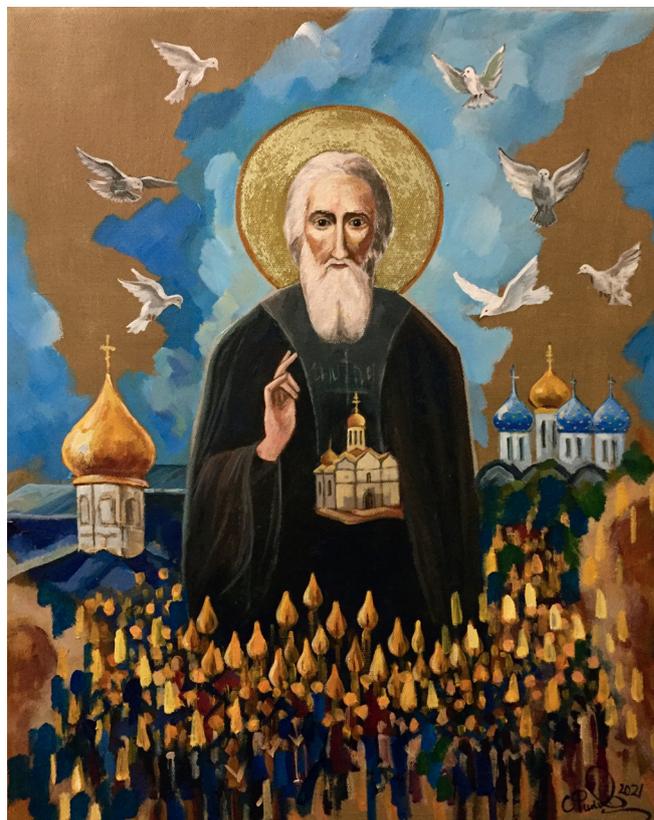
С 2016 года провожу мастер-классы по живописи маслом, корпоративные арт-тимбилдинги, арт-вечеринки и другие художественные культурно-досуговые мероприятия. Иллюстрирую книги, в настоящее время автор иллюстраций и обложек пяти книг известных ульяновских писателей.

Совместно с дизайнерским ателье La-montee выпустили коллекцию одежды с принтами картин, посвященную мерчу (продукции с символикой) города Ульяновска.

В 2021 году создал авторскую технику рисования, путем изображения различных форм методом синтеза различных геометрических фигур».

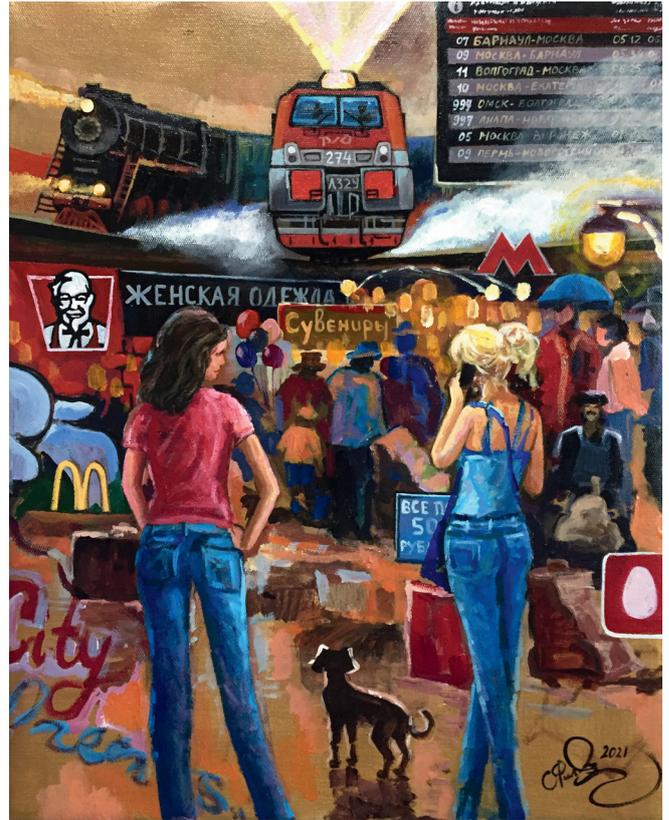
Силы природы

Сергий Радонежский

Одинокий Шаман

Базар-Вокзал

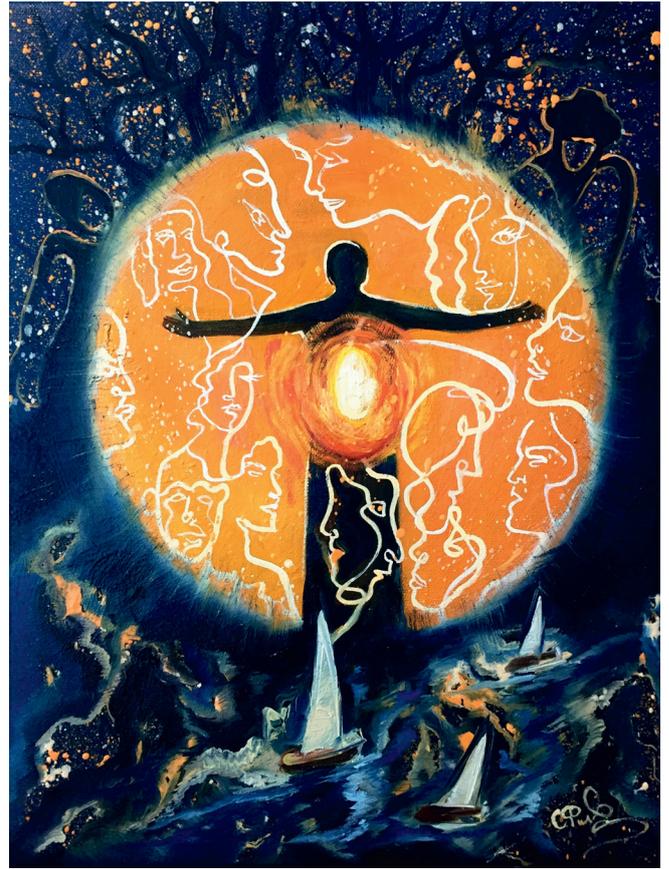
Сотворение Мироздания

Обложка для Онечкиной книжки

Прогулка

Маяк

Обложка книги

Обложка книги

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

ПЕСНЯ ЗА ПЕСНЕЙ

Итоги конкурса «Первая роса–2021»

20 марта 2022 года во Дворце книги в преддверии Всемирного дня поэзии были подведены итоги Межрегионального молодежного литературного конкурса «Первая роса».

В этом году впервые в конкурсе приняли участие молодые писатели и поэты из Приволжского федерального округа. Всего жюри пришлось оценить около 70 работ участников.

В состав жюри вошли члены Союза писателей России: О.Н. Даранова, Н.В. Марянин, Е.В. Кувшинникова, О.Г. Шейпак, Л.В. Папета, А.А. Дашко, М.Ю. Богдан, А.А. Осокина.

С поздравительным словом выступила директор Дворца книги Светлана Валентиновна Нагаткина, которая отметила невероятное разнообразие творческих работ, присланных на конкурс в этом году,

пожелала участникам продолжать литературное творчество и появиться на страницах Симбирской электронной библиотеки.

Выступили победители конкурса прошлых лет, которые подчеркнули, что возникает все больше новых лиц в литературной жизни региона благодаря «Первой росе», конкурс помогает открывать новые имена и формировать сообщество молодых литераторов.

Победители и участники после награждения прочли свои стихи и прозу в режиме «свободного микрофона».

Лауреаты конкурса в номинации «Поэзия» (младшая возрастная группа):

- 1 место – Токмаков Артем Юрьевич,
- 2 место – Журавчак Анатолий Иванович,
- 3 место – Губернаторов Станислав Петрович.

Лауреаты конкурса в номинации «Проза» (младшая возрастная группа):

- 1 место – Емелькина Ангелина Игоревна,
- 2 место – Куряева Елизавета Алексеевна,
- 3 место – Квинт Диана Вячеславовна.

Лауреаты конкурса в номинации «Иной жанр» (младшая возрастная группа):

- 1 место – Покачайло Елизавета Владимировна.

Лауреаты конкурса в номинации «Поэзия»:

- 1 место – Даллакян Артём Артурович,
- 2 место – Никишина Ксения Александровна,
- 3 место – Волкова Светлана Валерьевна,
- 3 место – Казакова Евгения Владимировна.

Лауреаты конкурса в номинации «Проза»:

- 1 место – Родионова Ирина (г. Новотроицк),
- 2 место – Разумовский (Кутиков) Илья Юрьевич,
- 3 место – Кузенкова Юлия Юрьевна.

Лауреаты конкурса в номинации «Иной жанр»:

- 1 место – Шейко Виктория Александровна,
- 2 место – Павлова Анна Александровна,
- 3 место – Пелёвина Влада Анатольевна.

Специальный приз Совета молодых литераторов Ульяновской области – Варфоломеева Виктория Игоревна.

Специальный приз литературного журнала «Симбирск» – Мансуров Булат Эльханович.

Награждение победителей конкурса «Первая роса»

ЖИЗНЬ ХРУПКА, СЛОВНО ТАНЕЦ КАМНЕЙ...

Стихи лауреатов конкурса

Награждается Артем Даллакян

Артем ДАЛЛАКЯН

* * *

Жизнь хрупка, словно танец камней,
Что стоят у воды друг на друге.
Я пройду по знакомой округе,
И мне станет немного теплей.

Эти тропы застыли навек,
Я их помню из самого детства,
Как-то раз, проходя по соседству,
Мне попался один человек.

То бежал, то на миг застывал,
Будто зверь, за которым охота.
И сейчас я узнал пешехода
В отражении водных зеркал.

Ксения НИКИШИНА

ФУТБОЛКА

Я всегда беру с собой дедову футболку,
Портсигар, а в нём храню нитку и иголку,
Я бы в той футболке ела и спала,
Как в палатке летом, пела и жила.

Шапки в холод – нет, в ливень – нет зонта,
Но зато футболка в сумке у меня.
Я её достану, в ней всегда тепло.
Ливень мне не страшен, холод – всё равно.
Звёзды смотрят с неба,
День за днём идёт,
А футболка деда до сих пор живёт.

ОБО МНЕ

Клочок бумаги, а на нём
Твой странный, чёрный почерк –
Записка с высохшим вином
У буквенных обочин.

Лениво солнце освещало
Наш милый тёплый дом,
А я забылась и забыла,
Кто обитает в нём.

Я не пишу давно стихи,
И не читаю прозу,
И не ищу для слёз платки,
Не получаю розы.

Клочок бумаги я нашла
На письменном столе,
Прости... Я раньше не прочла,
Что там всё обо мне.

Светлана ВОЛКОВА

* * *

Однажды Волга покорилась перед Доном,
Спустив свою наивную красу,
Упала в ноги, позабыв друзей знакомых,
И распустила девичью косу.
Весь пыл и благородство низко пали,
Вся красота вуалью утекла
И разлилась в неведомые дали.
Скромна стояла Волга и бела.
А Дон напротив, силою возлился,
Могуч и непреклонен был во всем,
Залил берега надменною водою,
Закрыв все шлюзы и не впустил в свой дом.
С тех пор, из часа в час, наивно тянет ручку
Царица, что могуществом полна,
А Дон стоит и тихо созерцает
На Волгу, что ему лишь создана.

Евгения КАЗАКОВА

* * *

А люди многие, порой, с гитарой схожи –
Налачен корпус, неистертый гриф.
Лишь дёрнешь за струну, так лезут вон из кожи,
Чтоб рассказать нам свой фальшивый миф.

«Гитары» эти знают себе цену:
Ремень им новый дай, чехол им утепли.
Хотят они все на большую сцену,
Но не для них те сцены возвели.

Они себя считают контрабасом,
Что держит скрипок-пикколо дуэт.
Он от их струн, всё с заграничным басом,
Скрипучий отлетает флажолет.

Но люди и другие есть на свете –
 Весь корпус в трещинах, расшатаны колки,
 А между струн души поёт мажорный ветер,
 Срывая с двери счастья все замки.

Они не рвутся в массы, на гастроли.
 На шифоньере в стареньком чехле
 Натёршие хозяину мозоли
 Лежат смиренно все гитары те.

Их час придет, они его дождутся,
 И власть «элитных» будет сменена.
 «Гитары» старые от пыли отряхнутся,
 И мир узнает все их «марки-имена»!

Артём ТОКМАКОВ

БЫТИЕ

Всё воет море Бытия,
 Не отличить уж день от дня.
 И вот приходит странный ум,
 Настало время светлых дум:

О, сколько боли жизнь несёт
 В своём бытийстве и тревоге,
 И к бездне роковой ведёт,
 Нас разлагая всех в итоге...

И не убрать сердец свободы,
 Они и рвутся, и вопят.
 Нам есть удел – одни невзгоды –
 Всё мысли гордые шумят...

И человеку роковому,
 В его прескверном существе,
 Не отыскать путей к благу
 В своём обычном естестве...

Нам – к Невозможному стремиться,
 Попутно строя крепкий ум.
 И в злобе адовой ужиться –
 Настало время тёмных дум...

Анатолий ЖУРАВЧИК

ПЕСНЯ ЗА ПЕСНЕЙ

Жизнь разливается песня за песней:
 Листья, попавшие в водные вихри;
 Солнечный свет через прядь твоих русых;
 Блики в слезах на щеке.

Нам не объять это вечное, целое:
 Миг изучать сквозь стекло объектива;
 Пальцами нежно прощупывать снимки;
 Песню за песней листать.

Станислав ГУБЕРНАТОРОВ

ВОСХОД

Среди бурливых волжских вод
 Алеет там, вдали, восход.
 Сияет, огоньками блещет,
 Он, словно бабочка, трепещет.
 Над сосной и над осиной,
 Над изумрудною долиной,
 И каждый маленький цветочек:
 Одуванчик, василёчек –
 Своим сияньем озаряет
 И рано утром пробуждает.

*Ирина РОДИОНОВА, лауреат конкурса «Первая роса» в номинации «Проза».
город Новотроицк Оренбургской области.*

ЧУДО ПОДКОВЁРНОЕ

Рассказ

Аля остановилась у знакомой дерматиновой двери и царапнула облезлую ручку ногтями. Как странно – раньше всегда врывается без стука, ведь дверь никогда не запиралась, и неслась по комнатам веселым ураганом. Вот и сейчас захотелось постучаться и окликнуть бабушку по имени.

Ключ застрял в замке, заскрежетал непривычно, и Аля замешкалась на пороге. В тесной прихожей пахло корвалолом и густой пылью, зеркало занавесили темно-коричневой простыней. Вокруг тишина, плотная и неподвижная.

Всё как будто чужое, только лежат на полке бабушкины очки с жёлтой пластиковой оправой, мутными линзами и дужкой, перемотанной капроновой нитью. Выглянув из комнаты, бабушка всегда прищуривалась и поправляла очки средним пальцем, а потом её sereneeкое лицо озарялось улыбкой.

Пусто. Везде пусто.

По ковру протоптались огромные чёрные следы, въелись сухой грязью. В углу скрючился пакет с тапками, халатом и фарфоровой кружечкой в тонкой золочёной кайме. Не пригодилось. В реанимации не нужны ни одежда, ни посуда.

Под ковром бугрилось что-то, напоминающее резиновый мяч – у Али был такой в детстве, он наверняка и сейчас лежит у бабушки на антресолях, сдутый и безжизненный. Этот же, подковёрный, вдруг завозился, зашипел и пополз в сторону кухни, отскочила. Это ещё что такое?! Крыса? Да, бабушка в последние годы уборку не жаловала, но не до такой же степени... Всё же «мячик» этот слишком уж большой для грызуна. Может, котёнок приبلудился? Двери целый день нараспашку стояли, все сновали туда-сюда, чёрные платки, кутья в пиалах, маленькие кружечки и платочки для соседок, только бы поминали... Аля осторожно заглянула в проём и заметила, как «мячик» ползет под обоями, перебирая тонкими длинными лапками. По лицу скользнула кривая ухмылка – здравствуйте, приехали. Не подскажите номер психоневрологического интерната, что неподалеку, у озера, ну тот самый, который «психушкой» называют?..

Шершавые советские обои крепко приросли к бетону, бабушка клеила их сама, а уж если она и делала что-то, то это всегда было на совесть. Словно не замечая этого, существо взбежало по стене, проползло под масляно-бело-желтым косяком и замерло на кухне.

Броситься бы в коридор, позвать на помощь. Дождаться, пока приедет мама, и вернуться на кухню со шваброй в руке. Но... Мама – женщина боевая, и неизвестно ещё, что именно поселилось в этой опустевшей квартире. Да и любопытство привычно зачесалось в носу.

Аля медленно стянула шапку и шагнула в комнату.

Вспученные обои шевелились так, будто под ними рвано билось сердце. У бабушки тоже была аритмия, тонометр всегда тревожно взвизгивал и мигал черным значком, а бабушка хмурилась:

– Ну-ну, напужал ежа голой ж... Давление хорошее, вот и не надо мне тут!

Что-то волновалось под выгоревшими бело-голубыми квадратиками обоев, и Аля ощущала это кожей. Волоски на руках приподнялись, внутри закололо страхом. По кухне словно тайфун прошелся: выпотрошил шкафчики, отогнул жёлтую батарею, сломал алоэ и герань в горшках... Кафель над плиткой густо зарос тёмными капельками жира, ботинки прилипли к полу, а подоконник покрыли целлофановые пакеты и грязные склянки.

Аля слотнула через силу. Не помогло.

Вспомнилась прежняя бабушкина кухня, на которой к Пасхе всегда поспедали румяные куличи в алюминиевых формах из-под кофейных банок. Да, готовить бабушка не любила, разве что потрёт морковь с сахаром и сунет Але вместо конфет, или налепит вареников сразу на полгода, но чтобы вот такая разруха – это ведь представить себе нельзя. Аля часто-часто, заметив ярко-зелёное, будто ковыльное море, и перелив, и мягкий шелест... Нет, невозможно. Вытерла слезящиеся глаза, прищурилась. Это ведь почудилось, точно почудилось. Может, на кухне что-то пролили или просыпали, и теперь от едкого душка в голову лезет всякое? После болезни еще и не такие запахи проморгать можно было. Собравшись, Аля прошла от двери до окна, всмотрелась в затертый линолеум. Пусто. Почему же ей привиделось, что пол зарос... морковной ботвой, словно на грядке под сторбленной сливой? Душистой и зелёной травой с мелкими шершавыми листочками.

Сверху распахнулся шкаф, и из него водопадом хлынули пакетики – Аля прижалась к закопчённой плите, готовая бежать сломя голову.

Семена. Это просто коробка с семенами упала, открыла дверцу уцелевшего шкафчика. Ничего особенного, так зачем же сразу паниковать, а?.. Аля присела на корточки и подняла один из пакетиков. Да, бабушка всю жизнь хранила здесь запасы для огорода: семена томатов «бычьё сердце», дражные колготки для подвязки огурцов, толчёную яичную скорлупу...

Захрустел пакетик с морковными семенами, Аля прислушалась. Взмахнула рукой, словно дирижируя воздухом, закрыла глаза и тут же дотронулась до мохнатых кустов. Отдёрнула пальцы, как от кипятка. Вдохнула, выдохнула.

Погладила снова. Так и есть – крепкие стебли,

тёплые на ощупь. Потянуло запахом влажной горячей земли, семена зашептались в кулаке.

Существо под обоями мерзко хихикнуло, зашуршало, и Аля рывком вернулась на грязную уютную кухню. С трудом понимая, что вообще происходит, Аля сидела и меланхолично гладила морковную ботву, будто снова приехала на огород, надо набрать ягод китайки для компота и полить гладиолусы из чёрного негнушегося шланга.

Аля вспоминала бабушку, вспоминала кухню, где плавил в кастрюльке сахар для леденцов, но воспоминания эти казались выцветшими и обрывочными, будто переписанными по нескольку раз на одну и ту же плёночную кассету. С каждым новым воскрешением в памяти что-то стиралось, исчезало, появлялись новые мелочи, не существовавшие в жизни, и все труднее было цепляться за настоящую бабушку. Линолеум под ногами сплошь превратился в травяное море, сочная ботва гладила ботинки.

В холодильнике Алю дождались лишь прогорклое масло, бутылочки с уксусом для выпечки или покраски яиц, а еще шеренга рыбных консервов. В ящике плесневела морковь, щедро присыпанная белыми кругляшами таблеток. Мама говорила, что бабушка пьёт лекарства от высокого сахара, давления и забывчивости. Видимо, последние таблетки не помогали, раз уж бабушка удобряла ими гниющую морковку...

Зал встретил прохладой, из приоткрытой форточки тянуло морозом. Аля подумала, что надо бы закрыть деревянную створку, чтобы бабушку не продуло. Поморщилась, отгоняя наваждение. Так странно было понимать, что она больше не вернётся. Диван ещё помнил очертания белых боков, ажурная салфетка на столе вязалась её полными руками. А вот и подаренная Алей кружка с жёлто-коричневым ободком водяного камня на стенках, будто ждет крепкого чая со смородиновым листом или горьких капель от сердца.

И никого. Только дерево, выросшее прямо среди гостиной, и Але бы удивиться, но она лишь стояла в молчании и смотрела на скрюченные ветки. Существо снова закопошилось под ковром, всхрюкнуло, обдало холодом, но Аля больше не боялась его. Чуть поджимала губы, но не боялась.

Корни дерева прорастали сквозь бабушкин драгоценный ковер и тянулись от чехословацкой стенки до толстопузого телевизора. На ветках трепетали желтые бумажки: в клетку и в линию, обрывки и толстые стопки, выданные из тетрадей или ежедневников. Под потолком раскачивалась одна единственная ветвь со свернувшимися тёмными листьями.

Кора показалась на ощупь теплой, как будто под сухим деревом кипела жизнь: сердце гнало кровь по высохшим веткам, и стоило только поддеть кору ножом, как густое и багряное потечёт, запачкает любимый бабушкин ковёр... Его подарил дед, когда они все ещё жили вместе. Потом дед из бабушкиной жизни исчез, и Аля так с ним и не познакомилась.

Она сдёрнула записку, развернула её. Существо заворчал под корнями, ошетинилось лапками, но Аля не заметила этого. Она срывала письма,

словно опадающую листву, она читала всё и сразу, взхлёб, она впервые видела эти кусочки бабушкиной жизни.

«Томочка! Пишу тебе с печальными вестями. Егорка, Юлин сын, на днях попал в беду. Собираем ему деньги».

«Тома, здравствуй! Давно не получала от тебя письма. Ты черкани хоть пару строчек, ведь только бог и знает, сколько нам еще доведётся прожить».

«Мамы не стало. Она всё ждала, когда ты ей напишешь».

Ушла тихо, во сне, хоть и много на её долю выпало страданий».

Тем вечером сказала мне, что ей тепло и совсем не больно».

А потом ушла. Не плачь, Томочка.

Им там мокро от наших слёз».

«Будь здорова, сестричка. И все сёстры, и брат наш за тебя молятся».

«С большой любовью и приветом к тебе, твоей дочери Яне, её мужу Виктору и твоей внученьке Аленьке. Передавай, чтобы росла здоровой и умненькой, слушала маму с папой. Тётушка её очень любит».

Аля осторожно разглаживала дырявые листы. Некоторые строчки будто подсвечивались слабой белизной, будто твердили – ну же, взгляни, взгляни! И она смотрела, и читала, и понимала, что в письмах этих и останется бабушкина память. Её старенькие далекие сестры, рано спившийся брат и мама, которая умерла задолго до Алиного рождения.

Главная бабушкина святыня. То, что нельзя потерять.

Ожил патефон в углу – заскрипел, зашуршал сухой пылью, и Аля оторвалась от дерева, сдёрнула последнее письмо и, не читая, прижала к себе. Патефон разразился частушками, звук то и дело обрывался металлическим скрежетом или тишиной, и тогда Аля слышала гулкий стук сердца. По пластинке змеились царапины и сколы, игла то и дело подпрыгивала, но патефон не умолкал.

Аля даже разглядела название на медленно кружащейся грампластинке: «Частушки и страдания. А. Гуляева, В. Корженевская. Ташкентский завод». Воспоминания проклюнулись слабо, прорвались, и вот уже бабушка идёт с тазом выстиранного белья, и музыка гремит на весь балкон, и пластмассовые прищепки с хрустом разламываются у нее в пальцах: «Забыла, безмозглая, на зиму их поснимать».

Бабушкин голос зазвучал громко и бодро.

– Ты опять здесь, чудо подковёрное? – спросила она, и сквозь слова скользнула улыбка. Ослабев, Аля присела на толстые корни и зажмурилась.

Бабушка хмыкнула:

– Может, животинкой моей будешь, а? Молока хошь? Домовые-то пьют молоко, но ты ж не домовою... Не кряхти, не надо мне тут! Ползаешь по квартире, а лица не кажешь. И как мне чаёвничать тебя, чудо-расчудесное?.. Еще одна частушка. Гармонь разлилась мелодией, заполонила грохотом пустую квартиру».

– Как матери-наседки оберегают цыпляток своих, как коровы выкармливают теляток своих, как... Старая я стала, дай мне хоть свету! А-а-а, гадость подковёрная! Ладно, сама уж, – щелчок лампы, шелест хрупких страниц, – как поют соловьи своим птенцам неразумным, так и молитвы мои пусть услышатся, пусть до внучки моей, рабы божьей, имя... ой, до Алечки донесутся, и здорова, и счастлива, и любима будет она во веки веков. Аминь.

Тишина. Холод.

– И пусть ко мне забежит хоть ненадолго, Господи, – шепнула бабушка.

Щеки закололо болью. Надо отвлечься – прабабка Али была главной ворожеей на деревне, заносила молитвы и заговоры в толстую потрепанную тетрадь, которую бабушка привезла с собою с севера. Сестры всю жизнь обменивались заговорами в письмах, нашёптывали на ссадины и радикулит, кровохарканье и скупого мужа, на рожу и сглаз. Аля видела это на жёлтых листах, но услышать вот так, от бабушки...

Патефон старчески задышал, и Аля подползла ближе, прислушалась до звона в ушах. И вправду кричит. Это же бабушкино дыхание – хриплое, свистящее. Шепчет, и не разобрать почти.

– Алечка...

Игла поднялась от проигрывателя и указала на съевшуюся Алю. Бабушка болела в последние недели, вставала с трудом и всё чаще отказывалась от еды. Бодрилась потихоньку, но угасала. Мама просила Алю приехать, а у той ведь сессия, а у той ведь драма в личной жизни, а у той ведь... А у той ещё тысяча отговорок, только бы отложить поездку на потом.

И бабушка передавала «денюшку», вручала маме соленья-варенья, просила не волноваться. Никогда не жаловалась, не говорила, если болит. Даже если болело так, что молчать не выйдет.

Молилась ночами.

– Бабушка... – позвала Аля шепотом. – Это твоя душа, да?

Существо рассыпалось тягучим хихиканьем под ногами – проползло, вздыбливая тяжёлый ковёр, и в воздух поднялась удушливая муть. Аля закашлялась. Нечисть шмыгнула к тумбе с умолкшим патефоном, и... будто исчезла.

Не душа, нет. Что-то другое.

– Бабуль, ты прости меня... – шепнула Аля, обхватив себя руками. – Не сердись только... И сама знаю, какая я. Но ты ведь даже не умеешь обижаться, никогда не умела... Нет, чтобы мне приехать, посидеть, поговорить хоть. Знала, что ты не пожуришь даже... Прости, баб. Прости меня.

Аля тихонько заплакала, пытаясь отыскать нужные слова, но они никак не находились. Бормотала что-то, всхлипывала. Гладила патефон рукой. И только когда слабое тепло пробежало по пальцам, существо сыто заурчало и выползло в коридор. Скрипнула входная дверь, захлопнулась выстрелом.

Ушло.

– Я тебя раскусила! – вдогонку существу крикнула Аля, вытирая щеки. – Ты ведь всю квартиру... это тобой всё заросло, да?! Воспоминаниями, которыми ей не с кем было делиться. Потому что она одна осталась.

Тишина. И никаких ответов.

В соседской квартире раздался визг, грохнула опрокинутая табуретка. Аля попробовала вспомнить, кто там живёт. Кажется, Евдокия... Евдокия Ивановна? Семеновна?.. Она носила бабушке продукты, хоть и сама выглядела дряхлой старухой. Горбатая и остроносая, Евдокия всегда смотрела на Алю пронизательными немилосердными глазами. Значит, теперь существо перебралось к ней.

Из-под лампы показался картонный прямоугольник. Бабушка раньше писала на таких записки и втыкала в дверь, если уходила в магазин или к соседке. Мама ругалась, говорила, что это приглашение для грабителей, но бабушка лишь хмыкала, загромождая подоконники горшочками с рассадой или банками с солёными огурцами и зонтиками укропа.

Круглые буквы, пляшущий почерк и трогательные ошибки – бабушка родилась в сорок втором, и учиться в непростые послевоенные годы ей было некогда. Зато она, сильная и негнибаемая, доработала до заведующей продуктовым складом, уехала с севера в степной металлургической городок, воспитала дочь и ушла, так и не дождавшись бессовестной внучки.

Буквы расплывались перед глазами.

«Алечка, вернись через 5 минут. Баба».

Тишина забила в уши, заслонила и скрип, и причитания из-за стены, и сквозняки. Аля погладил выцветшие слова – обещаешь? Обещаешь, бабушка?..

Золотисто-пластиковые часы на стене молчали – секундная стрелка вздрагивала, тянулась, но все равно возвращалась на место. Время с бабушкиным уходом будто остановилось. Сухие ветви расчертили комнату штрихами, зашелестело морковное море на кухне, упокоились под Алиной рукой письма от умерших родственников. Стрелка рвалась вперед, но ничего.

Пять минут никогда не кончатся.

Разозлившись, Аля в ботинках вскарабкалась на диван, мысленно извиняясь перед бабушкой, и сдвинула пальцем длинную стрелку ровно на пять минут. Часы щёлкнули, загудели, и время потекло вперед. Будто хоть кто-то вырвался из этой паутины траура и пустоты.

Аля, комкая письма и бабушкину записку, прислушалась. Вот-вот из подъезда послышатся тяжёлые шаги – мама как-то привезла из соцзащиты новенькую блестящую трость, но бабушка из принципа ходила сама, придерживаясь рукой за перила или стеночку. Забренчит связка ключей: от погреба, от калитки на огороде, от квартир дочери и внучки, от тысячи других неизвестных дверей. Бабушка ввалится в прихожую, повесит пакет на крючок и шагнет к ней, к Але.

Обрадуется, что внучка приехала.

Аля ждала. Молчала, молилась про себя.

«Пожалуйста, бабушка. Пять минут прошли.

Возвращайся».

Заскрежетал ключ. Распахнулась входная дверь.

Аля спустилась с дивана и на ватных ногах вышла в прихожую.

В полумраке мама стряхивала с капюшона снег. Заметив Алю, она улыбнулась – вроде и искренне,

но так горько, что Аля сразу отвела взгляд. Мама кивнула:

– Молодец, что приехала. Надо будет перебрать все вещи, оставить только самое нужное. Работы тут... Где-то ордера на квартиру спрятаны, на погреб еще, их нельзя выбросить. Чего там у тебя?

Аля глянула на руки:

– Письма. От бабушкиных сестер и прабабушки.

– Отлично, откладывай их в отдельную стопку. Давай сперва за комод возьмемся... Аль, ну чего ты? Вид такой, будто привидение увидела.

– Почти, – через силу хмыкнула Аля. – Не привидение, нет... Всего лишь немного одиночества.

Мама покосилась недоверчиво, но смолчала. Ушла в гостиную и крикнула оттуда:

– А кто веток-то трухлявых натащил, а?.. Не было ж ничего.

Аля поняла, что если сейчас же не выпьет ледяной воды, то просто-напросто свалится в обморок. Мама начнет суетиться, переживать, а ей и так страданий предостаточно. Надо обязательно дойти

до кухни. Открыть кран с холодной водой, выбрать кружку почище и...

Привиделось, да... горе, ничего не попишешь. Но ветки?!

Линолеум на кухне устилала сухая ботва, сморщенная и выгоревшая, будто от беспощадного степного солнца. Аля растерла листочек в пальцах, принюхалась – морковь. Время сдвинулось, побежало, и полноводное сочное море превратилось в шелуху. Только письма и остались на память.

Аля привалилась плечом к стене и подумала, что надо заглянуть к соседке, когда они закончат с разбором вещей на сегодня. Мало ли, вдруг у Евдокии хлеб кончился, или апельсинов она давно не покупала. Сбежать бы до магазина.

Помочь.

Кивнув себе, Аля вернулась в зал и с новыми силами взялась за работу. Старенькие часы всепрощающе тикали у нее над головой.

Сергей НИКОЛАЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ЛОГОС». ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.

Впервые литературный клуб «Логос» распахнул свои двери в День молодёжи, 27 июня 2021 года. Его открытие никто не планировал заранее, идея возникла внезапно и вскоре получила воплощение.

16 мая в Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова прошла встреча с членом Совета молодых литераторов Ульяновской области, поэтом и прозаиком Екатериной Богдановой. Пообщаться с автором пришли друзья Екатерины, члены литературного салона «СимбирЛит» и участники движения «Симбирская православная молодёжь». Увидев достаточно большую группу ребят, сотрудник библиотеки Елена Анатольевна Белова заинтересовалась, откуда они и чем занимаются. В ходе этой беседы библиотекарь выяснила, что у православной молодёжи были попытки создания православного литературного клуба, правда, с переменным успехом.

– А как вы отнесётесь к идее устроить встречи этого клуба здесь, у нас, в библиотеке? – заинтересовалась она.

Идея участникам православного молодёжного движения понравилась, тем более, что в библиотеке имелись экран, проектор, удобная и яркая мебель-трансформер, а также все, что нужно для чаепития. Ближайшую пробную встречу решили провести через месяц, в конце июня.

Встреча, действительно, состоялась, и прошла она очень оживленно, несмотря на пока ещё малый состав участников в десять человек. Обсуждали «неисторический» роман Евгения Водолазкина «Лавр». Все желающие прочли свои стихотворения, рассказали о своих увлечениях, поделились своим видением формата работы клуба. Заведующая отделом – центральной городской специализированной библиотекой имени И.А. Гончарова Эльвира Рафаэловна Теймурбулатова рассказала о большом количестве услуг, которые сегодня может предоставить библиотека для пользователей, и устроила интереснейшую экскурсию по зданию. Библиотека прекрасно оснащена, оказалось, например, что имеется 3D-принтер, и здесь проходят различные полезные курсы и мастер-классы.

Новость о новом литературном объединении вызвала живой интерес. К следующей встрече состав участников увеличился вдвое. В тот день своим музыкальным творчеством присутствующих порадовал автор-исполнитель Сергей Кочетков.

Далее собрания клуба стали регулярно проводиться в последнее воскресенье месяца. Формат таких встреч предполагает обсуждение заранее выбранного литературного произведения, встречу с приглашённым гостем, кинопросмотр и небольшие авторские рубрики. Первую из них под названием «Тайны одного шедевра» осенью предложил участник клуба Михаил Гордополов. В течение 5-7 минут продолжается рассказ об одной из

картин известных художников, позже появилась рубрика, посвященная выдающимся историческим личностям и памятным дням. А ещё позже – рубрика «Хочу поделиться».

За год существования клуба в гостях у «Логоса» побывали главный редактор историко-краеведческого журнала «Мономах» Ольга Георгиевна Шейпак, оператор и режиссер, автор проекта «ul_travel_serial» Владимир Бучинский, режиссёр короткометражных православных фильмов Анастасия Новосёлова, молодой поэт, лауреат литературного конкурса «Первая роса» Артем Даллакян и член Российского союза профессиональных литераторов, поэт Евгений Бодунов. Некоторые из гостей затем стали активными участниками клуба.

В онлайн-режиме (была такая встреча в период пандемии коронавирусной инфекции) к обсуждению романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» присоединился настоятель храма Богоявления Господня с. Прислониха Ульяновской области протоиерей Димитрий Савельев.

Одним из самых запоминающихся собраний клуба стало предновогоднее, когда участники клуба Михаил Гордополов и Татьяна Гуливец в роли Деда Мороза и Снегурочки провели замечательную викторину с призами по роману Ильфа и Петрова «12 стульев». Затем ребята все вместе посмотрели одну из серий одноименного фильма режиссера Марка Захарова.

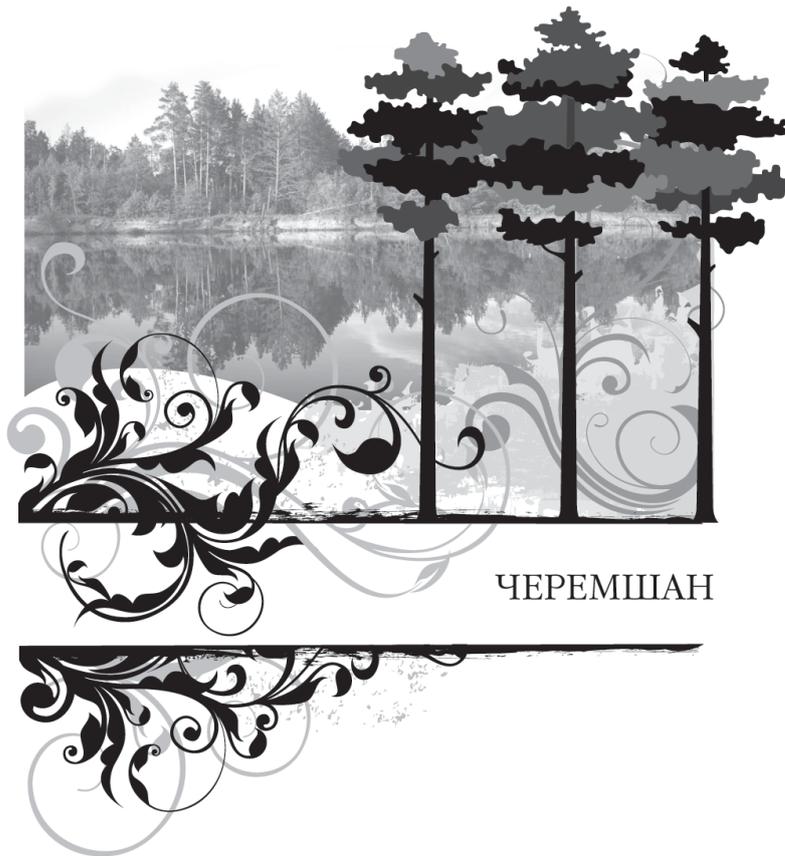
Участники клуба «Логос» охотно делятся своими новыми произведениями – стихами и прозой, рассказывают о путешествиях и участии в различных конкурсах. Например, Михаил Мищенко принял участие в известной игре «Умницы и умники» в Москве и стал победителем.

Впереди еще много интересных идей и далеко идущих планов.

Клуб «Логос» – это замечательная площадка для общения всех молодых людей, неравнодушных к хорошей литературе, интересующихся музыкой, живописью и кино.

Двери клуба открыты для всех желающих!

ЧЕРЕМШАН

Лера НЕРОСЛОВА, молодая поэтесса из Димитровграда. Учится на факультете лингвистики, межкультурных связей и персональной коммуникации УлГУ. Публиковалась в газете «Димитровград» и в сборнике молодых и начинающих авторов «Восемнадцать Next» (2020).

Вот что она ответила на просьбу вкратце рассказать о себе: «Мне совсем недавно исполнилось 18 лет, но иногда, как в метеопрогнозах, я хочу сказать: «Восемнадцать ощущается как сорок пять». Я всегда мечтала о многих-многих профессиях: мне хотелось быть врачом, учёным, юристом, учителем, актрисой... Сейчас же я хочу реализовать себя в изучении русского и иностранных языков и работе с детьми. Самое главное для меня – никогда не говорить «хватит», «достаточно» и стремиться к неизведанному, учить что-то новое, хватываться за любую возможность стать чуточку лучше».

РАССКАЖИ: ТЫ ТЕПЕРЬ КАКАЯ?..

* * *

«Расскажи: ты теперь какая?
Ты ведь счастлива стала, да?
Ты красивая, ты другая?
Ты принцесса, телезвезда?
Напиши, когда станешь взрослой!
Буду ждать от тебя ответ».
И каракули сразу после:
«От Л.Н., восемь-девять лет».

Улыбнусь: как сказать, глупышка? Жизнь не сказка и не кино.
Ты короткую носишь стрижку, красишь губы и пьёшь вино,
Кроме сна ничего не надо, ведь все чувства – полнейший бред.
В твоей сумке ключи, помада, томик Блока и «чапман ред».
Дух не сломлен пока – поношен, стал запятнанным и седым.
Каждый день будет «завтра брошу», в твои волосы вьется дым.
Ты – о, ужас, – забросишь танцы, перестанешь ходить на хор,
Заберёшься в гигантский панцирь, чтоб никто тебя не нашёл.
Лишь набор бесконечных «недо-», череда неудачных глав.
Ты мечтала подняться в небо, но упала, едва начав...

Я возьму карандаш устало и ответ запишу в тетрадь:
«Умоляю, прости, – я стала той, кем ты так боялась стать».

* * *

Я тебе не писала, кажется, дольше вечности. Я так сильно скучаю, что даже подумать страшно. Замерла где-то между безумьем и бесконечностью и держусь из последних сил (глупо так, но отважно).

Я надеюсь однажды проснуться и быть излеченной, чтобы сжечь до деталей прописанные сценарии. Я твержу, что не помню твой запах, манеру речи, продолжая тайком вспоминать твои тёмно-карие. Я могу притвориться, что мне здесь легко: подыгрывай. Присылай мне цветы и звони по три раза в день». Мы могли бы быть счастливы» – станет вторым эпиграфом. Первым будет: «Могли бы, но только нам как-то лень».

Я вжимаюсь в плечо, что подставил мне первый встречный, с губ слетают слова, застывая на зимней стуже. Ты, наверно, меня не расслышал ещё в тот вечер: я просила спасения, но ты меня разрушил.

* * *

Об одном лишь прошу – ты, пожалуйста, говори. Говори обо всём: мне тебя так приятно слушать! Говори по ночам, вечерами и до зари. Я тону, и твой голос – спасительный берег суши.

Говори, пока я разливаю по чашкам чай. Ты какой, кстати, будешь? Зелёный? Я буду то же. Я на стол положу шоколадку, и невзначай В голове пронесётся:

«Как смех твой прекрасен, боже».

Не дышу. В душной комнате свет приглушён опять, Говоришь полушёпотом, штопая наши души. Если хочешь, то можешь заплакать и закричать, Если хочешь, то можешь смеяться – я буду слушать.

Расскажи о себе хоть на капельку больше, чем Знают все остальные.

Ты любишь смотреть на небо?
Что ты видишь во снах?
Как ты думаешь, есть Эдем?
А ты знаешь, что твой звонкий смех –
мой эффект плацебо?

Стало поздно, пора уходить, завтра много дел:
Я твержу те же фразы уже в сотый раз, как в трансе.
Мой счастливый мирок за мгновение опустел:
Почему вновь никто
не решился сказать «останься»?

* * *

Я раньше боялась так много всего: чудовищ,
Живущих под каждой кроватью,
больших, зубастых,
Мигающих лампочек, резких раскатов грома,
Ещё привидений и школьных контрольных частых.

Боялась услышать от сильного «не догонишь»,
Считала, что главное в жизни –
быть правой в споре,
Любила одна допоздна оставаться дома
И делала вид, что совсем не хочу на море.

Я в детстве боялась, что монстры меня утащат,
Схватив за лодыжку, свисающую с кровати.
И сердце всегда от испуга стучало чаще,
Когда выключали ночник
с раздраженным «хватит».

Теперь не страшны мне ни монстры,
ни привиденья.
Скажу им: «Не стоит во мне пробуждать нахалку.
Живёте под этой кроватью, в моих владеньях;
Ещё один рык – и вы в доле за коммуналку».

Я раньше ходила в кофейни, но очень редко;
С улыбкой просила ореховый латте пряный.
Теперь ежедневно отсчитываю монетки,
Чтоб взять в автомате невкусный американо.

Я раньше пила только сок – не любила колу,
Она, мол, опасная, в ней для здоровья риски.
Теперь знаю то я, чему не учили в школах:
Её надо пить не со льдом, а с хорошим виски.

Я раньше мечтала влюбиться, чтоб как в романах,
Чтоб чьи-то ладони мои согревали плечи.
Теперь же любовь эта точно не входит в планы,
И кроме чужого дыханья согреться мне есть чем.

Я думала раньше, что снам суждено сбываться,
Что, если стараться, то можно всего добиться.
Приветствую вас на открытии (шум оваций)
Моей лучшей выставки трупов больших амбиций.

* * *

Поверь, мне достаточно просто тебя любить:
Писать тебе письма
и тут же выбрасывать в форточку,
Стихи посвящать, зная, что не уловишь нить,
Что ты не поймёшь –
тобой дышит здесь каждая строчечка.

Поверь, о тебе мне достаточно лишь мечтать,
Прокручивать в мыслях все наши неловкие паузы,
Глаза закрывать, быть красивой тебе под стать;
Но всё-таки в тумбочке дедушкин чёрный маузер.

Поверь, мне достаточно знать, что ты просто есть,
Не ждать никакого ответа, затерянной весточки.
Наверное, это за прошлые жизни месть:
Влюбляться в людей
каждым дюймоном и каждой клеточкой.

Small Dreamer (Дарья Машкова)

Small Dreamer – под этим ником в одноименном паблике «ВКонтакте» публикует свои стихи димитровградка Дарья Машкова. Ранее публиковалась в местных газетах «Димитровград» и «Семейный совет», а также в сборнике молодых и начинающих авторов «Восемнадцать NEXT».

ЗАЧЕМ ЖЕ ВЫ ИЩЕТЕ ТРАНСПОРТ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ВРЕМЯ?

* * *

остановка. капризное солнце ещё не проснулось,
но я вынуждена просыпаться в 6:30 утра.
на окне нацарапаны звёзды, к которым тянулась
и к которым готова тянуться на тридцать из ста.

пару строк на листок и скорее греть руки в кармане.
я стою у завода, где всё ещё можно дышать,
на плакате какой-то кретин меня снова обманет,
говоря о процентах, кредитах, как их избежать.

под обвисшею серостью туч едет старый автобус,
обмороженный голос кричит «передай за проезд»,
я сижу у окна, сохраняя осанку и корпус,
в ожиданье, когда этот город меня всё же съест.

пятьдесят сохранённых постов о мотивах и целях
так пылятся в архивах. добавленные сгоряча.
мотивация – просто дойти до уютной постели
и закончить день так же вином, как и было вчера.

эти тридцать процентов снижаются до ничтожных.
просыпаюсь в 6:30 всегда там, где я не нужна.
для эмоций моих, равнодушие – лучший розжиг.
я обычное сердце, которому хочется сна.

* * *

за честность, увы, не дают
ни дипломов, ни грамот.
поездка на лифте проходит, как быстрая кома.
меня не волнует, зачем я рисую на ранах
того, кто со мной предпочёл быть
совсем не знакомым.

да всех не волнует,
живёт, иль пропало, иль сдохло.
чай вкуса солёной отравы, лекарство – противно.
психологу нужен психолог. ему тоже плохо.
он так и не смог полететь отдохнуть на Мальдивы.

часов не хватило.
мне тоже, похоже? я знаю,
зачем ты глядишь в потолок –
чтоб хоть что-нибудь видеть.
чтоб почувствовать – голые руки хватаешь зубами.
я в зеркале видела всё, что ты так ненавидишь.

часы навёрнут ещё круг
и навеки зависнут.
пихай всё, что хочешь, сори всем,
чем хочешь, – неважно.
когда всем металл прилетит в оголённую спину.

никто и не вздрогнет.
никто не признает,
что страшно.

а вместо груди – огромная
мокрая льдина.
минутной, секундной проткнутая.
видишь? там каждый.
– я помню по буквам слова, пролетевшие мимо.
– я чувствовал боль,
мне не больно
почувствовать дважды.

забытые раны забрызгали
красками стены.
часы пробегут снова круг и сыграют мне в ящик.
зачем же вы ищете транспорт быстрее, чем время,
которое нас хоть куда-нибудь
да притащит?

* * *

мои строчки, как листья осенние, просто блекнут.
осыпаются тихим вальсом по всем дворам
и разносятся дымом заводов, шумящим ветром.
я так много писал о любви, но так мало сказал.

я кричу тебе через боль, до разрыва связок,
вся в поломанных чувствах,
услышь же мои моления.
в этом мире не хватит столько бинтов и повязок,
чтобы вылечить рану, родившую стихотворения.

по подвалам, как крысы,
бесшумно крадутся строфы,
сотворённые той, кто на чувства, увы, небогата.
...и вопросы «так кто мы?», застрявшие в сердце
голгофой
разобьются об пол,
не дошедшими
до адресата.

РЕКА
ВОСПОМИНАНИЙ

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

(Продолжение. Начало см. «Симбирскъ» №6-2021, №1-2022, №2-2022)

Заметки провинциала

Журнальный вариант

«Прекрасный наш язык способен ко всему...»

Александр СУМАРОКОВ

*«Дар поэта ласкать и карябать,
Роковая на нём печать...»*

Сергей ЕСЕНИН

«Ты написал много букв; ещё одна будет лишней...»

Иосиф БРОДСКИЙ

...Лето без отпуска – стандартный вариант для директора школы: постоянно надо быть *на хозяйстве*, добывать цемент, песок, краску... Но в середине следующего учебного года я решил хотя бы частично компенсировать переработанные дни и в зимние каникулы поехал в Москву – *разгонять тоску*. Попытался устроиться в какую-нибудь гостиницу, но это оказалось не так-то просто. Я сразу стал атаковать крупные, расположенные в знаменитых высотках отели: «Ленинград», «Украина», но сидящие за стойкой администраторши смотрели на меня как на козявку и молча показывали на табличку «Мест нет». Кто-то посоветовал мне попытаться счастья в гостиницах ВДНХ – «Заря» и «Восток».

Гостиницы эти представляли собой целый комплекс зданий, похожих на обычные жилые *домосталинки*. Войдя в вестибюль первой от метро гостиницы, я увидел толпу людей, в основном *темноволосых*, человек тридцать – взрослых, стариков и детей, – которые стояли и сидели на ступеньках лестниц. Я немедленно развернулся и пошел в другое здание, потом в третье: везде было одно и то же...

Годы спустя я узнал, что невольно оказался свидетелем очередной волны эмиграции евреев из СССР. Очень многие мои соотечественники стремились стать жителями Москвы, а эти люди, приехав в столицу из больших и малых городов,

спешили поскорее покинуть родную страну, чтобы достичь *земли обетованной*¹.

К вопросу о том, «из какого сора» растут стихи... Слова блатной песни «Граждане, послушайте меня...» Евгений Евтушенко использовал в качестве рефрена для одного из лучших своих стихотворений, начальные строчки которого имеют как минимум два варианта:

Я на теплоходе «Маяковский»,
А в душе Есенина березки...

Я на теплоходе «Фридрих Энгельс»,
Ну а в голове такая ересь...

После многочасовых скитаний по Москве я оказался в Большом Тишинском переулке, где и устроился в гостиницу Леснорядского рынка. Этот «приют одиноких сердец» предназначался для приезжих торговцев рынка и был устроен по принципу *дешево и сердито*: комнаты на 4–6 человек, общий туалет с холодной водой.

Наутро, отправляясь шататься по Москве, я оставил под кроватью сумку с вещами и покупками, и у меня ничего не пропало: в этой гостинице не воровали. Я неспешно прошелся по улице Горького и купил для себя и своих родичей то, чего в ульяновских магазинах днем с огнем не сыщешь.

...Годы спустя я вернусь в этот переулок вместе с Женей Мельниковым: тут поблизости, как оказалось, располагается здание Высших курсов сценаристов и режиссеров.

Из гостиницы, которая больше напоминала общежитие, я поехал на Ярославский вокзал и сел в электричку, которая направлялась в Загорск. Там меня ждал мой школьный товарищ Олег Чернов...

Толян Чесноков регулярно приезжал ко мне в Спешневку, в основном в теплое время года. Мы пили водку, разговаривали о жизни и о литературе. Потом он собирался и уходил на «трассу» – ловить попутку, но иногда оставался ночевать, расположившись на печке.

Олег Чернов стал учеником 25-й школы Ульяновска в начале 1965 года. Я тогда перешел в седьмой класс, а он был моим ровесником. Классная руководительница Ольга Дмитриевна Ушакова сказала его маме Маргарите Сергеевне:

– Я посажу Олега с *лучшим мальчиком* класса.

Речь шла обо мне. И моя жизнь поменялась к лучшему: прежде в своем классе я был почти что *белой вороной*, другие пацаны интересовались в основном футболом, хоккеем и мордобоем. Я тоже

играл в хоккей, неплохо катался на коньках, но еще я участвовал в олимпиадах по физике, успел собрать *детекторный радиоприемник*, был знаком с ребятами, у которых в блокнотах были зарисованы десятки схем подобных приборов *прямого усиления* на трех, четырех или пяти транзисторах.

В общем, Олег был как никогда кстати: начитанный, эрудированный, амбициозный. Он был из *приличной* семьи: мама – Маргарита Сергеевна – учитель русского языка и литературы, папа – военный, офицер. Жили они рядом со школой, занимали двухкомнатную квартиру в доме-сталинке. Впрочем, благополучие этой семьи оказалось мнимым: отец был алкоголиком и, по-видимому, наследственным. Вскоре за пьяные проделки его уволили со службы, и он устроился на завод УЗТС инженером по технике безопасности, но спустя пару месяцев в пьяном беспамятстве угодил под трамвай, хотя трамваи у нас ходили с интервалом в 30–40 минут. Ему ампутировали ногу, дали инвалидность, и он продолжал пьянки, как водится, сопровождаемые скандалами. Однажды в порыве ярости он запустил костылем в голову жены, и та чудом увернулась. Костыль в дребезги разбил электрический выключатель на стене...

Жить дальше на одной жилплощади с таким человеком было невозможно, и Олег с мамой временно расположились в крошечной комнате на первом этаже школы рабочей молодежи №4 на Московском шоссе, где тогда работала Маргарита Сергеевна. Поскольку получить в то время свое отдельное жилье школьному учителю было почти невозможно, она подалась на автомобильный завод, в редакцию многотиражки. И через пару лет они въехали-таки в собственную трехкомнатную квартиру в доме №69 на том же Московском шоссе, разделив ее вместе с бабушкой и дедушкой Олега. Это была сложная многоходовая комбинация, сопряженная с квартирообменом.

Словосочетание из титра в советском фильме «Истребители», 1939 год: «воздушные с'емки». Это – уничтожение буквы «ъ» и отрицание буквы «ё».

Олег Чернов, в отличие от меня, сразу после школы (1969) поступил в Ульяновский политехнический институт по специальности электронно-вычислительные машины («ЭВМ») – это направление тогда только еще осваивали вузы нашей страны. А вот распределялись мы в один год, в 1974-м. Он, как и я, не смог работать по месту распределения, и если мне поменяли школу в пределах одного Кузоватовского района, то у него все было сложнее. Он приехал на место с направлением в руках, но в нужном ему учреждении (в каком именно городе – не

¹ Массовая еврейская эмиграция из СССР началась в 1971 году. Ныне известны документы, включая материалы самого высшего эшелона властных структур, которые в определенной мере раскрывают механизм принятия и осуществления необычного решения о частичном открытии границ для данной этнической группы. Советское руководство явно ошиблось, считая, что эмиграция не примет массового характера. Если в 1970 году по израильским визам из СССР выехала всего лишь одна тысяча человек, то в 1971 году – уже около 13 тысяч, в 1972 – более 31 тысячи, а в 1973 году – свыше 34 тысяч человек. После этого число разрешений на выезд снизилось, и в 1974 году СССР покинули менее 21 тысячи евреев и членов их семей. В 1975–1977 годы ежегодно выезжало еще меньше – от 13 до 16 тысяч человек. В следующие три года наблюдался новый рост, и в 1979 году был отмечен пик еврейской эмиграции 1970-х: более 51 тысячи выехавших. Затем на эту эмиграцию были вновь наложены жесткие ограничения: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0303/tema01.php>

помню, Томск или Новосибирск) все вакансии уже были заняты. Олег быстро вернулся в Ульяновск, заявился в институт, но там только руками развели: весь фонд вакансий для распределения исчерпан.

Тогда он взял инициативу в свои руки и поехал в подмосковный Загорск на какое-то оборонное предприятие – туда уже прибыли некоторые его одноклассники. И – о чудо – его тоже приняли! А ведь он так хотел оказаться *поближе к Москве!*

И вот теперь, спустя полтора года, мы встретились. Олег жил в общежитии, меня он отвел в соседнюю комнату с двумя кроватями, постельщики которой временно отсутствовали. Наутро он пошел на работу, а я отправился осматривать город, посетил пару музеев. Вечером (это была пятница) мы обошлись в каком-то ресторане.

– Какая у тебя зарплата? – поинтересовался Олег после первой рюмки.

– Сто семьдесят шесть рублей, – ответил я: именно столько я получал *на руки*. У Олега, как оказалось, доходы были скромнее: сто десять рублей (из этой суммы надо было еще вычесть подоходный налог и *налог на бездетность*). От этого он помрачнел, даже обиделся, стал называть меня *сельским миллионщиком*.

В праздник Октябрьской годовщины, 7 ноября, Матрена Ивановна собралась в магазин в праздничном облачении: надела черную плюшевую *борчáтку* – утепленный тонким ватином жакет со сборками ниже талии.

Вот новость до меня дошла: в области грядет смена власти, вместо первого секретаря Анатолия Андриановича Скочилова готовят какого-то Кузнецова, работавшего при нем вторым секретарем. Ну, готовят и готовят, я-то тут причем?

Так ведь нет, как оказалось, нельзя, работая директором маленькой сельской школы, быть вне игры областных чиновников. Ко мне в школу приехала шустрая тетенька, *секретарь райисполкома*, и принялась прикидывать, как можно провести встречу готовящегося к пришествию Кузнецова с жителями нашей зачуханной Спешневки. Она спросила, какой предмет я преподаю. Я ответил, что имею честь учить детей русскому языку и литературе.

– Замечательно! – констатировала тетя. – Вы организуете стихотворное приветствие пионерами Ивана Максимовича и сами сочините текст. Вот вам две готовые строчки:

...Продолжит славный путь отцов
Иван Максимыч Кузнецов...

В книге эссе Юрия Олеши «Ни дня без строчки» неоднократно употребляется слово «ламентировать». Больше нигде я этого глагола не встречал. Открыл словарь иностранных слов: *ламентировать* – значит говорить, восклицать, жаловаться.

Разумеется, есть существительное *ламентация* (от лат. *lamentatio* плач, стенание) – первоначаль-

но возникший в античной риторике прием ораторского искусства, в музыковедении – термин для обозначения одноименного музыкального жанра (Википедия).

...Итак, секретарь райисполкома предлагала мне игру в *буримé*, что меня совсем не воодушевляло. Нет, я честно попробовал придумать начало и конец к гениальным строчкам про то, как «продолжит славный путь отцов Иван Максимыч Кузнецов», но у меня ничего не получилось: по-видимому, я не умел писать по заказу.

Назавтра с утра пораньше в школу приехал уже сам *председатель райисполкома* Василий Иванович (нет, не Чапаев) Салин. С ним я вообще обошелся неучтиво: просто молча прошествовал к себе в кабинет, не заметив хмурого функционера в коридоре школы. Тогда он сам ступил ко мне «на ковер», высказал все то, что думал обо мне, и удалился.

Явление Ивана Максимовича Кузнецова народу Кузоватовского района было перенесено в другой населенный пункт, где был более лояльный к власти директор школы.

Питейные скороговорки и словечки:

– *пивка* – для *рывка*;

– *водочки* – для *обводочки*;

– *скоростная* – рюмка, которую наливают тому, кто бежит в магазин за очередной бутылкой.

Фразеологизмы, *стишáта* на ту же тему:

– Погода шепчет: займи рубль и выпей!

– Не послать ли нам гонца в магазин без продавца?

– Что-то ветер дует в спину – не пора ли к магазину?

– Не теряйте время даром – похмеляйтесь *солнцедáром*²!

Василий Иванович Салин оказался человеком злопамятным. Через пару месяцев в районе развернулась кампания по подготовке к летнему сезону школьных лагерей труда и отдыха. По итогам предыдущего учебного года Кузоватовский район по этому показателю оказался в числе отстающих: производственные бригады школьников были созданы только в двух-трех школах. И вот теперь были намечены еще три школы, где предстояло открыть такие лагеря, в том числе и Спешневская. Нас – председателя колхоза им. Фрунзе, председателя Спешневского сельсовета и меня – вызвали в райисполком. Слушался вопрос: о материально-технической базе лагерей труда и отдыха.

Какая могла быть «база», если лагеря при нашей школе прежде никогда не было? Мы с директорами школ *перетирáли* эти вопросы и определили общую позицию: у нас нет и никогда не будет средств на создание инфраструктуры лагеря, в смете школы даже не предусмотрена подобная статья. Так что «базу» может создать только хозяйствующий субъект, то есть колхоз или совхоз. А наша задача – решать *оргвопросы*: собрать родительское собрание, объяснить мамам и папам старшекласс-

²«Солнцедар» – легендарное дешевое вино типа бормотуха, в конце 70-х годов его продавали в разлив, литрами из квасных бочек.

ников, чего от нас хотят; если родители поддержат идею создания трудового лагеря, надо будет в апреле-мае сформировать личный состав школьных бригад в соответствии с производственным заданием колхоза им. Фрунзе. Главная трудность организационного этапа состояла в том, что в Спешневской школе обучались не только мальчики и девочки членов нашего колхоза им. Фрунзе, но и дети соседнего совхоза – «Конезавода №100».

Вот раньше говорили *максимализм*. Теперь – *перфекционизм*. Нет, это не слова-синонимы. Перфекционист – это остепенившийся и поуменьшивший максималист. Если первый предъявляет завышенные требования к окружающим и всему миру, то второй спрашивает по *гамбургскому счету*³ с себя.

Обсуждение на заседании райисполкома началось с нашей школы, и сразу товарищ Салин предложил мне «отчитаться». Я встал и сказал, что по вопросу создания материально-технической базы предполагаемого лагеря труда и отдыха ничего сказать не могу, а вот к решению организационных вопросов мы приступили. И положил перед ним протокол недавнего заседания родительского комитета школы.

Далее, как я позднее понял, был разыгран незамысловатый спектакль. Салин, с повадками бесноватого и вышедшего из себя начальника, стал ораторствовать и топтать ногами, а председатель нашего колхоза, маленький и плешивый Василий Иванович Данькин, подпрыгнул на стуле и скороговоркой выкрикнул, что он *будировал* этот вопрос, а затем отрапортовал, что площадка для дислокации лагеря подобрана, и все объекты, включая мобильную электростанцию, будут установлены в течение трех недель. Салин предложил информацию председателю колхоза принять к сведению, а мне объявить выговор. Тем временем участники «мероприятия» пытались выяснить друг у друга значение слова «будировать». Так нередко бывало: услышит какой-нибудь небольшой начальник от солидного оратора новое слово на областном совещании и, не зная его значения, тут же включает в свой активный лексикон.

«Выговор» на заседании райисполкома – *нóнсенс*, но это я понял позже. А тогда меня, человека впечатлительного, такой оборот событий огорошил⁴. Когда мы с Рябовым сели в машину, у меня кровь хлынула из носа. Видимо, скакнуло давление, и не только у меня.

В районе железнодорожной станции Рябов остановил машину, чтобы забежать в продмаг. А я, дождавшись его возвращения, сгонял в туалет «типа сортир», привычно скользнул глазами по примелькавшейся надписи «Пусть стены нашего сортира...» и вдруг на соседней, доселе чистой стене, заметил нацарапанное красным карандашом четверостишие:

Товарищ Салин, вы большой сквалыга,
На мягком спите, кушаете власть,
А я простой колхозный забулдыга –
Не признаю советскую я власть!

Надо ли говорить, как позабавил меня этот образчик народного творчества. Вернувшись в Спешневку, мы свое артериальное давление нормализовали, распив в сельсовете купленную Рябовым бутылку водки на двоих.

Неизбытен оптимизм *наших* людей. Чего стоит только эта фраза:

– Не догоним, так согреемся!

Иногда мне в голову приходила довольно странная мысль: остаться жить в Спешневке. А именно, построить дом где-нибудь на берегу Свяги (я даже место присмотрел), сложить из силикатного кирпича (он дешевле) пару этажей, чтобы там разместились жена и детишки. Я даже планировку второго этажа придумал: там наша с женой спальня, детская, гостевая комната и библиотека. В соседях хорошо бы иметь Анатолия Бакеева с таким же примерно домом. Дружить семьями, вместе париться в бане, а потом выпивать и закусывать, сидя перед большим цветным телевизором...

Увы! В районе не было программы закрепления молодежи на селе. И во всей области не было. И во всей стране. Зато имела место идиотская, распиаренная телевидением и радиостанцией «Юность» (была такая) инициатива школьников из какого-то колхоза в каком-то районе некоторой области под названием «Всем классом – на ферму». Как говорят в Одессе, *я вас умоляю...* Не надо всем классом! Работать в животноводстве могут немногие, а именно те, кто любит сельскохозяйственных животных и не морщится от запаха навоза или зимнего, слежавшегося силоса...

Индивидуальное строительство на селе тоже особо не приветствовалось, тем более на том участке, который мне понравился. Зато строили убогие, барачного типа дома на две квартиры, порой составляя из них целые улицы. Такие улицы были в каждом почти селе, и все они назывались одинаково – Молодежная. А вот председатель колхоза соорудил себе на колхозные деньги просторный домишко из красного кирпича под шатровой шиферной крышей...

Итог – жалкое состояние сегодняшней Спешневки. Школа закрыта. Своего сельскохозяйственного производства здесь нет, земельные паи сельчане распродали. Коренных жителей тут можно по пальцам сосчитать, остальные дома заняли *дачники*, приезжающие на лето. Газовую магистраль сюда так и не провели.

«ИЗВЕЩЕНИЕ

Депутату Спешневского с/совета т. Янушевскому В.Н. Сообщаем, что очередная сессия депутатов состоится 13 ноября 1976 года в 2 часа дня.

³ Выражение «гамбургский счет» придумал и ввел в речевой оборот советский литературовед Виктор Борисович Шкловский.

⁴ В среде сельских руководителей бытовала поговорка: выговор – не грыжа, с ним можно долго жить.

Повестка дня:

1. О ходе ремонта автотранспортного парка и с/х инвентаря в колхозе им. Фрунзе и конезаводе №100.

Гот. гл. инженеры.

Гот. с/х комиссия.

2. Отчет участкового инспектора.

Док. Кулаков А.Н.

Исполком»

Прилипчивое к языку слово *клевый*. Или *клево* – то есть здорово, хорошо. У меня в каком-то незавершенном тексте такая фраза была: «А погоды клевые стоят!..»

Колхозом, как известно, руководит *председатель*. Официально эта должность называется *председатель правления колхоза*, но под действием лингвистического закона экономии среднее слово исчезло. Иначе и быть не могло: в действительности никакого правления нет, а если и есть, то это фикция, игра в демократию.

Все решает председатель колхоза. Без его одобрения ни председатель сельсовета, ни колхозный парторг не могут принять самое пустяковое решение. Так что в сельской местности нет никакой *партокрáтии*. И *советской власти* там тоже нет, а есть безграничная административная власть председателя колхоза или директора совхоза.

Председатель нашего колхоза имени Фрунзе Василий Михайлович Данькин раньше был парторгом в другом колхозе. Всю парторботу он там развалил, и вот тогда его двинули на повышение. И главным аргументом для этого было вот что: Данькин бросил пить, *завязал*. Сам он так об этом говорил:

– Только научился по полному стакану выпивать, и вот – пришлось бросить, врачи настояли...

Фамилия у него короткая – Данькин, а подпись на бумажках он ставит длинную и витиеватую.

– *Пьяней вина!* – Разговорная формула бабки Матрены. И вот еще о пьяном:

– Идет – ухом землю достает.

Как у нас проходили сессии, или попросту заседания сельсовета? К 14 часам в назначенный день собирались все депутаты, а потом часа полтора ждали, топтали траву или мяли снег возле палисадника неказистой избенки, где располагался сельсовет, курили, разговаривали, травили анекдоты. Ждали. Чего ждали? Ждали, когда прибудет *главный депутат* – председатель колхоза Данькин.

Он всегда опаздывал на час – полтора, а то и на два. Это был неизменно повторяющийся ритуал: так Данькин демонстрировал свою занятость, вовлеченность в колхозные дела, которых было невпроворот...

Наша школа ежегодно выпускает около 30 девчонок и пацанов, и все они вскоре оказываются в Ульяновске. Никто не хочет жить и работать в деревне. Чтобы получить водительские права или всего лишь стать трактористом, надо ехать учиться в город или поступать в какое-нибудь сельское ПТУ. А назад никто не возвращается. Мой спешневский приятель колхозный завгар Толя Бакеев готов

был организовать обучение вождению автомобиля (учебный план это позволял), но при условии, если в школе будет *свой* автомобиль. Водительские права в СССР можно было получить уже в 16 лет.

Однажды я набрался решимости и поехал в обком ВЛКСМ, записался на прием ко второму секретарю Борису Михайловичу Пекарскому, с которым мы вместе работали на УЗТС. Он меня, разумеется, узнал, но встретил не очень радушно, даже сухо. Понимал, что раз пришел, – значит, буду чего-нибудь просить...

И я приступил к выполнению своей миссии. Рассказал, чем и где я сейчас занимаюсь. Объяснил ситуацию: молодежь уезжает из села. Этому две причины: невозможность профессионального обучения на месте и убогий досуг по вечерам. И поставил вопрос: нельзя ли через комитет комсомола УАЗа на каких-либо условиях получить учебный автомобиль. Он резко оборвал меня и сказал «нет». Было видно, что он просто не хочет ответственности и лишних забот для себя...

В полевой столовой лагеря труда и отдыха Спешневской средней школы Кузоватовского района Ульяновской области. В центре начальник лагеря Владимир Николаевич Янушевский, слева шеф-повар Александра Семеновна Никишина, учитель математики

Директор соседнего совхоза «Конезавод №100» по фамилии Крюков внешне не похож на нашего предколхоза Данькина: рост выше среднего, худощавый, весной и осенью носит неизменный черный плащ, на голове такая же шляпа. Держится сухо и надменно, немногословен. Прижимист. Не любит, когда к нему обращаются с просьбами. Пресекает всякую инициативу.

Если в мужской компании никто не хочет разливать водку, он молча открывает бутылку, наливает в стакан и, коротко выдохнув, выпивает. И всё. Дальше, мол, давайте без меня. Это называется «разливать по-крюковски».

Фразы Матрены Ивановны Гамаевой:

– Мы с тобою влюблены: я в кисель, а ты в блины.

– Что ты на меня сентябрем смотришь?

– Вчера об эту пору еще светло было...

– *Какá* нынче молодежь пошла: девки *áховые*, ребята *úховые!*

– Холодно на улице, замерзла аж до *синёты*: ветром насквозь *проиго́ливат!*

– Вот уже и суббота: неделю как палкой сшибло!

– Вчера все *послеобѣдие* шел *дожжик*, Надька-соседка намокла и заболела. А вот раньше люди крепче были: *ели редьку с квасом и пúкали басом*.

– У них (в соседнем колхозе) *булгахтер* колхозный работать не любит, но зарплату себе хорошую выводит. А как *преседатель* обрежет ему сумму, он разорется, *úнде* маленький язычок видать!

Завгар Толя Бакеев – местный, кузоватовский, родом из Смышляевки. Он на хорошем счету в райкоме комсомола, и там его рекомендовали для поездки с *группой товарищей* в Бельгию, в капстрану, на *загнивающий Запад*.

Когда Анатолий вернулся, парторг Анисимов пытался заставить его выступить в клубе перед молодежью села, поделиться впечатлениями.

– Хорошо, – сказал Толик, – я выступлю: расскажу про статую-фонтан «Писающий мальчик» в Брюсселе, про витрины *секс-шопов*.

Парторг махнул рукой и отстал от него.

16 января 1976. Только что «Голос Америки» заявил, ссылаясь на «ЮНЕСКО», что за 1972 год самыми переводимыми писателями оказались Шекспир и Солженицын. В том году их книги были переведены на 35 языков. За ними идут, соответственно: Библия, Маркс, Энгельс, Ленин, а также Федор Достоевский, Лев Толстой, Максим Горький...

Из лексикона спешняков: отдельно растущие небольшие деревца – *кусты*; заросли кустарника – *кустыиш*.

Сакральные и маргинальные (профанические?) фигуры речи:

- песнь песней;
- суета сует;
- шутка юмора;
- морда лица.

Толя Бакеев получил серьезную травму. Дело было так: на машинном дворе мужики ремонтировали трактор К-700 «Кировец» – огромную машину с диаметром колеса больше человеческого роста. Вообще-то завгар занимается только находящимися на балансе автомобилями, за тракторный парк отвечают главный инженер и завмастерскими. Но Анатолий – человек неравнодушный, азартный, он зачем-то стал помогать трактористам, и, встав на покрытое многими слоями машинного масла крыло колеса, поскользнулся, упал вниз. Упал крайне неудачно – спиной ударился о лежащий на земле гусеничный трак, повредил позвоночник. Председатель колхоза Данькин отказал Толику в какой-либо помощи.

В Кузоватовской райбольнице ему тоже ничем не смогли помочь, дали направления в целый ряд областных клиник. В Ульяновске, мотаясь по врачам, он между делом нашел себе работу, застолбил место в общежитии, потом быстро распрощался с колхозом имени Фрунзе, да и был таков...

Городной – это значит городской. Так говорят в Спешневке.

Отличительная черта любого советского руководителя (чиновника) состоит в том, что он не имеет *созидательной программы*. И не должен иметь – так задумано. Это не предусмотрено его *функционалом*. Народная мудрость гласит: *инициатива наказуема*.

Так что главная задача начальника-чиновника – *быть на хозяйстве*. Ни приумножать, ни развивать это хозяйство он не обязан. Но если не надо радеть о социалистической собственности, то подумать о себе – святое дело.

В Кузоватовском РОНО было два автомобиля: потрепанный газик (ГАЗ-2169), а еще старенькая «Волга» ГАЗ-21, в которой не был установлен радиоприемник. ЗавРОНО Николай Павлович Комков пристал к моему завхозу с требованием купить ему приемник. И ведь дождал мужика: приемник за 100 рублей купили через Спешневский магазин Кузоватовского РайПО и оформили как покупку *конских хомутов*. Любому проверяющему было понятно, что средней школе в середине 70-х годов XX века хомуты не нужны, тем не менее это *прокатило*. Ставить на баланс, а потом списывать хомуты бухгалтерам РОНО было привычно: такой уж выработался стандартный прием...

Николай Павлович недолго возглавлял Кузоватовский отдел образования. Перед увольнением он умудрился списать «Волгу» – якобы отслужила машина свой срок, отправил на запчасти и тут же за бесценок купил ее. На этом автомобиле он и вернулся на прежнее место работы в прежней должности – директора Безводовской средней школы.

Сельские аббревиатуры:

АВМ – автомат по производству витаминной муки.

ДДН – насос для орошения полей.

МДУ – мобильная доильная установка.

Я твердо решил, что, отработав три года, уеду из Спешневки и вернусь в Ульяновск. Накопилось слишком много негативных впечатлений. Более того, в мои планы не входило продолжать где-либо педагогическую деятельность: сама *система* способствовала тому, что у меня, как и у многих моих коллег, быстро сформировалось стойкое отвращение к школьному администрированию. Я сообщил о своем решении заведующему РОНО, но он не спешил что-либо предпринимать.

Все определилось в последние дни августа: мое заявление об увольнении было подписано, и директорские полномочия вновь принял от меня Юрий Иванович Мазурин (в шахматах это называется *рокировка*). За три последние года он несколько раз уезжал на лечение в областную больницу, смог выцарапать профсоюзную путевку в санаторий. Кроме того, ему важно было самому контролировать ситуацию в школе: любой случайный человек в директорском кресле из числа *варягов* его не устраивал.

Дом на колесах – *трéйлер*, словно брелок, пристегнут к «Жигулям». Выше бордюра, на су-

⁵ Это слово – куртíны – встречается в начале пятой главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

хой земле, пожухлые куртины⁵ желто-зеленого мочала: *трын-трава* растет на газонах этого города, трын-трава...

В Ульяновске я вернулся в квартиру родителей, других вариантов не было. Куда идти работать – я не знал, не было времени подготовить площадку для десантирования. Первым делом я отправился в редакцию газеты «Ульяновский комсомолец», где в то время работали Женя Мельников (заведовал отделом спорта) и Володя Дворянсков (школьный отдел). Но их не было на месте (в командировке или в отпуске). Тогда я пошел к редактору, Геннадию Демину. Мы не были знакомы, но он принял меня приветливо, внимательно выслушал. Стало ясно, что я его вполне устраивал – бывших директоров школы в штате редакции еще не было, но не было в редакции и вакантных мест.

И тогда Геннадий Иванович предложил мне попытаться счастье на телевидении. Это учреждение официально называлось так: Комитет по телевидению и радиовещанию при Ульяновском облисполкоме. Комитетом руководил председатель, у него было два заместителя, которые курировали два подразделения: редакцию общественно-политических передач и редакцию литературно-драматических передач (сокращенно *литдрама*, в народе называемая *ЛИТРдрамой*). Последнюю возглавлял Константин Петрович Воронцов. Именно к нему я и отправился с рекомендательным письмом от Геннадия Демина, написанным по всем правилам придворной стилистики: «Податель сего Владимир Янушевский – талантливый журналист и т.д...» Гена меня совсем не знал, но почему-то безоговорочно поверил в мои способности.

Воронцова я не застал – кажется, он тоже был в командировке или в отпуске. Тогда – делать нечего – я отправился к другому заместителю – Анатолию Михайловичу Мавренкову. Редакция общественно-политических передач размещалась в так называемом *радиодоме* – небольшом двухэтажном здании на улице Симбирская. Оттуда велась трансляция местных передач на всю Ульяновскую область, для чего имелись одна малая студия на два микрофона и одна большая – концертная.

Анатолий Михайлович, опытный радиожурналист, решил проверить мои возможности. Месячный испытательный срок без оклада – только небольшие гонорары выплачивались – я проходил в редакции информации, затем был зачислен в штат *редакции пропаганды* (вот куда меня занесло!). Главным моим недостатком посчитали то, что я не состою в рядах КПСС.

Так или иначе, а три последующих года я проработал в должности корреспондента телевидения и радиовещания.

Продолжающий славный путь отцов Иван Максимович Кузнецов недолго рулил Ульяновским обкомом КПСС. У него нашлись кое-какие грешки, а именно: он был неравнодушен к алкоголю, и его сменил Геннадий Васильевич Колбин.

Прежде Колбин работал вторым секретарем ЦК Компартии Грузии, а первым был Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Так-то вот...

Олег Чернов, *оттрубив* три года на своем секретном предприятии в Загорске, нашел себе работу в Москве. Жил тоже в общежитии, причем располагалось оно в Подмоскovie, если не ошибаюсь, где-то возле Троицка. Наступил самый тяжелый период жизни *молодого специалиста*: дорога на работу и с работы суммарно занимала около четырех часов времени.

Следующим летом, дождавшись долгожданного отпуска, Олег с друзьями-коллегам отправился в Крым, в Планерское. Там они познакомилась с компанией девушек из Москвы. Одна из них, студентка Плехановского института по имени Оля, Олегу приглянулась. Оля с родителями и младшим братом жила в центре, в доме дореволюционной постройки на Гоголевском бульваре. Квартира – отдельная *двушка*, но расположенный на площадке черной лестницы туалет приходилось делить с соседями. Перед войной тут вообще были коммуналки...

Свадьбу в ресторане «Прага» сыграли зимой. Родители невесты хотели как раз *такого* зятя – не москвича, не имеющего в столице своей жилплощади, им это было выгодно. Дело в том, что помпезный дом на Гоголевском бульваре власти столицы наметили переоборудовать под гостиницу, а жильцов – расселить в новостройки. Сразу после регистрации брака Олега успели прописать на жилплощади молодой жены, а буквально через три месяца обе семьи получили по двухкомнатной квартире в микрорайоне Ясенево, причем располагались квартиры на одной лестничной площадке высотного дома.

В общем, Олегу повезло: *любовь и голод* правят миром и порой помогают благополучно разрешить пресловутый *квартирный вопрос*...

Лучшие стихи – те, что начинаются *назывными предложениями*: «Шепот, робкое дыханье...», «Ночь, улица, фонарь, аптека...», «Вечер. Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн...», «Окошко. Стол. Половики...», «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» Так *номинатив* – именительный падеж – творит чудеса стилистики...

Как заметил Евгений Евтушенко, «Людей неинтересных в мире нет...» У каждого есть свой неповторимый талант. Одни могут шевелить ушами, другие показывают удивительные карточные фокусы, третьи изумительно подражают соловьиному пению или вою собак (я, например, умею весьма правдоподобно *хрюкать*). Толик Чесноков ловко открывал зубами бутылки с пивом и лимонадом. Делал он это медленно, абсолютно невозмутимо и молча предъявлял результаты своего труда – бесшумно открытую бутылку. Его молчание было более красноречивым, чем какая-либо реплика типа *voilà* (*вуаля*, что по-французски значит «вот!»).

На медкомиссии в военкомате у меня обнаружили некоторые проблемы, и я был отправлен на обследование в стационар. Ходил по коридорам больницы, читал таблички на дверях и узнавал новые слова: «*Кабинет колоноскопии*», «*Прозекторская*», «*Клизменная*». В конце концов,

я был освобожден от призыва и получил военный билет, где значилось: «рядовые необученные». И это было справедливо: три года в Спешневской школе мне следовало зачестить за шесть лет военной службы.

Наши люди осваивают новые слова. *Прикол* – это шутка, розыгрыш. *Прикалываться* – шутить, устраивать невинные провокации, веселиться.

А вот Толика Чеснокова признали вполне здоровым, и вскоре он получил повестку, обязывающую его явиться в установленный срок на областной сборный пункт. Он отличался редкостной безалаберностью, часто менял место работы, и ушлые сотрудники облвоенкомата (теперь уже именно они занимались его *персональным делом*) подловили призывника именно в такой момент, когда он не работал ни в одной школе и не имел льготы по освобождению от воинской службы.

Толян приехал ко мне в *радиодом* на улице Симбирская, а там была серьезная охрана (как же, объект стратегической важности!), и его, разумеется, внутрь не пустили, так что мы поговорили, гуляя по улице Симбирской. Он намеревался немедленно отправиться в Теньковку и просил меня поехать с ним.

Я быстро оформил отгул, предупредил по телефону своих домашних, и мы двинули на автовокзал.

Народные названия спиртных напитков:

– Красное дешевое вино «Волжское» – *маня́тя*.

– Горькая настойка «Стрелецкая» – *мужик с тляпкой*.

– «Советское шампанское» – *кобылий лимонад* (образец – *свиначий лимонад/limonade de cochon*: так, по свидетельству Л.Н. Толстого в «Войне и мире», наполеоновские солдаты называли русский квас).

На втором этаже радиодома располагалось несколько отделов, или редакций. Самой замечательной, на мой вкус, была редакция сельского хозяйства. Ее возглавлял Николай Романов, уроженец села Тургенево Чердаклинского района. Будучи земляком Николая Благова⁶, он считал себя обязанным проявить всяческие литературные таланты. Другой сотрудник редакции – Саша Урюпин, третий – Григорий Медведовский, выпускник журфака МГУ, как две капли воды похожий на знаменитого политического обозревателя Валентина Зорина. Его так и называли за глаза: «наш маленький Валентин Зорин», а настоящий Валентин Зорин, который на телеэкране казался большим и солидным, на деле оказался примерно таким же, как Гриша: ниже среднего роста.

Все трое *сельхозников* были мастерами рассказывать анекдоты, затевать розыгрыши и устраивать отвязнейшие приколы. Гриша Медведовский, как-то ухитрившийся отслужить в армии, где научился за несколько секунд съедать за обедом первое-второе-третье (чтобы не отобрали наглые и прожорливые старослужащие) и *намастрячился* со-

чинять пафосные патриотические стихи, теперь снизошел до пародий и едких эпиграмм. Руководитель нашего телерадиокомитета Илья Николаевич Милюдин за какие-то заслуги удостоился чести в составе делегации Ульяновской области съездить в дружественную Болгарию, после чего собрал сотрудников и что-то там рассказывал, после чего Гриша выдал такое двестише:

Вернувшись из Болгарии, Милюдин
Сказал: «Болгары тоже люди!»

Приехав в Языково, мы с Толяном быстро миновали рабочий поселок, прошли мимо обветшалых корпусов ткацкой фабрики (недавно я готовил радиорепортаж с этой *мануфактуры* и специально, для шумового эффекта, записал на магнитофон грохот *жаккардового* ткацкого станка) и зашагали по проселочной дороге. Вскоре нас догнала грузовая машина, в кузове которой мы и добрались до Теньковки.

В доме Чесноковых отчетливо пахло *проводами* в духе Демьяна Бедного: «Как родная меня мать провожа-ла...» В сенях стоял большой эмалированный таз, доверху, с горкой, заполненный бутылками с водкой. Все, кто был в доме, – и мать Мария Евлампиевна, и приехавшая из Чапаевска дальняя родственница, и уже с самого утра пьяненький отец – то и дело украдкой смахивали слезы. Вскоре пришли братья, уже отслужившие в Советской Армии, – один старше Анатолия, другой младше – зашумели, загоготали, осыпали призывника грубоватыми, но вполне бодрыми и жизнеутверждающими шутками...

Служить Толяну довелось на Кольском полуострове, в отдаленном поселке Щук-озеро (с топонимами подобного типа мы познакомились еще в Карелии три года назад).

Первые недели и месяцы было очень тяжело. Воинская служба нелегко дается любому новобранцу, а уж такому человеку, как Анатолий, не способному выносить любые *регламенты* и *ограничения*, тем более. Особенно напрягало его отсутствие возможности побыть одному и психологически расслабиться...

Командование как-то прознало, что Анатолий пишет стихи. Восприняли это спокойно, даже доброжелательно. Повезло с замполитом – нормальный оказался мужик. А тут как раз в Североморске началась подготовка к проведению совещания молодых писателей – военнослужащих Северного флота. Разумеется, Анатолия рекомендовали к участию в совещании, он сформировал рукопись, ее приложили к документам...

И вот он в Североморске – закрытым городе, где сразу же знакомится с руководителем здешней *писательской тусовки* капитан-лейтенантом (в просторечии *каплéем*) Евгением Гулидовым. Я нашел на одном интернет-сайте некоторые сведения об этом человеке. Долгое время Гулидов был редактором газеты «Североморский вестник».

⁶ Вообще-то Благов родился в городе Ташкенте – это выяснил его биограф Валентин Иванович Чернышев, наш инстинтский преподаватель литературоведения.

Выйдя на пенсию, Евгений Иванович поселился в Пензе. Умер в 1999 году в возрасте 55 лет. Его имя носит городская библиотека №1 Североморска.

А тогда, в самом конце 1977-го, они были молодыми, мечтали об издании своих книг и, чего греха таить, прижизненной славе. Пока длилось совещание, они проводили вечера в гарнизонной гостинице Североморска, в номере, который выделили Анатолию, пили спирт, разбавленный водопроводной водой, читали друг другу стихи, говорили о литературе, о поэзии.

Андрей Вознесенский так называл подобного рода разговоры: *говорить о силлабике...*

Поговорочки 70-х – 80-х:

– Куда намылился?

– Богу – богово, а слесарю – слесарево.

Просторечия того же периода:

– *устаканилось*;

– *новьё*;

– *самостройки* (предметы одежды, сшитые посредством домашней швейной машинки);

– *самиздат*;

– *тамиздат*.

Ульяновский поэт-сатирик, автор пародий и эпиграмм Григорий Медведевский

Григорий Медведевский с семьей жил в Киндяковке, в крошечной «хрущевке» возле перекрестка пр. Гая – ул. Луначарского.

Семья ему мешала. И не то, чтобы семья была для него обузой, но иногда он тяготился семьей: ему для творчества нужно было *одиночество*, или, точнее сказать, *удинение*. Так вот, однажды он пригласил меня в гости в субботу. Я пришел, ничего не подозревая, мы сели

обедать втроем: Гришка, его жена Нина и я. Дочку они загодя отправили к подружке – поиграть. После обеда Гришка неожиданно вручил нам с Ниной два билета на какой-то фильм, и мы с ней пошли в расположенный поблизости кинотеатр «Современник», а он тем временем предавался литературному труду...

Во второй половине 70-х годов прошлого века бо́льшая часть телепередач Ульяновского ТВ транслировалась в эфир прямо из студии – это называлось *прямой эфир*, а на профессиональном жаргоне – *живьём*. Разумеется, студийные видеоманитофоны уже были, но использовались они крайне редко, и получить «добро» начальства на видеозапись было непросто. Но самым дефицитным

был, как тогда говорили, – *синхрон* – репортажная видеозапись «на объекте» с одновременной записью звука. В этой процедуре участвовали *видеоинженер* и *звукооператор*, которые должны были синхронизировать *картинку* и *звук*. А уже потом, в студии, накладывался закадровый голос корреспондента, комментирующего то, что происходило в кадре.

После совещания молодых писателей жизнь рядового Чеснокова резко изменилась. Теперь у него было время для литературной работы – всего-то час-полтора в день, но и это дорогого стоило. Специально для него из офицерской библиотеки привозили «толстые» журналы – «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература» и другие (вот только «Нашего современника» почему-то не было), в Североморске ему удалось установить контакты с редакторами местного – Мурманского – издательства.

Листаю сборник стихов Антона Дельвига, и вспомнился мне *каплёй* Гулидов. Вот у Дельвига:

У нас, у небольших певцов,
Рука и сердце в вечной ссоре...

Стихотворение это о том, что невозможно передать пером на бумаге всю собственную человеку гамму чувств и переживаний, их непостоянство, переход одной эмоции в другую (то, что Чернышевский позднее, разбирая текст «Войны и мира» Толстого, назовет *диалектикой души*). Меня же удивило, что Дельвиг причислил себя к сонму «небольших певцов», хотя книга, которую я держу в руках, выпущена в 1959 году в *большой серии* «Библиотеки поэта» (еще была *малая серия* – книжки карманного формата).

Да Бог с ним, с Дельвигом, но ведь толпы «небольших певцов» были во все времена, и сейчас их немало. И возникает закономерный вопрос: почему люди считают возможным братья за перо после Федора Тютчева, Александра Блока, Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского?.. Да потому, что «Дух дышит, где хочет». И дышит он «в душах светлых, сияющих и божественных...»⁷

Есть универсальная модель мира и всего, что составляет его содержание, – *пирамида*. Такая пирамида обычно имеет три этажа, и вот верхний – вершинный этаж *пирамиды поэзии* – населяют избранные любимцы муз, гениальные стихотворцы; на среднем этаже обитают поэты поплоче; а пространство внизу, у самой подошвы, заполняют те самые «небольшие поэты» – в том числе подражатели, эпигоны, не всегда способные отличить *ямб* от *хорей*. Но если этот нижний этаж опустеет, тотчас же рухнет вся пирамида и погребет под обломками Гомера, Пушкина, Пастернака...

Иные стихотворцы, если Судьба дарует им долгую земную жизнь, умудряются поквартировать на всех трех этажах поочередно, перемещаясь то снизу вверх, то сверху вниз...

Да и как отличить плохенького автора от хорошего поэта? Подавляющее число стихотворцев

⁷ Евангелие от Иоанна. 3.8.

«пушкинской плеяды» – это именно *небольшие певцы*: Дмитрий Ознобишин, Алексей Хомяков, Степан Шевырев, Александр Полежаев, Владимир Бенедиктов, Алексей Кольцов, Евдокия Растопчина, Лев Мей... Но без них не было бы Пушкина, ибо все познается в сравнении.

Случается, что годами наработанный опыт стихописания у *небольших певцов* оказывается лишь разминкой и тренировкой для настоящей работы. Вот, к примеру, Николай Гнедич, на мой вкус, – весьма посредственный поэт. Но как блестяще он перевел «Илиаду» Гомера! В конце позапрошлого века новый перевод этого шедевра античной эпохи предпринял Н.И. Минский (1896 год), но для меня каноническим остается перевод Гнедича.

Когда юноша уходит на службу в армию, его, как правило, провожает девушка. Потом они переписываются – наступает фаза *почтового романа*. Сейчас общение молодых людей обеспечивается другими техническими средствами, но, начиная с XVII и до конца прошлого, XX века, самым простым и самым надежным средством связи было «письмецо в конверте».

У Толика Чеснокова на момент его отбытия на Кольский полуостров не было девушки, поэтому функцию *pen friend* выполнял я. И у меня, кстати, уже был такой опыт: бывший мой одноклассник Вова Рожнов после восьмого класса поступил в только что открывшееся физкультурно-педагогическое училище, по окончании которого был призван в армию, и каждую неделю он отправлял два письма: одно домой родителям, другое – мне.

Вова Рожнов служил в польском городе Тóрунь, расположенном на реке Висла. Этот город – родина Николая Коперника, историческая часть города включена в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В пригороде находится знаменитый замок Тевтонского ордена. Однако наши туристы никогда не заезжали в этот город (я сам был в Польше в 1977 году, маршрут нашей группы был такой: Краков – Варшава). Все дело в том, что в 1945 году в городе Торунь была создана база советских войск, и город стал закрытым...

Странно: многие письма из Щук-озера до меня доходили вскрытыми. Кто-то внимательно смотрел за тем, чтобы Толик, не дай бог, не выдал военные секреты. И это несмотря на то, что там, на военной базе, свои контролеры сидели и внимательно читали каждую строчку, а также между строк.

Сублимированная клубничка...

«4/III – 78.

Привет, брат Пушкин!

Вчера, т.е. 3 апреля, выслал я тебе в Симбирск заказным письмом свои потуги месячные (мартовские). Думаю, что письмо дойдет до тебя. Посмотри, Вова, эту тяготину и скажи письменно мне свое откровение, без скидок, мнение, т.е. вынеси свой приговор.

Конечно, все это написано мной постепенно – тебе понятно. Но, друг мой, я чувствую, вернее, наконец-то почувствовал, как катастрофически быстро улетают дни, месяцы, а потом и годы нашей су-

матошной жизни, которых никто нам не вернет назад. А в конечном итоге оказывается, что ничего не сделано, не написано, одни лишь окололитературные разговоры, но ведь планы-то, мечты какие были – по истине Бонапартовские!

Кажется, ты обещался перепечатать все это хозяйство? Постарайся, Вовик, сделать и выслать 2 (два) экземпляра машинописного текста мне заказным письмом. Да, Вова, сейчас только додумался: позабыл разбить «В лес по ягоды» на главы, хотя это вполне можно сделать. Так вот – этим прошу заняться тебя, займись редактированием (моим редактором будь!), разбей, разведи повестушку на главы в таком, примерно, плане (смотрю сейчас по черновику), только цифирью главы не помечай, а звездочками, как это делается, напр., в журнале «Юность» (***) или оставляй пробелы:

1-я глава – приездом гостей кончается;

2-я – приезд Антонины и заканчивая словами «...черное небо, густо засеянное золотистыми зернышками вздрагивающих звезд»;

3-я – начинается с предложения «После завтрака Анна с Антониной собрались в лес по ягоды»;

4-я глава – начинается «Быстро пролетали июльские, залитые неистово палящим в полдень солнцем, дни»;

5-я – начинается «Анна оставалась в избе одна» (это когда Антонина и майор смотрят телевизор, а она сидит одна в избе, думает, вспоминает);

6-я – кончается словами «Будто не изба, а душа Анны опустела»;

7-я глава – все остальное, т.е. до финального аккорда, который должен стоять отдельно, начиная со слов: «Близился к концу сентябрь». Вот и все, кажется, Вова, это, прошу тебя, сделай обязательно. Пиши, жду текста.

Бывай здрав! А у нас по-прежнему метет пурга.

До свидания. А. Чесноков. Заполярье».

В густых сумерках курю на балконе. Затягиваюсь в очередной раз и вдруг, близко-близко сфокусировав взгляд, вижу, как на глянцевом кончике носа отражается огонек сигареты...

До сих пор не утихают споры о том, кто развалил Советский Союз. А я вот понял, что это не в Беловежской пуще одномоментно произошло, а постепенно копилось на бескрайних просторах СССР. И постарались тут такие, как Салин, Данькин, Крюков – алчные начальники с партийными билетами в карманах. Воровали внаглую, тащили все, что плохо лежит, сами себе назначали привилегии, строили из себя вельмож. А простые колхозники ишачили на них. Сельскохозяйственное производство не развивалось, всякая инициатива жестко пресекалась.

Разрушение СССР – это только одно явление. Деструктивный процесс имел много составляющих: параллельно шел демонтаж социализма, разрушались конституционные нормы, шла смена экономических моделей, впоследствии происходили рейдерские захваты промышленных предприятий, оборудование распродала на металлолом. Зачастую, всем этим занимались сами руководители:

директора, главные, старшие и рядовые инженеры, начальники цехов. Эти люди обогатились, а страна осталась нищей...

Свой скромный «вклад» в развал привычного уклада жизни внесли и прорабы перестройки – эти уже резали по живой духовной материи: новый гимн страны⁸, новые песни, другие праздники и памятные даты.

«5 мая 1978 г. Здравствуй, Вова!

Спешу сообщить тебе, что рукопись, перепечатанную тобой, я получил. Спасибо тебе большое!

С твоими замечаниями критическими согласен, но не со всеми. Но в основном, в главном, согласен с тобой полностью. Ты прав, рукопись надо дорабатывать, шире и глубже проанализировать характеры, развернуть их в психологическом плане. Знаешь, я уже задумывался над этим и раньше, но какое-то дурацкое нетерпение толкнуло меня на сей поспешный поступок, т.е. отослать непереверенную штуку под твоё недремлющее критическое око.

Ты чтой-то там говоришь о «Солярисе». Кстати, я его не смотрел и не читал, – «ваша серость меня удивляет» (В. Шукшин, рассказ «Классный водитель»). Как-то это явление культурной жизни прошло мимо меня. Ладно, наверстаю...

Вова, сюжет этой мотни весьма непритязателен и не бросок, – это ты правильно заметил. Я, собственно, к этому и стремился. У меня цель другая: высветить характеры героев в плане психологическом при помощи их внутренних монологов. А вот этого как раз, можно сказать, в повестушке очень мало. Этим я и займусь. А за твою очень удачную подсказку – о лесе, летнем, праздничном, торжественном и возвышенном, в котором, как в зеркале, отражаются души Анны и Антонины, в разном, а короче в противоположном освещении, тебе огромное спасибо. Как это я сам раньше не усёк!

А насчет публикаций – это дело длинное и нудное, на своей шкуре испытал не раз, как-нибудь потом, в будущем. Это дело времени и счастливой звезды. Работать, катать, строчить в поте лица необходимо, рвать, начинать, перечеркивать, переосмысливать и т.д., хорошо, что ты бумага мне прислал. В общем, творить надо, Вова (я даже сам удивился, как я громко и напыщенно сказал... Стъжусь!)

Да, еще ведь жить надо, испытывая на своей шкуре все нюансы и коллизии внешним методом. Как говорил Ю. Левитанский в «Монологе у новогодней елки»: «Следует жить, шить сарафаны и легкие платья из ситца... Следует жить, ибо сколько вьюгэ ни кружить, недолговечна ее кабала и опала...» и т.д. в таком же духе. Да, кстати, вьюгá уже не кружит над Заполярьем, солнце у нас, но снегу еще предостаточно, погода напоминает начало марта на Средней Волге, но уже нет ночи у нас, светло все сутки напролет: «В горнице моей светло, это от ночной звезды...»⁹

Но «домом творчества» в нашем зверинце, а вернее, дурдоме, не пахнет, приходится писать урыв-

ками, но ничего, я все-таки нахожу время для занятий своих бесплодных по ночам, т.е. по дням, т.к. все перепуталось. Помнишь у Пушкина: «Когда я в комнате моей пишу, читаю без лампы, и ясны спящие громады пустынных улиц, и светла Адмиралтейская игла...»

О своих делах литературных. Недавно мне прислал письмишко редактор Мурманского книжного издательства некто Тимофеев, я послал ему стихи; так вот – он со мной хочет встретиться. Позавчера я ему звонил в Мурманск, но оказывается, что он уезжает в командировку на месяц, и мы договорились встретиться в Мурманске в середине июня. Вот сейчас нужно заняться рукописью стихов: может, сборничек тисну здесь. Стишков 100 подобрал, надо переписывать: это и старые, и новые, разные, всякие.

Ну, вот, кажется, и все. Пиши, жду. А. Чесноков»

Известная строчка из Вознесенского: «Судьба, как ракета, летит по параболе». Тут вот что имеется в виду: можно попасть из пункта А в пункт Б, если двигаться по прямой к намеченной цели. А можно направить свои стопы в противоположную сторону, и тогда уж наверняка окажешься в нужном месте как триумфатор и первопроходец. Ведь Земля-то круглая!

В обыденной жизни Толик не был человеком экзальтированным или просто восторженным, а в письмах – восклицательные знаки в каждом почти абзаце!

«29/V – 78 г.

Приветствую тебя, «загрязнитель» ульяновско-го эфира!

Получил сегодня твоё послание – спасибо!

Весна, наконец-то, и у нас на Кольском. «Наши полуостров до основ весною тает. Полярный день влюблен – часов не наблюдает...» (стихи мурманского пиита Вл. Семенова из книги «Отражение», которую он мне прислал с автографом. Стихи у него, по крайней мере, лучше, чем у Дворянскова, но чувствуется влияние в них современной советской поэзии, особенно Евг. Евтушенко).

Белые ночи нагрянули, летят в тундру на озера стаи диких гусей и уток, звенят кругом ручьи, обнажаются валуны, оставшиеся с ледниковых времен, такие огромные! Разлилась river наша Средняя. Оказалось, что здесь миллионы озер и озерцов, не считая различных болот – зимой не видно было, т.к. все было под снегом. Был недавно на двух озерах, километрах в двух от поселка, но еще лед на них, ловил с ребятами рыбу, и представь, что поймали. На деревьях лопаются почки, много брусники прошлогодней появляется из-под снега, – снег еще островками многочисленными лежит по тундре. В общем, «вóды в движение и дыме, с солнцем мешая песок, к вечеру станут седыми, как материнский висок» (сам придумал).

Кажется, Кольский полуостров входит в жизнь мою кочевую навсегда – сюда я стремился еще в 1976 году¹⁰. Видимо, он на роду у меня написан.

⁸ Тут была долгая история, это надо помнить. С 5 марта 1990 года в качестве музыки гимна звучала «Патриотическая песня» М.И. Глинки, а 7 марта 2000 года вернулся старый-новый гимн (музыка А.В. Александрова, обновленный текст С.В. Михалкова).

⁹ Начало стихотворения Николая Рубцова «В горнице моей светло...»

¹⁰ Об этом «стремлении» мне ничего не было известно.

Едем дальше! Дела литературные, как ты выпражаешься. Ты спрашиваешь о «Солдатской награде». Написал я ее давно, еще в феврале, но рассказ до сих пор валяется в черновиках – как-то охладел я к нему. По-моему, это закономерно, т.к. написанное и законченное не должно волновать и само собой отходит на второй план.

В мае изводил бумагу, которую ты удосужился прислать мне. В общем, занимался стихами. Отобрал из всех моих поэм 83 штуки под заглавием «В России утро». Возможно, что это будет книга. Рукопись состоит из трех циклов: I. «Россия начинается с дождя», II. «А на рассвете ты была» (стихи о любви), III. «Хочу в стремленье рек» (стихи о Цветаевой).

Также продолжаю думать о повестушке «В лес по ягоды». Из того, что ты мне прислал отпечатанным, получился скелет, к которому необходимо прибавить живого мяса. Вот над этим и задумываюсь. Кажется, кое-что получается, только сосредоточиться никак невозможно здесь – сам понимаешь, в каких я условиях. Зарыться бы куда-нибудь хоть бы на месяцишко одному в российскую глушь, «где и поныне блатные Бальмонты поют про сумерки деревень» (А. Вознесенский)¹¹ и строчить. Но такая возможность у меня будет только через год. Надеюсь, что доживу, дотяну до дэмбеля.

Кое-что почитываю, в основном журналы. А кто это такой Виталий Семин – не знаю, Владислав Титов – тоже. Разве за всем угонишься! Хочется перечитать снова Андрея Платонова, Кнута Гамсуна, Ивана Бунина, Льва Толстого – и всю русскую классику, начиная с Пушкина. Займись этим через год.

Ну а пока жду встречи с редактором Мурманского издательства, которая должна состояться в середине июня сего года.

С летом тебя! Дожили, и до него дотянули, – с чем тебя и поздравляю!

Пиши, жду твоих писем. Ты, кажется, заикался о том, что начал чего-то писать. Если не секрет – поделись.

А. Честноков (размашистая подпись).
Щук-озеро».

Зоология и ботаника: кони в яблоках; свинья в апельсинах; гусь, фаршированный грибами, рисом, гречкой или черносливом. И т.д.

У меня есть сосед по подъезду, у которого в детстве был диагноз ЗПР и который на могиле родителей выращивает лук и укроп, чтобы потом продавать эту зелень на рынке...

В сентябре 1978 года я получил от Толяна письмо, в которое была вложена его фотография при всем параде. Воспроизвести ее в этой публикации невозможно – на сделанном с бледного любительского негатива отпечатке с трудом можно разглядеть лицо и фигуру. Попробую описать: короткая стрижка, спокойное бесстрастное лицо, одет в матросскую форменку (официально – фланка синяя повседневная), под ней тельняшка с черной полосой (голубая полоса у бойцов ВДВ), на правой стороне груди знак «Отличник ВМФ» (сухопутные служаки получали знак «Отличник Советской Армии»),

на левой стороне комсомольский значок в дембельском «тюнинге»: значок со сточенной булавкой приклеен клеем БФ-2 на медную пластину, оформленную в виде взлетающей ракеты.

Ага, значит, в армии его снова приняли в ряды ВЛКСМ: там массовость участия в том или ином политическом движении играла важную роль. Вернувшись домой, Толян, по моим предположениям, не стал вставать на комсомольский учет, тем более что буквально через несколько недель он достиг предельного возраста пребывания в ВЛКСМ.

Кулинарное слово «голубец» произошло от слова «голубь». Голубец похож на почтовый конверт. Дальше возможен такой ассоциативный ряд: почта – голубиная почта – голубь. А уж от голубя рукой подать до голубца. Слово голубец давно существует в русском языке (во всяком случае, задолго до появления в России капусты). «Голубец» – это могильный крест с кровелькой (можно предположить, что кровелька эта напоминает крылья птицы, ну а наиболее известная птица, которая к тому же «гнездится» в христианской культуре, – голубь...

Через год, осенью 1979 года все повторилось: демобилизованный из вооруженных сил Анатолий Чесноков опять приехал ко мне в радиодом на улицу Симбирскую – похудевший, с красным клеенчатым чемоданом, в гражданской одежде: черные брюки, белая заношенная сорочка (других – не белых – р.) И мы опять поехали в Теньковку.

Все тот же эмалированный таз, наполненный бутылками с водкой, стоял на табурете в сенях. Те же люди встречали нас, но теперь они улыбались, если и были слезы, то от радости.

Мать Мария Евлампиевна истопила баню, мы пошли вдвоем. Я в Спешневке привык к густому пару и так же стал поддавать теперь, но Толик сел на пол и тяжело дышал: он настолько устал от тупой и бессмысленной службы, что вот так, сразу, не мог вернуться к привычным нормам деревенской жизни.

После третьей рюмки, как водится, мужчины пошли на перекур. Сели на бревнышках. Младший брат Анатолия Юрка, мордастый и прыщавый, примостился рядом со мной и задолбал меня дурацкими вопросами:

– Вовк, чё мне делать? – Помолчал немного. – Вовк, ну чё мне делать?

Вскоре он завербовался куда-то на Север и пропал – перестал слать письма родителям. Больше его никто не видел...

На вкус, на цвет товарищей нет, или Каждый охотник желает знать...

- «Белый пудель» (рассказ А. Куприна);
- «Белая птица с черной отметиной» (фильм Ю. Ильенко).
- белый лебедь;
- белая зарплата;
- «Калина красная» (фильм В. Шукшина);
- черный лебедь;
- черный ворон.

¹¹ Поисковой системой Яндекс эта цитата не найдена в первоисточнике.

Накануне нового учебного года в Теньковской средней школе образовалась вакансия учителя русского языка и литературы, и Анатолий, не задумываясь, пошел «сеять разумное, доброе, вечное». Когда-то он сам учился в этой школе...

Услышал в трамвае: «Сто грамм – не стоп-кран. Держись – не остановишься».

Неизбежные орфоэпические ошибки:
ПрецеНдент, БеспрецеНдентный.
ИнцеНдент.
СкурПУлезный.

В школе строгий педагог Анатолий Петрович обратил внимание на молоденькую учительницу – если не ошибаюсь, приезжую, в Теньковку она попала по распределению. Разумеется, он влюбился, стал ухаживать, что заметили все коллеги. У него появились серьезные, что называется, намерения, он вполне созрел для женитьбы. Но, увы, вышел облом: оказалось, что у девушки есть жених, нездешний, они с детских лет дружили. Кое-как доработав до конца учебного года, сконфуженный Толян уволился. И начались годы скитаний...

Лето 1980-го. В самый разгар московской Олимпиады умер Высоцкий.

Он получил всенародное признание как киноактер, как театральный артист, как бард – автор и исполнитель песен. Но ему этого было мало. Он страстно хотел, чтобы его считали поэтом, стремился в Союз писателей СССР.

Чудак! Любому поэту важно было увидеть свои стихи напечатанными, издать книжку, сборник. А Высоцкий принадлежал другой стихии – устной культуре, уходящей корнями в язычество. Сочинил песню, спел перед микрофоном – и вот она уже разлетелась миллионами магнитофонных кассет...

Если составить словарь русских поэтов – словарь-словник, то Ахмадулина там будет названа раньше Ахматовой...

«8 декабря 1980 г.

Здравствуй, милый Янис!

Опять я в деревне (почти по Некрасову). Добрался, наконец, до своих родных палестин. В тот день, когда я заглянул к тебе (т.е. в пятницу), встретился с нашим классиком симбирским Евгением Мельниковым. Он меня затащил в наш ликбез (пединститут) читать стихи на 3-ем курсе биофака. Ну, я, конечно, не отказался. Побродили мы с Евгением по улочкам старого купеческого и захолустного града (на Среднем Венце), побеседовали о жизни, о литературе! Он мне наконец-то признался, что прототипом его героя в «Горьких яблоках» был и есть Анатолий Чесноков. Это он заявил во всеуслышание перед студентами-биолухами. Мне аж неудобно стало. Говорил также мне Евгений, что прочитал, наконец, Томаса Вулфа, один из его романов. «Хорошо, – говорит, – энергичный был мужик-американец!»

Евгений в субботу (6 декабря) вместе с Благовым и прочими поехал в Москву на съезд писателей РСФСР. Он написал роман «Тень аиста», который выйдет в издательстве «Современник» в 1983 году.

Спросил я его, есть ли такая – ульяновская литература? Он говорит, что такой покуда не существует. Но, говорит, скоро о ней заговорят во Всесоюзном масштабе. Так что мужайся, маэстро!

Стихи свои я ему отдал (какие-то жалкие листки-черновики – не было времени переписывать!), обещал напечатать в «УК» (Ульяновском комсомольце – Авт.) вместе с моей фотомордой и черкнуть немного обо мне в газетенке. Обещал опубликовать мои вирши в «Ульяновской правде», где он, как говорит, широко меня разрекламировал. Посмотрим, что из этого выйдет.

Да, сир! Послал я вчера Владимиру Цыбину (моему учителю) в Москву 27 стихотворений (в ж-л «Сельская молодежь»), просил его «пристроить» их где-нибудь в столичных журналах, если он еще помнит такого.

В субботу (6 дек.) смотрел хорошую передачу о Мих. Луконине, покойном. Выступали С. Наровчатов, К. Ваншенкин, Р. Казакова, Е. Винокуров и др. Сам Луконин, снятый, конечно, на пленку, читал стихи свои. Прекрасно!

Посылаю тебе стихи, написанные в эти дни.

Послание другу

Вл. Янушевскому

Сколько равнин мы с тобою прошли,
Сколько туманов!..
Сколько мы умного в книжках нашли,
Сколько обманов?..
Плакали ветры, и пела гроза,
Мрак озаряла.
Жизнь все ласкала нас, нежно грозя,
И проверяла.
Вот и полжизни, считай, пронеслось
Облаком дыма.
Что-то прорвалось, отозвалось,
Что-то покуда не зримо.
Рвется с метелью российской в окно
Тополя ветка..
В модном романсе, новейшем кино –
Образы века.
Многим знакомым среди всех обид
Не доверяю.
С музыкой стран, деревень и ракет
Время сверяю.

Анатолий Чесноков

* * *

На Севере ночью проснешься
Среди родниковой глуши...
Зачем ты опять встрепенешься,
Тревожная радость души?
Вдруг к озеру руку протянешь,
Где плавает чудо-звезда...
Не знаю, но с кем теперь станешь,
Разлука моя и беда?
Тебя размело по вокзалам,
Когда обжигающим ртом
Нас встреча так крепко связала...
Но все это будет потом...

Анатолий Чесноков

* * *

Затоскую, загрузу, –
 Тише серебро синиц.
 Белым снегом опушу
 Черноту твоих ресниц.
 Говорят, что ты – гроза,
 Говорят, что я – огонь...
 Выльешь синие глаза
 На мою, краса, ладонь!
 Сколько жгучей синевы
 Расплескаю по реке.
 От худой людской молвы
 Затоскую вдалеке.
 Куст сиреневой зари
 Я тебе одной дарю.
 Никому не говори,
 Что тебе я говорю.
 Будет тоненький ледок,
 Белым пухом – облака:
 На горячий твой висок
 Ляжет вновь моя рука.
 Сколько радостной воды
 Перемелет мельница!..
 Замела твои следы
 С северов метелица.

А. Чесноков

P.S. Читаю (вчера до 2-х ночи) Ин. Анненского, Макса Волошина, перечитываю В. Шугаева «Учителя и сверстники», которого ты мне подарил. Вот такие у меня дела. Как ты там? Живой куда? Обязательно напиши, или, короче, приезжай ко мне в фольклорскую деревушку, выбери денек, поразвейся новыми впечатлениями от России нашей.

Очень тебя жду! Добираться до меня сам знаешь как – учить тебя не надо. Спасибо за «Поэзию-80» – есть очень хорошие стихи.

Привет от меня всем твоим домочадцам. Я их помню и люблю.

Пиши, приезжай, жду! Обязательно!
 Анатолий Чесноков.
 с. Теньковка»

В древнерусском языке *вина* – это «причина».

Да, начались годы скитаний... Но для начала Анатолий Чесноков *доскитался* только до Ульяновска, где нашел работу, но на выходные приезжал в родную деревню.

А дальше дело было так: в Теньковку к своим родственникам приехала девушка Рая из города Славянска Донецкой области, *полукрówka*: наполовину украинка, наполовину полька. Они познакомились, чем-то она его зацепила. Поскольку он уже был *готов* к женитьбе, но *тогда* дело не заладилось, то вот теперь он решил-таки стать отцом семейства (а заодно и *щелкнуть по носу* ту, с которой дело не заладилось).

Читаю-перечитываю Гоголя. На мой вкус, лучшее, что написал Николай Васильевич, это сборник «Миргород» – эпический цикл со строгим двухчастным построением, в каждой части по два текста. Все четыре повести крепко прошиты едиными

сквозными мотивами (мотив еды, мотив любви и блуда, мотив оружия, мотив смерти и т.п.).

В «Тарасе Бульбе» есть очень важный эпизод: ужин отца с сыновьями. Фактически это *инициальный обряд*, в результате которого мальчики становятся мужчинами, *козаками* (Гоголь именно так пишет это слово). Происходит замена детской еды на взрослую. А в качестве питья – *пенная горелка*. «Горелка» – это горилка, то есть водка, самогон. Но не бывает пенной водки, а вот у Гоголя не горилка, а «горелка», через «е», к тому же – пенная.

Это – изобретенный Николаем Васильевичем *энергетический напиток*, обладающий магическим действием. Только *козаки* пьют *пенную горелку*...

Все произошло очень быстро. Толян повез Рачку в Ульяновск – показать ей город, в котором прошли его студенческие годы. Там они неожиданно встретили Женю Мельникова, который был «в командировке». В смысле – *как бы в командировке*. Устав от семьи, от неизбывной работы, от унылого быта, он иногда, сказав жене, что уезжает в командировку, на несколько дней снимал квартиру где-либо на окраине и предавался беззаботному пьянству. Вот и сейчас он арендовал «однушку» в начале улицы Рябикова в Засвияжье, чтобы *оторваться*...

Толик попросился к нему на постой. Женя не возражал. Сам он спал на узкой кровати, а *молодые* постелили себе на полу. Поскольку я жил неподалеку, то через пару дней мы случайно встретились, и я смог увидеть Раю – в первый и последний раз. В Теньковку они вернулись уже супругами.

Актер и режиссер Олег Ефремов, как пишут его биографы, начал употреблять крепкие спиртные напитки лет этак в десять. Он рос без матери, его воспитывал отец, который целыми днями пропадавал на службе, и мальчик попал в дурную дворцовую компанию (а других компаний во дворах, как правило, не бывает). Попробовал водку и втянулся. Разумеется, он быстро стал алкоголиком.

Молодоженам Чесноковым надо было где-то и на что-то жить. Толик уже работал в городе – ему удалось устроиться корреспондентом в газету – многотиражку «За коммунистический труд» автомобильного завода. Ему выделили жилье гостиничного типа в семейном общежитии на улице Пушкина. Родился сын Костя. Казалось бы, жизнь наладилась, но буйный нрав Анатолия мало соответствовал образу примерного семьянина. Редактор газеты Семен Алексеевич Теленков, тоже, между прочим, поэт, автор нескольких стихотворных сборников, не раз признавался, что Чесноков – безусловно, талантливый, но невероятно трудный сотрудник, импульсивный и взбалмошный.

В ульяновском телерадиокомитете я одно время готовил теле- и радиожурнал «Народный контроль». С радиовersionей худо-бедно справлялся, а ежемесячный тележурнал давался с трудом, потому что там надо было рассказывать о *недостатках*, а как их можно было зафиксировать на киноплёнке? *Наши люди* умеют *лакировать* свои огрехи и прятать концы в воду.

Однажды поехали на узике-«буханке» в Сурский район. Целый день проехали и ничего не сняли. В какой-то момент увидели, как автокран с поднятой стрелой упал набок – ветром повалило. Кинооператор Володя Тихонов держал камеру в руках и успел заснять этот момент. Но как вставить этот короткий киносюжет в тележурнал?..

Вечером усталые и злые подъехали к сурской гостинице. Я устроился в четырехместный номер (других не было), а Володя с шофером решили ночевать прямо в машине. Ночью я никак не мог заснуть: один из постояльцев, пьяный, кричал и пел песни. Тогда другой постоялец включил свет, подошел к буяну и сказал:

– Хватит *булгáчить!* Сколько можно *булгáчить?* Замолчи!

И тогда наступила тишина.

Вскоре Раечку потянуло в родные края, ей и ребенку требовался более или менее налаженный быт. Анатолий этому не противился, в него с некоторых пор вселился «дух бродяжий», и они уехали на Украину: сначала она с сыном, а потом и Толян вслед за ними.

А чуть раньше и я свалил с телерадиокомитета – уволился со скандалом, громко хлопнув дверью...

Дело было так... Руководил комитетом Милюдин, который плохо знал специфику радио- и тележурналистики, поскольку раньше работал в Цильнинской районной газете. Его заместитель Мавренков, в прошлом – опытный радиожурналист, напрямую руководил всеми пятью своими редакциями (редакция новостей, пропаганды, промышленности, строительства и сельского хозяйства). В начале лета Мавренков ушел в отпуск, и Милюдин, засучив рукава, с энтузиазмом взялся за конкретные дела. Вскоре секретарь по идеологии обкома КПСС Сверкалов затеял помпезное совещание. В назначенный день в Ульяновск из всех районов приехали некие идеологические работники, их разместили в гостинице «Советская», а утром на автобусах этих людей должны были отвезти куда-то в глубинку. Освещать мероприятие Милюдин поручил мне.

Занятый срочными делами, я лишь запомнил, что назавтра к 7.00 должен прибыть на площадь Ленина с репортерским магнитофоном, чтобы ехать вместе со всеми, и вернулся за рабочий стол. Жил я на улице Ефремова в старом микрорайоне УЗТС. Утром в начале седьмого я уже стоял на остановке. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, двадцать – автобусов не было... Кое-как добрался до дома Гончарова, когда башенные часы уже били, и вприпрыжку пустился вверх по улице Ленина. Вбежал на площадь – автобусов не было...

На трамвае приехал в радиодом, объяснил Милюдину, что произошло. Тот побледнел... Вообще-то это он должен был еще накануне подумать, как его сотрудник доберется до здания обкома в столь ранний час. В конце концов, он мог договориться, чтобы меня тоже заселили в гостиницу. Да и сам я

мог заказать служебную машину, но все предварительные заказы на транспорт и киносъёмку оформлялись до 14 часов, а Милюдин слишком поздно ошастливил меня своим заданием.

Илья Николаевич объявил мне выговор, текст приказа повесили на видном месте, а я написал заявление по собственному желанию. Все!

«Кто в армии служил, тот в цирке не смеется!» – новая пословица обжилась в повседневной речи россиян.

В течение 1981 года я получил от Анатолия более полутора десятков писем. Итак, письмо первое. «18/III – 81 г. Хмельницкая область, Хмельницкий район, с. Гвардейское.

Здравствуй, Вова!

Я еще жив!! На Украине я, ребяташки, На Украине милой! Все у меня в норме. Наконец-то я вырвался из проклятой симбирской дыры.

Был в Москве, заходил и ночевал у Ванюшки Лоцилина и у Николая Никанорова¹². Они учатся во ВГИКе. Ванюха снимает свою первую ленту на «Мосфильме» – вестерн «Будем жить» – короткометражный (на 30 мин.) о гражданской войне в Сибири. Я читал его сценарий. Василий Ордынский, который снимал по А. Толстому «Хождение по мукам», сценарий одобрил, я тоже, правда, сделал ему, т.е. Ваньке, несколько критических замечаний, с которыми он согласился. Больше я никуда не заходил, потому что были воскресные дни.

Ехал я из Москвы как порядочная сволочь: в международном вагоне «Москва – Будапешт». Прокатился, видел Днепр и Буг и прочие разные достопримечательности Киева.

Пока я у тещи на блинах. Здесь все в норме, весна в полном разгаре, просыпаются бруньки (т.е. почки) на деревьях в садах, светит солнце, идут дожди. Ждем аистов, которые вот-вот должны прилететь из Африки. В конце 81 г. буду поступать на двухгодичные высшие сценарные курсы в Москву, при Госкино (ВГИК)¹³. Советую и тебе.

Пиши, жду! Привет родным».

«Слово только мешает понимать друг друга». Антуан Мари Роже де Сент-Экзюпери.

«24/III – 81 г. Воронежская область, г. Новохоперск.

Здравствуй, Вова!

Это я – А. Честноков. Сейчас я на тихом Дону и на Хопре – речушке, где Петр I строил первый российский флот.

Вчера я сюда прибыл – судьба и сюда, на казачью речку, меня забросила. Завтра, наверное, на Украину с Райкой поедем – она здесь устроилась на работу. Ну, конечно, я ее сразу сегодня уволил.

Сейчас сижу в гостинице возле храма, который строил Петр I.

Был в Киеве целые сутки, по лазил по пещерам Киево-Печерской лавры, видел памятник князю

¹² Ульяновские ребята. Начали учиться на историко-филологическом факультете УГПИ, но потом поступили во ВГИК. – Авт.

¹³ Тут Анатолий что-то напутал. Вступительные испытания на двухгодичные Высшие сценарные курсы проводились в мае 1980-го и мае 1982-го годов. – Авт.

Владимиру Святославовичу – киевскому красну солнышку, полюбовался на Днипро и прочие другие места Киева-града. Потом проехал всю Украину: Громянье, Винница, Нежин, Полтава, Миргород (дяди Коли Гоголя, где на центральной площади в луже, той самой знаменитой, уже нет свиней, а нашли какую-то лечебную грязь. Значит, гоголевская свинья была не дура!). Затем были на моем пути – Харьков, Белгород, Острогожск, Сев. Донец, где бывал Ив. Бунин (рассказ «На Донце»), Лиски, Георгиу-Деж, Воронеж – и, наконец, Новохоперск. Вот такая экибана!

Завтра, значит, с Раисой мы отправляемся. Заедем, наверное, в Ростов-на-Дону к Юрию Вертипороху¹⁴. Здесь недалеко. Хотел заехать к дяде Мише Шолохову, – он тоже где-то здесь неподалеку проживает в своей станице, Вешках. Но мне некогда, не до него, как-нибудь в другой раз нагряну!

Я там, на Украине, устраиваюсь на работу – мастером на радиозавод.

Вова, я тебе писал о Высших сценарных курсах при Госкино (двухгодичные при ВГИКе). Я туда буду поступать в конце 81 г., Женька Мельников тоже. Я у Ивана Лоцилина спрашивал в Москве об этих курсах. Поступить можно, даже нужно! Советую и тебе. Напиши мне, как ты смотришь на эти вещи?

Если хочешь, то сейчас побольше читай киносценариев, ходи почаще в кино. Потому что там кроме экзаменов и собеседования нужно представить свой (собственный) сценарий. Ясно?

Пиши на Украину. Жду!

Анатолий Чесноков».

Даже отъявленный авантюрист Остап Бендер вряд ли подался бы в мастера радиозавода, а вот Анатолий – запросто. Причем, хоть у меня и гуманитарное образование, но почти все свое школьное детство я провозился с железками, научился орудовать паяльником, полюбил запах расплавленной канифоли, собирал радиосхемы, мог визуально издалека определить любую радиодеталь, легко отличал электролитический конденсатор от обычного

Анатолий Чесноков.

На обороте надпись:

«На память другу Владимиру от Анатолия Чеснокова.

Поезд «Будапешт – Рим (Рота) – Москва. 24.04.81.

А.Ч.»

(керамического), а транзистор старого типа (серии «П») от транзистора более совершенной серии «МП», то у Толика такого опыта не было.

Россия – родина слонов:

– Африкан Семенович Пигасов (И. Тургенев, роман «Рудин»).

– Иван Африканович Дрынов (В. Белов, повесть «Привычное дело»).

«30/V – 81 г. Здравствуй, друг ты мой единственный! Очень рад был твоему письмишку, которое только зaráз получил.

Ты писал в Гвардейское, а получил я его в Славянске, в Донецкой области, где я уже полмесяца нахожусь в командировке. Такова судьба! – никуда не денешься! Правда, я тут ездил в Ростов-Дон на выходные, увидел Юрия Вертипороха, племяшей своих Ольгу и Саньку. Так и скажем – хорошие ребята – только маненько взбалмошные. Так и должно быть! С Юри-

ем (зятем) покатался на его «Жигулях», искупался в Дону(е). Твое письмо мне только сегодня переслала жена моя Раечка из Гвардейского.

Вова, куда меня только судьба не забросит, но Волга – это выше всего! Дерзай, студент! Жду от тебя большого очень, только ты не обращай внимания на эту мишуру, на мышиную возню, на эту мелюзгу, которая только портит всем нервы!

Я думаю, что ты понял. Не надо Мельниковых, Благowych (если они еще живы)!¹⁵ Нужно, маэстро, быть самим собой! Читаю сейчас В. Семина, Лео Андреева, Ив. Бунина, В. Астафьева и проч. Это проза. Поэзия – занимаюсь Афанасием Фетом. Кое-что пишу. Бывал на Северском Донце. Мои последние строки:

Вдруг пригрезится, приснится

В этот час – серьезно! –

На опушке медуница –

Голубое с розовым...

Пока! Пиши в Гвардейское, в июне я буду там. Спасибо за весту.

А. Чесноков».

¹⁴ Юрий Вертипорох – зять Анатолия. – Авт.

¹⁵ У Анатолия случались приступы самовозвеличивания и, соответственно, принижения значения других. Как правило, это происходило, когда он был не совсем трезв.

Однажды он в сердцах пренебрежительно сказал: «Да что там Лев Толстой!», на что я заметил, что полное (юбилейное) собрание сочинений Льва Николаевича включает 90 томов, но Толик только презрительно сплюнул. – Авт.

ФАЭТЫ

Сергей ИЗУГРФОВ (ЗАЗИМКО), г. Санкт-Петербург. Писатель, автор детективных романов. (В том числе серии книг «Смерть на Кикладах»).

ВЫБОР АРИАДНЫ

Страницы книги

*Несчастные случаи – очень странные штуки.
Они обычно случаются совершенно случайно!*

Алан А. Милн, «Винни-Пух и все, все, все»

После разговора с отцом по телефону Глебу снова, до зубовного скрипа, до дрожи захотелось выпить. И не просто выпить, а выдернуть зубами пробку и, запрокинув голову, вливать в себя коньяк до полного изнеможения; вливать до тех пор, пока есть силы глотать эту обжигающую жидкость.

Коньяк действовал быстро – каких-то двадцать минут – и он уже совершенно не соображал, где он и что с ним. Зато уходила эта боль, раздирающая душу: боль и обида на отца. Потом, всплывая вместе с ним из мрака небытия, его накрывало тяжелое, удушливое похмелье, выворачивающее внутренности и иссушающее глотку, когда было так плохо, что он почти умирал. Но дня три-четыре после этого, а то и неделю, он мог сносно существовать, пребывая в каком-то тумане, оступевший и измученный, но загнавший боль куда-то глубоко внутрь.

Отцу всегда было на него плевать. Сколько он себя помнил.

Глава и единственный владелец крупного концерна, создавший корпорацию с нуля «своим собственным горбом», как любил он говорить по поводу

и без, Дмитрий Викторович Пермяков был человеком жестким, властным и чуждым любого рода сантиментов. «Бизнес – прежде всего!» Этот человек сделал себя сам. Доктор химических наук, профессор, обладатель сорока патентов на уникальные изобретения, производственник, сумевший не только шагнуть в прикладной химии гораздо дальше других своих коллег, но и успешно превратить свои изобретения в деньги. А на это способны лишь единицы. Волевой, умный и харизматичный, еще двадцать лет назад он создал с друзьями небольшое химическое производство, которое с тех пор превратилось в огромный концерн с миллиардными оборотами. Старший Пермяков был из тех, кого называли «капитанами промышленности». Он действительно умело лавировал в бурном океане российского рынка, ловко обходя мели запутанных законов, скалы министерских отраслевых ограничений и айсберги налоговых проверок.

Между отцом и сыном в последние несколько лет отношения испортились совершенно.

Глеб горько усмехнулся. Испортились? Да их и вовсе не было!

Сколько он себя помнил, отца никогда не было рядом. Мать всегда объясняла его отсутствие занятостью на работе, пряча от сына заплаканные глаза. Отец не бывал дома неделями, а когда появлялся, то первые пару дней они с матерью еще сносно общались, потом мать не выдерживала и высказывала отцу все, что накопилось. Отец молча выслушивал все претензии. Надо отдать ему должное, выдержка всегда была железной. Потом говорил жене: «Дура! Для вас ведь стараюсь!», бросал на цветастую клеенку очередную пачку денег и уходил, хлопнув дверью. Сначала в институт или по друзьям, а потом, когда оборудовал роскошные апартаменты в новом офисном здании, то не бывал дома уже месяцами, присылая деньги сперва с водителем, а потом и просто переводя матери на карту.

Родители развелись, когда Глебу исполнилось шестнадцать лет. Такой вот подарок на день рождения, – он до сих пор им этого не простил. Впрочем, отец сроду не помнил про его день рождения. И когда мама вручала сыну празднично запакованные свертки, «этот от меня, а этот – от папы», он понимал, что отец не имел к этому никакого отношения, просто мать не хотела его расстраивать, купив на отцовские деньги дорогой подарок.

К слову сказать, отец никогда не был скрягой. Деньги он матери давал щедро, значительно больше, чем требовалось на жизнь. Впрочем, Глеб быстро понял, что эти суммы, казавшиеся ему крупными, в доходах его отца составляли ничтожный процент. Пермяков-старший уже давно был мультимиллионером. И не в российских рублях.

Когда Глеб подросток, отец неожиданно стал чаще проявлять интерес к его судьбе, если так можно сказать о паре звонков в месяц с вопросом: «Ну как ты, жив-здоров?».

Когда Глебу исполнилось двадцать, отец вдруг пригласил его в свой особняк в Комарово, где жил с новой женой и сыном Максом.

Сводного брата Глеб увидел впервые. Тому было шестнадцать, а жена Пермякова-старшего – Ольга – работала на предприятии отца с момента

его создания. Начинала бухгалтером, а теперь занимала пост финансового директора.

Не надо быть гением, чтобы сложить два плюс два. И Глеб сложил. И именно тогда он впервые напился. От обиды за мать, за себя, за свое сиротское детство при живом отце. Он пил раритетный французский коньяк большими фужерами, стремительно хмелея. А потом его словно прорвало, как прорывает бурная река плотину, сложенную из старых и сгнивших бревен. Он с упоением, глядя отцу в глаза, высказал все, что он про него думал: про его ложь, про его проклятую работу; все свои детские и подростковые обиды. Он спешил, захлебываясь и брызгая слюной, пока мог связно говорить. Потом он замолчал и не помнил, что было дальше...

Очнувшись на следующий день уже в своей постели. Мать сказала, что его, бревно-бревном, привез отцовский водитель и помог ей донести тело до кровати.

Сутки мать отпаивала его чаем и травяными сборами.

На второй день он пришел в себя настолько, что уже смог встать и ходить по комнате. Заметив на столе фирменную папку отцовского концерна, оставленную водителем накануне, он раскрыл ее и долго отупело смотрел на содержимое. Документы на машину, права, страховка и два комплекта ключей с фирменным знаком «мерседеса». Все оформлено на его имя. Сверху лежала открытка, где быстрым и четким отцовским почерком было написано: «С днем рождения, сын!».

На ватных ногах Глеб подошел к окну, выглянул во двор. Хищный спортивный автомобиль черного цвета стоял под его окном, слегка запорошенный снегом, что шел со вчерашнего дня.

Безразлично оглядев первый в его жизни отцовский подарок, Глеб задернул шторы и вернулся в кровать. Потом, приподнявшись, схватил со стола папку и со всей силы зашвырнул ее за шкаф, в дальний угол. Там она проваляется несколько месяцев. Потом он продаст «мерседес», так ни разу и не сев за руль. Продаст первому же покупателю, не торгуясь. Деньги уйдут сквозь пальцы, как песок.

Следующие три года они с отцом не общались совершенно.

Глеб игнорировал его редкие звонки, потом и вовсе занес его телефон в черный список. К тому моменту Пермяков-младший уже с отличием окончил технологический институт по профилю «Химическая технология неорганических веществ» и поступил в аспирантуру. Гены ему, по всей видимости, достались неплохие.

«Светлая голова! – говорили про него на кафедре. – Весь в отца, далеко пойдет!».

Он уже выбрал тему для кандидатской и целый год работал над ней, когда встретил Ариадну. Стройная блондинка, спокойная и застенчивая, первая из всех, с кем он до того общался, смогла его выслушать, не перебивая и не отвлекаясь на темы о шмотках-концертах-клубах, когда он рассказывал о своей работе. Они стали изредка встречаться, ходить по галереям и музеям, благо в Петербурге с этим нет проблем. Ариадна, для друзей – Арина, училась на архитектора, и ее интересовало классическое искусство. Потом возникла эта идея –

проехать всю Грецию, побывать на Кикладах. Молодая семейная пара ее друзей составила им компанию. И все было бы хорошо, если бы отец снова все не испортил.

Незадолго до отъезда Глеба ждал неприятный сюрприз. Отец приехал на кафедру и беседовал с деканом, своим давним товарищем. О визите Глеб узнал от самого декана, который пригласил аспиранта в кабинет и долго благодарил его за помощь, которую оказало кафедре предприятие его отца – за новую компьютеризированную химическую лабораторию. До этого в Петербурге такая была лишь в единственном числе – на предприятии самого Пермякова-старшего.

Декан прямо дал понять Глебу, что отныне того ожидает блестящее будущее, полная поддержка со стороны кафедры и ректората. О кандидатской можно было даже не беспокоиться, что там кандидатская! Докторскую пора начинать писать!

«Может, сразу в академики? Или в члены-корреспонденты? Чего уж мелочиться-то! – ядовито поинтересовался Глеб у совершенно растерявшегося декана. – Меня кто-нибудь спросил, чего хочу я?»

Он так хлопнул дверью кабинета, уходя, что со стены в приемной упал портрет Менделеева. Рама треснула, стекло выпало и разбилось. Сам Дмитрий Иванович глядел с обнажившегося портрета на все происходящее строго и неодобрительно.

Луиза Андроновна – опытная секретарша с тридцатилетним стажем – всполошенно кинулась в кабинет к шефу со стаканом воды и заранее заготовленной валерьянкой.

Ожидавшие в приемной преподаватели и студенты с удивлением и страхом шарахались от взбешенного Глеба, кипевшего от негодования и возмущения, как от чумного. Он заметил это, и ему стало еще хуже.

«Извините!..» – пробормотал он сквозь зубы и бросился прочь.

Через два дня они вылетели в Афины.

Когда они уже были в Пирее, ему позвонил отец. Не с мобильного, видимо, секретарша соединила.

– Что ты устроил на кафедре? Что это еще за истерика на пустом месте? Что ты себе позволяешь? – жестко начал отец с места в карьер.

– Не лезь в мою жизнь! – ответил Глеб, леденя от ненависти. – Тебя никогда в ней не было, вот и теперь не суйся!

– Идиот! У меня на тебя планы! Ведешь себя, как мальчишка, сопляк! Что за истерики? Впереди столько работы! Думай о будущем! – в голосе отца привычно звучал металл.

– В моем будущем тебя нет, – тихо и горько ответил Глеб и отключил телефон.

И вот в Пирее он впервые напился при Арине. Не сдержался.

Пошел в ближайший бар на пляже, пока они ждали паром, взял бутылку коньяка и выпил ее из горлышка, залпом, прямо у стойки, совершенно ошеломив всех присутствующих. Но ему было плевать. Пусть смотрят! Через двадцать минут его привычно «накрыло», что было потом – помнил уже смутно. Кажется, кого-то ругал, с кем-то сцепился, дальнейшего – темнота. Очнулся на скамейке,

стоявшей почти у кромки воды в тени развесистого платана. Через пятнадцать минут друзья привезли его в гостиницу, где он, отведя взгляд и буркнув что-то неразборчивое, скрылся за дверью своего номера. Сначала отмокал в ванне несколько часов, потом лег в постель и проспал до утра тяжелым беспрудным сном.

На завтрак он вышел хмурый, присоединившись к друзьям, сидевшим за столиком. Арина его игнорировала, что ж, – подделом!

– Слушайте, – сказал он, выпив три чашки кофе подряд. – Я прошу прощения! Я был не прав. Такого больше не повторится!

– Не парься! – ответил за всех Антон. – Держи себя в руках, и все будет путем. Нас пригласили на праздник местного дайвинг-клуба. Ты с нами?

– Конечно, я с вами! – поспешил согласиться Глеб.

Облегчение он испытал только тогда, когда они наконец вошли в совершенно прозрачную, прохладную воду на пляже Айос Георгиос.

Глеб с наслаждением погрузился, отрегулировал дыхание, как учили и, не дожидаясь девчонок, с которыми вел диалог инструктор на мелководье, взял курс на глубину. Надо освежиться! Он нырнет и вернется, как раз успеет. Ему казалось, что он парит в прозрачной невесомости, как в космосе.

Мимо проплывали стайки разноцветных рыб, песчаное дно было видно во всех деталях; каждая ракушка, небольшой куст водорослей и донная живность были как на ладони.

Здесь было еще совсем мелко, не более десяти метров. Уйду глубже, решил он. Чуть правее, в ту расселину. Там и вода прохладнее. Голову все еще стягивало головной болью, словно пульсирующим обручем. Дно плавно заворачиваясь, уходило вниз, оттуда на Глеба смотрела густая синева морской глубины.

До тридцати метров вполне можно рискнуть, и вернуться к ребятам, решил он.

Оттолкнувшись ластами, он нырнул еще глубже. Странно, что головная боль не проходила, а наоборот, словно усиливалась с каждым пройденным метром. На глубине в двадцать пять метров он решил, что довольно. Пора возвращаться! Он помаhal рукой проплывавшим мимо дайверам во главе с инструктором.

В голове словно бухал колокол, мышцы лица подергивались, а пальцы онемели. В груди разливалось непонятное жжение. Чертов вчерашний коньяк! И до тридцати метров не дошел, а сил уже не осталось. Внезапно его тело пронзила острая боль – все мышцы тела свело судорогой. В панике он забился, задевая ластами за край скалы, взбивая песок в мутное облако.

Судорога гнула и корежила его, полностью прекрыв дыхание.

Глеб дернулся раз, другой и безвольно затих, медленно опускаясь на дно, раскинув в стороны руки, похожий на огромную морскую звезду. Широко раскрытые, налившись кровью глаза смотрели вверх. Но инструктора, который, оставив свою группу, спешил к нему на помощь, Глеб уже не видел.

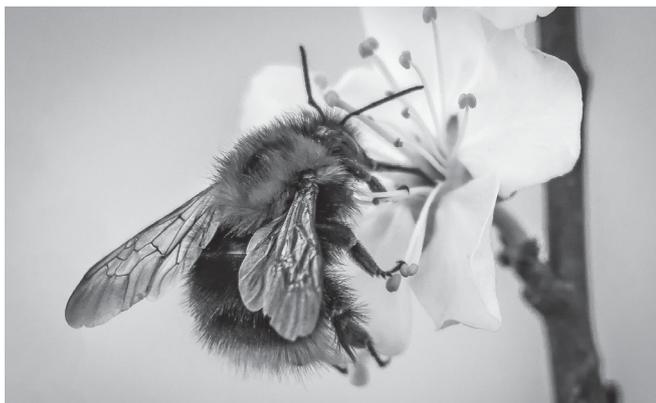
Светлана ГЛАДЫШЕВА, родилась в г. Копейске Челябинской области. Детство и юность прошли в Магадане. Окончила филологический факультет Магаданского педагогического института. Стихи публиковались в журналах «Начальная школа», «Карамзинский сад», «Симбирскъ», сборниках «Эхо войны», «Первая роса», в журнале для детей «Симбик» и др. Автор сборников «Цветы радости», «100 загадок обо всём», «В Стране Великих Мудрецов», «Голубка-любовь», «В гостях у Лешего». Составитель сборника «Родник барышской поэзии» (2020). Лауреат и дипломант областного литературного конкурса «Венец».

Живет в Барышском районе Ульяновской области.

В МОЁМ ДОМЕ

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Эти знаки препинания
Требуют к себе внимания.
В воскресенье мы гуляли,
Заодно их повторяли.
Вот дорожка во дворе,
Это – длинное тире.
А деревья в синем мраке –
Восклицательные знаки!
Взяли мы с собой Барбоса,
Его хвостик – знак вопроса.
Притворился запятой
В небе месяц молодой.
Звёзды заблестели ночью.
Кто поставил многоточие?
Эти знаки препинания
Так полны очарования!

ШМЕЛЬ

Шмель, куда же ты летишь?
Ну-ка, из машины – кыш!
– Я устал. Мне не летится.
Можно с вами прокатиться?

НОТЫ

Соловей летел с охоты,
Потерял случайно ноты.
Уронил он ноту ЛЯ,
Где у поля тополя.
Ноту СИ в СИрени пышной
И не видно, и не слышно.
Где упали ФА и СОЛЬ,
В клумбе расцвела ФАСОЛЬ.
ДО, РЕ, МИ нашлись тут вскоре –
Оказались в ПОМИДОРЕ.
Соловью от огорчения
Стало вовсе не до пения.
И тогда ему Енот
Папку подарил для нот.
Содержи, дружок, в порядке
Ноты, книжки и тетрадки!

ПОХОД

Как-то мистер Бутерброд
Собрался идти в поход.
С вечера себя он сразу
Маслом сливочным намазал.
Сверху – сыр и колбасу,
Чтобы вкусным быть в лесу.
Он в рюкзак залез скорей,
Спать улёгся у дверей.
Но коротким был поход –
Тузик съел его. Проглот!
Надо помнить ежечасно –
Слишком вкусным быть опасно!

ПРО ДРАКОНА

Кто-то рассердил Дракона
И обидел незаконно.
Ну а он решил не драться –
Просто улыбаться.
В общем поняли все так,
Что Дракон не любит драк.

БУКЕТ

Не знаю, по чьей вине
И не найти ответа.
Щенка, что подарили мне,
Назвали вдруг Букетом.
С ним неразлучны мы вдвоём.
И знают все об этом.
Я утром, вечером и днём
Всегда хожу с Букетом.
Трещит на улице мороз,
Во всём зимы приметы,
Нигде ромашек нет и роз,
А я иду с Букетом.

БЕЗ ПРИКРАС

Кот – рыбак живет у нас,
Говорю вам без прикрас.
Дождь. А он пришел сухой,
В лапах – котелок с ухой.
До чего сладка уха!
Все хвалили рыбака.

МАЙСКИЙ ЖУК

Жук в коробке шебуршит,
У него сердитый вид.
Мне его сегодня в школе
Подарил приятель Коля.
Жить в плену жуку нельзя,
Где-то ждут его друзья.
Потому и отпускаю –
Пусть порадуется маю.

ПАУЧИХА

Паучиха своим паучатам
Всем купила по восемь перчаток,
Но в сомненьях вернулась на рынок:
Может лучше по восемь ботинок?
Все гадала и шла по дороге:
То ли руки важней, то ли ноги?

ПРИЧЁСКИ ОДУВАНЧИКОВ

У одуванчиков обычных
Причёсок много симпатичных.
То, будто шустрые мальчишки,
У всех коротенькие стрижки.
То носят, точно старики,
Они седые парики,
То, смотришь – за какой-то миг
Их ветер налысо постриг!

ПРО ЖИ И ШИ

Жили были Жи и Ши –
Две китайских госпожи.
Жи умела печь коржи,
Шить в тиши любила Ши.
Но однажды мальчик Петя
(Правила он не читал),
Жи и Ши в диктанте встретив,
С буквой «Ы» их написал.
И тогда Жи и Ши загрустили
И в далёкий Китай укатили.
Двойка к Пете в тетрадь поселилась.
Вот какая беда приключилась!
Если встретишь Жи и Ши, не спеши,
И всегда с буквой «И» их пиши!

СТИХИ О МАМЕ

Пошли мы в поход,
Перед нами ручей,
Бурлит, хоть вода по колени.
И мама мне крикнула:
«Прыгай скорей».

И мы превратились в оленей.
Вдруг в чаще мелькнул кто-то
Может быть рысь
И я испугалась: «Нам крышка!»
Но мама шепнула:
«В кустах притаись!»
И я превратилась в зайчишку.
Мы вышли на луг и упали в траву,
Лежим среди белых ромашек.
И мама сказала:
«Вот сон наяву».
И мы превратились в букашек.
Из лесу с поклажей
Мы еле идём.
И помощи нет ниоткуда.
Но мама решила:
«Потом отдохнём».
И мы превратились в верблюдов.
Нигде не соскучишься с мамой моей.
Волшебницей этой упрямой.
Но, главное, кем бы она не была,
А дома становится мамой!

В МОЁМ ДОМЕ

В моём доме живут три сестрицы:
Ерунда, Чепуха, Небылица.
Я из дома их не гоню,
Потому что их очень люблю.
Не терплю шумных игр и потех,
Но я помню – их бабушка – Смех.
И шалят, и творят безобразия.
Но что делать? Их тётка – Фантазия.
Только я их забыла спросить:
Долго будут они тут гостить?
На каникулы или совсем?
– У меня с ними нету проблем!
Чепуха мне недавно в карманы
Посадила цветы-чепуханы.
А потом на швейной машинке
Всё строчила свои чепушинки.
Ерунда напекла ерундушек
И своих угощала подружек.
А вчера где-то в зарослях диких
Набрала ведро ерундики.
Ну а младшая – Небылица
Часто мне на колени садится.
Не дала до рассвета мне спать.
Этот стих помогала писать.

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

ФЕСТИВАЛЬ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

29 апреля в ТРЦ «АКВАМОЛЛ» состоялся масштабный Фестиваль креативных индустрий Ульяновской области, в котором программа «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» выступила информационным партнером.

На фестивале подвели итоги работы семи направлений I Международной art-резиденции креативных индустрий. Кураторы и участники направлений презентовали зрителям продукты, над которыми активно работали в течение недели.

В атриумах ТРЦ прошла ярмарка-выставка ремёсел Ульяновской области. Более 30 мастеров из Ульяновска и районов области представили свои работы. Среди участников были ювелиры, изготовители мягких игрушек, сувенирной, деревянной и кованной продукции.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОГРАММЫ «УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО»

Дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» продолжает публиковать работу студентов-практикантов 2 курса магистратуры Института международных отношений, факультета лингвистики, межкультурных связей и профессиональной коммуникации Ульяновского государственного

университета (Крашенинникова Екатерина, Храм Мохаммад, Скворцова Ксения, Алиева Диана, Парфенова Мария, Терехина Анастасия) по переводу на английский язык повестей и рассказов ульяновского автора Валерия Ерёмкина.

ПЬЕСА УЛЬЯНОВСКОГО ДРАМАТУРГА ГАЛЫ УЗРЮТОВОЙ ВОШЛА В СБОРНИК «ЛУЧШИЕ ПЬЕСЫ 2021 ГОДА»

Ульяновский драматург Гала Узрютова приняла участие в конкурсе, организованном театром «Школа современной пьесы» с пьесой «Dummerchen». Всего на конкурсе было представлено 368 пьес из 18 стран от драматургов в возрасте от 18 до 35 лет. По итогам конкурса пьеса Галы Узрютовой вошла в десятку лучших и была включена в сборник «Лучшие пьесы 2021 года». Кроме того, десятку лучших пьес представили на сцене

театра в формате эскизов режиссеры-дипломники мастерской Иосифа Райхельгауза (ГИТИС). Монопьесе Галы Узрютовой «Dummerchen» выбрали сразу два режиссера – Иван Кузнецов и Александр Битаров, каждый из которых представил свое видение сюрреалистической драмы о личной ответственности, свободе и выборе.

РУБРИКА «КНИЖНАЯ ПОЛКА ГОРОДОВ ЮНЕСКО»

Каждый четверг на официальном сайте программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и в сообществе на сайте «ВКонтакте» выходит новый выпуск рубрики «Книжная полка городов ЮНЕСКО». В рамках рубрики пресс-секретарь программы Полина Николаева обзорекает одну из книг авторов, представителей креативных и лите-

ратурных городов ЮНЕСКО. Уже вышли обзорные статьи, посвященные произведениям зарубежной классики. В списке избранных книг: И.В. Гете «Фауст», В. Скотт «Айвенго», Д. Бокаччо «Декамерон», К. Маккалоу «Поющие в терновнике», Т. Янссон «Всё о Мумми-тролях», Д.Г. Байрон «Паломничество Чайльд-Гарольда», У. Эко «Пражское кладбище», Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи», Д. Джойс «Улисс».

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР»

Благотворительный просветительский проект «Удивительный мир» направлен на поддержку талантливых детей из детских домов и реабилитационных центров города Ульяновск. В рамках проекта участники знакомятся с креативными пространствами города, посещают лекции спикеров проекта.

На очередной встрече участники проекта посетили модельную библиотеку №17 «Содружество», где узнали об истории возникновения дизайна и профессии дизайнера одежды от руководителя программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО». О тонкостях творческой профессии рассказали фотограф Анатолий Козловский, студент-переводчик Храм Мохаммад и юная поэтесса Анна Васюкова.

ТЕЛЕМОСТ РОССИЯ – БРАЗИЛИЯ

24 мая состоялся телемост со студентами и преподавателями Университета Бразилии и представителями международной организации Global Youth Parliament Brazil. В мероприятии приняли участие: руководитель программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» Наталья Дашук, преподаватель Ульяновского государственного университета; Наталья Крашенинникова, директор Института международных отношений; Юлия Моисеева, декан Международного факультета; Ирина Соколова, заведующая кафедрой английской лингвистики и перевода; Елена Платонова, доцент кафедры английского языка для профессиональной деятельности; Галина Земляникина, старший преподаватель кафедры английской лингвистики и перевода; Ольга Власова, старший инспектор деканата Международного факультета; студенты 2 и 3 курса факультета лингвистики, межкультурных связей и профессиональной коммуникации; студенты 2 курса Международного факультета, советник министра искусства и культурной политики Ульяновской области Александр Дашко.

1 июня в честь Дня защиты детей СОСТОЯЛАСЬ ЧИТКА КНИГИ ЮЛИИ ЛАЙУС «БЭЛЛА»

1 июня жители города вместе со своими детьми пришли отмечать Международный день защиты детей в кафе «Сытный базар». Там их ждала интересная и насыщенная программа. Мероприятие началось с приветственных слов руководителя программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» Натальи Дашук и чтения детской поэзии взрослыми для главных героев дня, для детей. Звучала не только классика детской поэзии, но и стихотворения современных авторов, включая авторские произведения местных поэтов (Рамиль Летфуллов).

Ведущей мероприятия была Елена Новичкова, член дирекции программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО». Именно в ее исполнении звучали отрывки из произведения Ульяновской писательницы Юлии Лайус «Бэлла».

Публикация подготовлена Анной САЗОНОВОЙ

Гузель ЯХИНА (р. 1977)

1 июня. 45 лет исполняется прозаику Гузели Шамилевне Яхиной (р. 01.06.1977, г. Казань). Окончила Казанский педагогический институт. С 1999 года живёт в Москве. Работала в сфере рекламы, маркетинга. Училась в Московской школе кино, получила диплом сценариста (2015). Публиковалась в журналах «Нева», «Октябрь», «Сибирские огни». Автор рассказов «Мотылёк» (2014), «Винтовка» (2015), «Швайпульт» (2016), «Юбилей» (2018); романов «Зулейха открывает глаза» (2015), «Дети мои» (2018), «Эшелон на Самарканд» (2021). Лауреат премий «Книга года» и «Большая книга» (2015). Приезжала в Ульяновск 29 декабря 2016 года; провела во Дворце книги презентацию романа «Зулейха открывает глаза».

ДЕТИ МОИ (отрывок из романа)

Левый берег был низкий и жёлтый, стелился плоско, переходил в степь, из-за которой каждое утро вставало солнце. Земля здесь была горька на вкус и изрыта сусликами, травы – густы и высоки, а деревья – приземисты и редки. Убегали за горизонт поля и бахчи, пёстрые, как башкирское одеяло. Вдоль кромки воды лепились деревни. Из степи веяло горячим и пряным – туркменской пустыней и солёным Каспием.

Какова была земля другого берега, не знал никто. Правая сторона громоздилась над рекой могучими горами и падала в воду отвесно, как срезанная ножом. По срезу, меж камней, струился песок, но горы не оседали, а с каждым годом становились круче и крепче: летом – иссиня-зелёные от покрывающего их леса, зимой – белые. За эти горы садилось солнце. Где-то там, за горами, лежали ещё леса, прохладные остролистые и дремучие хвойные, и большие русские города с белокаменными кремлями, и болота, и прозрачно-голубые озёра ледяной воды. С правого берега вечно тянуло холодом – из-за гор дышало далёкое Северное море. Кое-кто называл его по старой памяти Великим Немецким.

Шульмейстер Якоб Иванович Бах ощущал этот незримый раздел ровно посередине волжской глади, где волна отливала сталью и чёрным серебром. Однако те немногие, с кем он делился своими чудными мыслями, приходили в недоумение, потому как склонны были видеть родной Гнаденталь скорее центром их маленькой, окружённой заволжскими степями вселенной, чем пограничным пунктом. Бах предпочитал не спорить: всякое вы-

ражение несогласия причиняло ему душевную боль. Он страдал, даже отчитывая нерадивого ученика на уроке. Может, потому учителем его считали посредственным: голос Бах имел тихий, телосложение чахлое, а внешность – столь непримечательную, что и сказать о ней было решительно нечего. Как, впрочем, и обо всей его жизни в целом.

Каждое утро, ещё при свете звёзд, Бах просыпался и, лёжа под стёганой периной утиного пуха, слушал мир. Тихие нестройные звуки текущей где-то вокруг него и поверх него чужой жизни успокаивали. Гуляли по крышам ветры – зимой тяжёлые, густо замешанные со снегом и ледяной крупой, весной упругие, дышащие влагой и небесным электричеством, летом вялые, сухие, вперемешку с пылью и лёгким ковыльным семенем. Лаяли собаки, приветствуя вышедших на крыльцо хозяев. Басовито ревел скот на пути к водопою (прилежный колонист никогда не даст волю или верблюду вчерашней воды из ведра или талого снега, а непременно отведёт напиться к Волге – первым делом, до того, как сесть завтракать и начинать прочие хлопоты).

Распевались и заводили во дворах протяжные песни женщины – то ли для украшения холодного утра, то ли просто чтобы не заснуть. Мир дышал, трещал, свистел, мычал, стучал копытами, звенел и пел на разные голоса.

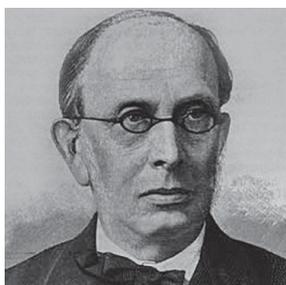
Звуки же собственной жизни были столь скудны и незначительны, что Бах разучился их слышать. Дребезжало под порывами ветра единственное в комнате окно (ещё в прошлом году следовало пригнать стекло получше к раме да законопатить шов

верблюжьей шерстью). Потрескивал давно не чистенный дымоход. Изредка посвистывала откуда-то из-за печи седая мышь (хотя возможно, просто гулял меж половиц сквозняк, а мышь давно издохла и пошла на корм червям). Вот, пожалуй, и всё. Слушать большую жизнь было много интересней. Иногда, заслушавшись, Бах даже забывал, что он и сам – часть этого мира; что и он мог бы, выйдя на крыльцо, присоединиться к многоголосью: спеть что-нибудь громкое, задорное, к примеру колониетскую *Ach Wolge, Wolge!*..., или хлопнуть входной дверью, да, на худой конец, просто чихнуть. Но Бах предпочитал слушать.

В шесть утра, одетый и причёсанный, он уже стоял у пришкольной колокольни с карманными часами в руках. Дождавшись, когда обе стрелки

сольются в единую линию – часовая на шести, минутная на двенадцати, – он со всей силы дёргал за верёвку: гулко ударял бронзовый колокол. За долгие годы Бах достиг в этом упражнении такого мастерства, что звон раздавался ровно в тот момент, когда минутная стрелка касалась циферблатного зенита. Мгновение спустя – Бах знал это – каждый обитатель колонии поворачивался на звук, снимал картуз или шапку и шептал короткую молитву. В Гнадентале наступал новый день.

В обязанности шульмейстера входило бить в колокол трижды: в шесть, в полдень и в девять вечера. Гудение колокола Бах считал своим единственным достойным вкладом в звучащую вокруг симфонию жизни...

Константин ПОБЕДОНОСЦЕВ (1827–1907)

2 июня. 195 лет назад родился государственный деятель, писатель Константин Петрович Победоносцев (02.06.1827, г. Москва – 23.03.1907, г. С.-Петербург). Был в Симбирске 12–15 июля 1863 года в свите князя Николая Александровича, сына Александра II; посетил вместе с ним клуб в доме Симбирского дворянского собрания, училище для крестьянских девиц, заведение купца Зотова, земскую коюшню, соревнования по рысистым бегам, обедню в соборе и бал симбирского дворянства. Автор книги (совместно с И.К. Бабстом) «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Петербурга до Крыма» (1864), а также произведений по юридической, церковной и политической проблематике.

ПИСЬМА О ПУТЕШЕСТВИИ ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО КРЫМА (отрывок из путевых записок)

На следующее утро мы подошли к Симбирску. С Волги виден только крутой берег и верхушки зданий; самого города не видно, и приходится подниматься по шоссе по проезду, проложенному версты на 4 от реки до города. Едешь длинной слободой, между рядами деревянных домов и обширных садов, которыми славится Симбирск. Чем дальше поднимались мы в гору, тем шире и красивее раскидывалась позади нас панорама Волги и заволжской луговой стороны. В самом городе, с набережной, раскидывается вполне эта великолепная панорама, на которую нельзя довольно налюбоваться. Высота берега над водой доходит до 80 сажен. С этой высоты есть где разгуляться взгляду: видно почти полгоризонта, вёрст на 30 и далее. Правда, что в этом виде мало жизни.

На горизонте не видно множества сёл и горячего движения на реке, как в Нижнем Новгороде с набережной и от городского сада. На Симбирской пристани нет движения; промышленное значение Симбирска ничтожно: самое местоположение города на вершине крутой горы, и крайняя затруднительность в сообщении города с пристанью препятствуют промышленному его развитию. Симбирская губерния принадлежит к самым значительным по числу дворянских имений, и промышленность её по преимуществу в руках помещиков. Это придаёт особенный вид городу и общественной его жизни: в этом отношении Симбирск мы могли противопол-

ожить Рыбинску; как там всему давало тон и во всё являлось представителем купечество, так в Симбирске дворянство являлось во главе того движения народного, которым сопровождается повсюду путешествие Наследника Цесаревича.

Множество дворян с семействами съехались в Симбирск к 12 июля из всех уездов; нам говорили, что в самую горячую пору, к выборам, не бывало в Симбирске такого съезда. Ещё за несколько недель ожидаемый приезд Наследника сделался общевой разговором, и начались заботливые приготовления к балу, который намерено было дать симбирское дворянство в честь дорогого гостя.

Вечером по приезде в Симбирск мы отправились в клуб, помещающийся очень удобно, в доме Дворянского Собрания. При клубе прекрасная библиотека Карамзинская, перенесённая в 1848 году по желанию дворян Симбирской губернии в собрание. Дворянство обязалось поддерживать её своими собственными средствами и пожертвованиями. Книги выписываются в библиотеку преимущественно учёного содержания и произведения отечественных классических писателей. Кроме того, получается ещё до 30 русских газет и журналов. В библиотеке числится до 1800 названий в 7700 томах. Пользование книгами бесплатное.

Войдя в клуб, мы были поражены многочисленностью посетителей, но она легко объяснялась прибытием Великого Князя, привлёкшего симбирских

дворян не только из отдалённых уездов губернии, но даже и из Петербурга. Мы вошли в ту самую минуту, когда всё общество толпилось около губернского предводителя дворянства, собиравшегося что-то читать. Мы сначала полагали, что это какое-нибудь домашнее дело, и держались было в стороне из скромности, но когда все стали сбегаться, когда оставлены были карточные столы, и когда послышались слова «Депеша! Депеша!», тогда это магическое в наше время слово заставило и нас невольно забыть скромность и вмешаться в общую толпу.

Чтение началось. Это были две ответные депеши: одна от генерала Муравьёва на приветствие и выражение сочувствия его действиям со стороны симбирского дворянства; другая от редактора «Московских ведомостей» в ответ на депешу симбирского дворянства, в которой оно заявляло ему бла-

годарность за выражение в газете тех чувств, которыми в настоящее время преисполнено всё русское дворянство.

За чтением депеш раздалось громкое единодушное ура, и поднялись тосты за здоровье Государя Императора, дорогого Августейшего Гостя, за доблестных слуг отечества и т. д. Упомнить тосты нет возможности; на них неумоим наш брат русский человек.

На следующее утро, в 11-м часу, Великий Князь поехал в Елисаветинское училище и в симбирское сельскохозяйственное училище для крестьянских девиц. Последнее было открыто 18 августа 1848 года удельным ведомством, которому нельзя не отдать глубокой благодарности за его постоянное и неуклонное старание к распространению в народе образования...

Елена СЕВРЮГИНА (р. 1977)

5 июня. 45-летний юбилей отмечает поэтесса Елена Вячеславовна Севрюгина (р. 05.06.1977, г. Тула). Член Московской городской организации Союза писателей России (2014). Окончила Тульский университет им. Л.Н. Толстого. Кандидат филологических наук, доцент. С 2017 года член Центрального дома литераторов, ведущая литературных гостиных в его Малом зале. Была почётным гостем музея «Усадьба Языковых» в посёлке Языково Карсунского района Ульяновской области. Автор книг стихотворений «На пути к прозрению» (1993), «Ожидание чуда» (1995), «Избранное» (2005), «Сказки для взрослых» (2014), «По страницам моих фантазий» (2017) и др. Живёт в городе Мытищи Московской области.

ИМЯРЕК

бесконечны паузы небес
человечек умер и воскрес
век челом печали без числа
праха порох память плеск весла
то-то человечка будут грызть
страхи боль раскаянье корысть
малые с горошину но всё ж
имярек иначе в мир не вхож
имя реки имя на реке
мелкий мир дрожит на поплавке
мается держи меня держи
не сорвался в омут значит жив

В ПАРИЖЕ

в Сене ловят не карасей,
понапрасну снастей не мучают.
я в Париже поставлю сеть -
поохотиться на созвучия.

на блесну половить слова,
золотые и сладко-терпкие,
и восторги зарисовать,
пропуская строку сквозь тернии...

а московские фонари
снова встретят тоской и «Хортицей»...
говори, Париж, говори,
кто из нас на кого охотится?

варила щи компот варенье
колола на зиму дрова
слетали с уст стихотворенья
пустые мёртвые слова
созвучья пестовала нежно
сплетая вздохи с тишиной
а небо оставалось прежним
внутри меня и надо мной
в сковороде шкворчали зразы
слепые сонные в углу
от боли умирали фразы
зачем-то сказанные вслух

что тебе до магии имён
что тебе до мании знамён
что тебе до тяжести креста
если ты покой и пустота
у тебя ведь нет ни рук ни ног
у тебя ведь нет ни да ни но
нету у тебя ни до ни да
ты сквозняк воздушная среда
ты река текущая строка
ты строка текущая река
прорастает в корне языка
звук не осязаемый пока
и горит надмирный горловой
голос твой

Ольга БОРОДИНА (р. 1957)

6 июня. 65 лет исполняется краеведу Ольге Егоровне Бородине (р. 06.06.1957, р.п. Звереве Каменской обл., ныне г. Звереве Ростовской обл.). Окончила УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1979). С 1980 года работает в Ульяновском областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова; в настоящее время заведующий отделом развития, туризма и информационных технологий. Соавтор и составитель изданий «Сергей Александрович Бутурлин» (2002), «Симбирский-Ульяновский край в истории России» (2007), «Ульяновская область: путеводитель «ПтиФюте» (2007), «Гений места» (2010), «Уникальные места земли Ульяновской» (2014) и др. Заслуженный работник культуры Ульяновской области. Обладатель Гран-при, лауреат премии «Шапка Мономаха» (2001). Член Редакционного совета журнала «Мономах». Живёт в Ульяновске.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ.

Ольга Шейпак беседует с Ольгой Бородиной о юбилее И.А. Гончарова, о любви к родному краю, о краеведческой работе.

Запись «Литературной гостиной» можно посмотреть на сайте «УлправдаТВ» и с помощью QR-кода через смартфон.

Александр АКСАКОВ (1832–1903)

8 июня. 190 лет назад родился публицист, переводчик и издатель Александр Николаевич Аксаков (08.06.1832, с. Репьёвка Городищенского у. Пензенской губ., ныне Инзенского р-на Ульяновской обл. – 17.01.1903, г. С.-Петербург). Племянник писателя С.Т. Аксакова, служил в Министерстве внутренних дел. В 1860–1868 гг. находился в отставке; жил в Репьёвке, чтобы после отмены крепостного права устроить свои имения согласно положению о крестьянах. Изобрёл термин «телекинез». Опубликовал книги и брошюры «Содержание питейных заведений сёл обществами как простейшая мера против пьянства» (1874), «Анимизм и спиритизм» (1893), «Предвестники спиритизма за последние 250 лет» (1895).

АНИМИЗМ И СПИРИТИЗМ (отрывок из книги)

В первой части этой главы Гартман обзревает прогрессивное развитие гипотез в области спиритизма. Вот краткий очерк этих гипотез.

Первая из них состоит в «чувственно-наивном веровании народа, что умершие продолжают жить в своём прежнем образе и прямо действуют членами своего невидимого астрального тела».

Вторая гипотеза столь же грубо чувственна: «...сообразили, что ведь медиум тоже дух и должен быть в состоянии сделать и всё то, что могут делать духи умерших. Можно, следовательно, думать, что дух медиума вместе со своим астральным телом покидает свою вещественную оболочку, лежащую теперь как бы в состоянии смерти (в сомнамбулизме), ходит по комнате и производит явления, также действуя прямо членами своего невидимого астрального тела. Первый удар наивному верованию».

Третья гипотеза: «доказанное существование медиумической нервной силы (ошибочно названной психической), с её действием на состоянии, совсем перевернуло наивное понимание»... «Начинают сознавать, что наибольшая часть явлений может быть сведена на медиума как на единственную их причину».

Четвёртая гипотеза: ближайшее занятие явлениями материализации ещё более пошатнуло гипотезу «духов». Материализация есть большею частью только трансфигурация самого медиума: «Когда же происходит действительное отделение призрака от медиума, то оказывается, что этот призрак целиком исходит из медиума и в него же возвращается».

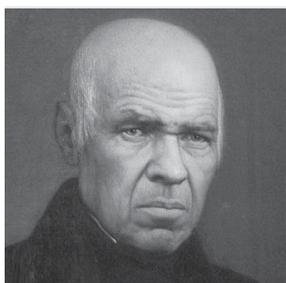
Пятая гипотеза: таким образом, тело медиума есть только орудие или материальный источник явлений, производимых одержавшим духом, являющимся теперь трансцендентальной причиной явлений. Эту гипотезу можно назвать «гипотезой одержания»; и она уже представляет большой шаг вперёд.

Шестая – «гипотеза внушения». Сомнамбулическое сознание медиума пишет только те речения или вызывает появление только тех образов, которые одержавший дух передаёт из своего сознания в сомнамбулическое сознание медиума. «Только теперь умственное авторство духов является сведённым к его настоящему и более тонкому смыслу... Лишь при таком повороте гипотеза духов вступает в ту стадию, которая позволяет психологии и метафизике, сохранив приличие, серьёзно, критически заняться ею».

Историческое изложение хода этих гипотез далеко неверно; но это – последнее дело. Изложение это было сделано Гартманом с целью выставить на вид отсутствие «критической осмотрительности со стороны спиритов»; и только последнюю из этих гипотез он находит достаточно приличною, чтоб наука могла заняться ею. Что же касается меня, то я позволю себе сказать, что изложение постепенного развития этих гипотез, как оно ни несовершенно, есть тем не менее *лучшее похвальное слово*, которое было когда-либо сказано в пользу спиритистов. Ибо все эти гипотезы свидетельствуют о постоянных усилиях спиритистов доискаться истины. Ни философы, ни люди науки не оказали им никакой помощи, не дали никаких указаний, чтоб разобраться в этом трудном вопросе. Массы были представлены себе самим, встречая только презрение и насмешку со стороны науки и общественного мнения.

Только благодаря настойчивости и практическому смыслу англосаксонского ума вопрос этот по-

стоянно разрабатывался на почве экспериментальной, и развитие явлений привело к таким результатам, которые наука волею или неволею должна будет когда-нибудь признать, подобно тому как она вынуждена была признать факты животного магнетизма сто лет спустя после их открытия. Гипотезы передачи мысли и ясновидения были также часто обсуждаемы в спиритизме – более чем где-либо, ибо спиритизм немедленно понял отношения, существующие между ним и сомнамбулизмом, – он был, так сказать, ближайшим наследником последующего, и эти оба чудесные способности нашего духа неоднократно принимались в соображение при критическом обсуждении спиритических фактов. И вот сам Гартман строит всё здание своей критики на этих двух гипотезах, развивая их до крайних пределов, – это было для него единственным выходом из затруднения. Но эти обе гипотезы с точки зрения современной науки совершенно *еретичны*: наука смеётся над ними, как и над самим спиритизмом...

Иван ВТОРОВ (1772–1844)

12 июня. 250 лет назад родился поэт, мемуарист Иван Алексеевич Второв (12.06.1772, д. Ласкарёвка Оренбургской губ., ныне Борского р-на Самарской обл. – 26.02.1844, г. Казань). Служил в Самарском уездном суде; в 1791–1793 годах занимал должность письмоводителя прокурора и регистратора в Симбирском губернском правлении. Посещал кружок просвещённых людей Симбирска. Был знаком с Н.М. Карамзиным, И.И. Дмитриевым, В.А. Жуковским, К.Ф. Рылеевым и др. Встречался в Симбирске с А.С. Пушкиным (1833). Автор опубликованных сочинений «Прости, май» (1798), «Царёв курган» (1799), «Моя прогулка» (1800), «Здравствуй, Май!» (1800), «Москва и Казань в начале XIX века» (1842) и др.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ (отрывок)

Я теперь в Твери, прекрасном городе, но не видел ещё его, приехав в тёмную ночь. От заставы ехал я длинную перспективную улицу, обсаженную берёзками. Остановился в трактире, близ почтового двора. Здесь-то отдохнул я и выспался покойно, в хорошей отделённой горнице под №2 и на хорошей софе. Собираюсь ходить по городу.

Иду по большой прекрасной улице, называемой *Миллионною*, мимо судебных мест к крепости. Круглая площадь против сих судебных мест меня останавливает. Я рассматриваю высокую каменную пирамиду, читаю на ней надпись, показывающую расстояние от обеих столиц изначающую памятник царствования Екатерины II, при коей началось строение прочной дороги между столиц. Иду далее; по обеим сторонам высокие каменные дома, на левой погребя и лавки под домами. Мимо меня проходит какой-то инвалидный офицер, кланяется с претолстою купчихою, стоящею у ворот, у которой лицо расплылось от жиру.

– Как поживаешь, Феклистьевна? – спросил офицер.

– Помаленьку, сударь!!

– Ну, слава Богу.

Я улыбнулся, прошёл мимо гостиных рядов в крепость, к гоубт-вахте. В сие время был вахтпград. Я посмотрел на тверских гарнизонных солдат и

офицеров, взошёл в соборную церковь – тогда служили обедню. Священник говорил проповедь человекуам десяти, не более. Внутренность церкви великолепная. Вместо крылосов сделаны хоры на колоннах, поддерживающих своды, на которые всходят по наружным лестницам с перилами. На правой стороне написана большая картина, изображающая Екатерину Великую во весь рост, в порфире, короне и с скипетром; Павел и Мария по сторонам её, а назади Вера, Надежда и Любовь с их символами. На левой стене такой же величины, но худшей работы историческая картина, представляющая Соломоново правосудие между двух матерей о спорном младенце.

Из церкви прошёл я к Волге, мимо семинарии, зажал уши от визгу поповичей, учащихся петь. Стою теперь на высоком берегу Волги. Вид восхитительный! – Здравствуй, родная река моя! Я приветствую тебя, как милого друга, с которым давно расстался. Сколь часто, царица вод моего Отечества, сиживал я на крутых каменистых берегах твоих, в ясные дни весны и лета! Смотрел на зеркальную поверхность величественных струй твоих, позлащённых вечерним солнцем, – смотрел и восхищался! С малолетства я утешался тобою, плавал по хребтам твоим, всегда с удовольствием. Меня не устрашали и бурные валы твои, когда ты плещешь ими в берега свои

с ужасным шумом, обламываешь большие глыбы, разбиваешь суда. Я не видал, однако ж, больших несчастий и несчастных, поглощённых волнами твоими, и потому любил во время бури смотреть на разгневанную стихию.

Тихими шагами, с сердечным удовольствием иду по высокому крутому берегу Волги, любясь скромным её течением. Тверские солдаты в нескольких лодках переезжают на другую сторону с барабанным боем. Картина прекрасная! Там, на другой стороне реки, огромные каменные дома с колоннадами и церкви украшают сию картину. Я подхожу к одному из тверских граждан, стоящему на берегу, расспрашиваю его о городе. Вежливый гражданин, стоя без шляпы, мне рассказывает.

– Где Отроч монастырь ваш? Где воксал?

– Извольте смотреть вправо: видите, на другой стороне между Волгою и Твердою, на самой стрелке; а воксал ещё далее, на сем берегу Волги. Ежели угодно вам погулять, подите к Тресвятскому монастырю. Там местоположение вам понравится, вы

увидите и архиерейский дом в роще.

– Какой прекрасный у вас город, верно, весело вам жить здесь?

– Да, сударь, весело, кому есть чем жить, но бедных не утешает весёлое место, бедных много и здесь.

– Так, мой друг, бедные осуждены к такой участи во всех местах, однако ж имеют свои сердечные утешения и не завидуют богачам.

Расставшись с ним, пошёл я на вал, окружающий крепость (он довольно высок и обширен), остановился и с удовольствием смотрел на соборную церковь и дворец с садом. Ласковый гражданин прошёл мимо меня, кланялся со мною как со знакомым и проводил меня до гостиных рядов. Тут я обошёл все верхние и нижние лавки, видел четырёх дам здешних. Приятная физиогномия одной из них мне понравилась, – может быть, по некоторому сходству с моим сердечным другом. Несколько раз встречался я с нею в разных лавках, торговали вместе платки. Забавным расчётом моим с купцом мне удалось выманить приятную улыбку её...

Анатолий МАРАСОВ (р. 1947)

13 июня. 75-летний юбилей отмечает писатель и философ Анатолий Николаевич Марасов (р. 13.06.1947, с. Ундоры Ульяновского р-на Ульяновской обл.). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1969); кандидат биологических наук (1977). Член Союза писателей России (1998). Один из организаторов Любичевских чтений. Лауреат премии им. А.А. Любичева (2009). Автор книг философской прозы «Катехизис» (1993), «Природа» (1994), «И звук, и свет» (1997), «Арабески» (2001), «Бытие» (2005), «Сознание» (2009), «Этюды к описанию сознания» (2012), «Сочинения о природе» (2013), «Мир твой» (2014) и др. В книге «Фразы» (2010) собрал более 2,5 тысячи оговорок и каламбуров студентов. Живёт в Ульяновске.

ВРЕМЕНА ГОДА (отрывок)

Лето

Живая природа как целое ждёт его; во всех временах года я больше всего любил именно условия жизни, условия для своей жизни, чем, может быть, саму жизнь.

Лето – это такое время, когда ты открыто переживаешь и день, и ночь; их богатства проходят через твои чувства, удовлетворяют всем твоим фантазиям, отвечают на все твои претензии.

...утром, когда солнце ещё низко, когда застывший, иногда с туманом, воздух ещё неподвижен в огромном овраге за деревней, – слышишь, как твой голос, любой звук оттягивается – и возвращается: эхо. Таинственно и возвышенно вокруг.

Я думаю, что сохранённые тайны во взрослое время возвышают нас.

... а в заброшенных садах короткую ночь пронзали соловьи сочным и отрывистым пением; это пение, эту густую и короткую ночь ты вспоминаешь спустя годы, вспоминаешь с подробностями, от которых у тебя сильнее бьётся сердце: ночь – пламень, обжигающий зелёно-синим силуэтную громаду кустов и деревьев, домов и заборов...

А позже, в июле, низкая большая луна тянет за собой след легенд; звуки и шум деревни гулко то-

нут над землёй, а небо волшебнo-вязкое. И от самой земли – скрипичный стрекот кузнечиков: если прислушаешься – громкий-громкий. И ты пьёшь прохладу ночи; утром на траве будет роса, её испарит день тёплыми солнечными лучами...

Впереди долгое-долгое время света.

Лето богато не только сменой дня и ночи, но и пространством земли – открытым, с панорамой подробностей и событий, или разбросанными всюду укромными местами, неожиданными, – под деревьями, вдоль ручьёв, на поверхности почвы, даже в тени пространство читается иначе.

Лето, конечно, ассоциируется с зеленью, беззащитной, многообразной по оттенкам зелёного и форме листьев, стеблей, деревьев, цветов.

Вдруг – цветов. Невообразимо горящих белым, красным, голубым, горящих всеми красками и оттенками, цветов невообразимых по форме и размерам, неожиданных – на горных перевалах, в чистом поле, в глухом лесу, в жилищах человека.

Летом жизнь защищается, но не только; она захватывает что-то новое и проигрывает уже освоенное; защиты будет более в ином времени. Летом живое для природы было своим, внутренним (?).

А какие сюжеты разворачиваются в небесах

во время грозных дождей! Самые лучшие слова, самый тонкий стиль языка – этого всего будет недостаточно для описания огромных живописных картин.

Вода с неба, разве не чудо?

Летом круговорот всего природного достигал пика: и жизнь развёртывалась максимально согласно сезону благоприятствования.

В этом времени года были спрятаны тайны жизни, ибо другие времена – лишь прерывали её развитие, заставляя приспособляться к себе. И «человеческие» тайны восходили в глубине души к лету, хотя лето и не исчерпывало их.

От лета мы отталкивались, от тепла, от тёплой воды, от тёплого воздуха, мы отталкивались от всего невраждебного; чтобы спокойно и с удивлением воспринимать новые краски, новый объём, новое тепло...

Осень

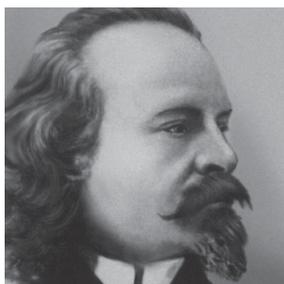
Лето единственное из времён года, которое устаёт быть; его тепло, его дожди или засуха в осень переходят незаметно.

В осени мы оказываемся – осознаём её тогда, когда она уже наступила.

Побуревшая трава и жёлтые листья на земле словно приподнимают землю, «делают» её светлее – быстрее; обнажённые деревья – землю – легче. Но воздух, настоянный на запахах дали, воды, растений, – тяжелее и неподвижнее даже во время ветра.

Голубое небо становится почти синим и глубоким – вот-вот лопнет от бесконечности.

Ты сам для себя – больше, сложнее (!) – значительнее? И сама осень, наполненная тяжёлой прохладой и светлой лёгкостью, и в солнечные дни, и в пасмурные, не вмещалась в наши представления, в наши схемы, но упрямо оставалась собою, выше по смыслу...

Константин БАЛЬМОНТ (1867–1942)

15 июня. 155 лет назад родился поэт, эссеист Константин Дмитриевич Бальмонт (15.06.1867, д. Гумнищи, ныне Шуйского р-на Ивановской обл. – 23.12.1942, коммуна Нуази-ле-Гран, Франция). Учился в Московском университете. Весной 1889 года, возвращаясь из Тифлиса на пароходе по Волге, был проездом в Симбирской губернии. В турне по России 4–5 ноября 1915-го по пути из Саратова в Самару проезжал на поезде через станции Ключики, Канадей, Новоспасское и Репёвка (ныне Ульяновской области). Автор поэтических сборников «Под северным небом» (1894), «Будем как солнце» (1903), «Литургия красоты» (1911), «Дар Земле» (1921), «Северное сияние» (1923), «Голубая подкова» (1937) и др.

ЗАВЕТ БЫТИЯ

Я спросил у свободного Ветра,
Что мне сделать, чтоб быть молодым.
Мне ответил играющий Ветер:
«Будь воздушным, как ветер, как дым!»
Я спросил у могучего Моря,
В чём великий завет бытия.
Мне ответило звучное Море:
«Будь всегда полнозвучным, как я!»
Я спросил у высокого Солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило Солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Белый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.
Под тобою – глубь немая,
Без привета, без ответа,
Но скользишь ты, утопая
В бездне воздуха и света.
Над тобой – Эфир бездонный

С яркой Утренней Звездой.
Ты скользишь, преображённый
Отражённой красотой.
Символ нежности бесстрастной,
Недосказанной, несмелой,
Призрак женственно-прекрасный,
Лебедь чистый, лебедь белый!

Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведёт по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злому,
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному,
В нашем хотении земном!
Будем, как Солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и всё золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощением внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимом покое,
Дальше, ещё, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В Вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как Солнце, оно – молодое.
В этом завет Красоты!

Нина ВАСИЛЬЕВА (р. 1947)

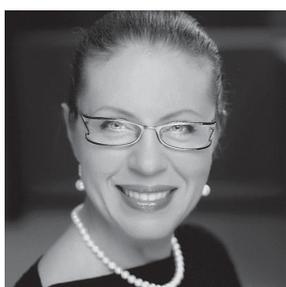
15 июня. 75 лет исполняется краеведу, литератору Нине Ивановне Васильевой (р. 15.06.1947, р.п. Чердаклы Ульяновской обл.). Окончила Ульяновское педучилище (1965), УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1974). Работала учителем в Хабаровском крае и на Камчатке (1974–1983), в школе пос. Мирный Чердаклинского р-на (1983–2003). Автор и составитель сборников «Вечен куст рябиновый» (2006), «Пусть всегда тебе будет светло!» (2007), «Нельзя не верить в просинь небосвода...» (2013); изданий «И.С. Шмелёв и Д.И. Ознобишин: к истории взаимоотношений» (2007), «И в сердце любящем печаль...» (2011), «Василий Зуев – художник-миниатюрист фирмы «Фаберже» (2015) и др. Герой малой родины (2018). Живёт в пос. Мирный.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ. НИНА ВАСИЛЬЕВА: «СВЕТ, КОТОРЫЙ ИДЁТ ОТ ПОЭЗИИ, ОБОГАЩАЕТ ДУШУ ЧЕЛОВЕКА»

Гость «Литературной гостиной» – краевед, педагог, литератор Нина Ивановна Васильева. Нина Ивановна исследователь творчества писателя-земляка Петра Трофимовича Мельникова. В передаче звучат стихи, автор размышляет о высокой миссии поэзии.

Запись «Литературной гостиной» можно посмотреть на сайте «УлправдаТВ» и с помощью QR-кода через смартфон.

Александра МАРИНИНА (р. 1957)

16 июня. 65-летний юбилей отмечает прозаик, автор детективов Александра Маринина, настоящее имя – Марина Анатольевна Алексеева (р. 16.06.1957, г. Львов Украинской ССР). С 1971 года живёт в Москве. Окончила МГУ (1979), кандидат юридических наук (1986). Автор книг криминальной прозы «Шестикрылый Серафим» (1991), «Убийца поневоле» (1995), «Седьмая жертва» (1999), «Незапертая дверь» (2001), «Жизнь после жизни» (2010), «Бой тигров в долине» (2012), «Казнь без злого умысла» (2015), «Другая правда» (2019) и др. По её произведениям создан телесериал «Каменская». Находилась в Ульяновске 6–13 сентября 2015 года на V Международном культурном форуме «Креативный регион – сильная страна».

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ (отрывок из книги)

Камень проснулся и первым делом подумал о том, что у него подагра. Наверное. Или этот, как его, артроз. Уж больно скрипуче у него внутри, ржаво как-то, туго-неповоротливо. Старость... Сырость... Холод от земли... Да ещё Ветер, подлец эдакий, то и дело смотается в командировку в северные страны, наберётся там всяких погодно-циклонных глупостей, а как вернётся – так сразу к нему, к Камню то есть, в гости заваливается и давай со всех сторон обдувать чем-то промозглым, вот вам и простуда.

Хоть бы Ворон прилетел, развлёк бы чем-нибудь... Хотя в такую мерзкую погоду старый при-

ятель, наверное, будет дрыхнуть до полудня. Камень представил себе перспективу долгих часов, заполненных ипохондрическими изысканиями, и загрустил. Пока этот засоня Ворон появится, это ж сколько новых болезней отыщется! И будут они одна неизлечимей и смертельней другой. И настроение испортится – это уж как пить дать. Мысли о скорой смерти, и всё такое...

Однако Камень ошибся. Едва успел он разобратсья с артрозом и приступил к примерке глаукомы (что-то зрение стало сдавать), откуда-то справа донеслось знакомое:

– У тебя как сегодня голова на такую погоду? У меня болит – просто сил нет.

Камень с облегчением оторвался от примерки глаукомы – всё равно она как-то плохо ему подходила, не пролезала ни по одному параметру – и живо включился в обсуждение.

Поговорили о здоровье и болезнях, не спеша, с подробностями, со вкусом и удовольствием. Роли все давно расписаны: Камень жалуется, брюзжит и готовится к собственным похоронам, а Ворон – тот бодрячком подпрыгивает на макушке у Камня, лапками трёхпальными переступает, когтями мшистую поверхность царапает и молодится, молодится, дескать, я-то ещё при полном параде, и помирать мне рано, я ещё ого-го...

Потом пришёл черёд погоды, ну а как же без неё, без погоды-то, родимой, в стариковских беседах, от неё ведь все неприятности – и ломота в суставах, и тяжесть в голове, и настроение пакостное, будто жизнь и впрямь кончилась.

– Это надолго, – авторитетно сообщил Ворон, перестав наконец переступать когтистыми лапками по Камню и устроившись поудобнее, так, чтобы не соскальзывать с размоченной дождём замшелости, – месяца на полтора-два.

– Сам смотрел? Или прогнозы слушал? – встревоженно уточнил Камень.

– Сам, – коротко каркнул Ворон. – Своими глазами видел. Так что твои кости будут ещё долго болеть, а подагра твоя станет развиваться бурно и ощутимо, а голова...

– Тьфу на тебя, – обиделся Камень. – Вот ты всегда над моими недомоганиями смеёшься, а я, может, смертельно болен, не ровен час – помру. Что тогда делать станешь?

– Да ты меня переживёшь, ипохондрик ты хренов! Бери с меня пример, не обращай ни на что внимания и радуйся жизни, зазную себе заведи, что ли. Вот я...

– Да пошёл ты, – беззлобно отмахнулся Камень.

– Вот ты, вот ты... Надоело. Давай, что ли, сериал какой-никакой запарим, раз уж такая мерзкая погода на два месяца. – Он вздохнул и вдруг снова забеспокоился: – Но ты точно знаешь, что на два? Ты точно сам смотрел?

Вопрос был не праздным. Ворон обладал редкой способностью практически повсюду находить пространственно-временные дыры, пролезать в них и в любой момент возвращаться обратно. Он имел возможность увидеть всё, что происходило на Земле, где бы и когда бы это ни происходило, а уж про такую ерунду, как погода на завтра или на неделю вперёд, и говорить нечего. И когда им с Камнем становилось скучно, они выбирали себе героя и начинали следить за его жизнью от рождения и до самой смерти, подробно обсуждая всю его биографию, каждый шаг, каждое принятое решение, каждое сказанное слово. Развлекались они этим давно, лет двести, а может, и все четыреста. Однажды, давно-давно, Ворон залетел в двадцать первый век и, когда вернулся, поведал, что люди тоже этим занимаются, смотрят по телевизору длинные истории про всяческие жизненные перипетии и горячо обсуждают, и у них это называется «смотреть сериал». Слово Камню понравилось, и теперь они с Вороном, выбирая себе героя и отслеживая его жизнь, тоже считали, что смотрят сериал. А что? Разве не похоже?

С предложением насчёт сериала Ворон с удовольствием согласился и немедленно расправил крылья.

– Ну так чего, я полетел, что ли?

– Давай, давай, лети.

– А куда? Есть идеи?

Камень призадумался. В последний раз они смотрели про жизнь какого-то египетского фараона, кажется, Эхнатона, а до этого у них в работе была история белошвейки из французского Средневековья. Кого же выбрать теперь?

Иван ГОНЧАРОВ (1812–1891)

18 июня. 210 лет со дня рождения писателя Ивана Александровича Гончарова (18.06.1812, г. Симбирск – 27.09.1891, г. С.-Петербург). О своём детстве в Симбирске (1812–1822) написал в автобиографическом очерке «На родине» (1888). Жил в Москве и Петербурге. Дважды приезжал в Симбирск на несколько месяцев – в июле 1834-го и в июле 1849 года. В 1852–1854 годах совершил кругосветное путешествие, которое описал в книге «Фрегат «Паллада» (1858). В последний приезд на малую родину находился в Симбирске с 16 мая по 11 июля 1862 года. Автор романов «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1959), «Обрыв» (1869); очерков «Поездка по Волге» (1880), «Май месяц в Петербурге» (1891) и др.

НА РОДИНЕ (отрывок из очерка)

И по приезде домой, по окончании университетского курса, меня обдало той же «обломовщиной», какую я наблюдал в детстве. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя. Те же, большею частью деревянные, посеревшие от времени дома и домишки, с мезонинами, с садиками, иногда с колоннами, окружённые канавками, густо заросшими полынью и крапивой, бесконечные заборы; те же деревянные тротуары, с недостающими досками, та же пустота и безмолвие на улицах, покрытых густыми узорами пыли. Вся улица слышит, когда за версту едет телега или стучит сапогами по мосткам прохожий.

Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии сидящих по домам или попадающиеся на улице лица. «Нам нечего делать! – зевая, думает, кажется, всякое из этих лиц, глядя лениво на вас, – мы не торопимся, живём – хлеб жуём да небо коптим!»

И вправду, должно быть, так. Чиновник, советник какой-нибудь палаты, лениво, около двух часов, едет из присутствия домой, нужды нет, что от палаты до дома не было и двух шагов. Пройдёт писарь, или гарнизонный солдат еле-еле бредёт по мосткам. Купцы, забившись в глубину прохладной лавки, дремлют или играют в шашки. Мальчишки среди улицы располагаются играть в бабки. У забора коза щиплет траву.

– Ужели ничего и никого нового нет? – спрашиваю «крёстного», объезжая город и ленивым оком осматриваясь кругом, – я всё это знаю, давно видел: вон, кажется, и коза знакомая!

– Как нет нового! Вот сейчас подъедем к новому собору: он уж освящён. Каков! – хвастался он, когда мы сошли с дрожek и обходили собор. Собор в самом деле очень хорош: обширен, стройных размеров и с тонкими украшениями на фронте и капителях колонн.

– Вот и это новое: ты ещё не видал, при тебе не было! – говорил Якубов, указывая на новое здание на Большой улице.

Я прочёл на чёрной доске надпись: «Питейная контора».

– Это откупщик выстроил, – прибавил он.

Встретился нам очень старый священник, посмотрел на нас, прикрыв глаза руками от солнца,

узнал Якубова и отвесил низкий поклон.

– Здравствуй, батька, здорово! Крестить, что ли, ходил или отпевать кого-нибудь? – шутил крёстный.

– Чего? – отозвался, останавливаясь, тот, – не слышу!

Мы проехали.

– Когда я приехал сюда, этот батька был уже зрелых лет попик – теперь ему под восемьдесят! – добавил мне крёстный.

– Это всё старое и ветхое, что вы мне показываете, кроме собора да питейной конторы, – сказал я. – Где же новое, молодое, свежее?

– Свежее? Есть свежие стерляди, икра, осетрина, дичь... Всего этого здесь вволю; ужко маменька твоя покормит тебя, – шутил он.

– А новые люди, нравы, дух? – допрашивал я.

– Люди?... Да теперь лето: никого в городе нет, все по деревням. Вот, погоди, к осени съедутся, увидишь и людей, познакомишься со всеми. А теперь тебе надо «представиться» губернатору.

Я встрепенулся.

– Зачем? Если б я приехал сюда на службу – другое дело, а я к осени думаю ехать в Петербург.

– А всё-таки надо представиться ему, – настаивал Якубов. – Он заметит тебя где-нибудь, спросит – кто, а ты у него не был, это никуда не годится. И к архиерею тоже, и к председателям палат, да ещё к такому-то и к такому-то.

Он насчитал домов десять, где я будто бы должен побывать – не знаю сам, да и он не знал – для чего. «Для приличия, – говорил он, – молодой человек везде должен являться». Тоже не объяснил – зачем. Я не разделял этого принципа старого века – соваться везде, где и не нужно; нравы уже менялись, но спорить с ним не желал, решив про себя, что у губернатора я запишусь (сказал бы «оставлю карточку», если б она у меня была, но её не было – я только что вступал в свет), а к прочим загляну при удобном случае.

Так и сделал. К осени, однако же, надо было подчиниться губернскому режиму и делать визиты, нужные и ненужные, то есть к знакомым и незнакомым. Это соблюдается, как я увидел после, строже в провинции, нежели в столицах, и не побывать у иного в известный день – наживёшь себе недруга. Вот чем и каким делом разбавлялось, между прочим, провинциальное безделье!

Вольф ЭРЛИХ (1902–1937)

20 июня. 120 лет со дня рождения поэта и переводчика Вольфа Иосифовича Эрлиха (20.06.1902, г. Симбирск – 24.11.1937, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Детство провёл в слободе Часовня. Окончил Симбирскую мужскую гимназию (1919). В 1921 году переехал в Петроград. Дружил с Сергеем Есениным, который посвятил ему стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925). Член Союза писателей СССР. Автор сборников «В деревне» (1926), «Волчье сердце» (1928), «Арсенал» (1931), «Порядок битвы» (1933), «Книга стихов» (1934), «Необычайные свидания друзей» (1937); поэмы «Софья Перовская» (1929); книги воспоминаний «Право на песнь» (1930). Расстрелян по ложному обвинению.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Здесь плюнуть некуда. Одни творцы. Спесиво
Сидят и пьют. Что ни дурак – творец.
Обряд всё тот же. Столик, кружка пива
И сморщенный на хлебе огурец.

Где пьют актёры – внешность побогаче:
Ну, джемпер там, очки, чулки, коньяк.
Европой бредит, всеми швами плачет
Недобежавший до крестца пиджак.

И бродит запах – потный, скользкий, тёплый.
Здесь истеричка жмётся к подлецу.
Там пьёт поэт, размазывая сопли
По глупому прекрасному лицу.

Но входит день. Он прост, как теорема,
Живой, как кровь, и точный, как затвор.
Я пил твоё вино, я ел твой хлеб, богема.
Осиновым колом плачу тебе за то.

О СВИНЬЕ

Когда, переступив все правды, все законы
И заложив полвека под сукно,
Свои медлительные панталоны
Ты выведешь перед моё окно,
И улыбнутся вдруг тебе свиные рыла
Багровой свиткою несожранных чудес,
И ты внесёшь лысеющий затылок
И жир на нём под холстяной навес,
И наконец, когда войдёшь ты в лавку

И хрюкнешь сам, не подобрав слюны,
И круглый нож, нависший над прилавком,
Тебе нарежет стопку ветчины,
Припомни друг: святые именины
Твои справлять отвык мой бедный век.
Подумай друг, не только для свинины –
И для расстрела создан человек.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

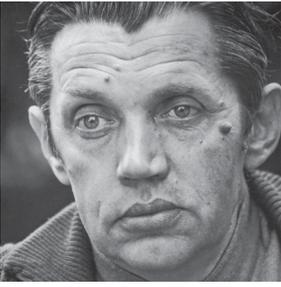
Под пиджаком идёт жилет. Под ним
Лежит рубаха. Под рубахой – кожа.
Под кожей нерв идёт путём своим,
И он до дна поэзией исхожен.

Забудь о нём. Иль нет, пройди его.
Иль лучше так – продень его в иголку
И песню шей. Иль лучше ничего
Не делай ты. Я вовсе сбился с толку.

В метафоре запутался совсем.
Ведь это ж всё тревожней и чудесней.
Ну как сказать, чтоб быть понятным всем?
Кишки на стол, и это – будет песня!

Я ничего не жду в прошедшем,
Грядущего я не ищу,
И о тебе, об отошедшем,
Почти не помню, не грущу.
Простимся ж, русский! Мир с тобою!
Ужели в первый вешний день
Опять предстанет предо мною
Твоя разыскивающая тень?

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (1932–1994)

20 июня. 90 лет назад родился поэт и переводчик Роберт Иванович Рождественский (20.06.1932, с. Косиха Западно-Сибирского, ныне Алтайского края – 19.08.1994, г. Москва). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1956). Член Союза писателей СССР (1954). В ноябре 1966 года приезжал в Ульяновск, жил в гостинице «Волга», выступал в Доме офицеров; в издательстве «Ульяновская правда» встретился с журналистами, провёл встречу в Мелекесе. Автор «Песни об Ульяновске» на музыку А. Бабаджаняна (1976). Лауреат Государственной премии СССР (1979). Автор сборников «Флаги весны» (1955), «Реквием» (1963), «Баллада о красках» (1976), «За того парня» (1986), «Последние стихи» (1995) и др.

ПЕСНЯ ОБ УЛЬЯНОВСКЕ

Года проходят за годами,
не повторяясь никогда.
Гордятся люди городами,
людьми гордятся города.

Останься славой поколений,
широкой песней отзовись.
Однажды здесь родился Ленин,
а значит, все мы родились.

Гляди влюблённо и привольно,
как, проходя через века,
к твоей груди прильнула Волга -
России главная река.

Ульяновск, Ульяновск
в размахе синей высоты.
Ты вечен, Ульяновск,
как Ленин, вечен ты.

Бренный мир,
будто лодка, раскачивается.
Непонятно, – где низ, где верх...
Он заканчивается,
заканчивается –
долгий,
совесть продавший –
век.

Это в нём,
по ранжиру построясь,
волей жребия своего,
мы, забыв про душу, боролись,
надрывая пупки, боролись,
выбиваясь из сил, боролись
то – за это,
то – против того!..
Как ребёнок, из дома выгнанный,
мы в своей заплутались судьбе...

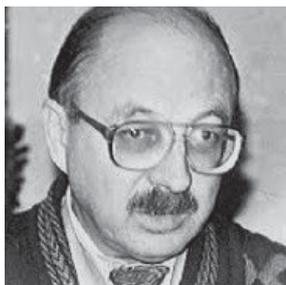
Жизнь заканчивается,
будто проигранный,
страшный
чемпионат по борьбе!

В государстве, где честные наперечёт,
всё куда-то уходит,
куда-то течёт:
силы,
деньги,
двадцатый троллейбус,
искорёженных судеб нелепость...
Всё куда-то уходит,
течёт не спеша:
воспалённое лето,
за летом – душа.
Облака в оглушительной сини.
Кран на кухне.
Умы из России.

Маргарита СТРУЙСКАЯ (1772–1859)

250 лет назад родилась переводчица Маргарита Николаевна Струйская (1772, ?– 1859, с. Рузаевка Инсарского у. Пензенской губ., ныне г. Рузаевка в Мордовии). Из дворянской семьи. Старшая дочь писателя Н.Е. Струйского. Целыми днями сидела в кабинете отца, куда только она и допускалась, и под диктовку записывала его стихотворения и переводы с иностранных языков. Из собственных переводов при жизни был напечатан лишь один: книга Джона Грегори «Завещание некоторого отца своим дочерям, изданное покойным доктором Григорием в Эдинбурге» (1791). С 1834 года была владелицей села Юрловка Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне Базарносызганского района Ульяновской области).

Виктор ТРОШИН (1952–2010)

20 июня. 70 лет со дня рождения прозаика, поэта, драматурга Виктора Николаевича Трошина (20.06.1952, г. Барыш Ульяновской обл. – 23.06.2010, г. Сызрань Самарской обл.). Окончил Саратовский геологоразведочный техникум. Работал в Казахстане, в Среднем Поволжье, в Бурятии. Член Союза писателей России (1994). С 1996 года жил в Сызрани, был редактором журнала «Сызрань» (1998–2005). Автор книг прозы «Здравствуй, утро!» (1988), «До последнего дня» (2010); театральных постановок «Рождество Христово» (1993, Улан-Удэ), «Дождь на заре» (1999, Сызрань) и др. Лауреат премии «Признание» в номинации «Литература» (2004, Сызрань), конкурса среди авторов-инвалидов Самарской области (2005).

ГРЕХ ЮНОСТИ (отрывок из повести)

...Итак, я вернулся с практики в середине октября. К тому времени я порядком отбилась от родной семьи и навещался к ней, сознаюсь, уже с некоторой неохотой, лишь по велению сыновнего долга. Пробыл дома не больше недели, и хотя до занятий в техникуме оставалось ещё столько же, но меня неудержимо потянуло прочь от родного очага. Путано и совсем неубедительно соврал маме, что пораньше мне надобно появиться в этом году в техникуме – сколько-то там зачётов на мне с прошлого учебного года висит, поскорее сдать их надо, а то без стипендии останусь. Мама не поверила, конечно, но удерживать не стала. И я... с облегчённым сердцем поехал.

К вечеру добрался на полупустой электричке до Сызрани. То ли пешком, то ли на маршрутке, сейчас уж и не припомню, перебрался на другой железнодорожный вокзал – Сызрань-город – и сразу же (время-то осеннее, беспассажирное) приобрёл плацкартный билет на традиционный поезд свой Казань – Волгоград.

Крупными мягкими хлопьями густо падал первый снег, когда вышел я по объявлению на перрон к поезду. Было уже довольно-таки позднее время.

Ярко горели пристанционные фонари, и хлопья снега в их голубоватых лучах казались ещё крупнее, ещё мохнатее, сами светились голубовато. Было тихо-тихо, безветренно – снег кружился плавно, неторопливо, сам по себе. Картина изумительная, успокаивающая самую неугомонную душу. И вот из-за последнего поворота вынырнул слепящий прожектор, пронизывая ярким белым лучом это сказочное снежное царство. А вот и надвинулся на меня сам поезд, степенно поплыл мимо. Уплыл куда-то за зданьце вокзала вагон-ресторан с ярко освещёнными окнами. Окна остальных вагонов были либо совсем темны либо освещены «ночниками». А снег всё кружил и кружил под какую-то неслышную, но, должно быть, очень красивую мелодию.

Бежать в поисках вагона, как обычно, в тот раз совсем не хотелось: и сказочная тихая ночь, убаюканная кружением снега, меня как будто тоже убаюкивала, и никто не бежал мимо, не кричал, не суетился, изнемогая от тяжёлых узлов и чемоданов, как бывает почти всегда, когда прибывает

наконец-то долгожданный поезд. Нет, ничего этого не было: к своему вагону в конце поезда я шёл один-одинёшенек – неразлучная гитара через одно плечо и лёгкая спортивная сумка – через другое. А снег всё кружил и кружил.

Когда я неторопливой, валкой походкой дошёл до тамбура своего вагона, навстречу мне, сверху, сыпанула весёлая, шумная компания девчат и парней. Я едва успел отскочить в сторону, чтобы не подмяли. И зазвенели чистыми серебряными колокольчиками, как-то очень естественно вписавшись в эту чудную ночь, милые девичьи голоса:

– Ой, девочки, как хорошо-то!..

– А я крупную-прекрупную снежинку поймала!.. Ой, и уже растаяла!..

– В снежки, в снежки поиграем!

– Ой, Эльвирочка, ты же мне прямо за шиворот!..

Парни, их было двое, стояли возле меня и снисходительно посмеивались над развеселившимися подружками. А те, видно, измаявшись от неподвижности в вагонной тесноте, словно красивые ночные бабочки в своих ярких развевающихся платьицах, бегали друг за дружкой по платформе, озорно смеялись и были так откровенно счастливы, что мне сделалось обидно оттого, что я не знаком ни с одной из них, что не могу вот так запросто подлететь к какой-нибудь и закружиться вместе с ней и вместе с этими крупными хлопьями снега. А они, на зависть мне, всё резвились и всё хохотали. И верховодила ими полненькая, эдакая со стороны славенькая девушка в зелёном, «с искринками», платье, с длинными, ниже пояса, густыми распущенными волосами. «А ничего... от кого закадрить бы...» – цинично, должно быть, в отместку подумал я.

По вокзалу объявили отправление поезда. Парни и девчата заторопились в вагон. А та девушка осталась. «Она что, глухая, что ли?» – почему-то рассердился я и тоже, совершенно ненамеренно, остался на платформе.

А девушка как будто и не собиралась ехать дальше: запрокинув голову, она ловила ртом снежинки и самозабвенно кружилась под ту музыку, которую я так и не смог услышать, хотя и чувствовал, очень даже хорошо чувствовал, что она, эта музыка, обязательно должна звучать...

Евгений АНТАШКЕВИЧ (р. 1952)

20 июня. 70-летний юбилей отмечает писатель Евгений Михайлович Анташкевич (р. 20.06.1952, г. Урюпинск Волгоградской обл.). Окончил Высшую школу КГБ СССР (1975). Собирая материалы для своих книг, не раз бывал в творческих командировках в Ульяновске (2007, 2013, 2015). Автор романов «Харбин» (2012), «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине» (2013), «Хроника одного полка. 1915 год. В седле» (2015), «Хроника одного полка. 1916 год. В окопах» (2016). Член Союза писателей России. Лауреат премии им. И.А. Гончарова за романы «Хроника одного полка» в номинации «Мастер литературного слова»; присутствовал в Ульяновске на её вручении 19 июня 2016 года. Живёт в Москве.

ХАРБИН (отрывок из романа)

Тельнов пожал плечами и вышел, а Байков сидел и тихо радовался неожиданному и столь блестящему финалу игры, потом встрепенулся и спросил:

– Саша, пока я мороковал с картами, вы говорили о чём-то интересном!

– Да, – подтвердил Устрялов. – Александр Петрович хотел что-то рассказать забавное, про какой-то случай, в сентябре восемнадцатого в Симбирске... – Он обратился к Адельбергу: – Вы что, имели там дело с Лениным?

Адельберг не спеша собрал карты и поставил на середину стола коньяк и вазу с фруктами.

– Не совсем так, конечно. Вообще-то Николай Васильевич рассказывал о том, что Ленин сильно болен и даже неработоспособен...

– Это я знаю, он даже в Кремль не показывает, а ты про что рассказывал?..

– Я рассказывал, что осенью, а дело было в восемнадцатом, в Симбирске, но, Николай Васильевич, – Адельберг поставил рядом рюмку профессора и стал наливать коньяк, – в то время, насколько мне известно, Ленина там не было, просто такая фантазия пришла в голову, что если бы он там оказался...

– А что за фантазия, Саша, расскажи!

Адельберг налил всем.

– Всю весну восемнадцатого года я провёл в Москве, разыскивал своих родителей и пытался найти генерала Мартынова, ты его помнишь, Николай.

– Конечно помню, в первые дни германской он попал к австрийцам в плен.

– Да, повоевать ему не пришлось...

– А он, насколько мне известно, здесь в десятом году командовал замурцами? – поинтересовался Устрялов.

– Так и есть, был нашим с Николаем Аполлоновичем командиром...

– И неплохим, – подытожил Байков.

– Так вот! – продолжил Адельберг. – В конце весны, когда на Волге поднялись чехи, я решил, что пора мне двигаться на восток...

– А давайте, господа, – перебил его Байков, – помянем те времена! Много было надежд...

Тельнов всё не возвращался, и Адельберг, Байков и Устрялов подняли рюмки.

– Извини, Саша, продолжай!

– ...До Симбирска я добирался долго... сами помните, какие были дороги и что творилось на железке...

– А почему в Симбирск? Ты мне этого не рассказывал! – снова перебил его Байков.

– Туда в июле 1917 года уехали родители Анны и пропали...

– Как твой?

– Наверное! Никто не знает! Выяснить не удалось! Так вот, в Симбирск я приехал как раз в разгар боёв. Суета была и полная неразбериха. Все одеты одинаково, все стреляют. Кто? В кого? наших можно было отличить только по белым повязкам на рукавах да по остаткам формы, ещё императорской.

– А ты был в чём?

– В гражданском, конечно! В чём же я ещё мог быть, если приехал из Москвы? Носить мундир было опасно! Невозможно! Так вот, я прямо на улице прихватил валявшийся рядом с каким-то убитым револьвер и стал пробираться к берегу Волги. наших, то есть симбирцев, красные уже теснили; у них за спинами, как говорили, маячил сам Троцкий, в своём автомобиле...

– Это там его чуть не поймали?

– Нет, по-моему, это было то ли в Казани, то ли в Свияжске... Многие, в том числе и я, кто пешком, кто как, пробивались к железнодорожному мосту. Надо было перебраться через Волгу и соединиться с отрядом Каппеля. На мосту была кутерьма, стрельба была такая, что казалось, пули летали пачками... Но удалось! Где пешком, где ползком, я добрался до конца последней фермы и ссыпался с насыпи, прямо кубарем, и тут бабахнуло... Взрывная волна была такой силы, что уложила всех на землю...

Адельберг секунду помолчал и затянулся папирсой.

– Взрыв был мощный, но мост устоял... А левый берег Волги – кто там был, тот помнит – низкий, правому, городскому не ровня, на правом возвышается Венец. Так вот, артиллерия Каппеля, всего несколько орудий, стреляла по красным из низины, с левого берега, с закрытых позиций. Красные засели как раз на Венце, на самой высокой части. Потом выяснилось, что Каппель расположил свой штаб так, чтобы видеть отступление симбирцев, то есть совсем недалеко от моста, в лощине рядом с железнодорожной насыпью. Тут вижу: к нам – а людей, тех, кто только что перешёл на этот берег, было много – скачет три кавалериста – хорошим таким галопом. Артиллерия красных в это время перенесла огонь и стала обстреливать насыпь, справа и слева...

Тимофей МАЛЬГИН (1752–1819)

21 июня. 270 лет назад родился писатель, переводчик Тимофей Семёнович Мальгин (21.06.1752, ? – 09.08.1819, г. Москва). Обучался в Академическом университете в Петербурге. В 1768–1773 гг. принимал участие в экспедиции И.И. Лепёхина в Поволжье и на Урале; зиму провёл с ним в Симбирске. В 1791 году был избран в члены Российской академии. Составил «Зерцало российских государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования, кончины и вкратце деяния с достопамятными происшествиями» (1789), которым пользовался Г.Р. Державин. Автор сочинений «Ратник российский», «Чиновник российский» (1792); перевёл «Записки Манштейна» (1823) и др.

Александр ЛЕБЕДЕНКО (1892–1975)

21 июня. 130 лет со дня рождения писателя Александра Гервасьевича Лебеденко (21.06.1892, г. Черкассы Киевской губ. – 09.12.1975, г. Ленинград). Член Союза писателей СССР (1934). В 1937 году осуждён на 10 лет, отбывал срок в колонии в Киндяковке (Ульяновск). В 1948–1955 годах жил в ссылке в Мелекессе; работал истопником, написал роман «Лицом к лицу», основал литературное объединение «Черемшан» при местной газете. Реабилитирован в 1955 году. Автор романов «Тяжёлый дивизион» (1933), «Дом без привидений» (1963), «Шелестят паруса кораблей» (1970); повестей «Первая министерская» (1934), «Девушка из тайги» (1960), «Ошибка в пути» (1961), «Зоя» (1965), «Елена Кирилловна» (1966) и др.

ТЯЖЁЛЫЙ ДИВИЗИОН (отрывок из романа)

Утро дымилось над Невою. Над мостами, над академией, над красными столбами роствергов поднималось розовое полотно, в которое сверху, из глубины небесного купола, струилось голубое. В тумане, как зарытый в землю по гранитным плечам великан в золотом шеломе, хмурился Исаакий. Белые колонны на золотистом фасаде Синода и Сената стояли ровными столбиками, вделанными в мозаику этого города, чтобы соединить понятие о красоте с понятием о стройности и порядке.

За серым забором крепости кверху взлетал самый воздушный из всех соборов, скорее намёк, почти символ.

Остриё над низким каменным массивом неизменно возвращало мысли Андрея к истории этого города. Площади, дворцы, казематы, соборы, казармы и замки выстраивались внезапно в другом порядке, и люди приобретали новое отношение к местам и предметам.

Остриё над каменной кладкой – это была мудро задуманная марка-герб, осуществлённая в больших размерах, особняком поставленная на островке, чтобы долго, на века, никакой случайный сосед не мог испортить игру простых и уверенных линий.

История страны, конечно, начиналась с Петра. Окно в Европу распахнулось над колыбелью. Всеволод Большое Гнездо – это легенда, Иван Грозный – привидение, Годунов – только прообраз. Величайшая трагедия раскрылась бы в простых вещах, стоящих за этими именами. Было лучше всего перенести их на геральдический щит и оставить в гербарии истории. В двадцать один год историю любят как девушку, как мелькнувшее со страниц учебника и прижившееся видение, любят ревниво и с презрением к упрямым законам жизни.

Город каруселью кружился на оси острия, неслись кареты, придворные лакеи куклами стояли на запятках, скакали гвардейцы в излишне натянутых лосях, монахи трясли козлиной бородой, а за нераскрывающимися стенами крепости, может быть, ходил сказочный кот на золотой цепи.

Но здесь же дремали казематы Петропавловки. Трезвая пушка знала точно время полдня. Предания о виселицах были свежее иных современных событий, и карусель рассыпалась, и деловые пешеходы спешили к мостам и узким зёвам многочисленных канцелярий.

Дома, замки, дворцы, музеи становились опять на свои места, и за мостом пожилым иностранцем в мещанской нахлобученной шляпе вставал университет.

Равнодушный сторож, не оглядывая, пропускал студентов во двор, где дрова закрывали первые этажи флигелей и пристроек, и, спасаясь от весенней грязи, студенты ныряли в полузакрытый проход под вторым этажом, который невиданным балконом опёрся на сотню тупых растрескавшихся каменных столбов.

Здесь до самого конца галереи тянулась шеренга чёрных шинелей и барашковых шапок, через правильные промежутки рассекаемая светло-серым сукном околоточных. Живая стена уходила так далеко, что и шинели, и барашковые шапки сливались в одну линию. Казалось, провели тушью толстую черту, а над ней для красоты и графической чёткости – тонкую.

Городовые провожали глазами каждого студента, и каждый студент считал долгом пройти вдоль вражеского ряда особенно молодцевато. Пульс, несомненно, учащался, но ничто непосредственно не угрожало, и потому молодцеватость давалась легко.

К тому же за последние годы городовые стали слишком частым явлением в университете. Иногда их бывало больше, чем студентов.

Если судить по длине шеренги и по количеству серебристых шинелей, сегодня предстоял большой день. Дверь в вестибюль была открыта, и шеренга чёрных, мордастых, плечистых людей завернула в раздевалку. Она втянулась на первые ступени лестницы и здесь закончилась серебристо-серым толстым помощником пристава в белых перчатках и свежей портупее.

Проходя, студенты старались толкнуть городовика, а то и серебристую шинель. Сверху спускалась чёрно-зелёная волна студенчества. Между околоточным и студентами оставалась нейтральная зона – один марш лестницы.

Студенты, бравирюя, швыряли вниз окурки и спрашивали, кричали полицейскому офицеру, как он смел ворваться в стены университета.

Андрей прошёл вдоль шеренги городских так же, как и другие, грубо оттолкнув ставшего на нижней ступеньке городовика, и, раздевшись, поднялся во внутренний коридор. На всём протяжении этой чудовищной галереи с сотней широких окон стоял туман от дыма папирос. Топот тысяч ног боролся с рокотом разговоров. У дверей сбилась толпа, как у ярмарочного балагана...

Светлана СМІРНОВА (р. 1952)

24 июня. 70 лет исполняется чувашской поэтессе, певице Светлане Васильевне Смирновой, творческий псевдоним – Светлана Азамат (р. 24.06.1952, д. Задние Яндоуши Канашского р-на Чувашской АССР). Окончила Чувашский государственный университет (1993). Член Союза писателей России (1997). Не раз бывала в Ульяновской области. Автор сборников «Млечный путь» (1986), «Тёплый ветер» (1991), «Стихи под настроение» (1996), «Голос» (1999), «В приоткрытую дверь» (2000), «Скакало Время» (2003), «Чудо-сон» (2006), «В лабиринтах любви» (2011) и др. Лауреат премии им. И.Я. Яковлева (1994, Ульяновск). Заслуженный работник культуры Ульяновской области (2011). Живёт в Чебоксарах.

ПАМЯТЬ

Павшие листочки
Побросала в речку,
Ивушка над речкой
Загорелась свечкой...
Жёлтые листочки
Покидают ветки,
По весне откроют глазки
Почки-новодетки.
Волосы растрёпаны,
Личико заплакано,
Видно, эта женщина
Горюшком охвачена.
Был сынок-росточек,
Как листок сорвали.
В лютых войнах погибать
Детушек рожали?
Буйный ветер, унеси
Всхлипы её вдаль,
А на что за подвиг сына
Матери медаль?
Почерневшая от горя
Горьки слёзы льёт
И в руках своих дрожащих
Кепку сына мнёт.
Ивушка над речкой
Ветви опустила.
Мать на кепку сына
Очи уронила.

МОЛВА

Задорная песня
С печальным концом,
Рассталась с дарёным
Мне милым кольцом.
Колечком кружилась
От встреч голова.
«Стыдитесь, не смейте!» –
Хлестала молва.
Молва исхлестала нас
Розгами сплетен.
В своих-то глазах
И чиряк не заметен...
Мы любим
Печальные песни певать:
Певать и рыдать,
Обсуждать, рассуждать.
Жалеем мы в песнях
Судьбой разлучённых.
Судьбой ли? Свирепой
Молвой разведённых...
От зла и от зависти
Гибнем бездумно.
Привычно нам жизнь
Разрушать неразумно.

Иероним ФАРМАКОВСКИЙ (1732–1783)

290 лет со дня рождения проповедника, писателя Иеронима Фармаковского (1732, по другим данным 1735, с. Манаково Синбирской провинции Казанской губ., ныне д. Красная Якла Сурского р-на Ульяновской обл. – 14.08.1783, г. Владимир). Обучался в Казанской семинарии. Был настоятелем ряда монастырей Казанской епархии. В 1770 году посвящён в сан епископа Владимирского и Муромского. Во Владимирской семинарии открыл класс поэтики. Первая проповедь появилась в печати в 1769 году. Некоторые проповеди перепечатывались и после его смерти. В 2019 году экспертный совет Российской государственной библиотеки отнёс к книжным памятникам издания Иеронима Фармаковского, имеющиеся в этом учреждении.

Фёдор СОЙМОНОВ (1692–1770)

330 лет назад родился навигатор, исследователь Каспия и Сибири, писатель Фёдор Иванович Соймонов (1692, г. Москва – 22.07.1770, там же). В 1719 году был отправлен по Волге на Каспий по заданию Петра I для установления торгового пути; в 1722-м принял участие в Персидском походе; плавая по Волге, не раз бывал в Синбирской провинции Казанской губ. Издал «Описание Каспийского моря, от устья Волги, от притока Яркового, до устья р. Астрабацкой» (1731) и «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого» (1763). Автор сочинений «Морской светильник, или Описание Ваяжского моря» (1734), «Сибирь – золотое дно» (1761) и др.

ИЗ ЗАПИСОК СОЙМОНОВА (отрывок)

В начале 1732 года генерал-прокурор граф Ягужинский отправлен был к Прусскому двору послом, а дела поручены были генерал-прокурора обер-прокурору Маслову, от которого я по тому же на моё доношение никаких резолюций не получил; от того коллежские члены немало своевольнее стали, однако и я, несмотря на ту перемену, без всякого страха должность мою исправлять старался.

В начале того ж года последовал несколько непохвальный случай адмиралу Сиверсу, а именно: граф Миних получил именной указ с учинённой присягою наследнику, кто от Ея Императорского Величества определён будет, о чём и в адмиралтейскую коллегию про меморию сообщил, на которую адмирал в присутствии публично объявил, что он сам присягать не будет и команду приводить не будет, не объявля такой причины, но то единое, что к нему особого указа не прислано; прочие члены хотя в том и спорили, однако он остался при своём мнении. По небытности моей в то время в коллегии, коль скоро вице-адмирал Сенявин из коллегии в дом приехал, тотчас по меня прислал и по приезде моём к нему в дом рассказал мне, что у них в коллегии происходило, а при том положили обще, что несмотря на упрямство адмиральское, на другой день рано ехать в собор к присяге, о чём и другим членам коллежским и нижним в команде командирам сообщили.

На другой день часа за три до свету в соборной Троицкой церкви, в присутствии графа фон-Миниха, команды полков его присягать начали; мы собрався все, кроме адмирала Сиверса, разных командиров и адмиралтейских членов больше 30 человек, к Миниху в церковь потому же до свету приехали и объявили себя готовыми присягу учинить; граф спрашивал адмирала Сиверса, мы сказали уповаем, что и он скоро будет. Миних знатно ведал о происшедшем, усмехнулся; потом адмирал знатно ведал, что мы поехали, не меньше четверти часа приехал, потом стоял с Минихом на клиросе, по французски говорил, и хотя мы не разумеем, однако догадываясь что о чём нибудь только похоже на спорный разговор, а потом все и присягу учинили, а в первом часу и команду адмиралтейскую и морскую сколько было в Петербурге привели.

Адмиралтейской коллегии члены того ж часа в Кронштадт и в другие порты курьеров с указом учи-

нить присягу отправили. Я признаюсь в том, ежели б я был накануне, и когда он в коллегии спорил, уповаю чтоб он того же часа команду потерять принуждён был; однако потом полагать нам казалось, что не прошло ему сие, как ниже покажется.

В начале или в половине Ея Величество из Москвы в Петербург шествовать изволила, граф Миних встречал Ея Величество. От адмиралтейства у Зелёного моста построены были трумвальные ворота, на которых поставлены были многие картины резные; две или три роты монгардии в новом мундире с позументом при тех воротах на оба фланга стояли, коллежские так и другие команды стояли, Ея Величество поздравляли; потом адмирал несколько из горнадеров в новом мундире представлял. Во дворце однако было то принято. Граф Миних перед конною командою ехал верхом с обнажённою шпагою, полки по всей прешпективной по обеим сторонам в две ширинки поставлены были; трумвальных ворот ещё были двои или трои у моста стояли.

Через месяц после того именной указ последовал о учреждённой военной морской комиссии, в которую определены: первым кабинет-министр граф Остерман, второй вице-адмирал Сенявин, третий вице-адмирал Сандерс, четвёртый генерал-инспектор и вице-адмирал граф Головин, пятый контр-адмирал Дмитриев-Мамонов; адмирал и вице-президент Сиверс не упомянут.

Потому почти все утвердились, что по какой-либо причине прочие не в благополучии его признавали, что потом и в самом деле последовало.

С того времени адмирал в немалой печали находился, и хотя многие об нём сожалели, однако ж адмиралу то сожаление без помощи пользует. Я с моей стороны по совести признаюсь, что он был такой адмиралтейству способный человек, что едва был ли кто другой ему подобный: во-первых, умный, российский язык читать и писать толк знал, что с природным российским почитаться мог; прилежание такое имел, что почти каждый день до часу до свету видали его в коллегии, почти все работы осматривал, лихоимства так чужд был, что когда по несчастью его последовала комиссия, ничего не нашлось; что же и по комисским при коллегии ссорам, одно похлебство иноземцам в приёме у них иногда, и то больше к спеси и высокомерной его власти, а не к лихоимству причитать надлежит...

Капитон МИЛЬКОВИЧ (1747–1836)

275 лет назад родился автор первых этнографических очерков о народах Поволжья Капитон Сергеевич Милькович (1747, ? – между 1812 и 1836, Оренбургская губ.). В 1776–1785 годах служил в Симбирской межевой конторе Симбирского наместничества; трудился уездным землемером в Буинске. В 1783 году по программе Вольного экономического общества подготовил и представил очерки о быте и верованиях чувашей, мордвы и татар, которые исследователь Т.Г. Масленицкий включил в книгу «Топографическое описание губернии Симбирской...» (1785). В 1785 году становится губернским секретарём, затем землемером в Казанской губернии. Очерки «О чувашах» опубликовал в журнале «Северный архив» (1827).

О ЧУВАШАХ (отрывок из очерка)

Чуваши, вообще, лицом бледны, в делах нерасторопны и в образе жизни грубы. Они склонны к разным суевериям и многобожию; легковёрны, предприимчивы, но при том робки и смиренны. Главным их упражнением бывает хлебопашество и прочие земледельческие работы: рукоделий же или ремёсел никаких не имеют.

Летом они живут в шалашах, выстроенных из хорошего леса; зимою же в избах чёрных и тёмных, потому, что свет проходит в избу только в небольшую, полукруглую дыру, вырезанную на двери, а хотя и находятся ещё два маленькие, волоковые окна, сделанные в стенах на восток и север, но отворяются весьма редко; а живущие в отдалении от русских оконниц не имеют.

Пища у чуваш весьма бедная, состоящая более в молоке и сваренных в воде маленьких кусочках полбеного хлеба, которое кушанье они называют яшка. Они едят также варёную в воде или вяленую рыбу, известную под именем бешеной (сявурнан-пола). Пребывающие из них в язычестве гнушаются свининою: это обыкновение они переняли от татар. Что же случится из пищи получше, то чуваши берегут или для приезжающих к ним людей, или на продажу.

Их напитки состоят почти из одного только пива. Они варят его весьма часто, посвящая бочки с ним своим благотворным божествам; редкий месяц проходит без того, чтобы самый бедный чувашенин не варил пива. Приезжающих к ним они угощают одним только своим пивом. Для отменного гостя только они жарят в масле два или три маленькие кусочка ширтана, делаемого ими летом из бараньего или из оставшегося от жертвоприношения разных животных жареного мяса, которое, изрезав и посолив, начинивают в бараньи кишки и коптят; да и те два-три кусочка хозяин с гостями, потчусь между собою, делят ещё частей на десять и более.

Чуваши, не зная письма, не имеют у себя и законов письменных. Но закон естественный, начертанный у каждого в сердце, заставляет их сожалеть о несчастном и давать помощь просящему и не желать того другому, чего себе не желают: почему они и почитают за грех всякую обиду.

Они весьма добродушны и, не привыкши извлекать своё усердие на словах, оказывают оное на самом деле: кто бы к ним ни заехал, если он пока-

зывает собою вид постоянного и обходительного человека, всегда бывает ими принят с радушием и угощаем всем, что у них на тот раз случится. Всякого, приходящего к ним, они приветствуют, говоря: перне-бурнась, то есть, мы хотим всегда жить с тобою в сообществе.

Чуваши весьма чувствительны и признательны к благодеяниям, им оказанным; ибо они оказывают нелицемерные знаки своей благодарности за то не только одним благодетелям своим, но и родственникам их и даже через долгое время после смерти первых.

Они считают своего государя за владычествующее над ними и благодеющее им божество, и потому для изъявления своего истинного благоговения к сей обожаемой ими высочайшей особе они посвящают ей вместе с богом вышним в жертву первую и лучшую, по их мнению, пищу и питиё, приготовленные из новосозревшего хлеба, как о том было выше упомянуто; потом ещё и в другие времена года, они приносят жертвы государю вместе с другими, благодеющими им божествами. Они имеют о сих божествах такое мнение: что бог вышний ниспосылает им дождь и изобилие, солнце производит времена года и жатву, согревает землю и растит плоды, а государь даёт им землю, производящую им пищу и плоды, поля, леса, луга, воды и прочие выгоды, зашиту, управление, законы и судей, коих они называют по своему *тюря*, что значит справедливо или точно. Хотя же причина перемены времён года, действия солнца, земли и прочих существ превосходит их понятие и непостижима ими, но они чувствуют и видят благотворность оных действий: от солнечной теплоты созревают их плоды и жатва, происходящие и растущие на земле; поля, леса и воды доставляют им разные свои произведения, служащие к пользе и удовольствию; они видят, как иногда хлеб родится хуже там, где они употребляли много трудов и старания, нежели там, где они старались посредственно. По сим причинам они, привыкши издавна обожать сии непостижимые, но благодеющие им существа, привыкли с тех же пор обожать и самую высочайшую особу государя и чтить её вместе с богом вышним и прочими подобными им божествами жертвами, как виновницу их пропитания, защиты и прочих благ.

Николай ШИПОВ (1802–1882)

220 лет со дня рождения путешественника, мемуариста Николая Николаевича Шипова (1802, слобода Выездная близ г. Арзамаса Нижегородской губ., ныне пгт. Выездное Арзамасского р-на Нижегородской обл. – 1882, ?). Был крепостным крестьянином помещиков Салтыковых. В 1814–1819 гг. перегонял с отцом на продажу скот из степей Симбирской и Оренбургской губерний на Макарьевскую ярмарку, в Ростов и Москву. Не раз бывал в Симбирске, торговал здесь пушным товаром и скотом. В 1877 году передал в журнал «Русская старина» автобиографию «История моей жизни и моих странствий», которая вышла в виде воспоминаний «История моей жизни» (1881); рассказывает в них о Симбирской губернии.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ (отрывок из воспоминаний)

От Бугуруслана гурты прогонялись или на Симбирск, или к Бугульме и Казани. Здесь также случалось не без препятствий и задержек от чуваш и калмыков. Чувашаи народ зловредный. Зная, что в известное время по их дачам и лесам прогоняются гурты баранов, они вырывают в лесу ямы и ставят в них петли; проходящий скот падает в эти ямы и таким образом делается добычею чуваш. Если же такая уловка им почему-либо не удавалась, то они прибегали к другому средству.

Со мной был такой случай. Прогнали мы свои гурты близ одной чувашской деревни (Имуткиной), по просёлочному пути, минуя чувашские степи вёрст пять. Желая попользоваться от нас за проход какой-нибудь добычей, чувашаи, более ста человек, догнали нас и остановили, говоря, что скот наш потоптал их луга. Я понял, что при сопротивлении могут быть для нас худые последствия, и поэтому, приказав своим приказчикам гнать гурты далее – на дачу Обошную, сам поехал с чувашами в их деревню на отличной верховой лошади. Дорогою, как ни зорко наблюдали за мною чувашаи, как ни стерегли, но я перехитрил их и прискакал на моём резвом коне к своим гуртам, которые я догнал близ Шалашниковой степи, у мельницы, на речке Сохе.

Отсюда шли мы на Сергеевское, Ормянку, Хилково, Тростянку, Хорошеньку, Килянку, на Новый Буян и Узуково. Далее пролегалли верст на 50 калмыцкие степи, которые примыкали к Волге, и я почёл за нужное спросить позволения у калмыцкого начальника, проживающего в Ягодном улусе, пройти по этим степям. Послал к нему с этою целью одного из приказчиков; чрез несколько времени явился ко мне сам начальник, из калмыков, с двумя драбантами. Я его почтительно принял, достожджно угостил и на дорогу снабдил бараниной; за это он позволил мне свободно прогонять гурты по степи и беспрепятственно пользоваться пастбищем.

Придя к Волге, я договорил климовских крестьян перевезти на другой берег баранов, по 5 копеек за штуку. Переправа эта очень хлопотлива. Отсюда мы погнали гурты обыкновенным путём – на Буинск, Курмыш и домой, в слободу, куда скот обыкновенно приходил около 20 сентября или к половине октября месяца, и тут же, немедленно при-

нимались его резать в особо устроенных при доме бойнях и салотопнях.

Кроме указанных мною неудобств, встречающихся при прогоне скота, приходилось ещё ведаться с разбойниками, которые властвовали в тех местах поистине беспрепятственно. Например, по эту сторону Волги, близ села Собакина (Симбирской губернии), грабил и разбойничал отставной солдат Безрукий со своими удалыми товарищами. В 1816 году отец отправил домой нашего приказчика Баранина, верного и надёжного человека, с двумя гуртами и семью рабочими. Гурты остановились на ночь, в четырёх верстах от Собакина, близ леса. Рано утром выезжает из лесу этот Безрукий со своими молодцами и требует от Баранина денег. Рабочие оробели, приказчик на коленях перед разбойником говорил, что у него нет денег более 10 рублей. Получив десятка два ударов нагайкой, Баранин отдал все имеющиеся при нём деньги и лучшую лошадь. Разбойники удалились в лес, а верный приказчик, приказав рабочим гнать гурты далее, сам тотчас же отправился верхом в село Собакино и заявил о случившемся с ним происшествии сельским властям. И что же услышал? «Эх, любезный, – сказали ему, – эти разбойники ограбили не тебя одного, а многих лиц, и не на столько. Мы тебе не можем оказать никакой помощи: ведь они теперь, может быть, гуляют уже по пензенской столбовой дороге. Ступай себе с Богом». Так Баранин и ушёл.

На той стороне Волги, по Общему Сырту, где пролегалли дороги в Оренбург и Уральск, разбойничал борской казак Иван Григорьев Мельников с товарищами. Этот разбойник был страшен для всех проезжающих; о нём и его подвигах ходили в народе разные рассказы, в которых было перемешивалась с небылицею. Например, говорили, что он имел заговор от ружья, т. е. что его нельзя было ни убить, ни ранить пулей. В течение нескольких лет земская полиция не могла поймать его; а если это случалось и Мельникова сажали в острог, то он уходил отсюда, как бы ни была бдительна стража и крепки запоры. Мельников никого не убивал, разве только в каком-нибудь редком и исключительном случае; любил послушание и покорность; ослушников же его приказаний и требований строго наказывал нагайкой и брал больше дани...

Иван ТУРГЕНЕВ (1752–1807)

2 июля. 270 лет назад родился писатель и переводчик Иван Петрович Тургенев (02.07.1752, крепость Святого Петра, ныне г. Петропавловск, Казахстан – 12.03.1807, г. С.-Петербург). Детство и юность провёл в родовом поместье Тургенево Симбирской провинции (позже Чердаклинского р-на Ульяновской обл.). В 1792–1796 гг. жил в ссылке в Симбирске, имел здесь свой дом. Был директором Московского университета (1796–1803). Принимал участие в издании журнала «Утренний свет» (1777–1803). Автор сочинения «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?» (1790), стихотворного переложения «Некоторое подражание песням Давидовым» (1797), перевода «Правил мудрости» Ф. Фенелона (1797) и др.

НЕКОТОРОЕ ПОДРАЖАНИЕ ПЕСНЯМ ДАВИДОВЫМ (отрывок)

Во дни уныния, печали, в грусти, в скуке,
 Во время горести, с любезными в разлуке,
 Ищу я иногда мученье прекратить
 И чувства горькие во сладки превратить...
 В минуты краткие восторга моего,
 Иль лучше я скажу, забвенья своего,
 Псалмы Давидовы в стихи преобращаю...

Из глубины к Тебе я, Господи, взываю
 И в скорби на Тебя, о Боже! уповаю.
 Услыши, Господи, моей молитвы глас,
 Когда к Тебе зову в той самый, Боже, час.
 На беззакония когда Ты назираешь,
 Кто устоит тогда, Владыко, пред Тобой?
 Я гнусен, мерзок я и пред самим собой!
 Но Ты, о Боже! чист; Ты грех мой очищаешь.
 От стражи утренней до темная зари,
 От темноты ночной до светлая денницы,
 Израиль, уповай! На Господа ты зри!
 И подкрепленья жди от сильных десницы.
 У Господа любовь и милость у Него,
 От беззаконий всех избавит Он его.

Виктория ТИХОНОВА (р. 1992)

3 июля. 30-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик Виктория Александровна Тихонова (р. 03.07.1992, г. Златоуст Челябинской обл.). Окончила Челябинский гуманитарно-педагогический университет (2014). В 2014–2018 гг. жила в Ульяновске; работала учителем русского языка и литературы в школе №31 им. Героев Свири. Публиковалась в журнале «Симбирскъ» (2015), сборнике произведений молодых литераторов «Новый Венец» (2018). Победитель молодёжного конкурса поэзии «Станция «Белая» (2015). Лауреат молодёжного литературного конкурса «Первая роса» в номинации «Проза» (2016, Ульяновск). С 2018 года живёт в С.-Петербурге. Победитель конкурса рассказов «Сестра таланта» (2020, Самара).

БЕЗРАССУДНО

Может, хочешь в подарок туман
и пластинку с концертами Баха?
Пусть тебе напеваает орган,
и рассвет обнимает с размаха.

Если хочется – я обниму
там, на улице, под светофором.
И неважно, неважно кому
не вдыхается вдруг до упора.

По ступеням чечёткой простой
моё сердце несётся вприпрыжку,
и в ответ на «Негодное! Стой!»
слышишь: «Ни за какие коврижки!»

Захлебнувшись сиренью дождя,
изрисую сто метров обоев.
Эта глупость тебе от меня.
Безрассудно. По-детски. С любовью.

Ты слышишь тот осенний вальс?
Он злобно дышит нам в затылок.
И юной осени романс
окончен. Пробыл час постылой.

У меня под кожей – вода.
И киты. И ирис с бергамотом.
Литр виски, два кубика льда
и талон к психиатру в субботу.

Вместо поступи – танца надрыв,
беспощадно, до боли, до колик.
Меня нет. Я возьму перерыв.
Вместо подписи – крестик и нолик.

Словно яблока ломтик, без сна
подрастает луна понемножку.
Меня в нос целовала весна,
как бездомную рыжую кошку.

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

Температурит за окном
простывшая сестрёнка-осень.
Не спится ночью, только днём
усталость нас на крыльях носит.

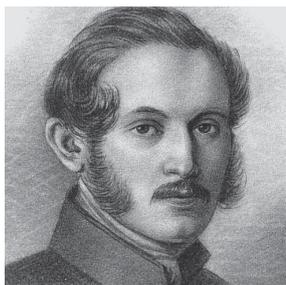
Прогнозы шелестят листвой,
дождейки бьются с тихим звоном,
а там, над мутною рекой,
промчался дребезг по вагонам.

ИГОЛКА В СТОГЕ СЕНА

Осенним дымом омертвевших листьев
дышу, и надыхаться не могу.
Давай закурим! Хочется завить мне,
упасть и спать, закутавшись, в стогу.

Я, как иголка в этом стоге сена,
потеряна в разъездах и вине.
И, вместе с летом преклонив колени,
опять молюсь о свете и весне.

Александр БЕЛЯЕВ (1802–1888)

4 июля. 220 лет назад родился декабрист, автор мемуаров Александр Петрович Беляев (04.07.1802, г. С.-Петербург. – 09.01.1888, г. Москва). Детство провёл в с. Ершово Чембарского у. Пензенской губ. Написал мемуары «Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805–1850», опубликованные в журнале «Русская старина» (1880–1881). Часть их посвящена пребыванию в Симбирске в апреле-мае 1840 года по пути из Сибири на Кавказ; гостил в Симбирске у родных сестёр, встретился здесь со своими друзьями. Позже был управляющим имением Л.К. Нарышкина в Поволжье. Автор нескольких духовных сочинений, заметок о декабристах и писателях А.И. Одоевском, Д.И. Завалишине и др.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАБРИСТА (отрывок из мемуаров)

Теперь чем далее мы ехали, тем сильнее становилось нетерпение наше при мысли о свидании с милыми и нежными сёстрами. Одна из них просила разрешения ехать к нам, чтобы разделить жизнь свою с нами, но не получила разрешения. Ближайшим от Екатеринбурга городом была Пермь, затем Казань, поразившая нас своим поистине столичным видом: прекрасные величественные здания, многолюдство, торцовая мостовая, множество церквей, из которых некоторые очень древние.

Пробыв в Казани дня два, мы выехали уже прямо в Симбирск. Вот уже 16 лет прошло, как мы из Ершова выехали в Петербург и с тех пор не виделись с родными, а мать наша скончалась несколько лет ранее нашего возвращения, благословив нас заочно уже на смертном одре своём. Приехали в Симбирск прямо на станцию; на станции мы расспросили дом Родионова, где сёстры жили по приглашению хозяйина. Мы наняли городского извозчика, сели на линейку, тамошний в то время извозчий экипаж, и с сильным радостным биением сердца отправились разыскивать дом; но чтоб нетерпение наше ещё более возросло, то как нарочно немощёные улицы были так затоплены грязью, что лошадь останавливалась через каждые десять, пятнадцать шагов, и мы более часу и даже двух часов тащились до дома. Но наконец остановились у ворот и, узнав, что квартиры сестёр на дворе, во флигеле, с помощью извозчика и ещё человека из дома понесли наши чемоданы. Дверь была заперта, но в окно увидела нас горничная сестёр и, уже зная о нашем приезде, с восторженно блестящими глазами, в волнении, подбежала к нам с приветствиями самыми сердечными и сказала, что господ нет дома, но что она сейчас сбегает за ними.

Мы вошли в комнаты, и не прошло пяти минут, как по очереди заключили в свои объятия плачущих радостными слезами наших поистине чудных сестёр. К нам могли выехать только две жившие в Самаре, остальные три жили: две под Москвой, а одна – в имении. Сколько утешения, радости, счастья дала нам всем эта чудная минута свидания – выразить вполне невозможно, как невозможно выразить всю полноту, всю прелесть той недели, которая с этой минуты потекла для нас таким светлым, хотя и очень коротеньким ручейком. Мы могли пробыть тут только две недели.

В Симбирске у сестёр было много знакомых, которые, конечно, стали и нашими. Тут жил князь Юрий Сергеевич Хованский, сотоварищ юности нашей, которого мы ещё знали в Петербурге: он лицеист и бывал у Долгоруковых. Жена его была сестра нашего друга и товарища Василия Петровича Ивашева. Он уже на поселении, лишившись своей жены, которая, как я упоминал, так романически приехала к нему невестой, чтобы посвятить ему всю свою жизнь, хотел проситься на Кавказ, но ровно через год соединился со своим нежным самоотверженным другом в вечности. После него остались дочь и сын, которые были взяты его сестрой, а их тёткой княгиней Хованской. Тут же мы видели и другую сестру его, Языкову, которая письмом своим пробудила вновь его уснувшие чувства к девушке, ставшей в заключение его женой. Излишне говорить, с каким дружеским радушием мы были приняты всеми этими лицами, столь близкими нам по чувствам дружбы к их единственному брату, так рано похищенному из их среды и тогда, когда счастье свидания с ним было так близко.

Сёстры были очень дружны с одной прелестной молодой дамой – Софьей Львовной Каракозовой, которая часто бывала у них. Муж её был очень болезнен, страшно страдал подложечными болями, от чего вскоре и умер. Понятно, каким наслаждением было для нас это избранное общество очаровательных по уму, красоте, изяществу дам после стольких лет отчуждения. Правда, наши благодетельные дамы, жёны наших товарищей, по своему высокому положению в свете, изяществу, воспитанию были на той же высоте с тем обществом, которым мы теперь наслаждались, но мы, заключённые, очень мало из тюрьмы их видели, но зато как много чувствовали и как сильно в благородном сердце запечатлели их милый образ, хотя мимолётно увлеченный сквозь щели нашего тюремного частокола.

Через несколько дней приехал из Самары, где служил доктором по удельным имениям, муж старшей сестры нашей Франц Петрович Паулер, весьма искусный, учёный врач, а что ещё лучше – прекрасный человек, с которым сестра была совершенно счастлива; ещё помню его совет на Кавказе – пить больше чаю и непременно послаще, что и исполняю до сих пор. Он мог пробыть только один день, так как должен был ехать по своей обязанности...

Клара ЦЕТКИН (1857–1933)

5 июля. 165 лет со дня рождения деятеля международного рабочего движения, публициста Клары Цеткин (05.07.1857, г. Видерау, Германия – 20.06.1933, санаторий Архангельское, близ Москвы; похоронена у Кремлёвской стены). Возглавляла женский секретариат Коминтерна. Во время путешествия по Волге посетила Ульяновск 24 июля 1925 года; в сопровождении председателя горсовета вместе с сыном ознакомились с городом, побывала в Доме-музее В.И. Ленина, в редакции газеты «Пролетарский путь»; выступала с речью на пленуме Ульяновского губкома партии. Автор книг «Женский вопрос» (1925), «Ленин и освобождение женщины» (1925), «О литературе и искусстве» (1958), «Воспоминания о Ленине» (1968) и др.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ (отрывок из книги)

При моём первом посещении семьи Ленина ещё углубилось впечатление от него, полученное мною на партийной конференции и усилившееся с тех пор после ряда бесед с ним. Ленин жил в Кремле. Прежде чем к нему попасть, нужно было пройти мимо нескольких караульных постов – предосторожность, объяснявшаяся не прекращавшимися в ту пору контрреволюционными террористическими покушениями на вождей революции. Ленин, когда это нужно было, принимал и в великолепных государственных апартаментах. Однако его частная квартира отличалась крайней простотой и непритязательностью. Мне случалось часто бывать в квартирах рабочих, которые были богаче обставлены, чем квартира «всесильного московского диктатора».

Я застала жену и сестру Ленина за ужином, к которому я тотчас же была приглашена самым сердечным образом. Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, чёрного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя» поискать, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем. Как известно, крестьяне доставляли в изобилии «своему Ильичу» белую муку, сало, яйца, фрукты и т. п.; известно также, что из всего этого ничего не оставалось в доме у Ленина. Всё посылалось в больницы и детские приюты, так как семья Ленина строго придерживалась принципа жить в тех же условиях, что и трудящиеся массы.

Я не видела Крупскую, жену Ленина, с марта 1915 года, когда происходила международная женская социалистическая конференция в Берне. Её симпатичное лицо с мягкими добрыми глазами носило на себе неизгладимые следы предательской болезни, которая её подтачивала. Но, за исключением этого обстоятельства, она оставалась такой же, а именно воплощением прямоты, простоты и какой-то чисто пуританской скромности. Со своими гладко назад причёсанными волосами, собранными на затылке в бесхитростный узел, в своём простом платье, она производила впечатление изнурённой жены рабочего, вечно озабоченной мыслью, как бы успеть, как бы не потерять времени. «Первая женщина великого русского государства», согласно буржуазным понятиям и терминологии, Крупская является бесспорно первой по преданности делу угнетённых и страдающих. Её соединяла с Лениным самая искренняя общность взглядов на цель и смысл жизни. Она была правой рукой Ленина, его главный и лучший секретарь, его убеждённый идейный

товарищ, самая сведущая истолковательница его воззрений, одинаково неутомимая как в том, чтобы умно и тактично вербовать друзей и приверженцев, так и в том, чтобы пропагандировать его идеи в рабочей среде. Наряду с этим она имела свою особую сферу деятельности, которой она отдавалась всей душой, – дело народного образования и воспитания.

Было бы оскорбительно и смешно предполагать, что Крупская в Кремле играла роль «жены Ленина». Она работала, несла заботы вместе с ним, пеклась о нём, как она делала это всю свою жизнь, делала тогда, когда условия нелегальной жизни и самые тяжёлые преследования разделяли их друг от друга. С чисто материнской заботливостью, нужно указать, что сестра Ленина помогала ей в этом самым любовным образом, превращала она ленинское жилище в «родной очаг» в самом благородном смысле этого слова. Конечно, не в смысле немецкого мещанства, а в смысле той духовной атмосферы, которая его наполнила и которая служила отражением отношений, соединявших между собой живущих и работающих здесь людей. Получалось впечатление, что в этих отношениях всё было настроено на исключительный тон правды, искренности, понимания и сердечности. Хотя я до той минуты лично мало была знакома с Крупской, я тотчас же почувствовала себя в её обществе и под её дружеским попечением, как дома. Когда пришёл Ленин и когда несколько позже появилась большая кошка, весело приветствуемая всей семьёй, она прыгнула на плечи к «страшному вождю террористов» и потом свернулась в удобной позе на коленях у него, то мне казалось, что я у себя дома или у Розы Люксембург с её ставшей памятной для друзей кошкой Мими.

Ленин застал нас – трёх женщин – беседующими по вопросам искусства, просвещения и воспитания. Я как раз в этот момент высказывала своё восторженное удивление перед единственной, в своём роде титанической, культурной работой большевиков, перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что довольно часто приходится наблюдать много неуверенности и неясных нащупываний, пробных шагов и что наряду со страстными поисками нового содержания, новых форм, новых путей в области культурной жизни имеет иногда место и искусственное «модничанье» и подражание западным образцам. Ленин тотчас же очень живо вмешался в разговор...

Вера ФИГНЕР (1852–1942)

7 июля. 170 лет назад родилась революционерка, писательница Вера Николаевна Фигнер (07.07.1852, д. Христофоровка Тетюшского у. Казанской губ., ныне не существует – 15.06.1942, г. Москва). Окончила Цюрихский университет (1875). В 1877–1879 гг. работала фельдшером в деревнях Самарской и Саратовской губ.; не раз бывала проездом в Симбирской губ. С 1879 года член исполнительного комитета организации «Народная воля». Принимала участие в подготовке покушений на Александра II в Одессе (1880) и Петербурге (1881). В течение 20 лет отбывала заключение в Шлиссельбургской крепости. Автор книги воспоминаний «Запечатлённый труд» (1922). Издала «Полное собрание сочинений» в 7 томах (1932).

СОСЕДУ

После долгой и скучной зимы,
Если встретит наш взгляд луговинку,
Все невольно любуемся мы
На воскресшую к жизни травинку.

Если детские годы прошли
И узнали любовь мы впервые,
То, хотя б идеал не нашли,
Не забудем мы чувства былые...

Если жизнь всех друзей отняла
И вошли мы в тюрьму одиноко,
Первый друг, что неволя дала,
Всегда врежется в сердце глубоко!

Когда мы летнею порою
В лесную чашу забредём
И под густой её листвою
Прохладу тихую найдём...

И смолкнет где-то в отдалении
Весь шум и гам толпы людской,
И слышим мы лишь птичек пенье
Да шелест листьев над собой, –

Наш ум невольно отражает
Глухую леса тишину,
И всё нам в душу навевает
Мечтанья смутную волну...

Так и в тюрьме уединённой,
Вдали от жизненных забот,
Ум, тишиною окружённый,
Нас в мир таинственный влечёт...

И в дни глубокого молчанья,
Когда живёшь лишь сам с собой,
В душе царят одни мечтанья
Да леса тёмного покоя.

Когда в неволе мы порою
Бросаем взгляд вокруг и вдаль
И тяготеют над душою
Лишь полусумрак и печаль,

Наш стих те чувства отражает,
Что нас волнуют в горький час,
И грудь он нашу облегчает,
Как брызги слёз из скорбных глаз...

Пали все лучшие... В землю зарытые,
В месте пустынном безвестно легли!
Кости, ничьею слезой не омытые,
Руки чужие в могилу снесли...

Нет ни крестов, ни оград, и могильная
Надпись об имени славном молчит...
Выросла травка, былинка бессильная,
Долу склонилась – и тайну хранит...

Были свидетелем волны кипучие,
Гневно вздымаются, берег грызут...
Но и они, эти волны могучие,
Родине весточку вдаль не снесут!

Любовь ПАПЕТА (р. 1957)

7 июля. 65-летний юбилей отмечает прозаик, журналист Любовь Викторовна Папета (р. 07.07.1957, г. Симферополь Крымской обл. Украинской ССР, ныне Республики Крым РФ). С 1977 года живёт в Ульяновске. Автор сборников прозы «Любить настоящее. Помнить прошлое» (2006), «Фонтан любви... Фонтан живой...» (2006), «Всё в этом мире от Любви» (2009), «В пыли веков таятся зёрна истин» (2010), «Юность, опалённая войной» (2011), «Просто женщины» (2012), «О юной черешне и озорном ветре» (2013), «Потомкам – помнить!» (2014) и др. Редактор областной библиотеки для детей и юношества им. С.Т. Аксакова. Член Союза журналистов России (2006), член Союза писателей России (2021).

ГРИШКИНА ЛЮБОВЬ (отрывок из рассказа)

Первого августа весь день стояло пекло. Ветра не было, но иногда в уличной пыли возникали странные бурунчики – как будто маленькие смерчи пытались вырасти и закрутить, затянуть в своё ненасытное жерло этот тихий городок и его обитателей. Ночью разразилась такая гроза, что, наверное, не было человека, который смог уснуть в этом грохоте. Сначала дождя не было, только почти непрерывно сверкали молнии и глухо рычало за холмами. Потом неожиданно стеной упал дождь. Теперь уже молнии стали редкими, а гром гремел, не переставая.

Утром на мокрой дороге чётко отпечатались следы колёс больших грузовиков и узкие резные следы мотоциклов. Город заняли фашисты.

Весь день люди боялись показываться на улицах. Оккупанты хозяйничали всюду – занимали лучшие здания под конторы и лучшие дома под жильё для офицеров и солдат. На маленький домик Маруси они не позарились, зато в соседнем появились жильцы. С ужасом увидела девушка Гришку, стоящего на высоком крыльце. В его доме поселились два офицера.

Утром следующего дня на всех столбах появились объявления о том, что все работающие должны выйти на свои рабочие места. За неповиновение – расстрел. После восьми вечера ходить по улицам запрещается – расстрел. Собираться группами больше трёх человек нельзя – расстрел. И ещё более двадцати пунктов, после которых короткое – расстрел.

И ещё одно нововведение – появилась управа. В ней хозяйничал Гришка. В какой норе он отсиживался до прихода фашистов, никто не знал, зато теперь стал важным начальником. Носил чёрные офицерские брюки и начищенные до блеска хромовые сапоги. На рукаве пиджака белела повязка со свастикой. От его угрюмости не осталось и следа. Он старался быть вежливым с земляками. Но Григория почему-то боялись больше, чем его хозяев.

Мама с Марусей старались не попадаться соседу на глаза. Девушка спрятала свои нарядные сарафанчики и блузки. Носила теперь старые мамины платья, которые прикрывали ноги, и почти не снимала выгоревшего платочка, повязывая его низко над бровями.

Впрочем, о страшных Гришкиных глазах думать было некогда. После встречи в городской библиотеке, которая состоялась накануне оккупации, у ребят появилось столько дел, что не хватало светлого

времени суток. А после восьми часов, когда наступал комендантский час, старшие товарищи строго-настрого запретили ребятам выходить из домов.

Михеев рассказал, что в городе действует подпольная организация, руководящий центр которой сформировался в первые дни войны. Марусина молодёжная ячейка была не единственной, но о других они не должны были знать. Вся связь с центром осуществлялась через библиотекаршу Розу Михайловну. Фашисты считали себя культурными людьми и разрешили снова открыть библиотеку, кинотеатр, танцплощадку в парке. Правда, фильмы крутили только немецкие, без перевода, и военную хронику, а на танцы ходили немецкие офицеры и несколько девиц, с которыми в городке никто не здоровался.

То, что делала Марусина группа, возможно и не было похоже на героическую борьбу, но когда люди шёпотом пересказывали друг другу содержание листовок, откуда-то взявшихся на заборах, когда из этих листовок жители города, отрезанного от Большой земли, узнавали правдивые новости о войне, глаза у ребят горели ярче. Не зря они сидели ночами, переписывая печатными буквами те сведения, которые передавала Марусе Роза Михайловна.

Иногда кому-то из ребят (чаще это были Пашка или Серёга) поручали отнести небольшой пакет в посёлок, который до войны носил гордое имя Совхоз Красный. Чтобы ребятам легче было пройти оккупационные кордоны, делалось это под видом обмена вещей на продукты. Всё-таки в деревнях ещё были запасы продовольствия. Когда информация была очень важной, от Михеева поступало распоряжение, чтобы именно Маруся отправилась «за харчем».

За два года оккупации ей приходилось делать это много раз. Она уже почти не боялась – дорога была известной, немцы не обращали внимания на тощую девчонку в длинной старушечьей юбке и мужском пиджаке, подвязанном пёстрым пояском от крепдешинового платья. Так было и в этот раз. Она возвращалась из Красного усталая, замёрзшая, да ещё и не вовремя разболелся живот. Обходить за два квартала самое опасное место в городе – рынок – просто не было сил. И хотя Маруся зарекалась не появляться здесь с «грузом», в этот раз пошла напрямик. И попала в облаву, которую устраивали фашисты иногда просто для того, чтобы согреться или повеселиться...

Михаил ВЕРЁВКИН (1732–1795)

12 июля. 290 лет назад родился поэт, прозаик, драматург, переводчик Михаил Иванович Верёвкин (12.07.1732, с. Покровское Клинского у. Московской губ. – 01.04.1795, с. Михалёво Дмитровского у. Московской губ.). В 1774 году несколько месяцев жил в Симбирске, будучи начальником походной канцелярии графа Панина, главнокомандующего правительственными войсками во время Пугачёвского восстания. Написал здесь комедию «Емелька Пугачёв» (поставлена в ноябре в Симбирском театре, опубликована в 1785 году отдельной книгой под названием «Точь-в-точь»). Автор повести «Небылица» (1778), пьесы «Астрейя» (1776), комедий «Так и должно» (1773), «Именинники» (1774), «Подражатель» (1779) и др.

ЖИЗНЬ ПОКОЙНОГО М.В. ЛОМОНОСОВА (отрывок из очерка)

Того же года летом прибыла жена Ломоносова с дочерью и братом, на Любеком корабле, в Петербург и нашла обрадовавшегося приездом своим мужа, весела и здорова. Жил он тогда в академическом доме подле химической лаборатории.

Что Ломоносов в 1746 году произведён химии и экспериментальной физики профессором; что во все перестроил академическую лабораторию по новейшему и лучшему расположению; что многие делал эксперименты и новые открытия; также какие академические сочинения писал и читал в собраниях академических, какие изящные похвальные речи говорил Великому Петру и императрице Елисавете Петровне; какие прекрасные и сильные писал стихи; какие книги, например «Риторику», «Российскую грамматику», «Руководство к горному строению и заводам»; какие издал в печать трагедии на стихах российских и какую «Российскую историю», – всё то не суть анекдоты, а труды, повсюду известные. Видеть их можно по порядку в печатных его сочинениях и в протоколах академических канцелярий и конференции.

Дарованиями и трудами своими снискал он всевысочайшую к себе милость блаженной памяти императрицы Елисаветы Петровны. Во всенародное тому доказательство пожалована ему была сею государынею дача Карвалдай на Финском заливе и взыскан чинами сперва коллежского, а потом ныне царствующею императрицею Екатериною II и статского советника...

К анекдотам, касающимся до Ломоносова, из которых многим господин действительный статский советник Штелин был очевидным свидетелем, надлежит приобщить и следующий. Ломоносов, увидев первый раз в жизни своей мозаичскую картину, изображающую плачущего апостола Петра, подаренную в Риме Папою Климентом Ламбертином канцлеру графу Воронцову, восхотел такую же сделать и в России. Рассмотрев прилежно составление оной, делал сам, в плавильной своей печи, из стекла вставные камни разных цветов и теней. Составил потребный к работе сей мастик и изобразил довольно изрядно, для первой в России сделанной мозаичной картины, лицо Петра Великого с Дангауерова подлинника. Потом непрестанно занимался сим художеством. Предпринял

наконец по сенатскому указу сочинение большой мозаической картины, величиной в 12, а шириною в 8 футов, представляющей сражение под Полтавою, в которой бы люди наперед были видны во весь человеческий рост. Столь великая картина, подобно как и многие другие, должна была быть поставлена на украшение внутренних стен Санкт-Петербургской соборной церкви святых апостолов Петра и Павла. Окончена она им была чрез два года и несколько месяцев с нарочитым успехом.

Превосходству его учёности, важности и красоте его пера отдавал справедливость и покойный действительный статский советник и кавалер Александр Петрович Сумароков, невзирая на всегдашнюю и непримиримую с ним вражду свою.

Ломоносов скончался на третий день святой недели 1765 года. За несколько дней перед своею кончиною говорил он статскому советнику Штелину: «Приятель! Я примечаю, что мне скоро умереть. На смерть взираю равнодушно, а сожалею только о том, что не успел довершить, что начал для пользы отечества, для славы науки и для чести академии. К сожалению, вижу теперь, что благие намерения мои исчезнут вместе со мной».

Во время великолепных его похорон, на которых были новгородский и петербургский архиепископы со многим другим знатным духовенством, некоторые сенаторы и иные знатные особы, был и всегда не любивший его господин Сумароков.

Все оставшиеся после Ломоносова бумаги выпросил светлейший князь Григорий Григорьевич Орлов у вдовы его себе, велел собрать Григорию Васильевичу Козицкому и запереть в особом покое своего дома.

Чрез несколько времени по смерти Ломоносова канцлер граф Воронцов, из уважения заслуг его к отечеству, вознамерился поставить над гробом его в Невском монастыре мраморный столб с надписью. Тогдашнему статскому советнику господину Штелину поручил сей граф нарисовать изображение камня по флорентийскому размеру и сочинить надпись. Тот и другая иждивением его сиятельства выработаны были в Ливорно из каррарского белого мрамора точно по рисунку, с высеченными прописьюми привезён в Петербург и воздвигнут над телом Ломоносова в помянутом монастыре.

Михаил СУГАЛОВ (р. 1947)

12 июля. 75 лет исполняется чувашскому поэту, прозаику, публицисту Михаилу Андреевичу Сугалову, литературный псевдоним – Серде Мишши (р. 12.07.1947, с. Кошки-Новотимбаево Тетюшского р-на ТАССР, ныне РТ). Работал учителем в сельских школах, строителем в Казани и за её пределами (1978–1990). Был исполнителем директором Ульяновского благотворительного фонда «Эткер» (1991–1995). Член Союза писателей России (1997). Окончил УлГПУ им. И.Н. Ульянова (1998). Публиковался в газетах и журналах РТ, Чувашии, Ульяновской обл. Член литературного объединения «Шевле». Автор сборников «Метель» (1995), «Терновый венок» (1999), «На добрую память» (2004). Живёт в Ульяновске.

Александр БОРАТЫНСКИЙ (1867–1918)

16 июля. 155 лет со дня рождения общественного деятеля, поэта Александра Николаевича Боратынского (16.07.1867, г. Казань – 18.09.1918, там же). Внук поэта Евгения Боратынского (1800–1844). В 1893–1897 годах служил товарищем прокурора Симбирского окружного суда, жил с семьёй в Симбирске. Депутат Государственной думы от Казанской губернии (1907–1912). Опубликовал два поэтических сборника под названием «Друзьям на память»: в первый сборник (1904) включил стихи своей жены Надежды, во второй (1914) свои собственные. Один из организаторов выставки «Художественные сокровища Казани» (1916). После занятия Казани большевиками был арестован как «антисоветский элемент» и расстрелян.

СМЕРКАЕТСЯ

Посмотри, как всё тихо и чудно кругом,
Соловей лишь в саду заливается.
Скоро ночь, скоро всё успокоится сном,
И на небе уж звёзды.
Смеркается.

Позатих ветерок, пригорюнился сад,
Поразвесивши зелень широкую;
Он о днях, что теперь не вернуться назад,
Призадумался думой глубокою.

Он оставлен людьми, он теперь сирота,
Поросли все аллеи широкие,
И скамейка цветущим вьюном обвита,
И опутаны липы высокие.

Что задумался, сад? Или вспомнил со мной,
Как здесь с счастьем две жизни расстались?
А казалось, что жизни лучи молодой
Лишь впервые тогда загорались.

А казалось, разлука не в силах была
Потушить эту зорю взошедшую...
Но аллея с тех пор уж травой поросла,
А людьми позабыто прошедшее.

Мы с тобой, старый сад, погорюем вдвоём,
Что уж в рощу твой вид обращается,
Что и я отжил век и душой, и умом,
И что жизнь потихоньку смеркается.

КОГДА СТЕМНЕЕТ

Когда закат на небе угасает
И глубь небес темнеет, видим мы
Других миров блестящие созвездья,
Их яркий свет струится к нам из тьмы.

Так знаю я, что в час, когда померкнет
Мой день земной, в таинственной ночи
Увижу я невидимые в жизни
Небесных сил священные лучи.

Когда проникнет вещей дух
В значенье смысла неземного,
То я боюсь промолвить вслух
В душе сложившееся слово.

Чтоб звук, родившийся в тиши,
Чтоб облик, плоть определенья,
Не звали снова мир души
В пределы смерти и рожденья.

Чтоб правды вечным был бы миг,
Чтоб песнь её всегда звучала,
Чтоб ум телесный не постиг
Её предвечного начала.

Чтоб знаний вымученных меч
Не мог, без плотного сверхзнанья,
Ударом опыта пресечь
В темнице скорби и страданья.

1889

1910

Юрий КУКИН (1932–2011)

17 июля. 90 лет назад родился поэт, бард Юрий Алексеевич Кукин (17.07.1932, пос. Сясьстрой Волховского р-на Ленинградской обл. – 07.07.2011, г. С.-Петербург). Окончил Ленинградский институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта (1954). Участвовал в геологических экспедициях на Камчатку, Дальний Восток, Памир. Работал в Ленинградской областной филармонии и Ленконцерте. В середине 1970-х гг. приезжал в Ульяновск на фестиваль самодеятельной песни, который в течение трех дней проходил в ДК профсоюзов; исполнил здесь свои лучшие песни «За туманом», «Гостиница», «Париж». Публиковался в сборниках «Песни русских бардов». Автор книги стихов и песен «Дом на полпути» (1991).

ЗА ТУМАНОМ

Понимаешь, это странно, очень странно,
Но такой уж я законченный чужак:
Я гоняюсь за туманом, за туманом,
И с собою мне не справиться никак.

Люди посланы делами,
Люди едут за деньгами,
Убегая от обид и от тоски.
А я еду, а я еду за мечтами,
За туманом и за запахом тайги.

Понимаешь, это просто, очень просто,
Для того, кто хоть однажды уходил...
Ты представь, что это остро, очень остро -
Горы, солнце, пихты, песни и дожди.

Пусть полным-полно набиты
Мне в дорогу чемоданы,
Память, грусть, невозвращённые долги.
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.

ГОСТИНИЦА

Ах, гостиница моя, ах, гостиница!
На кровать присяду я – ты подвинешься,
Занавесишься ресниц занавескою...
Я на час тебе жених – ты невестою.

Бабье лето, так и быть, не обидится,
Всех скорее позабыть, с кем не видимся.
Заиграла в жилах кровь коня троянского,
Переводим мы любовь с итальянского.

Наплывает слов туман, а в глазах укор,
Обязательный обман – умный разговор.
Сердце врёт: «Люблю, люблю!» – на истерике,
Невозможно кораблю без Америки.

Ничего у нас с тобой не получится.
Как ты любишь голубой мукой мучиться!
Видишь, я стою босой перед вечностью,
Так зачем косить косою – человечностью?

Коридорные шаги – злой угрозой,
Было небо голубым – стало розовым...
А я на краешке сажу и не подвинулся...
Ах, гостиница моя, ах, гостиница!

БЕДА

С одним человеком случилась беда -
Друзья от него отказались,
Не стали его приглашать никуда,
Исчезли и не появлялись.

Знакомые просто забыли его,
В семье уважать перестали.
Он очень тоскует, и нет никого,
Кто спас бы его от печали.

Он книжки читает, он грустно живёт,
О помощи даже не просит.
И я вам скажу, это каждого ждёт,
Кто пить неожиданно бросит...

Екатерина РОЖДЕСТВЕНСКАЯ (р. 1957)

17 июля. 65-летний юбилей отмечает журналист, прозаик, переводчик художественной литературы Екатерина Робертовна Рождественская (р. 17.07.1957, г. Москва). Дочь поэта Роберта Рождественского. Окончила Московский институт международных отношений (1979). В сентябре 2016 года побывала в Ульяновске, где открыла выставку фотографий в рамках VI Международного культурного форума и Дней Москвы в Ульяновской области. Перевела на русский язык романы Д. Стейнбека, С. Шелдона, С. Моэма и др. Написала книгу мемуаров об отце и своей семье «Жили-были, ели-пили. Семейные истории» (2015). Автор романов «Зеркало» (2017), «Девочка с Патриарших» (2018), «Балкон на Кутузовском» (2020).

ДЕВОЧКА С ПАТРИАРШИХ (отрывок из романа)

Первый раз он появился у её окна в самом конце лета.

Было душно: лето, август, марево. Нина сидела у себя в комнате на подоконнике, смотрела в окошко и, как обычно, ничего, кроме двора, не видела. Хотя если задрать голову совсем вверх, то можно увидеть кусочек неба и любимое место голубей на карнизе верхнего этажа. Нина стала их считать: раз, два, три, четыре... Там, в вышине на карнизе, сидели четыре голубя – ой, нет, один вдруг самоубийственно кинулся вниз, развернулся в воздухе и вылетел через арку на улицу.

Три. Их осталось только три.

Решётка, конечно, очень мешала привольной жизни. Но папа сказал: «Первый этаж, это необходимо, и всё тут». Он решил зарешетить окна после того, как обворовали квартиру в соседнем доме. И тоже на первом этаже. Нина была тогда совсем ещё маленькая, но помнила, как пришли рабочие в грязных промасленных штанах и с приклеенными папиросками в уголках рта и целый день приваривали, сверлили, воняли, бурили и курили. Нине всё это не понравилось, совсем не понравилось. Раньше она могла в любое время вылезти из окна своей комнаты и оказаться сразу посреди двора, на качелях под липой. Мама разрешала: главное, чтоб со двора ни шагу. А сейчас что? Теперь надо было выходить из квартиры, как все нормальные люди, спускаться вниз по лестнице чёрного хода – и только тогда можно было выйти во двор. Муторно и неудобно. Хотя в первый раз, как только промасленные рабочие ушли, Нина сразу же попыталась пролезть сквозь решётку, и это у неё почти получилось. «Почти», потому что она тогда застряла и стала кричать на весь двор. Прибежали соседи, и маме пришлось вылить на неё пол-литра дефицитного подсолнечного масла, чтобы протолкнуть её во двор, не поранив, скользкую и липкую.

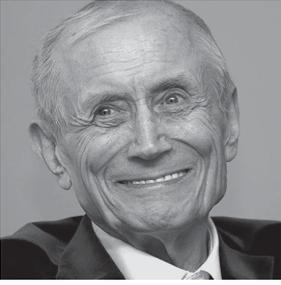
В Нину потом надолго вьелся этот запах давленных семечек, и она вспоминала с содроганием, как масло тепло и липко струилось по ногам, пока она шла обратно домой, оставляя, как улитка, скользкий жирный след и плача от противности и брезгливости. Мама ей тогда сказала: «Каждый раз, когда ты будешь пытаться пролезть через решётку, я стану поливать тебя маслом, ты поняла?» Нина поняла. А мама тогда рассердилась также и на папу и обругла его: какой смысл вообще ставить решётку, если в неё запросто может пролезть человек? Но Нину от масла она всё-таки отстирала.

Постное масло Нина ненавидела. В нижнем

ящике мамино рабочего стола в архитектурской кальке лежала маленькая хлопковая безрукавка, которую всегда использовали как компресс, когда Нина болела воспалением лёгких. Она была насквозь промасленная, эта распашонка, и противно пахнущая, поскольку отстирать её от жира было совершенно невозможно. Впрочем, никто и не пытался – посылнее выжимали, сушили, и всё. Как только Нина начинала кашлять, а в её детстве это случалось довольно часто, мама торжественно доставала из ящика компрессную безрукавку, кальку и вату. Потом наливала в миску порционно масла, утапливала в ней ткань и ставила на огонь. И всегда держала в масле палец, чтобы почувствовать, как оно доводится до нужной температуры чуть выше человеческой, чтобы хорошенько, а лучше раз и навсегда прогреть кашляющие легкие. Нину облачали в эту сальную распашонку («Сердце, сердце не закрывай», – обычно советовал папа), сверху закатывали калькой, потом обёртывали ватой, как новогоднего снеговика, надевали узкую старую майку для удержания лечебных слоёв и весь этот кашляющий букет укладывали спать.

Это был бабушкин рецепт. Она говорила, что в детстве так спасали от лёгочных воспалений её маму, маму и бабушку. Но с Нининой точки зрения, этот компресс был не лечением, а пыткой и преступлением против детства. Нина зажмурировала глаза и старалась не прислушиваться к своим масляным ощущениям, иначе слёзы начинали литься сами помимо её воли. Вонючим прогорклым жиром пропитывалась каждый раз не только распашонка, но и руки, ноги, волосы, постель – всё! Даже мысли и те оказывались какими-то вязкими и клейкими. Нина старалась замереть, не двигаясь, чтобы наконец заснуть и поскорее проснуться здоровой.

Однажды Нину положили в больницу, и врачи сказали, что после тяжёлого воспаления лёгких может не дай бог случиться осложнение на сердце и что надо делать уколы и всё время лежать, не вставая, потому что сердце у неё теперь какое-то время будет находиться в пяточках, а топтать его никак нельзя, иначе оно совсем испортится. Нина пролежала пластом почти месяц, а когда её выпустили, совсем слабенькую, но поправившуюся, то даже после больницы она ещё несколько месяцев старалась ходить по дому на цыпочках, боясь вообще наступать на пятки: вдруг сердечко раздавится?

Евгений ЕВТУШЕНКО (1932–2017)

18 июля. 90 лет со дня рождения поэта, прозаика, публициста Евгения Александровича Евтушенко (18.07.1932, г. Зима Иркутской обл. – 01.04.2017, г. Талса, штат Оклахома, США; похоронен в Переделкине, Москва). Член Союза писателей СССР (1952). Автор книг «Шоссе энтузиастов» (1956), «Идут белые снеги...» (1969), «Поэт в России больше, чем поэт» (1973), «Мама и нейтронная бомба» (1986), «Дай Бог...» (1996) и др. Лауреат Государственной премии СССР (1984). В феврале 1973-го провёл творческую встречу в УлГПИ им. И.Н. Ульянова в Ульяновске; 11-12 декабря 2015 года выступал в УлГУ, во Дворце книги и Ленинском мемориале. Имя Евгения Евтушенко присвоено библиотеке №4 Ульяновска (2019).

Недавно был в Замоскворечье
и лозунг видел на древке –
Христа со Сталиным во френче
в татуированной руке.

Какая в людях мешанина,
и стёб, и колокольный звон,
наш полуинглиш, матерщина,
и хамоватый выкрик: «Вон!»

Толпа меня к стене прижала.
Шестидесятники, где вы?
Где семиструнка Окуджавы?
Где Белла-белочка Москвы?

Но ты, Высоцкий, не стареешь,
и, Евтушенко, ты не сдашь!
Ты с нами, Александр Сергеич,
шестидесятник вечный наш!

Хочу на фестиваль – на Грушу
с незасорённою душой,
чтоб отвести стихами душу
бессмертной песней фронтовой!

Поэт грядёт, великий некто,
ведь совесть не упразднена,
и вновь продолжится страна
от Сахаровского проспекта
Историей Карамзина!

Большая ты, Россия,
и вширь, и в глубину.
Как руки ни раскину,
тебя не обниму.

Ты вместе с пистолетом,
как рану, а не роль
твоим большим поэтам
дала большую боль.

Большие здесь морозы –
от них не жди тепла.
Большие были слёзы,
большая кровь была.

Большие перемены
не обошлись без бед.
Большими были цены
твоих больших побед.

Ты вышптала ртами
больших очередей:
нет маленьких страданий,
нет маленьких людей.

Россия, ты большая
и будь всегда большой,
себе не разрешая
мельчать ни в чём душой.

Ты мёртвых, нас, разбудишь,
нам силу дашь взаимы,
и ты большая будешь,
пока большие мы...

Юлий БУНИН (1857–1921)

19 июля. 165 лет назад родился поэт, публицист, литератор Юлий Алексеевич Бунин (19.07.1857, г. Усмань Тамбовской губ., ныне Липецкой обл. – 17.07.1921, г. Москва). Старший брат писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Бунина. Автор сборника статей о русской интеллигенции «Вехи» (1909). В июле 1914 года вместе с братом совершил «путешествие по Руси» на пароходе от Саратова до Ярославля с намерением осмотреть волжские города; предположительно 25 июля пароход делал остановку в Симбирске. Вместе с С.А. Есениным, В.А. Гиляровским, М.М. Пришвиным был принят в члены литературного отдела «Дворца искусств». Умер в нищете, был похоронен на кладбище Донского монастыря.

ВЕХИ (отрывок из сборника)

Странная судьба выпала на долю русской интеллигенции. Даже самое слово «интеллигенция» до сих пор остаётся не вполне ясным и точным. В него вкладывается разнообразное и нередко противоречивое содержание. Ещё больше противоречий встречается в оценке заслуг и значения нашей интеллигенции. Одни утверждают, что ни в одной стране нет такой идеалистической, бескорыстной и героической интеллигенции, как у нас; другие, напротив, наделяют её одними пороками и недостатками. Не было бы ничего удивительного, если бы такое разноречие вытекало из коренной разницы общего мирозерцания у различных представителей нашей общественной мысли. Нет, часто случается, что люди, в общем единомыслящие, резко расходятся в оценке интеллигенции. В то же время люди разных мирозерцаний сходятся в нападках на интеллигенцию; на неё нападали и народники, и марксисты, и толстовцы, не говоря уже о реакционерах и консерваторах.

Особенно много вынесла та часть интеллигенции, которая в разное время носила названия «нигилистической», «радикальной», «левой» и проч. Часто дело доходило до злобных и нелепых карикатур, которые в лучшей части нашего общества могли вызывать к себе одно лишь чувство презрения. Особенно много таких карикатурных искажений было в охранительной печати. Но, повторяем, не одни обскуранты и реакционеры восставали против радикальной интеллигенции. Многие прогрессисты крайне сурово относились к ней и в самых мрачных красках рисовали её. Года три тому назад вышла, например, обширная книга Е.И. Лозинского «Что же такое, наконец, интеллигенция?», в которой автор пытался доказать, что интеллигенция стремится создать для народа такой рабский строй, перед которым побледнеет современный буржуазно-капиталистический порядок.

Сборник «Вехи», выдержавший в течение нескольких месяцев три издания и привлёкший к себе внимание почти всей нашей печати, также от начала до конца проникнут резко отрицательным отношением к интеллигенции. Прежде чем перейти к характеристике этого «сборника», считаем нужным сделать оговорку. Мы далеко не принадлежим к числу таких, которые в нашей интеллигенции видят одни только достоинства и заслуги. Напротив,

мы полагаем, что интеллигенция, как и всякий другой общественный слой, кроме положительных сторон, страдает многими недостатками и пороками. Думаем также, что весьма важно и полезно останавливаться на объективном и беспристрастном выяснении отрицательных сторон русской интеллигенции. Столь же важно уяснить себе меры, которыми эти отрицательные стороны могли бы быть уничтожены или по крайней мере смягчены. Было бы крайне полезно, действительно, поставить вехи на пути, по которому следует идти нашим интеллигентам. Эту ответственную задачу взяли на себя авторы сборника «Вехи», но разрешить её сколько-нибудь правильно не смогли и, думается нам, скорее запутали, чем разъяснили вопрос.

Прежде всего нас поражает пристрастный и крайне субъективный тон большинства статей сборника. Авторы «Вех» не сдержали того обещания, которое они дали в первых строках своей книги. Автор предисловия к 1-му изданию, г. Гершензон, говорит: «Не для того, чтобы с высоты познанной истины доктринёрски судить русскую интеллигенцию, и не с высокомерным презрением к её прошлому писаны статьи, а с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны». Какие хорошие слова! Но сопоставьте с ними то, что говорит, например, тот же г. Гершензон: наши интеллигенты «не жили даже эгоистически, не радовались жизни, не наслаждались свободно её утехами, но урывками хватили куски и глотали, почти не разжёвывая, стыдясь и вместе вождедея, как проказливая собака... А в целом интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения».

Вся статья г. Гершензона написана в таком же духе. Другие статьи, правда, не проникнуты столь грубым тоном, но, к сожалению, слишком далеки от объективности и беспристрастия. Отчасти это объясняется тем, что большая часть авторов сами ещё очень недавно состояли в рядах той самой радикальной интеллигенции, против которой направлена их книга. Отколовшись от неё, они, как это большею частью бывает у людей, перешедших из одного лагеря в другой, не сумели отрешиться от предвзятого отношения к своим старым товарищам, крайне преувеличивая их недостатки и пороки и утеривая надлежащую перспективу в оценке лиц и событий...

Анатолий ГРОТУС (1952–1999)

19 июля. 70 лет со дня рождения поэта Анатолия Юрьевича Гротуса (19.07.1952, ? – ?.03.1999, г. С.-Петербург). Жил в С.-Петербурге. Не раз приезжал в город Димитровград Ульяновской области. Учителем в поэзии считал петербургскую поэтессу И.А. Малярову. В феврале 1994 года провёл творческий вечер в театре-студии «Подium» (Димитровград); в августе дал интервью газете «Димитровград-Панорама». Публиковался в поэтическом сборнике «Анфилада» (1994, С.-Петербург). Писал тексты песен для петербургских исполнителей («Городские фонари» и др.). Вечер памяти поэта прошёл 31 марта 1999 года в Доме народного творчества С.-Петербурга. Автор книги стихов «Бесконечность любви» (2000).

Жизнь моя – рисунок акварелью:
Странные, размытые тона.
Только кто-то с непонятной целью
Тушью их нещадно запятнал,
Исчеркал, и линии, что шрамы,
Сделали далёкое ценней.
Чёрный мастер, нет на свете рамы
Для души мятущейся моей.

Поздравленья, свечи, танцы,
Виноград, вино, арбузы...
Все мы капельку испанцы,
Все мы чуточку французы.
Наши доблестные предки,
Нам ни в чём не уступая,
Наклоняли низко ветки
Стройных яблонек из рая,
Заповеди преступая.

ГОРОДСКИЕ ФОНАРИ

Если ночью не уснуть,
Посмотрю я до зари,
Как бегут в далёкий путь
Золотые фонари.
В лунном свете звёздный рой,
Тишина звенит струной
И приносит нам покой.

Засыпают до утра
Птицы, сферы и дома,
И цветут среди аллей
Апельсины фонарей.
До зари в полночный час,
Словно свет любимых глаз,
Зажигают звёзды нас.

Может, это звёзды,
С неба падая,
Превратились в фонари,
Превратились в фонари
Звёзды, падая
Звездопадами в феввали.

И когда тебе опять
Станет грустно в тишине,
Пусть играет звездопад
Миллионами огней.
Закружатся до зари
В вихре полночи твои
Городские фонари.

Алексей МИТРОФАНОВ (р. 1967)

19 июля. 55-летний юбилей отмечает писатель, публицист, краевед Алексей Геннадиевич Митрофанов (р. 19.07.1967, г. Москва). Окончил Московский авиационный институт. Работал в Музее истории Москвы, в журнале «Столица», в газетах «Известия» и «Первое сентября», на телеканале «Столица» и др. В 2004 году приезжал в Ульяновск, о чём написал в газете «Первое сентября». Автор серии книг «Прогулки по старой Москве»: «Тверская» (2005), «Арбат» (2006), «Покровка» (2007), «Петровка» (2008), «Лубянка» (2009), «Неглинная» (2010), «Ордынка» (2011); серии о городах: «Владимир» (2007), «Ярославль» (2008), «Смоленск» (2009), «Калуга» (2010); книги-биографии «Гиляровский» в серии «ЖЗЛ» (2008) и др.

ПОЛУЗАПОВЕДНИК (отрывок из очерка)

Странно, но в городе Ульяновске осталось не так много старины. Хотя, казалось бы, дореволюционная среда должна была здесь сохраниться полностью.

Ещё бы – тут родился Ленин. Город-заповедник, как-никак.

То есть старина, конечно, здесь присутствует, но в слишком сокращённом виде. Вроде бы идёшь какой-нибудь дореволюционной улицей, и вдруг – шарах! – взор твой упирается в какой-нибудь полубарак, недавно справивший своё ну никому не интересное пятидесятилетие. Или же, например, мемориальный комплекс, пыжащийся подчеркнуть значительность вошедших туда домиков, на деле же напрочь убивший их очарование.

На эти вещи нужно просто-напросто не обращать внимания. Подумаешь, полубарак. И не такое видали.

Главный бульвар носит название улицы Гончарова. Некогда она была Большой Саратовской (для краткости её именовали просто-напросто Большой или Бульваром). Но поскольку как раз здесь родился знаменитый Гончаров, саратовской тематике пришлось немножко потесниться. И произошло это отнюдь не при советской власти, а пятью годами раньше – когда город отмечал столетие со дня рождения создателя «Обломова».

Впрочем, образцовой улица Большая не была ни до, ни после революции. Она постоянно жила по законам русского провинциального города. Губернатор А.П. Гевлич как-то сообщал в Санкт-Петербург: «В городе Симбирске издавна существует обыкновение выпускать коров на улицы, как бы на пастбища, что от сего, кроме нечистоты и помешательства везде, происходили разные несчастные случаи и что хотя к прекращению такого беспорядка со стороны городской полиции были принимаемы меры, но все распоряжения... остались недействительными, и коровы... особенно зимою и весной, собираются на улицах стадами, причиняют затруднения проезжающим и опасение проходящим, не говоря уже о нечистоте и безобразии, несовместимых с благоустройством губернского города».

Исключение не составляла и Большая улица. Она начинается с так называемой Бараньей Слободки. Так некогда называлась улица Минаева, а также площадь, где сегодня установлен памятник в честь воинов-ульяновцев, погибших в Великой

Отечественной. Здесь среди всего прочего стоял театр, который, по словам писателя В. Соллогуба, был «не велик, но выстроен умно; два ряда лож, партер, места за креслами – всё чистенько. Кондитер мастер своего дела». Впрочем, его коллега Гончаров воздерживался от восторгов: «Был в здешнем театре: это было бы смешно, если бы не было очень скучно. Симбиряки похлопывают, хотя ни в коем нет и признака дарования. Но я рад за Симбирск, что в нём есть театр, какой бы то ни было. Глупо было бы мне, приехавши из Петербурга, глумиться над здешними актёрами, и оттого я сохранил приличную важность, позёвывая исподтишка».

Именно на сцене этого театра дебютировал известный в позапрошлом веке актёр В.Н. Андреев-Бурлак. Если верить арендатору театра Н.И. Иванову, вышло это по самой банальной протекции: «В это время в Симбирске проживал театрал и меценат Дмитрий Иванович Минаев... Однажды является от него молодой человек, назвавшийся Василием Николаевичем Андреевым, и просит пожаловать к «дяде Дмитрию Ивановичу для очень важных переговоров». Вместе с Андреевым отправляюсь к Минаеву, который встретил меня словами:

- Хотите иметь большие сборы?
- Как же, помилуйте, не хотеть?
- Ну так усаживайтесь, и поведём умные разговоры.

Усадив меня в мягкое кресло, радушный хозяин заговорил:

– Вам нужно поставить «Орфея в аду». На оперетке вы наживёте не сотни, а тысячи...

– Так-то оно так, но постановка «Орфея» сопряжена с громадными издержками, которые при настоящем положении легко могут не окупиться.

– Вздор! Всегда окупятся...

– Да, наконец, и труппа у меня не такова, чтобы стала разыгрывать такие сложные вещи, как оперетка...

– Я уже распределил роли, и все они прекрасно расходятся: жену Орфея должна играть Зорина, общественное мнение – Запольская, Амура – их маленькая сестрёнка, Юпитера – вы, а Ваньку Стикса изобразит Вася, – сказал Минаев, указывая на Андреева. – Он давно порывается попробовать себя на сцене.

Так, почти дуриком, и состоялся андреевский дебют...

Евгений РУДАШЕВСКИЙ (р. 1987)

20 июля. 35 лет исполняется писателю, журналисту Евгению Всеволодовичу Рудашевскому (р. 20.07.1987, г. Москва). Окончил Московский университет печати им. Ивана Фёдорова (2014). Автор книг «Особняк Дениса Давыдова» (2012), «На-маскар: здравствуй и прощай» (2013), «Здравствуй, брат мой Бзоу!» (2015), «Ворон» (2017), «Сумеречный город» (2017), «Старая дорога» (2018), «Забутые руины» (2019) и др. Побывал в Ульяновске 15-16 сентября 2016 года на Международном культурном форуме; провёл творческую встречу с читателями библиотеки для детей и юношества им. С.Т. Аксакова. Лауреат Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру» (2015).

ВОРОН (отрывок из повести)

На таёжной прогалине было по-зимнему тихо. Лес, скованный холодом и белоснежным однообразием, дремал.

Стоявшее тут зимовье казалось заброшенным. С наветренной стены его привалило сугробами, снежная шапка укрыла под собой низкую двускатную крышу. Ни тропинок, ни следов поблизости не было. Лесные зверьки держались в стороне от охотничьего дома, знали, что поживиться здесь нечем.

Тайга бы так до весны и лежала в прозрачных, как байкальский лёд, снах, но вёдренным декабрьским утром её разбудил горячий маслянистый грохот – в километре от прогалины, у полосы густого перелеска остановился вездеход «Урал».

Из машины, будто снежные глыбы, выскользнули четыре охотника в белых накидках. За ними нырнула лайка. Когда притих бормочущий мотор, стали слышны голоса людей и задорный лай собаки.

Охотники после долгой поездки с улыбкой разминали ноги, шурились холодному, но яркому солнцу. Им предстояло сделать несколько ходок до зимовья, на санках перевезти всё заготовленное к промыслу.

– В такую погоду, если пойдёшь в кусты, долго там не думай. Потом будешь, как Снежная королева, с ледяным задом ходить. Тут нужна оперативность, как в Генштабе. Спустил штаны – грохнул из дустволки и зачехляй, пока не отмёрзло! – смеялся Артёмыч, бросая Диме очередной тюк.

Юноша улыбался в ответ. Ему нравился Артёмыч – невысокий, поджарый мужичок. Его бугристое, свежевспаханное лицо, улыбка тёмных зубов и сам взгляд выдавали сельское происхождение. С таким лицом Артёмыч не смог бы притвориться городским, даже если б вздумал натянуть костюм с галстуком и лакированные ботинки, а это с ним случилось лишь дважды: на собственной свадьбе и на отцовских похоронах. С тех пор костюм лежал в глубине антресолей, рядом с коньками «Хаген» и набором лото. На лбу Артёмыча, словно выпавшая прядь волос, виднелся уголок шрама.

– Подарок от соседа, – объяснил охотник, когда Дима впервые увидел шрам. – Тебе сколько?

– Чего?

– Лет, чего!

– Четырнадцать.

– Вот и мне так же было, когда сосед тяпнул по дружбе. Серпом. И это хорошо, что не топором! – Артёмыч, рассмеявшись, хлопнул юношу по плечу.

Дима вздохнул. Он стыдился, что на его теле нет шрамов. Даже самых маленьких. Засечки на коленках не в счёт. Дима был уверен, что у настоящего охотника должно быть много шрамов. Он бы не удивился, узнав, что у его дяди, Николая Николаевича, где-нибудь на спине или груди таятся волчьи или даже медвежьи отметины.

«Вот бы и мне такие, – думал Дима. – А лучше на лице, чтобы все видели. Меня бы спрашивали, а я бы спокойно отвечал, что это загнанный волк, вожак стаи, бросился на меня. Подарил пару шрамов, а в ответ получил нож – в самое сердце. Да...»

– Ну? Чего спишь? – Николай Николаевич подтолкнул племянника, застывшего с тюком в руках. – Давай дальше.

Оживившись, Дима заторопился к санкам. Пока Николай Николаевич, Артёмыч и Витя перебрасывали тюки к зимовью, Дима и водитель вездехода разгружали кузов.

Из последней ходки пришёл только Николай Николаевич – забрать оставшиеся вещи и племянника. Молча простился с водителем. Тот должен был в конце месяца вернуться за охотниками.

Дима встал на лыжи – широкие, с загнутыми носами, набросил на плечи рюкзак и, тяжёлым скольжением продавливая снег, отправился вслед за дядей.

«Урал» с недолгим шумом уехал по свежей колее. На тайгу вновь опустилась тишина, но теперь в ней не было ни прозрачности, ни вольности. Она стала колючей, затаённой.

Юноша едва поспевал за Николаем Николаевичем. Тот шёл не оглядываясь. Поблизости суетилась Тамга – его охотничья лайка. Она перебежала от кустов к лиственнице, всматривалась в кроны деревьев, принимавалась к заснеженным корням, готовая выследить соболя уже сейчас, не дожидаясь команды от хозяина...

Давид БУРЛЮК (1882–1967)

21 июля. 140 лет назад родился поэт и художник Давид Давидович Бурлюк (21.07.1882, хутор Семиротовщина, ныне Сумской обл. Украины – 15.01.1967, г. Саутгемптон, штат Нью-Йорк, США). В 1898–1899 годах жил на хуторе Линёвка под Симбирском (ныне деревня в Ульяновском р-не Ульяновской обл.), где его отец переживал трудные времена у друга Никифора Еленевского, управляющего имениями графини М.И. Остен-Сакен; на берегу Волги рисовал свои первые этюды. В 1912 году женился на дочери управляющего Марии Еленевской. Автор поэм «Толстой» и «Горький» (1929), книги «Энтелехизм» (1930), сборников стихов «Лысеющий хвост» (1919) и «1/2 века» (1932), повести «Филонов» (2017) и др.

ОТРЫВОК

Я занимался слишком долго
Твоими отмелями, Волга.
Одной из, тяжких в омут, гирь –
Был сердцу старый монастырь.
Теперь я дряхл, годами сед.
В гробу лежит, засох сосед,
Но прежней злобе не истлеть –
Не истрепать отмщенья плеть:
Неумолимее червя –
Навек – злопамятность моя!

Упало солнце кровь заката.
Восторгам дня нет, нет возврата!
Лишь облаков вечернедым
Восходит клубом голубым.
И если смертный отойдёт,
Над ним вновь солнце не взойдёт –
Лишь туча саваном седым
Повиснет небесах над ним.

Немая ночь, людей не слышно.
В пространствах – царствие зимы.
Здесь вьюга намечает пышно
Гробницы белые среди тьмы.
Где фонари, где с лязгом шумным
Змеей скользнули поезда,
Твой взгляд казался камнем лунным,

Ночей падучая звезда.
Как глубоко под чёрным снегом
Прекрасный труп похоронён.
Пожри просторы шумным бегом,
Затмивши паром небосклон.

Со звоном слетели проклятья,
Разбитые ринулись вниз.
Раскрыл притуплённо объятья,
Виском угодил о карниз.
Смеялась над мной колокольня,
Внизу собирался народ.
Старушка – горбом богомольна.
Острил изловчась идиот.
Чиновник лежал неподвижно.
Стекланными были глаза.
Из бойни безжалостноближней
Кот рану кровавый лизал.

САДОВНИК

Изотлевший позвончик,
Рот сухой и глаз прямой,
Продавец лучей – цветочник
Вечно праведный весной.

Каждый луч – и взял монету,
Острый блеск и чёрный креп
Вечно шурил глаз ко свету,
Всё же был и сух и слеп!

Владимир ШАПРОН ДЮ ЛАРРЕ (1882–1947?)

22 июля. 140 лет назад родился симбирский дворянин, мемуарист Владимир Генрихович Шапрон дю Ларре (22.07.1882, Швейцария – не ранее 1947, там же). Сын преподавателя французского языка Симбирского кадетского корпуса. Жил в Симбирске на ул. Московской; лето проводил в имениях в с. Чертановка Сенгилеевского у. Симбирской губ. (ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл.) и в с. Архангельское-Репьёвка, д. Юрманка и хуторе Лощина Ставропольского у. Самарской губ. (ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл). Автор мемуаров «Воспоминания о России. 1917–1923»; написаны в двух томах на французском языке, изданы в 2008–2009 гг. во Франции; в 2016-м переведены на русский язык.

О ВЫЕЗДЕ ИЗ ПЕТРОГРАДА В 1917 ГОДУ (отрывок из воспоминаний)

На следующий день я встал раньше генерала Алексеева и отправился умываться. Каков был мой ужас, когда ко мне подошёл проводник вагона и сказал: «Не нужно ли будет генералу Алексееву чайку принести со следующей станции?». Быстро опомнясь, я начал убеждать проводника в заблуждении. Он долго слушал и потом сказал: «Меня Вы не разубедите, но будьте спокойны, разве я не понимаю?». Я ему сунул 50 рублей, записал его имя и адрес и обещал ему быть полезным в будущем. Но поделившись с Н.П. Щетининой и Веденяпиным, мы были далеко не спокойны на этот счёт, пока не миновали Москвы, пункта вообще опасного для нас и наиболее выгодного для использования проводником. До приезда в Москву нам предстояла задача объявить генералу Алексееву, что он едет не в Смоленск, как он думал, но с нами в Ростов. Сначала генерал был непреклонен и заявил, что он просто в Москве слезет с поезда, и только долгие убеждения в том, что весь Смоленск его знает, что его тотчас арестуют, что он рискует больше никогда не увидеть семью, причинит своей семье больше горя своим приездом, чем он может ожидать, что лучше, приехавши в Новочеркасск, там ориентироваться, списаться и тогда уже принять решение.

Наконец убедили генерала, решившего ехать на Дон под условием пробыть там несколько дней и с дальнейшей нашей помощью ехать потом в Смоленск. В Москву мы приехали значительно позже всяких расписаний, но по справедливости, если свобода была символом веры России, доходя до самых уродливых форм в её проявлении, то почему же поезд не был свободен в выборе времени прибытия? Нас этот вопрос, конечно, волновал не с этой стороны. Нам был важен вопрос, как мы проедем Москву, а не когда. В Москве поезд пробыл около часу, но так как он за это время был на двух вокзалах и некоторое время ушло на пересадку с одного на другой вокзал, то срок опасного пребывания в Москве сократился. Генерал Алексеев в качестве больного лежал раздетый на верхнем месте в запертом купе, со спущенной занавеской.

Вокзалы представляли редко запущенный и грязный вид. При сравнительно незначительном количестве народа на них бросался в глаза громадный процент матросов. Они были почти все с шашками, при револьверах, а некоторые и с винтовками. Отпечаток какой-то озлобленности придавал им отвратительно зверский вид. Все наши страхи и опасения за Москву, благодаря Богу, оказались напрасными, и мы без всяких неприятностей и

инцидентов благополучно пробыли в ней положенный срок, около часу, и так же благополучно пустились в дальнейший путь.

По дороге из Москвы к Курску на одной из небольших станций я, напомнив генералу его обещание не покидать купе, пошёл купить яблок, которыми почему-то изобиловали корзины торговки. При возвращении при входе в коридор нашего вагона я был неприятно поражён следующей сценой: наш вагон состоял из первого и второго классов, разделённых между собою дверью, настезь открытой. Из апартаментов коридора второго класса, зорко устремив взгляд через большие очки, вытянув шею почти параллельно горизонту, совсем как хорошая собака на стойке, положительно крадучись, медленно подвигалась фигура выше среднего роста старика, совершенно седого, к стоящему около окна коридора первого класса генералу. Последний в это время таким же медленным темпом отворачивался от подходящего, и отвернув от него совершенно лицо, загородил его раскрытой рукой. Но в это время незнакомая фигура стояла вплотную к генералу и радостно-вопросительным тоном громко вопрошала: «Михаил Васильевич, это Вы, как я рад...». «Я, я не Михаил Васильевич и не генерал, я теперь, я... сейчас скажу, посмотрю...» – отвечал совсем растерянный Алексей, уходя в своё купе и запирая за собой дверь. Я бросился к оставшемуся в полном недоумении незнакомцу и спросил его, что ему нужно и кто он такой. Бедный старик в свою очередь страшно испугался и окончательно растерялся. В дальнейшем выяснилось, что это генерал Генерального штаба (к сожалению, фамилии не помню), который под чужой фамилией уезжает от большевиков. Едучи полтора суток, боясь каждого встречного, он как родному обрадовался Алексееву и совсем забыл и своё положение, и то, что так губительно могло отозваться на генерале то, что он только что сделал.

Подъезжая к Курску, я, напомнив генералу его обещание не покидать купе, пошёл со Щетининой и Веденяпиным купить пищи для нашего обыденного общего ужина. Быстро проделав все закупки, мы возвратились в вагон. Торопились мы потому, что никто и никогда по тому времени не мог угадать капризного и непостоянного желания поезда о времени его отхода. Каково же наше было удивление, когда в вагоне не оказалось генерала...

Александр ДЮМА (1802–1870)

24 июля. 220 лет со дня рождения французского писателя Александра Дюма (24.07.1802, Виллер-Котре, департамент Эн, Франция – 05.12.1870, Пюи, департамент Нижняя Сена, Франция). Автор романов «Три мушкетёра» (1844), «Двадцать лет спустя» (1845), «Королева Марго» (1845), «Граф Монте-Кристо» (1846), «Графиня де Монсоро» (1846), «Сорок пять» (1848), «Виконт де Бражелон» (1850) и др. Осенью 1858 года путешествовал на пароходе по Волге от Калязина до Астрахани; в ночь с 5 на 6 октября проплыл мимо Симбирска. Позже в книге «Из Парижа в Астрахань» (1862) отмечал: «Симбирск, главный город губернии того же названия, первый более-менее значительный город, что встречается в 50 лье от Казани...».

ИЗ ПАРИЖА В АСТРАХАНЬ (отрывок из книги)

Мы сказали, что Волга берёт начало в Тверской губернии. Добавим, что она берёт это начало в окрестностях Осташкова. Поскольку Россия – всего лишь обширная равнина, то 400 вёрст Волги являют собой её долгое колебание в выборе направления. Покидая Тверь, она направляется с севера на юг. Через 200 километров резко поворачивает на северо-восток. От центра Ярославской губернии катит воды к востоку, склоняясь, напротив, к югу. Таким вот образом она делает почти 1000 километров, обходя пешком Ярославль, Кострому и Нижний Новгород. В Казани снова меняет направление и, описав северную дугу, устремляется прямо на юг – на 1200 километров. На входе в Астраханскую губернию она ещё раз меняет курс и отклоняется на юго-восток, пока не впадает в Каспийское море.

Мы заметили отклонение, оживляясь. Солнце, что всегда было напротив или около того, теперь находилось слева от нас. Между прочим, поднимаясь на палубу, мы открыли великолепный вид; мы находились в том месте фарватера, где на большой скорости, из Сибири, Кама вливается в Волгу и изменяет цвет воды. Кроме этого, спеша из более холодного края, она была покрыта заснеженными льдинами, которые издали казались стаей лебедей.

Кама, известно, берёт начало в Уральских горах; её течение более уверенное и упорядоченное, нежели течение Волги, на ней нет мелей; она рыбная сверх меры; там можно встретить всех рыб других русских рек: севрюгу, осетра, форель, судака, белугу, иногда весящую 1400 фунтов, и сома – неизвестную у нас рыбу, которая водится в Волге и Днепре и которую нельзя продавать без осмотра, потому что у неё, как у акулы, часто находят человеческие останки.

Приняв Каму, река Волга становится шире, и появляются острова; левый берег остаётся низким, тогда как правый, неровный, начиная от Нижнего, поднимается до высоты 400 футов; он сложен из горшечной глины, аспида (кровельных сланцев), известняков и песчаников без единой скалы.

Симбирск, главный город губернии того же названия, – первый более-менее значительный город, что встречается в 50 лье от Казани.

Что особенно поражает и больше всего печалит в России, так это запустение. Сознаёшь, что земля

могла бы прокормить население в 10 раз большее, чем то, которое она имеет; и вместе с тем Волга, самая большая артерия России, единственный путь, связывающий Балтику с Каспием, привлекает на свои берега больше людей, чем любая другая река.

Достигая Ставрополя, река делает большую петлю в сторону Самары и потом возвращается к себе у Сызрани.

Мы прошли мимо Симбирска и Самары ночью; «Нахимов», более отважный, нежели пароход, который доставил нас в Нижний, шёл ночью, как днём; капитан чистосердечно признался, что раз уж коснулись первого дня октября, он опасается быть остановленным льдами. Всякий раз, когда «Нахимов» останавливался, чтобы купить дров, мы сходили на берег, но края, меняя названия, были безвариантно те же. Всегда деревянные избы, населённые крестьянами в красных рубахах и тулупах. На всех стоянках находили для покупки и превосходную рыбу. Стерлядь, что продаётся на вес золота в Москве и, особенно, в Санкт-Петербурге, стоила нам по 3-4 копейки за фунт. Ознакомление с этой рыбой, к мякоти которой русские относятся, на мой взгляд, с излишним фанатизмом, я закончил, заподозрив, что стерлядь вовсе не отдельный вид, а происходит от клади осетра, проходящего через заграждения Астрахани и поднимающегося по реке, надуманное племя. При первом же слове, когда я отважился высказаться на этот счёт, мне рассмеялись в лицо; русские не хотят допустить даже мысли, что провидение не создало отдельного вида для удовольствия вкуса во дворцах гурманов Севера. Тогда вот чем смею заверить гурманов Юга и Запада: в день, когда рыбное хозяйство окажет честь осетру, заняться им и выводить его молодь, стерлядь появится у нас в Сене и Луаре.

Между Ставрополем и Самарой увидели высящийся на левом берегу массивный холм, имеющий форму голландского сыра; его называют Царской горой, потому что Иван Грозный, завоевав Казань, спустился вниз по Волге и велел подать обед на его вершину. Город, что виден вдаль, с куполами, подобными огромным буграм земли, нарытым кротами, называется городом Короля [Царицын]; несомненно, потому что Иван там останавливался...

Геннадий АНТОНОВ (р. 1952)

26 июля. 70-летний юбилей отмечает литератор, пушкиновед Геннадий Николаевич Антонов (р. 26.07.1952, с. Володарское Кокчетавской обл. Казахской ССР, ныне с. Саумалколь Северо-Казахстанской обл. Казахстана). Окончил Военно-морскую академию (1981); с 1994-го был здесь начальником кафедры ракетного оружия; контр-адмирал (1994). С 2005 года главный конструктор морского бюро машиностроения «Малахит» в С.-Петербурге. Автор более 30 работ в области пушкиноведения; книг «Пушкин и флот» (2006), «Морские рисунки в графике Пушкина» (2010). Был почётным гостем музея «Усадьба Языковых» в посёлке Языково Карсунского р-на Ульяновской обл. Живёт в городе Гатчина Ленинградской обл.

Аполлон ГРИГОРЬЕВ (1822–1864)

28 июля. 200 лет назад родился литературный критик, поэт, переводчик Аполлон Александрович Григорьев (28.07.1822, г. Москва, – 07.10.1864, г. С.-Петербург). Окончил Московский университет (1842). В 1861–1862 гг. трудился в Оренбурге учителем русского языка и словесности; добирался до него на пароходе по Волге через Тверь, Казань и Самару; по пути туда и обратно бывал проездом в Симбирской губ. О поездке упомянул в поэме «Вверх по Волге» (1862). Автор циклов стихов «Старые песни, старые сказки» (1846), «Борьба» (1857), «Титании» (1957); поэм «Олимпий Радин» (1845), «Встреча» (1846), «Предсмертная исповедь» (1846); пьес «Отец и сын» (1846), «Басурман» (1849) и др.

ЖЕНЩИНА

Вся сетью лжи причудливого сна
Таинственно опутана она,
И, может быть, мирятся в ней одной
Добро и зло, тревога и покой...
И пусть при ней душа всегда полна
Сомнением мучительным и злым –
Зачем и кем так лживо создана
Она, дитя причудливого сна?
Но в этот сон так верить мы хотим,
Как никогда не верим в бытие...
Волшебный круг, опутавший её,
Нам странно-чужд порою, а порою
Знакомою из детства стариной
На душу веет... Детской простотой
Порою полны слова её, и тих,
И нежен взгляд, – но было б верить в них
Безумием... Нежданный хлад речей
Неверием обманутых страстей
За ними вслед так странно изумит,
Что душу вновь сомнение посетит:
Зачем и кем так лживо создана
Она, дитя причудливого сна?

Прощай, прощай! О, если б знала ты,
Как тяжело, как страшно это слово...
От муки разорваться грудь готова,
А в голове больной бунтуют снова
Одна другой безумнее мечты.

Я гнал их прочь, обуздывая властью
Моей любви глубокой и святой;
В борьбу и в долг я верил, веря счастьем;
Из тьмы греха исторгнут чистой страстью,
Я был царём над ней и над собой.

Я, мучаясь, ревнуя и пылая,
С тобою был спокоен, чист и тих,
Я был с тобою свят, моя святая!
Я не роптал – главу во прах склоняя,
Я горько плакал о грехах своих.

Прощай! прощай!.. Вновь осуждён узнать я
На тяжкой жизни тяжкую печать
Не смытого раскаяньем проклятья...
Но, испытавший сердцем благодать, я
Теперь иду безропотно страдать.

За Вами я слежу давно
С горячим, искренним участием,
И верю: будет Вам дано
Не многим ведомое счастье.
Лишь сохраните, я молю,
Всю чистоту души прекрасной
И взгляд на жизнь простой и ясный,
Всё то, за что я Вас люблю!

Рашит ИБРАГИМОВ (р. 1927)

28 июля. 95 лет со дня рождения татарского писателя Рашита Абдрахмановича Ибрагимовича (р. 28.07.1927, с. Елховое Озеро Ульяновского у. Ульяновской губ., ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Участвовал в строительстве железной дороги Ульяновск – Свяжск. Окончил Ульяновское железнодорожное училище, Бугурусланское лётное училище гражданской авиации (1953). Работал в Казани пилотом гражданской авиации. Автор сборников рассказов для детей «Серебряные крылья» (1971), «Путешествие в дальние страны» (1990), «Крылатым – голубое небо» (1995), «Орлы не боятся скал» (2007) и др. Многие произведения автобиографичны. Заслуженный работник культуры РТ (1994).

КТО НЕ ПАДАЛ, ТОТ НЕ ЛЕТАЛ (отрывок из воспоминаний)

Я начал летать на этом типе самолёта одним из первых и закончил последним в августе 1979 года. При общем налёте восемнадцать тысяч часов на «Ту-124» налетал десять тысяч, поэтому есть что вспомнить и о чём рассказать.

У любого из тех, кто много летал, случались какие-нибудь ЧП. Главное, как сказано в наставлении для пилотов гражданской авиации, быть всегда начеку и умело выходить из аварийной ситуации, приняв единственно правильное решение. У меня аварийных ситуаций было немало: загорание генератора на взлёте, посадка при неисправном шасси, отказ указателя скорости и пилотажных приборов при слепом полёте в облаках, треснутое лобовое стекло на высоте девять километров... Да разве все случаи за тридцать лет работы в небе сразу вспомнишь?

Но вот некоторые, наверное, никогда не забудутся. В 60-е годы «Аэрофлот» начал летать на скоростных пассажирских лайнерах, имевших обзорный радиолокатор и штурмана, разбиравшегося в вопросах метеообстановки при слепых полётах. Казалось бы, лётчики должны были вздохнуть с облегчением, имея на борту таких помощников, заодно снимавших с них некоторую ответственность. Но это оказалось не совсем так. Недублированный прибор в случае его отказа равносителен слепому человеку, потерявшему свои очки.

Выполняя на «Ту-124» очередной рейс из Казани в Симферополь 27 июля 1966 года, мы произвели плановую посадку в промежуточном аэропорту. Небо харьковской авиазоны было чистым, нигде ни единого облачка. Но через полтора часа после того, как мы вновь взлетели, воздушная обстановка резко изменилась. Внезапно возникшие откуда-то тучи сгустились с каждой минутой. Очевидно, этому способствовала сильная июльская жара. Харьковские синоптики сообщили нам, что метеообстановка в этом районе грозу не предвещала, было лишь только грозное положение, а эти два понятия – вещи разные. Ещё в самом начале набора высоты отказал наш бортовой локатор. Пока штурман выяснял причину, я уже докладывал диспетчеру подхода о том, что мы заняли заданный нам эшелон, и попросил разрешения перейти на канал маршрутного диспетчера.

– Полёт в облаках происходит нормально, но временами сильно потряхивает, – говорю ему.

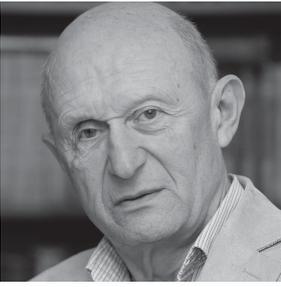
Вскоре на лобовом стекле стали появляться

белые полоски инея, затем начали мелькать микромолнии на остроконечных выступах металлической рамы остекления кабины. Вокруг нас потемнело, как ночью в погребе, послышалась барабанная дробь мелкого града по обшивке самолета. Затем все эти явления начали усиливаться, и наш лайнер побежал «по ухабам». Только успел я спросить у штурмана, что там с локатором, как вдруг самолёт будто натолкнулся на невидимое препятствие, одновременно снизу послышался удар по фюзеляжу словно гигантской кувалдой. Какая-то неведомая сила потянула самолёт вверх. Я это заметил по резкому отклонению стрелки вариометра, затем она зашкалила совсем. Меня сильно прижало к сиденью. Встав едва ли не на дыбы, самолёт будто на мгновение затормозил, затем резко клюнул носом. Я повис на привязных ремнях, ноги оторвались от педалей. Нас потащило вниз, как спичечный коробок в водовороте. Показания пилотажных приборов было невозможно читать, а без них определить положение самолёта в слепом полёте никак нельзя. Штурвал, который я держал мёртвой хваткой, меня совершенно не слушался и ходил ходуном по всем направлениям, словно отцепился от руля управления. Освещая чёрное небо, беспрерывно сверкали молнии. Сквозь шум двигателей, кажется, слышались громовые раскаты. Самолёт продолжало лихорадочно трясти.

И тут вспомнилось. В своё время нам читали секретный приказ под расписку, как в казанской авиазоне под Канашом потерпел катастрофу «Ту-104», летевший из Свердловска в Москву под управлением командира корабля Николая Кузнецова, которого я знал по школе высшей лётной подготовки. В самый критический момент вспомнилось: он погиб в подобной ситуации. «Вот и мне конец», – промелькнуло в голове. Ещё несколько секунд и... Жаль, много людей со мной. Говорят, на пороге смерти у человека перед взором может предстать вся его жизнь – я подумал только про сына, который должен был скоро появиться на свет...

Но вот ещё несколько сумрачных мгновений – и снаружи промелькнуло какое-то просветление, а вскоре на приборной доске заиграли солнечные зайчики. Таким оказалось наше спасение – разбушевавшаяся стихия сама выбросила нас из грозового облака.

Александр МЕЛИХОВ (р. 1947)

29 июля. 75-летний юбилей отмечает писатель, литературный критик Александр Мотелевич Мелихов (р. 29.07.1947, г. Россошь Воронежской обл.). Окончил Ленинградский университет (1969). Живёт в С.-Петербурге. Член Союза российских писателей. Заместитель главного редактора журнала «Нева». Автор книг прозы «Провинциал» (1986), «Весы для добра» (1989), «Чума» (2003), «Любовь-убийца» (2008), «Интернационал дураков» (2010), «Каменное братство» (2014) и др. Лауреат Набоковской премии (1993), премии им. Н.В. Гоголя (2017); победитель лермонтовского конкурса «Белеет парус одинокий» (2014). Был гостем «Карамзинских вечеров» во Дворце книги Ульяновска 12 декабря 2012 года.

ЧУМА (отрывок из романа)

Пожалуй, лишь в террариуме не было ничего человеческого. Хотя нет: медленно струящиеся змеи что-то определённо давали знать – держи, мол, ухо остро, – только не понять, насчёт чего это они. Единственным, кто ни на что не намекал, а просто лежал себе да лежал бревном, был аллигатор – бугристый, как чудовищно разросшийся одичавший огурец. Из двух болотных наростов поблёскивали ничего не выражавшие глаза – перламутровым огнём отражали свет лампы и больше ничего. Пасть была прорезана неровно, крючковатые зубы натканы как попало, но нижний край челюсти был очень точно подогнан к верхнему. «Как неживой...» – через минуту выразил кто-то общую озадаченность, и Юрка начал стучать по стеклу, делать пальцами: «Фрр! Фрр!» – изображая, быть может, взлетающих птиц, но аллигатор не реагировал никак. «Может, он дохлый?» – неизвестно кому задал Юрка нарастающий общий вопрос, и вдруг перламутровый глаз затянулся медленной плёнкой, а потом снова засиял, неживой из неживого. У котёнка абсолютно другие глаза...

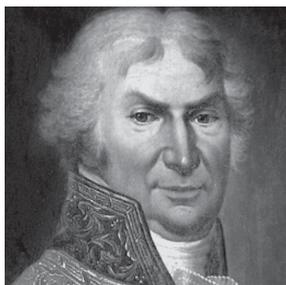
Юрка вновь принялся стучать, мяукать, лаять, но аллигатор, по-видимому, когда-то уже успел убедиться, что стекло не прошибёшь, и теперь не желал совершать бесполезных движений. Вроде бы разумно. Но ведь и собака отлично знает, что цепь не разорвёшь, забор не перепрыгнешь, – однако попробуй её подразни – она хрипом, пеной изойдёт, но будет всё кидаться и кидаться. Что ж она, глупее аллигатора? Да нет, конечно, – просто в ней есть что-то человеческое, а в нём НИЧЕГО. Это был идеальный образ утилитаризма, сформулировал бы Витя, если бы имел склонность к философствованиям.

Аллигатор вовсе не был неповоротливым флегматиком, Витя сам видел в каком-то киножурнале, как аллигатор пузатой лапчатой торпедой вылетал метра на два из воды и ухватывал поперёк живота нежную косулю, которая в миллиард раз умнее, роскошнее и красивее его, и, взбивая воду своим страшным бугристым хвостом, вращал бьющуюся бедняжку, выкручивая из её трепещущего бока аппетитный кусище... Да аппетитный ли? Для него ведь наверняка существует лишь съедобное и несъедобное!..

Эрмитаж после аллигатора большого впечатления уже не произвёл. Что говорить, Зимний дворец одной только пышностью сводов способен ошарашить неподготовленного зрителя, но Витя в пятилетнем возрасте успел повидать станцию московского метро «Комсомольская-кольцевая», когда они

ездили к маме на родину в Воронежскую область, и так был поражён пышностью лепнины и золотом мозаик, что все последующие архитектурные прекрасности представлялись ему лишь слабым эхом. Но голые статуи Витю все же смущали. «Смотри, колбаска!» – показал пальцем Юрка одной из девочек, и она, вспыхнув, ответила: «Дурак». «Ну-ка, ну-ка, кто там такой умный?..» – грозно вытянула шею классная руководительница, заранее, впрочем, отыскивая взглядом Юрку. Но пожилая тяжёлая экскурсоводша, от сострадания впадающая в елейность, растолковала бедным детям, что древние художники стремились изображать человека во всей его красоте, и Витя с готовностью принял эту версию: что же взять с первобытных людей! Правда, притворяться ещё и восхищёнными – это, пожалуй, уже чрезмерное великодушие...

Тем не менее в целом Витя был очень далёк от того, чтобы уподобить жителей самого культурного города страны ужасному хладнокровному, – однако сам город вёл себя в точности как аллигатор: тупыми зубищами многоэтажек он перемалывал всё живое между собой и беззащитной Бебелей, и даже гордые трубы «Авроры» теперь извергали свой великолепный дым из-за каких-то тупых коробок. Город уже втянул в себя и переварил Сашку Бабкина – подманил отцовским «повышением» и проглотил: Витя тогда впервые услышал от Сашки слово «престижный». Но до Сашкиного «престижного района» пришлось два часа греметь и замерзать в трамваях с передышкой на презрительную давку в метро, а затем бродить среди кирпичных башен, запутавшихся в сосновом редколесье; Сашка же встретил его скудно, почти не скрывал, что ему не до Вити, то и дело звонил по телефону с таким видом, будто ему это раз плюнуть, водил по квартире, в которой главная красота – благородных цветов собрания сочинений – терялась в пустынных пространствах, и то, что отец в воскресенье был на работе, говорило, оказывается, не просто о сверхурочных, но об особом доверии каких-то верхов – номенклатура есть номенклатура, небрежно пожал плечиками Сашка, намеренно пояснив и так вроде бы понятное непонятым словом, и принялся рассказывать, что Москва строит против Ленинграда некие козни, однако Сашкин папа написал какую-то настолько хитроумную докладную записку, что Толстикова... Сашка произнёс и это имя так, словно Витя непременно должен был его знать, хотя ему было прекрасно известно, что у них в Бебеле ни о каком Толстикове никто и слыхом не слыхивал.

Дмитрий ХВОСТОВ (1757–1835)

30 июля. 265 лет назад родился поэт, переводчик, драматург Дмитрий Иванович Хвостов (30.07.1757, г. С.-Петербург – 03.11.1835, там же). В 1789 году женился на племяннице полководца А.В. Суворова княжне А.И. Горчаковой; стал владельцем её имения в с. Большое Талызино Ардатовского у. Симбирской губ. (ныне с. Торговое Талызино Сеченовского р-на Нижегородской обл.). В 1818-м был избран дворянством Симбирской губернии на три года «членом Государственного Совета по кредитной части». Автор оды «Бог» (1799), сатиры «К разуму» (1820), стихотворений «Ивану Ивановичу Дмитриеву» (1803), «Письмо о красоте русского языка» (1804), «Послание к Стамбулову» (1813), «Русские мореходцы» (1823) и др.

НА САМОГО СЕБЯ

Поэт, который век с Пегасом обходился
И в рифмах возглашал земель дальнейших весть,
Сорокалетний, он, желав на лошадь сесть,
Садясь, не совладал и – до смерти убилися.

1797

ПРОПОВЕДНИК ПИФАГОРА

Самопозалован мудрец,
Который всех наук начало и конец
С собой на языке всечасно носит,
И слушать только просит;
Всегда кричать готов,
Что Пифагор великий философ,
И вопрошает всех: какое знатно слово
Так славно мудрецу даёт величье ново;
Каким он правилом заставил отличать
Себя? В ответ ему: умей молчать.

1812

ПТИЦЫ – ЗАКОНОПОЛОЖИТЕЛИ

Задумал птичий род вновь сделать уложение,
На что вельможи, знать, к чему полезен трон?
Все птицы собрались дел знатных в уваженье,
Хотели издавать закон.
Разумные разумно предлагали,
А птицы-крикуны их толк опровергали;
Вороны каркали: на что орлы
И соколы?

Они горды и злы.

Дела свои решить мы и без них умеем,
И птиц-разбойников казнить мы смеем.
Воронам коршун так: пускай, закон
Извольте утверждать, как вам угодно,
Свободно;
Но толковать закон,
Ни к делу допускать нельзя ворон.

1812

Когда зимы между коврами
Отрадные повеют сны,
Проталинка перед глазами
Вещает языком весны.
Прошедшего остаток лета
Ещё и в зелень не одета,
Под снегом травка лишь мелькнёт -
Явленье Флоры величаю,
Невольню, при восторге, чаю,
Что зяблик на кустах поёт.
Лети на крыльях зефира,
Весна, Петрополя в предел;
Вещай, греми, золотая лира,
Пиры и пляски русских сел.
Там лодка ждёт струистой влаги,
Из хлева вол через овраги
Спешит быстро на свежий луг.
Я сам весною согреваюсь,
Лучами солнца озаряюсь,
Спешу гулять, когда досуг.

1827

Марк ВАЛКИН (1922–2012)

31 июля. 100 лет со дня рождения краеведа Марка Харитоновича Валкина (31.07.1922, д. Кожуховичи, ныне Хиславичского р-на Смоленской обл. – 18.11.2012, г. Ульяновск). Окончил Казанский государственный университет (1948). Работал директором Ульяновского краеведческого музея им. И.А. Гончарова (1950–1982), зав. сектором музеефикации заповедника «Родина В.И. Ленина» (1986–1994). Автор изданий «Александр Сергеевич Бутурлин» (1961), «Из моей жизни» (1994), «Краеведческие заметки» (1998), «Забавное и грустное» (1999), «Тайна великого писателя (И.А. Гончаров и А.К. Трейгунт)» (2006), «Из записок старого музейщика» (2010) и др. Заслуженный работник культуры РСФСР.

ИЗ ЗАПИСОК СТАРОГО МУЗЕЙЩИКА (отрывок из книги)

В сентябре 1950 года я приехал в Ульяновск и приступил к работе. Состояние музея было крайне тяжёлым. В нём практически не было экспозиций, хоть в какой-то мере соответствующих элементарным требованиям музейного дела. Например, в отделе дореволюционного прошлого экспонировались типовые наглядные пособия из альбома по истории СССР. Отдела по истории советского периода вообще не было. В отделе природы, в центре зала, на ковре, были представлены чучела волка и белого медведя. А по стенам, в книжных шкафах, были выставлены чучела птиц с указанием их названий на латыни. Между оконными рамами существовал своего рода живой уголок (ужи, лягушки и др.). В первые дни моей работы произошёл неприятный инцидент. Уж каким-то образом оказался на полу и пополз навстречу одной посетительнице. Та приняла его за змею. Музей огласился громкими криками. Пришлось «живой уголок» ликвидировать.

Штаты музея были мизерными. Всего имелось одиннадцать с половиной (!) единиц: директор, четыре научных сотрудника, лаборант, завхоз, счетовод, истопник, уборщица (полторы единицы) и сторож. Директор музея Пётр Иванович Краденов, учитель по профессии, был активным деятелем народного образования в 20–30-х годах прошлого века. Принял он музей в преклонном возрасте, здоровье у него было очень слабое. Имевшиеся в штате музея сотрудники, в основном пожилого возраста, по состоянию здоровья и квалификации были не в состоянии вести активную научно-творческую работу. Скажу несколько слов о каждом из них.

Владимир Николаевич Грен, дворянин по происхождению, бывший военный, имел среднее образование. Поступил он на работу в музей, освободившись из заключения. Это был человек очень нервный, временами даже впадавший в истерику. Василий Сергеевич Смирнов вёл себя странно, всего боялся. В своё время он окончил Варшавский университет. Пришёл в музей в пожилом возрасте, ему уже было за шестьдесят. Работала в отделе природы Зоя Ивановна Голенко, с высшим образованием, трудолюбивая, но без творческой жилки, очень замкнутая. Возможно, это объяснялось её плохим слухом. В отделе природы работал также Олег Вячеславович Рождественский, с незаконченным высшим образованием. Он хорошо знал птиц, было это у него

своего рода хобби. Но в связи с болезнью (шизофрения), он был всё же неполноценным работником и доставлял коллективу немало неприятностей...

На должности лаборанта числился Константин Андреевич Кабанов – сын известного учителя А.С. Кабанова. Он увлекался палеонтологией, был в этой науке человеком весьма компетентным. Появлялся в музее раз-два в неделю, на несколько часов. Остальное время он, как правило, собирал по правому берегу Волги материал для коллекции (в основном аммониты и белемниты). Жил он в отцовском доме с садом и цветником. Личную коллекцию Кабанов продал Палеонтологическому музею Московского университета. Для Ульяновского музея он собрал небольшую коллекцию образцов фауны мелового периода. В этом отношении можно его понять, ведь постоянных источников дохода у него не было. Между прочим, как рассказывал Константин Андреевич, во время войны его семья очень бедствовала. Он даже охотился на сусликов, как на «дичь».

Говоря о сотрудниках музея, надо иметь в виду, что их заработная плата была мизерной. Научные сотрудники получали 410 рублей, лаборант – 310. В известной мере, этим объясняется «своеобразный» состав штата музея.

Имея в виду необходимость «омоложения» коллектива и увеличения штата, тем не менее, начинать работать, решать неотложные задачи пришлось с этим коллективом. Конечно, это было не просто. До моего прихода в музей было «тихо, спокойно», а я потребовал энергичной работы. Нередко возникали конфликты. Приходилось их разрешать, учитывая характеры, индивидуальные особенности сотрудников.

Как я уже говорил выше, в музее фактически не было ни одной экспозиции, хоть в какой-то мере удовлетворявшей требованиям того времени. Поэтому, помимо вопросов, связанных с капитальным ремонтом крайне запущенного здания, нужно было решать, с чего начинать в экспозиционной и фондовой работе. Фонды музея находились в хаотическом состоянии. Размещались они в одной комнате подвального этажа. Поэтому прежде всего надо было провести их инвентаризацию и создать хотя бы элементарные условия для хранения вещевого и документального материала...

Владимир БАШАРИН (р. 1937)

31 июля. 85-летие отмечает поэт и художник Владимир Андреевич Башарин (р. 31.07.1937, с. Кремёнки Ульяновского р-на Куйбышевской обл., ныне в черте города Новоульяновска). Жил в Саратовской и Липецкой областях. Окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Преподавал на кафедре педагогики и психологии военного вуза; полковник запаса. Публиковался в коллективных сборниках в Таллине, Санкт-Петербурге, Москве; в антологии «Писатели Липецкого края» (2015). Автор сборников «Я приду к тебе с закатом» (2006), «На гребнях лихолетий» (2013); поэм «Мысли вслух», «Набег» и др. Член Общероссийского союза писателей «Воинское содружество» (2010). Живёт в городе Лебедянь Липецкой обл.

НОША

Благим подвигнутый советом,
Гонимый волею судьбы,
Ползу на «тачке» меж кюветом
И стенкой ветхой городьбы.

Домишки хилы и убоги,
К стене подпорка в три кола,
А на растерзанной дороге
Ноябрь рассыпал зеркала.

В их опрокинутом ненастье
Под ветром хлюпает доска,
Вокруг уныние, безвластье
И безысходная тоска.

Орут вороны, в заварушке
Стремясь удрать на вираже...
От фермы, крадучись, старушка
Бредёт с вязанкой по меже.

Скользят истёртые калоши,
Ища невидимый упор.
А от её запретной ноши
Волной плывёт немой укор.

На сердце тошно и противно,
Хоть домового выноси...
О, Боже, как всё примитивно
На неприкаянной Руси.

РОЖДЕСТВО

Ах, пуховые подушки
На заснеженном дворе,
Кольца, латки да рябушки
На берёзовой коре.

Снеговые полутени,
Охра, кобальт да рубин.
Среди розовых сплетений
Гроздьё неженских рябин.

Солнце, небо, снег да иней,
Блики жёлтых куполов,
И по бели, и по сини
Медь рябиновых стволов.

День истомой сердце ранит,
Только мне не до хвороб...
Так и тянет, так и манит
С маху кинуться в сугроб.

Кто докажет, что негоже
В Рождество озоровать,
На виду хмельных прохожих
Молодую целовать.

Свою несую по жизни веру,
Но кто, по времени гоня,
Прошил кометой мою сферу,
Тот стал частицею меня.

Когда сиреневую ранью
Или в вечерней сизой мгле
Сверкну то той, то этой гранью,
То ваша радуга во мне.

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

